

Завещание на любовь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Миранда Эдвардс

18+

Миранда Эдвардс

Завещание на любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70495945

SelfPub; 2024

Аннотация

Мерedit: "Мои деньги завещаны незнакомцу. Я завещана ему. Маркус Монтгомери – мужчина, ненавидящий мою семью, но именно ему дедушка поручил оберегать меня. Я стала разменной монетой в игре двух павших династий. Мой долг – закончить ее, иначе стану добычей одинокого горного волка". Маркус: "Ее родители сломали меня, и шрамы на теле напоминают об этом каждый чертов день. Но я хочу обладать ее телом, душой, хочу слиться в поцелуе и никогда не отпускать. Мои чувства – наваждение, и я не могу им поддаться. Конец нашей истории предрешён: либо меня вновь сломают, либо моя месть свершится. Знаю одно. В любом случае мне будет больно".

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	64
Глава 8	73
Глава 9	82
Глава 10	96
Глава 11	115
Глава 12	135
Глава 13	158
Глава 14	177
Глава 15	195
Глава 16	204
Глава 17	214
Глава 18	231
Глава 19	247
Глава 20	264
Глава 21	288
Глава 22	314
Глава 23	340

Глава 24	352
Глава 25	365
Глава 26	379
Глава 27	390
Глава 28	402
Глава 29	416
Глава 30	426
Глава 31	450
Эпилог	460
Благодарности от автора	468

Миранда Эдвардс

Завещание на любовь

Глава 1

Меридит

Свое совершеннолетие я представляла по-разному. В двенадцать лет думала, что проведу его с бабушкой и дедушкой на семейном празднике Ван дер Мееров с кучей сверстников из богатейших семей и с их родителями, обсуждающими бизнес и новые диковинки, купленные на закрытых аукционах искусства. У элиты всегда одинаковые темы для разговоров: крупные сделки, интересные полотна, крутые тачки и драгоценности. Они чопорные, холодные и скучные и невыносимо заносчивые. Мои бабушка и дедушка идеально вписывались в отличие от меня. Я всегда вела себя, как положено, идеально училась, чтобы они мною гордились. За мою прилежность меня всегда награждали: гаджеты последних моделей, дизайнерская одежда и отдых на самых лучших курортах мира.

В четырнадцать лет мои желания поменялись, тогда мне хотелось сбежать на необитаемый остров с друзьями. Прав-

да, у меня их не было. Мой активный подростковый период сопровождался неопишуемым гневом и бунтарством, поэтому тяжело было всем окружающим. В частной школе-пансионе в Массачусетсе учителя каждую неделю звонили бабушке, жалуясь на мое неподобающее поведение. Однажды я вырвала однокласснице прядь волос за то, что она назвала меня «железной челюстью» из-за брекетов, которые я носила в то время. Бабушка внёс крупную сумму, но не ругался. Наоборот, они с бабушкой смеялись целую неделю моего отстранения. Когда ярость прошла, мои любимые бабуля и дедуля погибли, и я обозлилась на весь мир. И хуже всего было то, что опека надо мной перешла к родителям.

Нет, я не ненавидела их. Я их не знала. А теперь никогда не узнаю.

Восемнадцать лет мне исполнилось год назад, и никакого праздника не было.

–Мисс Ван дер Меер? – откашливается адвокат, сидящий напротив.

Мистер Нолан протягивает мне набор бумажных платочков. Я хмурюсь. Зачем они мне? Ах, *мертвые родители*. Думаю, я должна плакать или хотя бы просто грустить. *Я должна чувствовать хоть что-то*. Месяц назад мне исполнилось девятнадцать, но я решила не приезжать домой из Англии, где я училась дополнительный год в бизнес-школе перед поступлением в университет, однако судьба распорядилась иначе и привела меня домой, выбрав очень жестокий

способ. Пожар в поместье Ван дер Мееров унес жизнь не только моих отца и матери, но и восьмерых служанок. Некоторые меняли мне подгузники, учили ходить, читать и рисовать, забинтовывали разбитые коленки и прикрывали меня, когда в тринадцать лет я впервые прокурила. Вот по ним я тоскую.

– Да, можете начинать, – говорю я и вытаскиваю один платочек из коробки, чтобы притвориться скорбящей дочерью.

Адвокат надевает очки на переносицу и берет в руки документы.

– Так как вы единственный родственник погибших мистера и миссис Ван дер Меер, в завещании упомянуты только вы, – начинает адвокат. – Но прежде всего я должен начать с того, что ваши бабушка и дед оставили вам все свое имущество кроме дома в Орегоне, который они передали в распоряжение детского приюта...

– Эмм, простите, почему вы начали с них? – бабушка и дедушка умерли четыре года назад, и завещание явно было прочитано.

– Дело в том, что ваши родители ничего не получили в наследство. Они распоряжались *вашим* имуществом, – объясняет мистер Нолан. Мои глаза расширяются. Они оставили мне все? – К бизнесу они тоже не имели никакого отношения. У ваших родителей не было дохода после разорения, и ваш дед распорядился, что все накопления и доходы будут идти только на содержание прислуги и ваше обучение. Каж-

дый месяц им предоставлялась определенная сумма, которой должно было хватить на самое необходимое. У ваших отца и матери не было никакого имущества, потому что единственный дом, принадлежавший им, ушёл за долги.

– То есть вы сейчас зачитаете мне завещание бабушки и деда? – уточняю я.

– Абсолютно верно, – подтверждает адвокат, кивнув головой.

Мистер Нолан поправляет свой галстук и начинает перечислять всю недвижимость, включая дома в окрестностях Дублина и в Пунта-Кане, квартиры в Париже и в Венеции. Следом идут художественные коллекции разных периодов, драгоценности, автомобили и многое другое. Теперь получается, я сказочно богата...

Морщинистое лицо мистера Нолана напрягается, когда он доходит до последней страницы. Мне приходится наигранно кашлянуть, чтобы вывести адвоката из транс.

– Мисс Ван дер Меер, кажется, у нас появилась проблема, – удивлённо бормочет мужчина.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Адвокат поправляет запонки на сером пиджаке, который явно ему не по размеру. Костюм точно стоил несколько тысяч, поэтому очень странно, что он купил такую мешковатую одежду.

Боже... Мне читают завещание, а я критикую чужой вкус.

– Ваш дед внес дополнительный пункт, поэтому нам необходимо присутствие еще одного человека.

– Но у меня больше нет родственников, – недоуменно говорю я. Мама была единственным ребенком. Ни кузенов, ни двоюродных бабушек и дедушек у меня с роду не было. – Не говорите, что у дедушки была внебрачная дочь. Я не поверю в любом случае.

Дедушка всю жизнь сдувал с бабушки пылинки: по утрам он срывал ей цветы из теплицы, перед сном мазал руки и ноги кремом. Я помню этот прекрасный клубничный аромат, который кружил каждый вечер в моей спальне, когда я была дома. Именно потому он не мог ей изменять. Я скорее поверю, что Земля стоит на слонах, или черепахах, или на другой чертовщине.

– Нет-нет, – мистер Нолан поджимает тонкие губы и складывает документы обратно в конверт. – Дело в другом. Я позвоню вам через несколько дней, если мне удастся убедить человека приехать к нам. Не уезжайте из города, мисс Вандер Меер.

– А если вам не удастся? – настаиваю я.

– Тогда у нас будут проблемы.

Под ногами хрустят обгоревшие обломки поместья. Все жилое крыло уничтожено: потолок обрушился, огонь съел всю мебель и лестницу, поэтому мне даже не подняться в спальню. Мертвая тишина давит на уши, напоминая, что я

осталась совершенно одна. Слабый, загнанный в угол мышонок, какой была всегда. Я ребенок, страшщийся будущего один на один с собой и со своими страхами.

Руки трясутся, когда я оглядываю подгоревшие полотна на стенах, разбитые вазы. От лестницы из красного дуба с резными перилами ничего не осталось. Персидский ковер обуглился, а в библиотеке сгорели почти все коллекционные издания мировой литературы. Таблоиды уже подсчитали размер моих убытков и написали несколько статей, называя меня в них «самая завидная невеста Америки», «Барби, потерявшая дом» и «сирота с миллиардным наследием».

Все уцелевшее имущество отвезли на склад, так как мне хранить его негде. Но сделанный на мой шестой день рождения снимок – мое единственное сокровище – был утерян навсегда, потому что моя спальня, находящаяся под крышей, сгорела дотла. Тот день не особо отличался от обычных праздников, однако он стал для меня лучшим. Дело не только в лабраторе, которого мне подарили, а в том, что впервые бабушка и дедушка дурачились, как маленькие. Они позволили себе перестать заботиться о своей репутации, играли со мной в прятки, кидались объедками торта. Для меня это очень много значило.

Не замечаю, как по щекам тонкими струйками катятся слезы. Легкие каменеют, и не могу сделать ни единого вдоха. Будто сотни осколков вонзаются в мое сердце, и кровь хлещет из ран. Аромат клубничного крема исчез. Его больше

нет. *Их больше нет.* Только почему так больно стало именно сейчас?

В сумочке жужжит мобильный, и я отвечаю на вызов слегка дрожащим голосом:

– Здравствуйте, мистер Нолан. Вы решили проблему?

– Добрый день, мисс Ван дер Меер, мы ждем вас в офисе.

– Буду через полчаса.

Дом адвоката в Хэмптонсе выполняет роль его же офиса, и добираться недолго. Ассистент мистера Нолана встречает меня возле двухэтажного дома в стиле модерн с бежевыми стенами и шоколадными оконными рамами и проводит в кабинет. Замираю около двери, услышав незнакомый мужской голос. Глубокий, обволакивающий и очень раздраженный. Заглядываю в кабинет без стука и вижу широкую спину, обтянутую кожаной курткой.

– Что за хрень? – шипит незнакомец, удрученно положив ладонь на шею. – Я не видел Сьюзен и Генри почти девятнадцать лет, как и миссис и мистера Ван дер Меер, а сейчас вы... черт побери, какого хрена они это сделали?

Мистер Нолан смущен сквернословием мужчины: его клиенты обычно более вежливы и интеллигентны. Адвокат поднимает глаза и замечает меня, радость в его глазах выглядит неподдельной. Не понимаю, как такой скромный человек смог построить настолько блестящую карьеру.

– Вот и мисс Ван дер Меер, – мистер Нолан встает, как

истинный джентльмен, проходит к свободному стулу с кожаной обивкой и резной спинкой. – Прошу, присаживайтесь.

Незнакомец разворачивает голову, и от его пронзительного взгляда мои ноги врастают в паркетный пол. И дело не только в ледяных ярко-голубых глазах с вкраплениями синего и зеленого возле зрачков, а в гневе, смешанным с чем-то диким и необузданным. Но я не чувствую страха или опасности, исходящей от него, лишь смотрю, как замороженная. Была бы моя воля, не отрывалась бы никогда.

Мужчина красив. Волосы цвета горького шоколада немного растрепана. Спереди они немного длиннее и доходят до середины ушей, обрамляя очерченные скулы. Розоватые губы сомкнуты в тонкую полосу. Густые брови иссечены двумя белесыми шрамами. Идеально прямой нос тоже «украшен» мелкими рубцами. Однако эти отметины ничуть не портят его лицо, а даже добавляют мужественности и делают его еще горячее, как и темная щетина. На вид он моложе моего отца, но тот в свои тридцать семь выглядел почти на пятьдесят. Думаю, это все из-за большого пуза, отъеденного на деньги Ван дер Мееров, и проплешины на седой голове. Его волосы очень рано сбежали с макушки в уши, в нос и на спину. Никогда не могла поверить, что когда-то Генри Уорд был симпатичен.

– Здравствуйте... – откашливаюсь я, смущаясь от того, как бесстыдно пялилась на незнакомца. – Может, объясните уже, кто это и как он связан с завещанием?

Мужчина фыркает и, мельком взглянув на меня, отвечает:
– Поверь, девочка, я понимаю не больше тебя.

Не скажу, что я оценила его небрежное обращение, но и не буду отрицать, что по телу прошла дрожь от его тембра.

– Мередит, – мистер Нолан указывает ладонью на свободный стул, и, когда я занимаю его, он нервно выдыхает: – Ну что ж, начнем. Для начала, мисс Ван дер Меер, познакомьтесь с мистером Монтгомери.

– Маркус, – поправляет адвоката мужчина, сморщив нос. Кажется, официальное обращение не по нему.

Мистер Нолан нервно глотает и продолжает:

– Три дня назад я говорил вам, что в завещании оказался пункт, о котором я не знал. Ваш дед указал, что в случае смерти ваших родителей все активы и имущество временно перейдут мистеру... то есть Маркусу, пока вы не закончите обучение в университете.

Удивленно вскидываю брови. До сегодняшнего дня я не знала даже о его существовании, а теперь он будет опекать мои деньги, пока я буду учиться? Теперь понимаю, почему Маркус так откровенно ругался.

– Университет будет оплачен без вопросов, но распоряжаться остальными деньгами будет Маркус. С его согласия выделятся средства на необходимые нужды, но трастовый фонд временно заблокирован. Вся недвижимость тоже формально принадлежит Маркусу, но продать или демонтировать ее он не может.

Бросаю осторожный взгляд на нового знакомого, которого до чертиков раздражал разговор.

– Поместье сторело, – неуверенно начинаю я, – я могу поселиться в другом доме?

Адвокат снова нервно смотрит на Маркуса. По-моему, он его побаивается. Значит, есть еще одна уловка. Отлично, просто прекрасно!

– До поступления в университет все дома будут опечатаны, – Нолан пытается говорить четко, но его голос подрагивает.

Широкие плечи Маркуса сотрясаются от немого смеха. Сомневаюсь, что это смех радости, и боюсь, к чему ведет адвокат.

– И где я должна жить? – вопрос бессмысленный, потому что все понимают это.

Маркус наклоняется к моему уху, заправив мои волосы, и приятный мускусный аромат его кожи ударяет в нос. У меня перехватывает дыхание, а сердце бешено бьется в груди. Мне следует взять себя в руки, иначе он поймет, что заставляет меня нервничать. Хотя с такой внешностью он должен был давно к этому привыкнуть.

– У меня, девочка, – хрипло шепчет Маркус, обжигая мое ухо своим горячим дыханием. Затем он отстраняется и смеется вслух. Мы с адвокатом переглядываемся, не понимая причину его веселья. – Простите, это очень иронично, но вы не поймете. Скажу сразу: я против! Мне не нужна неумелая

белоручка, привыкшая, что ей подтирают сопли.

Меня охватывает возмущение и злость. Меня учили ма-
нерам всю жизнь, прививали сдержанность, но, честно, мне
хочется влепить звонкую пощечину, чтобы его лицо горело
от боли. Я не какая-то нюня. Несмотря на материальное бла-
гополучие, я самостоятельная и давно привыкла сама решать
свои проблемы, потому что дома была редко, в основном
только на каникулах. Не могу сказать, что у меня в принципе
был «дом». Тот самый, где ты чувствуешь себя в безопасно-
сти, где тебе всегда рады и где ты будешь любим.

– Я вообще-то здесь, *мужчина*, – я пытаюсь выглядеть
грозно, но глаза начинает щипать от подступающих слез.

Последний раз я чувствовала такое лет в семь. Родители
приехали в поместье, и я безумно обрадовалась, потому что
думала, что они хотели провести со мной время. Возмож-
но, сходить куда-то, но потом услышала, как мать просила
у бабушки деньги на их с отцом бизнес. Я проплакала два
дня, заперевшись в своей комнате, пока бабушка не вызва-
ла взломщика. Меня будто снова бросили, отвергли. Я снова
ощутила свою ненужность, пусть и видела Маркуса впервые.

Маркус тяжело вздыхает и говорит:

– Хорошо. Нельзя винить ребенка в грехах родителей.

Я поворачиваюсь к нему, и внутри все трепещет от неиз-
вестного чувства. *Я буду не одна, от меня не отказались.*

Глава 2

Маркус

Сьюзен и Генри мертвы. Могу поклясться могилой матери, что они попали в ад. Там им самое место. За их грехи страдал я, пусть теперь помучаются они, жарясь в дьявольских котлах. И хотел бы отказать этой девчонке, оставить ее ночевать на улице совсем одну, где оказался когда-то я из-за ее родителей. Но каким бы я стал человеком? И смог бы простить себя?

Дети не должны платить за грехи родителей. Мне ли этого не знать?

Не вижу в Мередит – или как ее там – черт ни матери, ни отца. Красотой она пошла в свою бабушку: большие оленьи сине-зеленые глаза, пухлые сердцевидные губы, которые так и просят, чтобы к ним прикоснулись, и светлые волосы песочного цвета. Сексуальное молодое тело покрыто ужасной одеждой. Сочные бедра обтянуты черными брюками, пышную грудь она пыталась спрятать за слоями из строгой рубашки и блеклого пиджака светлых оттенков. Но, честно говоря, она из тех женщин, которые могут нарядиться в грязный холщовый мешок и выглядеть прекрасно. А от сладкого

аромата ее юной кожи голова идет кругом. Кровь невольно приливает к паху, и в штанах становится немного тесно.

Ладно, *очень тесно*.

Тьфу, черт побери... Маркус, она слишком молода для таких мыслей. И она Ван дер Меер, в этом как раз главная причина, почему я не хочу знать ее. Но кто же устоит перед этим до боли знакомым сиротским взглядом? Совесть грызла бы меня очень долго. Не удивлен, что в ее глазах нет ни капли скорби: с такой семьей ты априори будешь сиротой и брошенкой. Возможно, ее бабушка и дедушка и заботились о ней, но они точно сплавляли девчонку во все возможные заграничные школы, а родители пользовались ею, как приманкой для денег Ван дер Мееров.

– В моем доме хватит места для такой малышки, – черт звучит двусмысленно. Наверное, подсознательно я и хотел вложить недопустимый контекст после неприличных мыслей о девочке. – Я имею в виду гостевые спальни и все такое.

Старикашка недоверчиво косится на меня, но соглашается: выбора-то у него нет. Боже, как она выживет в горах Вайоминга? Пусть пик зимы закончился, а через неделю, в апреле, начнет теплеть, в мае в горах часто бывают ураганы и грозы, из-за которых нередко у нас обрывает электричество. Мой особняк единственный в радиусе тринадцати километров, и добраться до Джексона бывает проблематично – приходится готовить запасы на несколько месяцев, а иногда даже охотиться и рыбачить. Сейчас необходимости подстрели-

вать невинных кроликов нет – в этом девчонке повезло. Да и мыть полы не заставлю, потому что с апреля домой смогут приезжать уборщики. Зато маленькая мисс Ван дер Меер научится потрошить форель и убирать стойла.

Мы с девочкой подписываем бумаги. Адвокат рассказывает нам о моем жаловании в пятьдесят тысяч в месяц, но я сразу отказался. У меня есть средства, чтобы прокормить и одеть маленькую мисс Ван дер Меер. Тем более, мне кажется, ест малышка немного. Да и состояние у меня не меньше, чем у нее.

– Тогда желаю вам всего хорошего, – адвокат поднимается, пожимает нам руки и, сочувственно глядя на Мередит, добавляет: – Еще раз соболезную вам, мисс Ван дер Меер.

Девушка коротко кивает, но почему-то мне кажется, что ей плевать на слова мистера Как его там. Мы вместе выходим из дома и останавливаемся у забора. Надо что-то сказать, объяснить, куда ей придется переехать. Думаю, и у нее вопросов немало. Например, кто я такой. Разворачиваюсь лицом к Мередит, она повторяет за мной, и мы замираем. Ее длинная лебединая шея краснеет, и я улыбаюсь от умиления. Наклоняю голову, и мой взгляд ползет ниже, останавливаясь на губах, которые, готов поклясться, никто не целовал.

– Думаю, эээ... нам стоит обменяться номерами, – неуверенно предлагает девушка. – Я не знаю, где вы живете, мистер Монтгомери.

– Я остановился в отеле [Atlantic Breeze Suites](#), – откаш-

ливаюсь я, все еще наслаждаясь ее смущением. – Можешь подъехать туда завтра в полдень, я куплю билеты, и мы отправимся ко мне.

– Я тоже живу там, – говорит Мередит,

– Тогда, может, пообедаем? – слова вырываются раньше, чем я осознал, что выпалил. Хотя я правда умираю от голода, но ее вопросы без труда отобьют аппетит. – Я поведаю, что тебя ждет. Не возражаешь?

Мой голос звучит жалостливо, что, наверно, ее раздражает. Однако она все же согласно кивает, и мы возвращаемся в отель, где и поедим.

Мередит не ест, лишь раскидывает салат по тарелке. У нее щеки впали, и румянца нет. Ей стоит поесть хоть что-то. Я пытался заговорить с ней, но она либо не отвечает, либо кивает. Едва сдерживаюсь, чтобы не прикрикнуть на нее, но боюсь спугнуть ее. Она такая маленькая и тихая, как олененок в свете фар. Все подростки такие? Когда Кайл, мой племянник и по совместительству приемный сын, был в ее возрасте, его с трудом можно было заставить заткнуться. Сейчас он учится в Гарварде на экономическом факультете, а я остался один, как горный отшельник, лишь иногда выбирающийся за пропитанием или на поиски телки на ночь. Все-таки у меня есть свои определенные потребности.

Я слишком долго сидел затворником, поэтому чувствую себя бомжом, забредшим в ресторан. Все эти люди в костю-

мах и дорогих платьях напоминают мне о прошлом и причиняют дискомфорт.

– Почему именно ты? – вдруг спрашивает Мередит, смотря на меня сквозь густые черные ресницы. – Я ни разу про тебя... то есть про вас не слышала.

Нервно ерзаю на стуле и чуть не давлюсь стейком. О мертвых говорят либо хорошо, либо никак, а наша история с ними, может, и была когда-то доброй, но вот закончилось все, увы, печально.

– Я не такой старый, чтобы ты обращалась ко мне на «вы», детка, – пытаюсь спрятать за ухмылкой нервозность. – Я рос с твоей мамой и дружил с твоим отцом, но было это в незапамятные времена. Динозавры еще по земле бегали.

Губки Мередит растягиваются в небольшой полуулыбке. Ей очень идет улыбка, даже такая вымученная. Рад, что ее приободрила такая глупая шутка.

– Где ты учишься? – я меняю тему разговора, пока девушка более или менее настроена на разговор.

– В Англии, в частной бизнес-школе. А так закончила школу-пансион в Массачусетсе, – отвечает она и наконец отправляет в рот помидор – в моей груди разливается тепло. – Но перешла на дистанционную форму обучения до конца года. Надеюсь, у тебя же есть Интернет в...?

– Джексоне, – очень жду, когда она поймет, куда попадет через сутки.

– Миссисипи?

– Почти, – я вытираю рот салфеткой, закончив обед. – Вайоминг. Я живу в горах, вдали от города, так что интернет работает не всегда. А еще у меня курицы, пара лошадей, рыбалка, хотел теплицу поставить, но в земле копать не мое.

Глаза маленькой мисс Ван дер Меер расширяются до размеров бейсбольных мячей, отчего я смеюсь во все горло. Не знаю, представила ли она потрошение свежельвленной рыбы, куриный помет или жизнь без бутиков. В любом случае ее ждет все это вместе. Представляю, как она обтянет свои аппетитные бедра в шуршащие болоньевые штаны. Это самая подходящая одежда для ходьбы по сугробам, потому что другая промокнет за пару минут.

– Ты рос с моей мамой и стал фермером? – уточняет Мередит, с сомнением подняв бровь идеальной формы, и отодвигает от себя пустую тарелку. Уголки моих губ приподнимаются, когда я вижу, как на лице девушки появляется здоровый румянец. Теперь она выглядит более живой. – Маркус Монтгомери, кто же ты такой?

Я наклонюсь вперед настолько близко, что чувствую на своем лице ее теплое участившееся дыхание. Боги, как мило она смущается! Мне стоит остановиться прямо сейчас. Она ребенок, сирота.

– Большая тайна за семью печатями, – хмыкаю я.

И тебе ее не разгадать, девочка.

Почти всю зиму я жил без женщины, поэтому вечером я

отправился в бар. К сожалению, мысли мои были заполнены дрожащими губками Мередит, ее глазами цвета бушующего океана, такими грустными и отчаянными. Боже... Не могу поверить, что согласился на эту идиотскую авантюру. Чем я могу помочь ей? Я с трудом находил общий язык с племянником, ставшим сиротой в четыре, а Мередит совсем не ребенок. Моих родительских навыков не хватит на восстановление сломанной психики девочки-подростка.

– Извините, здесь занято? – раздается над моим ухом слащавый женский голос, от которого меня передергивает.

Я поворачиваюсь и вижу тощую рыжую женщина лет тридцати с неприлично глубоким декольте, игривой улыбкой и вполне красноречивым взглядом. Накаченные губы накрашены яркой малиновой помадой, глаза густо подведены черным карандашом, а огненные волосы туго затянуты в высокий хвост. Женщина одета в черное обтягивающее платье, полностью расшитое пайетками. Ее сиськи так и норовят выпрыгнуть из встроенных чашечек, и это ее не смущает. Наоборот она наклоняется еще ближе.

Я ухмыляюсь, понимая, что вечер закончится приятно.

– Для прекрасной леди я всегда найду местечко, – хрипло шепчу я.

Когда она садится, я кладу ладонь на ее бедро. Марси, или Мейси, или Марли не возражает и даже чуть раздвигает ноги, позволяя мне продвинуться дальше.

Славно, даже стараться не придется.

Глава 3

Меридит

Несмотря на конец марта, белоснежный снег покрывает скалистые вершины гор и деревья. Приехав в Вайоминг, я поняла, почему Маркус заставил меня надеть два свитера и теплое пальто. Глупо, что не взяла теплые вещи из Англии. Кто же знал, что придется переезжать в горы?

За долгие часы поездки с Маркусом мы перекинулись парой односложных предложений. Мне было неловко смотреть на него после того, как я увидела полуголую даму, выходящую из его номера. Он, одетый лишь в черные джинсы, чуть ли не силой выпроваживал ее утром, пока я из своего укрытия рассматривала голый торс Маркуса и его черно-белые татуировки. Честно говоря, никогда не видела так близко обнаженных мужчин. В школах, где я училась, в основном было разделение на мальчиков и девочек, поэтому с противоположным полом я встречалась редко. Но, конечно же, я смотрела все части фильмов «Пятьдесят оттенков серого», в которых Кристиан Грей часто снимал рубашку. Грустно: я самая девственная девственница в мире.

Маркус живет не в самом Джексоне, поэтому перед тем,

как добраться в его дом, мы заехали в магазины и приобрели все необходимое: свежие фрукты и овощи, молочные продукты и теплую одежду. В том числе, первые в моей жизни балоньевые штаны, пусть я и не видела смысла в покупке вещи на две недели. Скоро же снег растает, да? Маркус заставил надеть меня новые ботинки длиной до середины икр еще в машине: вдруг дорогу к дому замело.

Все еще не верю, как резко может измениться жизнь. Недавно я спокойно посещала лекции по макроэкономике в Англии, а сейчас буду жить с самым загадочным мужчиной, надеясь, что все же он не окажется маньяком или не продаст меня в сексуальное рабство. Идея, кстати, не такая уж и провальная. Искать меня не будут долго.

Пикап делает последний заворот направо, и мой рот шокировано приоткрывается от вида архитектурного шедевра посреди леса. Когда Маркус рассказывал про свой дом, я ожидала увидеть одноэтажное кирпичное сооружение с амбаром. Не ошиблась с одним: амбар здесь есть, но на него я не смотрю ни секунды, потому что все мое внимание сосредоточено на прекрасном двухэтажном особняке, облицованном фактурным серым камнем, с панорамными окнами в деревянных рамах на верхних этажах, двумя застекленными балкончиками и треугольной крышей с чердаком. Вылезаю из автомобиля, свежий холодный воздух наполняет легкие, отчего в груди начинает приятно покалывать. Ноги погружаются в хрустящий снег, и я замираю, пытаюсь рассмотреть

каждую деталь фасада.

– Нравится? – спрашивает Маркус, выключив двигатель.

– Безумно! – активно киваю головой, убеждая мужчину в правдивости своих слов. – Твой архитектор – настоящий гений.

Маркус хмыкает, словно я сказала нечто глупое, и я вопросительно поднимаю брови. Он достает ключ зажигания и, открыв водительскую дверь, объясняет:

– Это мой проект.

Я смущенно охаю и отвожу глаза. Невероятно, значит, он архитектор. Теперь я знаю хоть что-то. Возможно, вскоре смогу выудить побольше информации.

– Думаю, эта комната должна подойти. Я принесу тебе постельное белье и одеяло.

Маркус отдает мне комнату на первом этаже с панорамным окном, открывающим вид на зеленый лес, и собственным камином. Стены покрашены в бежевый, посреди стоит огромная двуспальная кровать на высоких железных ножках, а напротив нее висит плазменный телевизор с самой большой диагональю, которую я когда-либо видела. Ванная, к сожалению, не собственная. Помещение кажется безликим: нет ни фотографий, ни картин, ни другого декора, которым обставляют дома. После моего переезда мало, что изменится. Все мои семейные снимки и постеры сгорели.

– Ванная и туалет в конце коридор, на втором этаже есть

бассейн с горячей водой и еще одна ванная, – Маркус указывает вверх и ставит мои сумки на пол. – Я живу там же, так что ночью весь первый этаж в твоём полном распоряжении. Ой, еще на чердаке есть спортзал, но он еще не доделан, хотя заниматься можно. Рядом есть небольшой душ.

Маркус собирается покинуть комнату, не дождавшись моего ответа, но я перехватываю его за запястье. От прикосновения к его горячей немного грубоватой коже мою ладонь пронизывает током. Ледяные глаза мужчины удивленно устываются на место, где соединяются наши руки. Отскакиваю от него как ошпаренная, пытаюсь не опускать глаза. Чувствую себя жалкой и зажатой. Не понимаю, что заставляет меня так нервничать. Тот факт, что он красивый мужчина? Или просто незнакомый человек?

– Кхм... я... – мямлю, переступая с ноги на ногу, – у меня будут какие-то обязанности? То есть не просто же мне сидеть в своей комнате и заниматься сутками.

Чувствую взгляд Маркуса на своем лице, однако все еще не решаюсь поднять взгляд. Мужчина откашливается и, поставив руки на бока, задумывается. Замечаю, как при каждом движении мышцы его рук напрягаются. Светло-серая футболка плотно обтягивает широкие плечи и грудь и оттеняет бронзовый оттенок кожи, и на левом предплечье вижу несколько цветных рисунков среди множество черно-белых. Алая роза с каплями крови и черными шипами обвивает руку. Пока взглядом блуждаю по его телу, шея и спина покры-

ваются мурашками, дыхание учащается.

– Точно, – Маркус прочищает горло и пропускает волосы сквозь пальцы. – Раскладывай пока свои вещи, потом можем прокатиться на лошадях. Ты умеешь готовить?

Подняв глаза, хмурюсь и повторяю позу мужчины.

– У меня что, рук нет по-твоему? – вырывается у меня. Глаза лезут на лоб от шока. Я никогда не грублю, не отвечаю дерзко, потому что привыкла тихо отмалчиваться или игнорировать неприятные намеки. В этот раз язык опередил мозг. – Прости, я не хотела хамить.

Губы Маркуса изгибаются в легкой снисходительной улыбке, словно на моем месте он видел не меня, а срыгнувшего младенца, который умиляет всех вокруг. И мне совсем не нравится, что он воспринимает меня ребенком. Хочется топнуть ногой и обидеться, однако это как раз докажет правильность его отношения в мою сторону.

– Учитывая твоё положение, я предположил, что тебе не приходилось что-то делать на кухне, – в голосе слышатся веселые нотки. Маркус пытается сдержать смех. Здорово, я еще и смешу его. – Прости меня, пожалуйста, Мередит.

Мое положение? В груди разливается раздражение, а в голове зреет план, как заставить мужчину пожалеть о своих словах. Он узнает, что я очень часто училась готовить на кухне в семейном особняке. Мои умения не заканчиваются на варке макарон или запаривании лапши. Сегодня я удивлю его настолько, что он проглотит свой язык вместе с намеком

о моей недееспособности.

Надев утепленные лосины, спортивные штаны и новую теплую куртку, ухожу в амбар, где меня уже ждет Маркус. Он приготовил лошадь к поездке и вывел ее за поводья на выход. Животное высокое – мне сразу становится не по себе.

– Маркус, – осторожно зову. – Я немного боюсь, потому что ездила на лошади один раз, и то мне было восемь, а пони был едва больше меня.

Мужчина не отвечает, и я подхожу вплотную к лошади, протягиваю ладонь, что погладить животное, но не успеваю. Маркус обвивает руками мою талию, поднимает меня в воздух и усаживает в седло, как куклу. Пискнув, хватаюсь за поводья и перевожу дыхание, слыша его тихое хихиканье. Маркус садится позади, кладет руки на мои бедра, чтобы схватиться за ремни и управлять лошадыю. Spина упирается в его твердую грудь, и мое сердце делает кувырок. Мужчина командует, и через секунды мы срываемся с места.

Всю дорогу мы молчим и наслаждаемся видами леса и холмов. От морозного ветра кожу лица покалывает, пальцы немеют даже в перчатках. Зад и бедра окаменели от трясучки в седле, было бы неплохо подвинуться, но тогда я окажусь еще ближе к Маркусу. Вдали виднеются дома и неоновые вывески из Джексона. Надо будет устроить настоящую прогулку по городу, посетить местные магазинчики с различными сувенирами, когда я решусь попросить об этом Маркуса. Не

буду же я вечно сидеть в доме, иногда выбираясь во двор.

– Ты не замерзла? – голос Маркуса теряется на фоне шума ветра. Он тормозит лошадь, которую пару раз назвал Кларой, снимает одну перчатку и притрагивается к моей щеке. Я хочу отстраниться, но касание его горячих пальцев ощущается слишком хорошо. – Лучше возвращаться, а то утром твое лицо будет болеть.

Наши глаза встречаются – вздох застревает в горле и встает огромным комом, мешающим нормально дышать. В моих силах сделать лишь согласный кивок. Маркус опускает взгляд на мои губы, и я невольно их приоткрываю, втягивая ледяной воздух. Мужчина стискивает челюсти, и на его лице начинают ходить желваки. Вокруг нас появляется непонятное мне напряжение, которое почти можно почувствовать физически. Маркус первым прерывает зрительный контакт и, дернув поводья, заставляет Клару бежать обратно к дому.

На обратном пути он старается держать руки подальше от моих бедер, будто мог обжечься.

Когда мы вернулись, Маркус, не сказав ни слова, ушел во двор. Когда он расчистил подъездную дорожку от снега, принялся рубить дрова для растопки каминов. Тем временем я приступила к приготовлению ужина, воплощая свои планы по отмщению. Перебрав десятки рецептов моей голове и сопоставив их с продуктами в морозилке, решаю сделать стейк из говядины и подать его вместе с соусом бешамель, салатом

из свежих овощей и воздушными булочками с сыром. Пока поднимается тесто и стейк томится в духовой печи, я смотрю в окно над раковиной, выходящее напрямик во двор, где работает Маркус.

Он снял куртку, оставшись во фланелевой рубашке в клетку и в футболке. Его грудь часто вздымается после тяжелого физического труда, изо рта выходит густой пар, несмотря на усилившийся холод, на лбу выступают капельки пота. Может, мне стоит принести ему куртку? Или хотя бы шапку и шарф? Вообще я должна заботиться о нем? Все-таки теперь я живу под его крышей. Я плохо понимаю людей – мне надо прямо говорить желания и просьбы, иначе я никак не помогу. Маркус ненадолго опускает топор и поднимает взгляд, словно чувствуя, что я наблюдаю. Быстро опустив глаза, возвращаюсь к еде.

Я заканчиваю как раз к тому времени, как Маркус разбирает дрова и принимает душ. В кухню он заходит с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу, и с голым торсом, повесив рубашку на плечо. Стараюсь не таращиться, но пунцовый оттенок кожи на щеках и шее выдает меня с потрохами. Маркус отдирает с кожи заживляющую пленку, которую я не видела раньше. Возможно, недавно он набил новую татуировку. Мужчина точно решил забить левый рукав, и до этой цели ему осталось совсем немного. Пока он отвлекся, я успела рассмотреть полный рисунок. Строки на латинском, вытатуированные красивым шрифтом, переходят в реалистич-

ного архангела Михаила с мечом, под ним та самая алая роза, ранее примеченная мной. Возле розы расположены скрестившиеся в схватке пистолет и кинжал, между ними виден огромный розовый грубый рубец. Оружие не закончено, как и грозовые облака, окружавшие его.

Уставившись в пол, достаю приборы и ставлю их на стол. Маркус помогает мне, раскладывает еду по тарелкам и садится напротив. Все еще полуголым, черт его побери.

– Выглядит замечательно, – одобрительно заключает мужчина.

Я ухмыляюсь, ожидая его реакции после дегустации. Маркус надкусывает сырную булочку, растерянно сводит брови на переносице, отрезает кусочек стейка и, пережевав, бормочет:

– Это охренеть как вкусно! Мер, ты волшебница!

Раньше мне никто не давал прозвище.

Я робко расплываюсь в улыбке и тоже приступаю к ужину, чувствуя на себе взгляд Маркуса, ушедшего за второй добавкой. Кусок в горло не лезет: не люблю есть при посторонних. В пансионатах всегда отходила в сторону или в свою комнату, дома тоже предпочитала спальню или отдаленный угол кухни. Такое поведение началось после смерти бабушки и дедушки. Я начала заедать свое горе и очень сильно набрала вес. Одноклассницы решили поиздеваться и подкинули мне в кровать десятки фотографий поросят, на каждом было написано мое имя. Девочки-подростки бывают очень

жестокими. С зависимостью от еды мне не удалось до конца справиться, как и окончательно вернуть худое тело. Тонкая талия осталась, но вместе с небольшим животиком и слегка полноватыми руками по меркам девятнадцатилетних богатых девчонок. Возможно, мне из-за этого некомфортно рядом с таким красивым мужчиной.

Маркус накрывает мою ладонь своей, привлекая к себе внимание.

– Слушай, я не кусаюсь, не обижаю, не распускаю руки, – спокойно говорит он. – Это твой дом на ближайšie полгода, так что не стесняйся. Тебе должно быть уютно. Пожалуйста, не бойся меня, ешь спокойно и делай, что хочешь.

Я кусаю нижнюю губу, натянуто улыбаюсь и интересуюсь:

– Могу завтра в бассейне поплавать, например?

Маркус заливается хохотом.

– Конечно, детка, – он слегка сцепляет наши пальцы и поглаживает внутреннюю поверхность моей ладони. – Я завтра утром буду работать, так что спокойно плавай, сколько душе угодно.

Он произнес это с непривычной моим ушам лаской и заботой, и в груди защемило. Я с удовольствием съела все свою порцию, не боясь его взгляда или осуждения за слишком «большую» порцию. Маркус любезно предлагает убрать грязную посуду со стола, а я отправляюсь спать. Уснуть получается только ближе к утру.

Глава 4

Маркус

Ландшафтные дизайнеры вновь облажались. Как можно сделать все противоположно тому, что я сказал, черт возьми? Голова гудит от недосыпа: за всю ночь я ни разу не сомкнул глаз. Мне было не по себе от мысли о том, как сладко посапывает Мередит в своей новой комнате. Я хочу думать о ней, как об отроде Сьюзен и Генри, людей, разрушивших мою жизнь, но получается хреново. Во время поездки на Кларе я боролся с желанием приобнять ее, уткнуться носом в ее мягкие светлые волосы, вылетевшие из-под шапки, и положить свои руки на ее бедра. Она прижималась ко мне так близко, что даже не помогла колка дров. После ужина пришлось попотеть на тренажерах.

– Дьявол... – стону я вполголоса.

Нельзя мне об этом думать. Ни на мгновение!

Не могу сосредоточиться – чертежи плывут перед глазами. Сроки поджимают, а моя голова забита сексуальной девятнадцатилеткой. Утром, пока я готовил завтрак, чувствовал не аромат кофе, а только запах ее шампуня. Клубнично-персиковый. Плечи содрогаются от нервного смеха. Ста-

рик, тебе тридцать четыре, а ты нюхаешь шампунь молодой девчонки. Наверное, следует съездить в город, пока есть такая возможность и найти подругу на ночь. А что я буду делать в период гроз? Что, если я не сдержусь и поддамся порыву? Я не прощу себя и лишу ее единственного пристанища, где она может жить спокойно.

Мой кабинет отделен от бассейна лишь тонированными стеклянными стенами, и лестница, ведущая на чердак, не закрывает мне вид на него. Когда я составлял проект дома, такое расположение казалось удачным решением. Однако сегодня я начал очень сильно жалеть об этом. Мередит, осматриваясь вокруг, шагает к бассейну, как котенок. Ей меня не видно, зато я прекрасно вижу все. Легкий шелковый пеньюар с кружевами черного цвета резко контрастирует со светлым оттенком ее кожи, мягко облегает каждый изгиб.

Мне стоит отвести взгляд, но я этого не делаю и продолжаю наблюдать за действиями Мередит.

Она еще раз осматривается, кидает полотенце и телефон на плетеное кресло. Ее руки тянутся к поясу, а дальше все как в замедленной съемке. Тонкие пальцы девушки развязывают халатик – из-под тонкой ткани первыми показываются две вздернутые груди идеальной формы, прикрытые спортивным топом. Сквозь белый хлопок просвечиваются напрягшиеся от прохлады соски. Шумно втягиваю воздух через рот, мысленно крича на себя.

–Хватит пялиться... Боже... – хрипло шиплю и ерзаю на

месте от дискомфорта, появившегося в штанах. Спазм ударяет в шею, и все тело изнывает в неодолимом желании. С губ срывается приглушенный рык. – Отвернись, Маркус!

Пеньюар падает с плеч, обнажая ключицы и руки. Когда Мередит снимает его полностью, я не могу угомонить учатившийся пульс и блуждаю по ее телу, запоминая каждый сантиметр и жадно упиваясь красотой идеальных форм. Мередит не в бикини, а в мужских хлопковых боксерах, обрисовывающих плавные изгибы. Тонкая талии плавно переходит в широкие округлые бедра. Обычные плавки смотрелись бы не так горячо, как эти гребаные боксеры. Когда они намокнут, то я совсем разуверюсь в своей силе воле. На моем лбу выступает ледяная испарина, во рту становится невероятно сухо. Мои глаза спускаются чуть ниже. Член возбужденно упирается в твердую ткань джинсов. Я почти кончаю от этого прекрасного зрелища.

Подойдя к ступенькам, Мередит проверяет температуру воды рукой, слегка подавшись вперед. Ее упругая попка смотрит прямо на меня, когда девушка наклоняется. Перед тем, как погрузиться в воду, девушку забирает волосы на макушке, подняв руки. Грудь вздымается и подпрыгивает при каждом движении и вдохе, дразня меня. Мередит ныряет в бассейн, и под толщей воды видны лишь голова и длинная шея. Пусть я больше не вижу полуобнаженную прекрасную девушку, фантазия не может остановиться и продолжает рисовать в голове непристойные образы и мечты. Мер делает

круг, медленно рассекая воду.

Вдруг на столе начинает звонить мобильный. Мелодия привлекает внимание Мередит, и девушка с опаской оглядывается и, клянусь, устывает на меня. С трудом разгибаю окаменевшие руки и отвечаю на вызов.

– Да, – рявкаю я, раздраженный тем, что меня раскрыли, или тем, что приходится наконец отвлечься.

– Па, привет, – на другом конце провода слышится голос Кайла. Черт, я сбил парня с толку.

– Прости, – закрываю глаза ладонью, пыхтя, будто пробежал кросс.

– Что-то случилось? Ты в порядке?

– Просто опять завал на работе, – а еще у меня стояк на маленькую киску, поселившуюся в моем доме. – Что ты хотел, парень? Не говори, что тебя отчисляют на последнем году обучения или что тебя арестовали. Снова.

Кайл неплохой парень, но ему слишком нравится адреналин после нескольких стопок бурбона, потому мне приходилось несколько раз приезжать в Бостон и вызволять его. А еще у него туго с посещаемостью, чем пользуются в университете. Декан под словами «вас могут исключить» маскирует «внесите пожертвования в мой карман». Он пользуется фамилией Монтгомери, зная, сколько у нас денег, а я позволяю это делать, чтобы Кайла не вышибли к чертям.

Кайл тихо посмеивается, я слышу, как он закатывает глаза.

– Пап, все хорошо, – уверяет он. Я воспитывал Кайла с восьми лет, и в Интернете писали, что дети не должны называть опекуна папой или мамой. Я должен был напоминать ему о том, кто я ему, но кто же устоял бы перед слезливыми осиротевшими глазками, умоляющими меня стать его отцом? По-моему, сейчас ситуация повторяется. Те же глазки, только Мередит не называет меня папочкой. Я совсем извращенец, если теперь очень хочу услышать такое обращение, произнесенное ее тихим голосом мне на ухо? – Просто хотел спросить, как ты поживаешь. Нашел ли ты себе кого-нибудь? Я все еще жду сестру или брата.

Я бросаю мимолетный взгляд на Мередит, которая перевернулась на спину и с прикрытыми глазами замерла на середине бассейна.

– Кстати, у меня есть одна новость. Это какое-то безумие, черт побери, – потираю ноющий пах под столом, чтобы хоть как-то снять напряжение, и разглядываю чертежи нового проекта, хоть как-то отвлекаясь.

– Ты меня пугаешь. О дай угадаю! Раз ты вспомнил про новость при упоминании ребенка, значит, ты все-таки обрюхатил какую-нибудь официанточку в баре у Лу или решил выбраться из захолустья, которое называешь домом? – Кайл цокает языком, явно ухмыляясь с озорным блеском в глазах.

Я смеюсь во все горло. Лу – моя первая подруга в Джексоне. Мы даже повстречались около месяца, но разбежались, поняв, что отношения не для нас. По крайней мере, в то вре-

мя. Лу – единственная, кого я могу считать другом. Время от времени я захожу к ней в бар и подцепляю официанток или клиентов, за что получаю от Лу.

– Не угадал, – цокаю языком, все еще посмеиваясь. – Помнишь, я рассказывал тебе про семью Ван дер Меер, с которой дружили мои родители? – Кайл напряженно глотает и задерживает дыхание. *Он прекрасно знает нашу историю с этой семьей.* – Недавно Сьюзен и Генри умерли, а мистер Ван дер Меер завещал мне свою внучку.

– Эээ... что ты имеешь в виду?

Я хмыкаю.

– Этот старик написал в завещании, что девчонка не может пользоваться своими деньгами и имуществом до окончания бакалавриата, поэтому она временно переселилась ко мне, – объясняю я, хотя кто бы объяснил мне. – Не знаю, что он пытался сказать таким решением. Может, показать, что не налажали с внучкой, как с дочерью. Или боялись, что Генри выпросит у бедняжки деньги и растратит все наследство.

– И как она? – скептически спрашивает Кайл.

Горяча, как ад, чудесно готовит, с самыми красивым лицом, что я видел за всю свою жизнь, и с очень соблазнительными губами. Я откашливаюсь и говорю совершенно другое:

– Зашуганная серая мышка.

– Будь с ней полегче, па, – просит Кайл. – Расскажи еще что-нибудь. Как у тебя дела вообще?

Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент Мере-

дит вылезает из бассейна. Белье намокло. Спортивный топ прилип и стал второй кожей. Я вижу розовые затвердевшие соски под сырой белой тканью. Боксеры тоже просвечивают, и я понимаю, что на лобке нет ни единого волоска. Интересно, для кого она такая гладкая? У нее есть парень? Вряд ли. Она точно училась в школе с разделением на мальчиков и девочек. Я сам учился в такой, хотя меня это не сделало монахом.

Мередит вытирается, надевает халатик, покрепче за появившись и, проклятье, идет ко мне. Опускаю глаза обратно на чертежи и прячу стояк под столом, сдвинувшись ближе.

– Пап? – зовет Кайл. – Ты еще здесь?

Я не успеваю ничего ответить: Мередит стучится в дверь и заходит. Ее плечи часто поднимаются, с волос капает вода, щеки порозовели. Девушка дружелюбно улыбается и заходит внутрь, но не произносит ни слова. Ее глаза, обрамленные слипшимися от воды ресницами, осматривают мой кабинет с памятными работами и высоким стеллажом с книгами. В комнате ничего лишнего, но при этом это единственное «непустое» помещение в доме. Откашливаюсь, привлекая внимание Мер. Ее лицо вспыхивает, и Мередит шепчет:

– Я не отвлекаю? Просто хотела узнать кое-что.

Вспоминаю про мобильный у уха и отрицательно качаю головой. Тогда она продолжает говорить:

– У тебя есть Нетфликс или какие-то кассеты с фильмами? Люблю фильмы и сериалы, и я давно ничего не смотре-

ла, а мне очень хочется, потому что..

– Стой, – хмыкаю я, прерывая ее бормотание. Она чертовски очаровательна, когда начинает нервничать. – Да, у меня есть Нетфликс. Я же не пещерный человек. Прими душ и жди меня в гостиной.

Конечно, в комнате, куда я ее поселил, телевизор намного лучше, но не уверен, что смогу нормально сидеть на постели, где она спала.

Мередит, отсалютовав, бежит на первый этаж, пока я смотрю вслед на ее попку. Кайл снова зовет меня, и я, встретившись, ворчу:

– Все по-старому. Твой старик такой же одинокий и скучный.

– Судя по голосу, она душка, – усмехается Кайл. – Слышал, что ты идешь развлекать гостью. Хорошего дня, па!

– И тебе, Кайл, – выдыхаю я.

Она. В. Гребаных. Шортиках. Я вижу линии ягодич, длинный белесый шрамик на бедре, который не заметил во время ее плавания. Светло-русые волосы еще влажные, хотя я и слышал жужжание фена из ванной. Они мозолят глаза, напоминая об утреннем заплыве Мер.

– Пароль от аккаунта в шкафчике, там же и диски, – сдержанным тоном говорю я. – Ключ от Wi-Fi тоже можешь найти там.

Мередит кивает и уже начинает листать кинематографи-

ческую библиотеку. Ее выбор останавливается на «Темном рыцаре», и я не могу сдержаться и удивленно фыркаю.

– Что-то не так? Мне не подходит этот фильм, как и готовка? – выпаливает девушка.

Ее глаза в прищуре впиваются меня. Раздражение читается на всем лице, как прошлым вечером. Я поджимаю губы: она попала в точку. Мне стоит перестать ее недооценивать.

– Первая часть интересная, – улыбаюсь я. – Удачного просмотра.

Я готов уже вздохнуть с облегчением и уйти на чердак, чтобы выпустить пар, но Мер берет меня за руку, останавливая. У нее такая привычка? Я имею в виду касаться людей, а не действовать словами. Мередит не похожа на тактильного человека.

– Может быть, ты хочешь присоединиться? – отдернув руку, предлагает она. – Это не из вежливости. Просто нам все равно жить вместе, и думаю, стоит иногда что-то делать вместе. Смотреть фильмы, например.

Натягиваю улыбку на губы, а внутри отчаянно кричу. Не могу – или не хочу – придумать повод для отказа, поэтому утвердительно киваю, засмотревшись на маленький треугольник из родинок возле ее правого глаза. У нее много коричневых пятнышек на заостренных скулах, над губой, возле носа, которые проявились, когда она смыла косметику. Ей не нужна штукатурка, ведь ее кожа идеальная. В дневном свете глаза Мередит принимают насыщенный изумрудный цвет

без тени голубого оттенка.

– Тогда я принесу что-нибудь вкусное к фильму, – выдыхаю я, стараясь не выдать свою неприязнь к ее предложению.

По пути на кухню решаю подстраховаться и пишу СМС Лу:

«Когда я тебе напишу, позвони мне и наплети что-нибудь о том, что я срочно нужен тебе, иначе тебе придется забирать меня либо из психушки, либо из тюрьмы, либо из морга!»

Ответ приходит сразу же:

«Ты там напился? Маркус, могу сейчас позвонить своему брату-психиатру, я давно ему говорю, что сумасшедшее тебя клиента ему не найти))».

Закатываю глаза. Мне совсем не до ее шуток, черт побери.

«Лу, дерьмо, ситуация 911. Проси, что угодно. Главное – спаси мою задницу, когда я напишу».

Пока подруга выдумывает коварный план, я достаю из шкафчика кукурузные чипсы и пиво. Мер, вряд ли, пила пиво когда-то, но у меня нет содовой или сока. Беру на заметку: надо купить ей чего-то безалкогольного. Телефон вновь запиликал.

«Я помогу, но с одним условием. Обещай, сукин сын, никогда больше не трахать моих официанток. Разбираться с их малахольными муженьками приходится мне. Ты вообще понимаешь, скольких молодых мамочек ты увел у меня? А они, к слову, самые послушные работницы!»

Собираюсь возразить, ведь у них не написано на лице – сиськах или заднице – об их чудных младенцах, но одергиваю себя. Мне нужна ее помощь.

«Я согласен на все, Лу».

«Ладно, чужак. Жду сигнал».

От пива Мередит отказалась, и я выпил ее порцию. Сначала все шло нормально: я сел подальше, уставился в чертов экран и набивал живот вредными снеками. Звуки драк гремели из колонок, но я слышал только размеренное дыхание Мер. Да и на фильме сосредоточиться не получилось, потому что боковым зрением видел, как она подобрала под себя ноги, свернувшись калачиком. Когда вздымалась ее грудь, я мысленно вспоминал ее розовые вздернутые соски.

Долго я держаться не смог, поэтому несколько минут назад написал Лу. Вот только рыжая чертовка не звонит.

– Ты любишь кино? Я жить без него не могу, – вдруг сообщает Мередит, поставив фильм на паузу. – И без сериалов. О! Еще люблю читать. У меня очень скучные хобби. Я просто знаю только о твоей профессии, мне интересно узнать что-нибудь о тебе, если это, конечно, уместно.

Уголки моих губ приподнимаются. Она не умеет начинать разговор. Складывается ощущение, что она никогда не заводила друзей и не знакоилась. Мередит выбрала неправильного человека для наработки коммуникативных навыков. Я слишком много сквернословлю и бываю грубым. А ее

ангельское личико вышибает из головы все культурные выражения.

Открываю рот, чтобы сказать, что люблю кино. За месяцы, проведенные в одиночестве, я посмотрел неприлично много фильмов. Даже картины, снятые по книгам Николаса Спаркса, об этом я не сознаюсь даже под пытками. Засматриваюсь на то, как Мередит облизывает пальцы от крошек, проводит языком по нижней губе и... мой язык немеет, а изо рта не выходит ни одного слова.

Лу, если ты не позвонишь сейчас же, я сожгу твой бар и...

Диван вибрирует от звонящего телефона. Слава Богу! Хватаю айфон и уже собираюсь рывкнуть на подругу, но вспоминаю, что рядом сидит Мередит.

– Красавчик, ты мне очень нужен, – мурлычет Лу низким голосом, и я усмехаюсь. – Приезжай быстрее.

– Уже выхожу, солнце, – как можно ласковее говорю я и отключаюсь.

Мередит притягивает колени к груди, ее взгляд направлен в пустоту. Нехорошо оставлять ее одну, но и быть рядом не могу. Я веду себя как школьник, прячущийся от поклонницы. Но я лишь пытаюсь ее уберечь от своих внезапно появившихся сексуальных желаний.

– Мередит, мне надо отъехать, – мои слова – формальность, ведь она все прекрасно слышала. – Я могу зайти в кафе и купить что-нибудь на ужин, если хочешь.

Девушка отрицательно качает головой, молча возобновляет просмотр и ставит чашку с чипсами на журнальный столик. Чувствуя себя последним сукиным сыном, пнувшим беззащитного котенка, уезжаю в бар.

Бар полон людей. Здесь как и всегда чертовски шумно. В одном углу пожилые мужчины играют в бильярд, гремя пивными стаканами о стол. В другом – молодые девушки танцуют под громкую музыку из автомата, стараясь привлечь внимание парней.

Лу наливает мне новую порцию текилы. Она расхаживает возле меня, как ястреб, поджидающий, когда добыча выберется из укрытия. Женщина в своей обычной униформе: в майке на тонких бретелях с выцветшей эмблемой бара, в обтягивающих джинсах на низкой посадке, открывающими ее подтянутый живот и дурацкую татуировку бабочки. Рыжие взбалмошные кудри стянуты в хвост на затылке. Большинство посетителей приходят сюда не ради молоденьких официанточек, а ради Лу. Горячая барменша привлекает взгляды почти всех мужчин в баре.

– Мне сколько в тебя влить, чтобы ты хоть что-то объяснил? – Лу наклоняется к моему уху. – Например, на кой черт тебе самый скромный женский купальник? Монашки купаются в более открытой одежде.

Я фыркаю, размышляя спрячет ли закрытый синий купальник идеальное молодое тело Мередит. Ставлю сотню

баксов, что он не поможет. Может быть, слить воду? Или затеять ремонт? Или...

Затылок пронзает пульсирующей болью. Лу ставит на место стальной джиггер, которым только что огрела меня по голове.

– Что творишь, ведьма? – шиплю я, потирая затылок.

Лу вытирает руки полотенцем и, бросив его, нависает над барной стойкой. Я не в силах терпеть ее выжидающий взгляд, поэтому закрываю ладонями лицо, тяжело выдыхая.

– Когда у тебя перерыв? – спрашиваю я.

– Сейчас, если надо. Можем уйти в кабинет и выпить, а потом ты мне все расскажешь, – предлагает Лу.

– У меня идея получше, – в моей памяти слишком свежи воспоминания о плавающей Мередит, официанток трогать нельзя, так что секс с Лу был бы вполне хорошим вариантом. – Давай трахнемся, и ты не будешь ничего спрашивать.

Подруга хохочет, перебивая своим прокуренным смехом песню, играющую из колонок. Мы не спали уже несколько лет. Она красивая и привлекательная женщина, но сейчас я воспринимаю ее как мужика с сиськами. Мы слишком много пережили вместе, чтобы я до сих пор хотел ее в романтическом плане.

– Я скорее приму целибат, чем трахнусь с тобой, – все еще смеясь, парирует подруга. У нас схожее восприятие друг друга: я для нее баба с членом. – Выкладывай или, клянусь, попрошу охранника выгнать тебя.

Я прищуриваюсь и, понимая, что спорить бесполезно, соглашаюсь. Мы уходим в ее кабинет, где есть хорошая бутылка бурбона.

Охмелевшая Лу ржет, как конь. Из ее глаз текут слезы, пока женщина едва не катается по полу от смеха.

– У вас, богачей, мозги набиты тараканами, – визжит Лу, держась за живот. – Сплавил девчонку похотливому старику и отлично! – кидаю в нее упаковкой бумажных салфеток. Я не старик, черт возьми! Мне даже нет сорока, сучка! – Ладно-ладно. Если на чистоту, то не смей с ней спать. Подрочи в душе под порнушку, но ее не трогай, а то я лично отрежу тебе яйца. Вообще, мне кажется, у тебя кризис среднего возраста или какая-то такая брехня.

– С чего ты так о ней печешься? – бурчу я, скрестив руки на груди. – Ты ее не знаешь.

– Как и ты, – возражает Лу, положив голову на мои колени. – Для сиротки важнее дружеская поддержка, а не член. Даже твой. Попытайся отвлечь ее, своди на рыбалку, потренируйтесь вместе, сделайте ремонт на чердаке. Может, так сможете подружиться, а твой член перестанет шалить. Избегать и прятаться совсем по-детски. В твоём доме ей должно быть комфортно после таких родителей, она не должна чувствовать стыд и смущение. Девочка должна понимать, что не обуза для тебя.

Лу права. Я повел себя, как последний мудака.

– Ты права, ведьма, – выдохнув, соглашаюсь я.

– Я всегда права, озабоченный подросток, – Лу встряхивает мои волосы, погладив по голове. – Но купальник все-таки отдай. От греха подальше.

Мы прыскаем со смеху и, допив, уходим из кабинета. Через час меня подвозит официантка, потому что я слишком пьян для езды за рулем. К моему приезду дома уже царит тишина. Ставлю ужин для Мередит на стол вместе с пакетом из магазина одежды.

Глава 5

Мерedit

Круглый стол из красного дерева выглядит необычно: от него оторван огромный кусок. Персидский ковер с орнаментом испачкан чем-то черным и сыпучим. Наклоняюсь, беру в руку горсть неизвестного порошка и принохиваюсь. Пепел? Вдруг в комнате становится невыносимо жарко, пол обжигает босые пятки, и я быстро сажусь на стул, подобрав под себя ноги. Поднимаю глаза и вижу четыре темные фигуры. Позади слышится хруст разгорающегося пламени, появляется теплый свет, лучи которого направлены на неизвестных людей.

– Милая, выпрями спину, – бабушка? Ее голос я узнаю из тысячи. – Так нельзя сидеть воспитанной девушке за столом.

Огонь усиливается, и я могу рассмотреть лица бабушки и дедушки. Они такие же добрые, спокойные, какими я их запомнила.

– Прошу прощения, бабушка, – отвечаю я, улыбаясь. Я так рада видеть ее. Раньше мне она никогда не снилась. – Как у вас дела?

Дедушка опускает бокал и прикладывает руку к сердцу. Его улыбка причиняет боль, потому что она нереальна. Дедушка погиб. Бабушка тоже. Они оба мертвы. Искра от пламени падает на мое плечо, и я ахаю от боли. Такой настоящей! Осматриваю плечо: сквозь мою спальную футболку просачивается алая кровь, пачкая ткань.

– Мы скушаем, солнце, – голос дедушки становится холодным и отстраненным. – Мы ждали тебя. Уже месяц ждем. Твои родители здесь, а тебя нет. Ты бросила нас.

Подняв глаза, я взвизгиваю от ужаса. Лоб дедушки пробит пулей, вокруг входного отверстия запеклась коричневатокрасная кровь. Лицо мужчины стало белоснежным, как первый снег, губы синие и безжизненные, нос расквашен. Поворачиваюсь и вижу, что грудь бабушки тоже прострелена, и рана кровоточит. Шелковая блуза превратилась из кремовой в алую, а пуля проделала путь прямо к сердцу. Воспоминания накрывают меня с головой: бабушку и дедушку убили.

– Мы увидимся, – шепчу я, глаза обжигает от подступающих слез. Сердце болезненно сжимается в груди, пропустив удар. – Когда-нибудь я приду к вам.

Другие две фигуры рычат, и в свете огня понимаю, что это мои родители. С их голов слезает обугленная кожа, руки покрыты крупными волдырями. От вида оголенных черепов к горлу подступает тошнота.

– Ты должна была быть с нами! – вопит мать во все горло и тут же начинает задыхаться. Из ее рта вместе с

кашлем съятыся сажа и пепел. – Хотя бы раз в жизни могла бы стать частью семьи, а не выброшенным мусором. Ты ничтожество, никогда не была и не будешь никому нужна!

– Думаешь, что стала сиротой месяц назад? – злорадствует отец, ядовито смеясь. – Ты стала ею до рождения, мерзость!

– Ты разрушила нашу семью, мою жизнь и жизнь моих родителей, паскуда! – с каждым словом матери мое тело пронзает адской болью. – И за это будешь гореть, как горели мы!

Всхлипываю, перестаю сдерживать эмоции и закрываю руками мокрое от слез лицо. Они не должны видеть, как мне больно.

Огонь разросся и подступил опасно близко ко мне. Языки пламени съедают ножки стула, на котором я устроилась, кусают мои пальцы, икры и колени – через секунду все тело горит. Чувствую, как кожа лоскутами сползает с плоти, кричу во все горло...

И просыпаюсь, разлепив свинцовые веки.

Камин потух уже давно, лишь ночник освещает пространство возле постели. Скомканная простынь валяется на полу вместе с одеялом. Несмотря на лютый холод в моей комнате, футболка, насквозь пропитанная ледяным потом, прилипает к телу. Жуткая боль стискивает голову, легкие ноют, и я не могу дышать. Желудок сжимается в спазме, и я, быстро надев тапки, выбегаю в коридор, не зная, куда идти. Свежий

воздух. Мне нужно подышать. Пулей вылетаю на улицу, погруженную во тьму. Тонкая ледяная корочка хрустит и лопается под моим весом, частички попадают на пятки и тут же тают. Холодный ночной ветер развеивает скрученные пряди. Кожа покрывается мурашками. Желчь подступает к горлу, и меня выворачивает наизнанку. Ужин в виде чипсов и фруктов погружается в чистый снег.

– Боже, – стону я.

Осматриваю руки и ноги – кожа на месте, ожогов нет. Это был лишь кошмар, страшный и нереальный. Пламя не пожирает мои конечности. Зато слезы настоящие. Они сковывают щеки, превращаясь в лед. Порыв ветра обнажает левое плечо, и я вижу кровоточащие следы от ногтей. Царапины глубокие и длинные. Это я сделала? Значит, боль была подлинной? Мне и раньше снились кошмары о прошлом, я вспоминала то, как погибли бабушка и дедушка, но такой пугающей реалистичности не было никогда. Прошло пять лет, а я не могу забыть то, что видела в тот день. Я продолжаю жить прошлым, упиваться им, не пытаюсь двигаться вперед.

Слабачка.

Чьи-то руки хватают меня и притягивают к крепкой мужской груди. Уловив мускусный аромат с примесью перегара и ментола, понимаю, что это Маркус. Похоже, у него вечер прошел в баре. Мужчина накидывает на мои плечи куртку, протирает мой рот ладонью. Грубая подушечка пальца задевается на нижней губе, задевая зубы, и я решаюсь под-

нять взгляд на Маркуса. Его челюсти стиснуты до скрипа, ледяные глаза сверкают в ночи, как две звезды. Злые и недобольные. Волосы взъерошены после сна и кажутся черными в темноте. Он лишь в пижамных штанах и ботинках с развязанными шнурками. Когда я пытаюсь отстраниться, Маркус крепче сжимает меня и встряхивает. Вся кровь застывает в жилах от страха, стук сердца заполняет вязкую тишину вокруг нас. По выражению лица мужчины пытаюсь понять, что его так разгневало, но натываюсь глазами на охотничье ружье, свисающее с его плеча. Паника накрывает меня с головой: огнестрельное оружие возвращает меня к ужасному сну и к той роковой ночи.

– Зачем тебе ружье? – заикаясь, хриплю я.

– Ты совсем дура?! – хрипло выплевывает Маркус. – Какого хрена ты выбежала посреди ночи на улицу?

В его голосе отчетливо слышится металл. Он не просто зол. Он в бешенстве. Хочу убежать подальше, потому что он пугает меня до чертиков. А если сон был пророческим? Вдруг Маркус Монтгомери решит убить меня? Тихо, без свидетелей. Кроме мистера Нолана никто не знает, где я и с кем. В городе у меня нет знакомых – искать меня никто не будет.

– Зачем. Тебе. Ружье? – вновь повторяю, выделяя каждое слово и держа страх под контролем, но дрожь в голосе меня выдает.

Маркус проводит пальцами по щетине, и я замечаю татуировки на правой кисти, которые не видела раньше. Ка-

жется, при каждом взгляде на него я вижу все новую и новую деталь. На указательном и безымянном пальцах красуются кресты, маленькие паучки дорожкой бегут от среднего и мизинца на лепестки связанного веревкой черного цветка. Выглядит жутковато, особенно ночью.

– Идиотка, ты в горах, а не в своей ванильной стране с единорогами! Здесь бродят волки и горные львы, которые с радостью полакомятся тобой и обглодают косточки, – Маркус размахивает руками, показывая на лес. Воображение тут же начинает рисовать страшные картины, как из-за сосен выходят зубастые хищники с длинными и острыми когтями и нападают на нас. – Иди в дом!

Страх меняется на злость. Почему он орет на меня и оскорбляет? Отталкиваю его со всех сил и делаю шаг назад, Маркус начинает наступать с тем же грозным выражением лица. Очертания его торса выдают ту же ярость, читаемую на лице. Хочу дать отпор, но колени трясутся, а ноги тянут меня назад. Маркус тяжело вздыхает и, наконец остановившись, цедит сквозь зубы:

– Я не трону тебя, Мередит. Иди в дом, а то...

Он не успевает договорить, потому что я перебиваю его. Не знаю, что ударяет мне в голову, но во мне просыпается неведомая сила, которая развязывает путы, сковывающие мой язык. Я поддаюсь эмоциям и огрызаюсь:

– А то что? Накажешь меня? Лишишь карманных денег? Или застрелишь, чтобы не возиться со мной? Ты ничего не

сможешь мне сделать, что хоть как-то обидит меня! Ничего...

Слезы градом катятся по щекам, я обнимаю себя, чтобы немного согреться и спрятаться от пронизывающего до костей взгляда Маркуса. Жду, когда он начнет кричать в ответ, но он молчит, чем сильнее раздражает меня. Невидимый тумблер в моем мозге щелкает, и я подступаю к мужчине. Тапочки немного спадают с ног, и пятки стынют от холода, как и все тело, но горечь после кошмарного сна сильнее моего благоразумия.

– Ты изначально считал меня недалекой блондинкой, так зачем же согласился приютить? – сощурившись, спрашиваю я. – Можешь отправить меня в отель, адвокат выделит деньги. В этой дыре мне хватит и на жилье, и на продукты.

Выражение лица Маркуса становится жалостливым. Хочу выцарапать себе глаза, чтобы не видеть это отвратительное сострадание. Было лучше, когда он был зол. Мне не нравится, что я позволяю говорить с незнакомым человеком в таком тоне. *С незнакомым мужчиной, который в два раза больше меня и владеет ружьем.*

– Зайди в дом, – устало просит Маркус, но я не шевелюсь, выпившись взглядом в дуло. Мужчина замечает это, аккуратно снимает ружье с плеча, держа его в левой руке. Я вздрагиваю – Маркус выставляет правую ладонь вперед, давая понять, что не навредит. Надеюсь, по крайней мере... Он извлекает магазин, кидает его в сугроб, а само ружье кладет на

дорожку и отталкивает ногой. – Это была лишь мера предосторожности, я боялся, что с тобой может что-то случиться. Зайди в дом, ты можешь заболеть.

Обдумав несколько секунд его слова, решаю послушаться и возвращаюсь домой, направляясь на кухню. Что на меня нашло? Господи, как же стыдно... Заварив чай, я скидываю тапочки и жду Маркуса, уставившись на кружку. Пальцы ледяные и покрасневшие, однако я не чувствую холод, только ненависть к себе за то, как сама же себя унизила. Слышу, как Маркус заходит, и начинаю оправдываться:

– Прости, я правда не знаю, что на меня нашло. Но я говорила серьезно. Если я тебе мешаю...

– Прекрати, – цыкает мужчина. – Я уезжал по делам, не бежал от тебя. Ты мне не мешаешь. Все совсем не так: я собираюсь пользоваться твоими кулинарными навыками ближайшие полгода, отучить тебя от замашек высшего общества и вправить твои мозги, которые совсем не на месте. Возражений не принимаю, так что сейчас допивай свой чай и возвращайся в кровать.

Маркус не дожидается моего ответа и уходит. Я думала, что не смогу уснуть этой ночью. Но как только моя голова прикасается к подушке, я слышу только Маркуса, говорящего со мной, словно я чокнутая.

Глава 6

Мередит

В таких купальниках плавают старушки. Конечно, они обычно были куплены в Европе, а не в таком захолустье, как Джексон. Зачем вообще Маркус купил мне этот ужасный синий купальник? Он не совсем угадал с размером. Грудь немного вылезает из лифа, но в остальном все нормально. Плотная ткань стягивает живот, так что я кажусь чуть стройнее. Только задница слишком открыта, мне было удобнее в боксерах, которые я использовала как спальные шорты. Поэтому я плаваю лишь тогда, когда Маркуса нет дома.

Он начал исполнять свой план по высвобождению меня из высшего общества. Всю неделю я чистила стойла, несколько раз воевала с курицами. Кто же знал, что они будут драться, если я буду забирать их яйца? Клянусь, Заноза – так я прозвала одну из птиц – пыталась откусить мне палец! Еще я вспомнила все рецепты, которые узнала от поваров в поместье Ван дер Мееров, и набрала из-за них килограмм или два. Но общение с Маркусом все еще не наладилось. Он раздавал мне поручения, мы здоровались и перекидывались дежурными фразами. Например, вопросы о погоде, об ужине или о

том, кто займется стиркой. Маркус был очень удивлен тем, что я умею пользоваться стиральной машиной. Честно, меня опять кольнуло острое желание ударить его. Воздух в доме насквозь пропитан неловкостью. Когда Маркус был рядом, я опускала взгляд, а после его ухода подглядывала за тем, как он работает, ест или занимается домашними делами. Я веду себя как маленькая школьница, подсматривающая за красивым учителем. Но поделаться с собой ничего не могу.

Слава Богу, ночью он ушел на рыбалку, пообещав научить меня чистить форель. У меня есть почти сутки, чтобы перевести дух и окончательно отойти от ночной прогулки без постоянного живого напоминания.

Свесив ноги на краю бассейна, спускаюсь в воду. В доме стало прохладнее за последние пару дней, поэтому я решила согреться в горячем бассейне. Но он тоже оказывается холодным. Как он смог остыть, если Маркус утром говорил, что вода сегодня очень теплая? Делаю круг и собираюсь повторить, но глаза почему-то начинают закрываться. Руки слабые, как переваренные спагетти, ноги становятся ватными, все тело будто тянет ко дну.

– Утонуть в бассейне мне еще не хватало, – бормочу себе под нос и вылезая наружу.

Доплыть до лестницы почти невозможно, она словно отдаляется с каждым моим движением. Все же я справляюсь и поднимаюсь по ступенькам. Все тело покрывается мурашками даже после того, как закутываюсь в полотенце. На втором

этаже тоже есть ванная, правда здесь нет моих принадлежностей. Зато горячая вода ближе, а дойти до комнаты можно и в халате. Ванная комната на первом этаже огромная и светлая, с глубокой акриловой ванной цвета слоновой кости, одна половина стен отделана деревянными плитусами в цвет ящикам под раковиной, а другая – мраморной плиткой. За перегородкой из дерева висит душ. На втором этаже нет ванной, только душевая кабина. В остальном все очень похоже: такие же деревянные панели, уложенные мрамором стены и глубокая овальная раковина.

Сбрасываю с себя мокрый купальник, стягиваю резинку с волос и залажу под струи воды. Помещение заполняется густыми клубами дыма, но мне не становится теплее. Озноб пробирает до самых костей, словно они покрываются льдом. Наверное, я могла простыть из-за частых походов на улицу или из-за того, что выбежала раздетой неделю назад. Стоит измерить температуру. Я делаю воду горячее, кожа становится красной, как у вареного рака, но мне все равно холодно.

Черт, буду истекать соплями при Маркусе. А это не очень красиво, как и темнота, неожиданно забравшая мое зрение.

В ушах звенит, лоб ужасно болит. Перед глазами все плывет и, танцуя, превращается в разноцветную кашу. Вода все еще стекает на ноги, но я не стою под душем. Я лежу на левом

боку на холодном мраморном полу. Что, ради всего святого, случилось? Переворачиваюсь на спину, чтобы подняться, но одна рука онемела, а вторая слишком слабая. Сдвинуться тоже не получается из-за моря, которое я тут развела. Я голая, и мне нужна помощь. Единственный человек, который мог бы мне помочь, неизвестно, когда вернется.

Прекрасно.

Моргаю, и ванная приобретает более четкие очертания. Чувствительность возвращается, и тупая боль пронзает лоб. Провожу пальцами по голове, на руке остается кровь. Видимо, я ударилась при падении. Неужели у меня настолько сильный жар? Или дело в экспериментах с температурой воды? Где-то читала, что нельзя мыться в кипятке, а я очень люблю это. Кажется, теперь стоит прислушаться к этой информации. Сомневаюсь, что смогу встать, так что придется лежать здесь и ждать Маркуса. Он найдет меня здесь голой, больной и с порезом на лбу. Да уж, добавим это к моей истерике, и он точно вышвырнет меня отсюда. А я очень не хочу возвращаться в Англию или жить в отеле, потому что везде буду чувствовать себя одиноко. Маркус станет первым мужчиной, который увидит меня обнаженной, не считая акушера, который принимал меня у матери при родах.

Боже, по-моему, я брежу...

Громкий стук прерывает мои вздорные мысли, и за дверь слышится громкий голос Маркуса:

– Мередит, ты долго?

Набираю в легкие побольше воздуха, но получается только простонать.

– Мер? – он вновь стучится, немного громче.

– Я не могу встать, – хриплю я, стараясь перебить шум падающей воды.

Где-то над головой раздается щелчок, и легкий ветерок проскальзывает в помещение. Поднимаю взгляд и вижу Маркуса в облегающем лонгсливе с большими пятнами от пота и расстегнутыми на воротах пуговками, на его плече висит полотенце. Спортивные шорты низко сидят на его бедрах, показывая небольшой кусочек его накаченного тела. Лицо Маркуса вытягивается от удивления, и мужчина замирает в дверном проеме. Его глаза пробегаются по моему нагому телу, ненадолго задерживаясь на интимных местах. Меня бросает в жар. И совсем не из-за лихорадки.

Маркус в один шаг сокращает расстояние между нами, присаживается на колени и, притянув меня к себе, оборачивает полотенцем. Оно такое теплое и сухое. В блаженстве прикрываю глаза, но тут же получаю легкую пощечину.

– Эй-эй, Мер, не спи, – шепчет Маркус. – Побудь со мной еще немного.

Мужчина ухватывает меня за талию, придерживает ноги и поднимает, прижимая к груди. Когда мы сдвигаемся с места, голова снова идет кругом. Маркус осторожно спускается по лестнице, заносит меня, кажется, в мою спальню и усаживает на кровать. Я соединяю края полотенца на груди, дер-

жась из последних сил, чтобы опять не развалиться лепешкой. Маркус бегает по комнате и роется в шкафах в поисках чего-то. Ко мне он возвращается с чистой сухой одеждой. Я шевелиться-то не могу, как я должна одеться? Он кончиками пальцев держит мои кружевные трусики и всовывает в них мои ноги. Боже, он видел мое белье... Там есть ужасные панталоны, как у старушек. Их очень удобно носить во время месячных, и я не буду оправдываться за то, что ношу их.

– Приподнимись, – тихо командует Маркус. – Я не смотрю, клянусь.

Менее постыдной ситуация не становится. Он надевает на меня свитшот, флисовые штаны и шерстяные носки, прежде протерев живот, спину и бедра от воды, пока я шатаюсь, как кукла-неваляшка. Голова сама падает на подушку, а ноги все еще свисают с постели.

– Открой глаза, Мередит, – на приказ это не похоже. Это просьба, почти мольба. – Я принесу лекарства, но надо убедиться, что нет сотрясения. Рассечение небольшое.

Едва разлепляю тяжелые веки, Маркус кладет руку на мою щеку и пытается улыбнуться, но получается плохо. Мне надо подбодрить его, и я хриплю:

– Думаю, из меня получится хороший корм для волка.

Маркус рычит и сжимает обеими ладонями мое лицо.

– Ты обещала испечь мне гребаный медовик, так что не смей даже думать об этом, девочка, – бурчит он. Мужчина поднимает указательный палец и продолжает: – Следи глаза-

ми за моим пальцем.

Он водит им в разные стороны и облегченно выдыхает.

– Голова цела, не считая пореза, – заключает Маркус. Он укладывает меня под одеяло, засунув края под мои ноги и спину. – Я дам тебе таблетку и наложу швы, чтобы не было шрама. Не волнуйся я в этом деле мастер, и у меня есть анестезиновая мазь, так что больно не будет. Даже мой сын-пискля не проронил ни слова, когда я его зашивал.

Помню, что выпила таблетку. Очень горькую и противную. Потом почувствовала холод на лбу и провалилась в сон. Кажется, Маркус накладывал мне швы, первые в моей жизни.

Глава 7

Мерedit

Градусник пищит, и я с надеждой смотрю на маленький экранчик, когда Маркус достает его из моего рта.

– Тридцать шесть и семь, – мужчина говорит так, словно у меня все еще лихорадка. – Идешь на поправку.

Я закатываю глаза.

– Еще бы! Ты продержал меня в кровати почти три недели! Уже апрель заканчивается, а я побывала в четырех местах: в гостиной, в туалете, в ванной и в этой дурацкой кровати! – я ворчу, как старая бабка, но как бы вели себя другие, если бы их держали в закрытом помещении столько дней?

Маркус улыбается во весь рот: его веселит мое поведение. Не выдерживаю и, достав подушку из-под головы, ударяю его со всей дури. Мужчина удивляется, но не теряется и подхватывает мою идея, схватив вторую подушку и легонько бьет меня. Не могу сдержать улыбку. Этот грозный, высокий мужчина с каменными мышцами нанес удар, будто он маленький муравей. Маркус думает, что я хрупкая фарфоровая фигурка. Хотя в каком-то смысле это прогресс. Мне так кажется, по крайней мере.

Но несмотря на более или менее наладившиеся отношения между нами, я не могла перестать думать о том, что Маркус видел меня голой. Периодически этот факт, думаю, всплывал и в его голове, поэтому он отводил взгляд, выдерживал дистанцию. Но больше не уходил надолго, только уезжал на пару часов в город, привозя свежую еду и корм для животных. В мае начнется сезон гроз. Маркус словно готовил бункер на случай ядерной войны. Несколько раз приезжала команда уборщиков, после их великолепной работы дом сверкал.

А вот с учебной дела обстоят так себе. Я отстала от программы и давно не выполняла работы. Конечно, все руководство академии пошло мне навстречу, да и я без окончания этого курса я легко поступлю в любой университет Лиги плюща. Боюсь, из-за предстоящих перебоев с интернетом, нагнать все будет трудно. Я поступила в Англию, потому что дедушка учился там и очень хотел, чтобы я была профессионалом в бизнесе, чтобы не смогла уничтожить семейную компанию. По этой же причине до моего выпуска бизнесом стал руководить поверенный, а не кто-то из родителей. Дедушка в гробу перевернулся бы, если бы отец или мать зашли на порог головного офиса.

– Как будто у меня не было причины, чтобы не выпускать тебя из кровати, – Маркус приподнимает правую бровь, намекая на мое падение. На его красивых губах играет самодовольная ухмылка. Маркус почти похож на мальчишку, бес-

печно улыбающегося из-за девушки. В уголках его глаз цвета ледников появляются маленькие морщинки, а улыбка полностью отвлекает внимание от шрамов на носу, брови и под нижней губой. – Сегодня еще отлежишься, а завтра можем провести урок верховой езды. Прогулки сейчас не подойдут: слишком грязно.

В окне видно, что снег почти растаял, что произошло удивительно быстро. Возле дома его почти нет, но в лесу еще есть маленькие сугробы. Дорожки, по которым Маркус ездит на рыбалку, выглядят, как каша из грязи, и даже пикап с трудом мог преодолеть их.

Стону и падаю лицом в одеяло. Я скоро сойду с ума в этой золотой клетке! Маркус ободряюще похлопывает меня по плечу. Его пальца всегда такие горячие, словно у него постоянная лихорадка, а от редких прикосновений в груди становится очень тепло. Пока не понимаю, что заставляет меня трепетать рядом с Маркусом.

– Давай хотя бы посмотрим что-нибудь, – жалобно прошу я, утыкаясь носом в одеяло.

– Что угодно, – соглашается Маркус.

Я вкрадчиво улыбаюсь и уточняю:

– Согласен даже на «Гарри Поттера»?

Маркус кривится, но соглашается. Недавно он рассказывал, что его сын каждый месяц заставлял его пересматривать все фильмы. Говоря о сыне, Маркус не объяснил, где он и сколько ему лет. Я видела несколько старых снимков с ма-

леньким парнишкой, на них Маркус немногим старше меня, так что он должен был стать отцом в очень раннем возрасте. Интересно, а где мать Кайл? И общается ли с ней мой... эм... опекун денег? Понятия не имею, какова его роль в моей жизни.

– Спускайся, а я пока включу диск и принесу обед, – говорит Маркус и покидают мою спальню.

Не могу сдержать смешок. Он, наверное, единственный знакомый мне человек, который до сих пор пользуется DVD-проигрывателем. Стоит помнить о том, что он был другом отца и что он почти его ровесник. Между нами пропасть в пятнадцать лет.

Отложив тарелку, пытаюсь сосредоточиться на фильме, но меня съедает любопытство. Я держалась долго, в моей голове накопилось много вопросов. Например, отношения между Маркусом и моими родителями. Я помню, что он сказал в нашу первую встречу, и не могу стереть его слова из памяти.

Поворачиваю голову в его сторону и всматриваюсь в спокойное лицо, прислушиваясь к размеренному дыханию мужчины и к хрусту огня в камине. Маркус давно не брился, но щетина смотрится очень привлекательно, прибавляет к его мужественному образу нотку необузданности и сексуально-

сти. Но при этом его лицо – воплощение мужской красоты. Думаю, даже Аполлон бы ему позавидовал. Взгляд сосредоточен, и невозможно угадать, о чем он думает. Острые скулы, о которые можно порезаться, напряжены. Маркус тянется за пультом и ставит кино на паузу, затем поворачивается ко мне и говорит:

– Ты хочешь что-то спросить?

Я пялилась, черт. Шея и лицо пылают в смущении. Ужасно, что мое тело всегда выдает мои эмоции. Врать я не умею, поэтому даже молчание не позволяет оградить окружающих от моих мыслей и чувств. Откашливаюсь, вкладываю все силы, чтобы не опустить глаза.

– Да, – тихо сознаюсь я.

Маркус присаживается чуть ближе, но не нарушая мое личное пространство. Я плотнее закутываюсь в плед. За окном еще светло, ветер раскачивает вершины сосен и завывает.

– Где твой сын? – выпаливаю я. – Просто ты довольно молод, чтобы иметь взрослого сына.

– Хм, ну это долгая история, – Маркус озадаченно почесывает затылок, расправляя волосы. Несколько прядей падает на скулы, прикрывая глаза. – Присаживайся ближе, молодой дед будет рассказывать тебе сложную историю жизни.

Маркус залпом осушает банку пива и кладет руку на спинку коричневого дивана из искусственной замши, я вместе с подушкой, украденной с кресла в тон, передвигаюсь к муж-

чине. Между нами меньше полуметра, если я наклонюсь, моя голова ляжет на его плечо. Усаживаюсь в позу йога и жду, когда Маркус начнет говорить.

– У меня был старший брат, – о боже, я сунула свой нос в чужую душу. Но он не послал меня и решил ответить. – Он сбежал, когда мне было десять, так что я ничего не знал о его жизни одиннадцать лет. В один день мне позвонил его адвокат и сказал, что произошел несчастный случай. Оказалось, что в завещании Сэм, мой брат, указал меня в качестве опекуна своего восьмилетнего сына. Я хотел отказаться, сдать парнишку в детдом. Парни в двадцать один не отличаются умом, да чего скрывать? Кое-что другое заменяет им мозг. Кайл сейчас ведет себя подобающе.

Маркус, возможно, рассчитывал, что я улыбнусь, но его шутка меркнет на фоне печальной истории, конец которой я уже знаю.

– Адвокат был хитрым сукиным сыном, – кряхтит мужчина, как старый дед, и немного наклоняется в мою сторону. – Перед подписанием бумаг он привел маленького мальчугана с заплаканным лицом и грустными сиротскими глазками. Такими большими и печальными, что я не устоял и взял парня под опеку. Кстати, ты воспользовалась тем же приемчиком, Мередит.

Я вопросительно поднимаю брови.

– Ну сиротский взгляд, – поясняет Маркус.

Фыркаю от досады. То есть он считает меня маленькой си-

роткой, как и своего сына? Я лишь очередной ребенок, которого он взял под опеку?

– Почему в день нашего знакомства ты сказал, что нельзя винить детей в грехах их родителей? – мой язык опять опережает мозг. С опаской смотрю на Маркуса. Он сводит брови на переносице, взгляд становится отрешенным, словно он не здесь, а где-то очень далеко. – Что сделали мои родители?

– Сегодня день откровений? – вопрос скорее риторический, потому что Маркус продолжает говорить: – Мы были друзьями очень давно. Мне было четырнадцать, твоей матери – шестнадцать, а отцу – восемнадцать. Честно говоря, я неровно дышал к Сьюзен.

Это неудивительно. Немного грустно, но все же очевидно. Пусть в последние годы жизни мама выглядела вечно усталой и потрепанной, но в молодости она была настоящей красавицей. Серо-голубые глаза, светлые густые волосы, похожие на мои, полные персиковые губы и спортивная фигура. Она занималась гимнастикой, у нее были все шансы попасть в Олимпийскую сборную, но мама забеременела мной.

– Но она выбрала твоего отца, который работал в вашем поместье, – Маркус произносит это с особым пренебрежением. – Когда мы узнали, что Сьюзен ждет тебя, у твоего отца появился план. Он боялся гнева мистера Ван дер Меер и предложил Сьюзен бежать, но им нужны были деньги. Генри благодаря детству, проведенному в приютах и приемных семьях, научился хитрить, выходить чистым из воды. Так он

придумал ограбить ювелирный магазин, в котором иногда подрабатывал. Я – идиот полнейший – решил помочь другу стать счастливыми, рассказал, как отключить камеры и систему безопасности, а сам ждал его в машине на противоположной улице. Потом... Слушай, я понимаю, что Генри твой отец и все такое, но для него были важны только он сам и его шкура.

– Поверь, я это прекрасно знаю и даже не подумаю защищать его, – убеждаю я Маркуса.

Он, успокоившись, делает паузу, чтобы перевести дыхание.

– Нас все-таки заметили и вызвали полицию, – продолжает мужчина. – Мы не успели бы убежать, и Генри это понимал, поэтому он с половиной добычи побежал наутек, перед этим заперев автомобиль.

Я невольно ахаю. Я всегда знала, что отец был меркантильным эгоистом, но так подставить друга... Он даже не дал Маркусу шанс убежать. Боже мой...

– Тебя посадили? – спрашиваю я.

Такое, вряд ли, могло произойти. Маркус из богатой семьи, а они не любят, когда их репутация портится, поэтому выплачивают залог или дают взятки. Я подумала о тюрьме лишь из-за шрамов: в колониях часто происходят драки. Шрамы могут быть и не такими старыми, но чуть подсказывает мне, что его довольно мрачные татуировки – попытка скрыть белые отметины. А прятать последствия охоты бес-

смысленно.

– Нет, отец вытащил меня, – голос Маркуса срывается на рык. Что-то точно произошло после ограбления, и именно это заставило его ненавидеть моего отца. Не подстава и предательство, а нечто, связанное с его семьей, с его отцом. – Лучше бы я отсидел. Генри обрек меня на ад, в котором я до сих пор варюсь.

Напряженное молчание заполняет гостиную, я не могу пошевелиться и просто продолжаю смотреть на Маркуса. Наши глаза встречаются, и я затаиваю дыхание. Хочу извиниться, сказать, что мой отец был ничтожество, попросить прощение за него и за то, что он пережил. Грудь Маркуса часто вздымается после неприятного разговора. Ненавижу жалость, но не могу не чувствовать ее к нему. Мои руки медленно тянутся к Маркусу. Я хочу его обнять. Люди же делают это, когда кому-то плохо? Он добр ко мне, несмотря на заслуженную ненависть к моей семье.

Но Маркус не позволяет мне этого сделать. Перехватывает мои руки, сжав запястья, кладет их на диван и уходит, ничего не сказав и оставив меня в полном замешательстве.

Глава 8

Мерedit

Кривая Лоренца – важная тема для будущих экономистов, и на бизнес-курсах в школе она была моей любимой, но сейчас я готова ползти на стены от нежелания рисовать очередной график на клетчатых листах тетради. Опускаю голову на кухонный стол, обреченно глядя на экран макбука. Моя голова совершенно не настроена на работу, потому что она забита лишь мыслями о Маркусе и его прошлом. В какой-то мере нашем прошлом. Если бы не я, отец бы не решил ограбить магазин и не подставил Маркуса, верного друга, который был готов свернуть горы ради него. Получается, я виновата в этом? Маркуса мучают травмы прошлого из-за меня? Может быть, моя вина и в печальной судьбе родителей? Вдруг дедушка и бабушка настояли бы на их разрыве или отец сам бросил бы маму?

Слишком много «если» и «бы». Все равно у меня нет машины времени, и изменить я ничего не могу. Хотя ядовитое чувство вины кольнуло сердце. Глупо же, да?

По кафельному светло-коричневому полу шлепают босые ноги. Открываю щеку со стола, на котором я разбросала все

свои вещи для учебы, и вижу Маркуса с обнаженным торсом. С плеча свисает грязная футболка, грудь покрыта маленькими капельками пота. Одна горошинка вздрагивает и стекает вниз, стремительно направляясь к V-образной линии. Мои глаза следят за влажным следом на резко очерченном прессе и останавливаются на стройных мускулистых бедрах. Маркус одет лишь в очень старые голубые джинсы с протёртыми почти до дыр коленями. Плечи испачканы в чём-то белом, волосы стянуты резинкой на затылке. Мужчина часто дышит и вы-глядит измождённым. Чем он занимается? Маркус проходит мимо, не глядя на меня, приближается к ящикам под раковиной, громко роемся в нем и достает оттуда две банки с краской и кисти.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, но Маркус молчит. – Маркус?

Мужчина, не поднимая глаз, все же отвечает:

– Надо покрасить стены на чердаке.

На чердаке за почти месяц, проведенный в доме Маркуса, я ни разу не была на чердаке. Вроде там находится спортзал, но у меня со спортом отношения никогда не ладились, поэтому я даже не интересовалась тренажерами. Закрываю тетрадь и макбук и встаю со стула.

– Я готова, – сообщаю Маркусу. На мне подходящая одежда, да и делать задания не хочу.

Он хмурит брови, и наконец наши взгляды встречаются.

– К чему ты готова? – уточняет он.

Что-то блестит у него на языке, когда Маркус размыкает губы. Это сережка? Не видела раньше, что у него проколот язык. Захотелось увидеть его украшение.

– Помочь тебе, – объясняю я, – мне все равно нечем заняться.

Маркус задумывается, взяв краску, идет на выход и через плечо бросает:

– Забери волосы, в ящике моя бандана есть.

Не скрывая улыбку, выполняю его указ и бегу на помощь.

Добавляю побольше коричневого оттенка в банку, и получается цвет кофе с молоком. У Маркуса любовь к монохромному интерьеру, но это совсем не плохо. С зелеными деталями обстановка напоминает лесную глушь, камин, выложенные из камня, добавляют уюта.

Чердак Маркуса не склад вещей, а обустроенный по последнему слову техники спортивный зал. Тренажеры, названия которых я даже узнавать не хочу, накрыты прозрачной пленкой, стены уже отштукатурены и готовы к покраске. Треугольная крыша не делает помещение меньше. Большое деревянное окно открывает вид на вершины деревьев и крыши зданий в Джексоне. С такой панорамой я бы обустроила здесь маленькую библиотеку или кинозал, но точно не место, где надо потеть и сжигать калории. В пансионатах я все-

гда прогуливала уроки тенниса, запиралась в раздевалке и читала книги о любви. Мои максимальные навыки в спорте – занятия по растяжке.

Маркус разливает краску по палитре, обмакивает валик и проводит по белой стене, показывая мне, как красить стены. У мужчины цвет ровно ложится без проплешин, но у меня получается не очень. Пробую еще раз, но прокрашивается все равно пятнами. Откладываю валик и беру кисть. Может быть, с ней работа пойдет лучше. Ворсинки лучше разносят цвет, но медленнее. Обидно, потому что с рисованием у меня всегда было хорошо. Хотя Маркус архитектор, а я срисовывала принцесс Дисней с плакатов.

Работать в тишине скучно и напряженно. Айпод разрядился еще прошлой ночью, а телефон остался на кухне. Мысли невольно опять возвращаются к разговору с Маркусом, а рядом с ним думать об этом неловко. В животе скручивается узел вины, а потом я начинаю винить себя за свой идиотизм. Сгусток клеток точно не заставлял моего отца ничего делать. Мы стоим на небольшом расстоянии, и Маркус изредка смотрит, как я выполняю работу. Он не надел футболку, позволив мне видеть его голый блестящий от пота торс. Стараюсь не подсматривать, но боковым зрением улавливаю каждое его движение.

Решаю прервать тишину и спрашиваю:

– Давно у тебя проколот язык?

Валик Маркуса замирает на несколько секунд, но потом

снова возвращается к окрашиванию стены. Мужчина откашливается, разминает шею и отвечает:

– Лет пятнадцать назад, после ухода из дома. Я снимал штангу, когда ездил в Нью-Йорк. Татуировки уже перебор для таких людей, как адвокатишка твоей семьи, а если бы он увидел пирсинг, то умер бы от сердечного приступа.

Я усмехаюсь, потому что это правда.

– У тебя еще есть сережки? – уточняю я.

Маркус оттягивает мочку правого уха и показывает три дырки. После отрыва от семьи он ушел в отрыв: и татуировки, и пирсинг. Не хватает только цветного ирокеза и байка. Надеялась, что Маркус тоже включится в разговор, но он продолжает молчать, как рыба, поэтому продолжаю:

– Я бы тоже хотела проколоть что-нибудь, но мне запрещали из-за школьной униформы. Нос, например.

Мужчина хмыкает. И что это значит?

– Ты уже большая девочка, можешь делать со своим телом все, что угодно.

Разворачиваюсь к Маркусу лицом, выхватываю у него валик. Меня бесит его молчаливость и то, что бегаёт от меня, как от чумы. Он непонимающе вскидывает брови. Надо что-то сказать, но вот что?

– Что-то случилось? – Маркус хватается за ручку своего валика, но я крепко держусь за нее. – Хорошо, выговорись.

Выдыхаю, чтобы успокоить вихрь злобы и раздражения, притягиваю инструмент к груди и задаю мучивший меня во-

прос:

– Я чем-то тебя обидела?

Маркус тоже тянет валик на себя. Мы будто играем в перетягивание каната. Мне нужно его внимание и его честную реакцию. Маркус устало прикрывает глаза, протирает лицо висящей на плече футболкой и делает глубокий вдох.

– Нет, просто обычно я не треплюсь с первыми встречными о своей никчемной жизни, – мужчина произносит это так пренебрежительно, что мне становится еще хуже. А то, как он назвал меня, окончательно подбивает мою уверенность. Все его поступки очень важны для меня, но как он воспринимал их? Просто спасал «даму в беде»?

Опускаю взгляд на пол, стараясь сдержать подступающие к глазам слезы. По приезде в Джексон я только и делаю, что пытаюсь сохранить свои эмоции под замком, где держала их последние годы. Смерть родителей или переезд к Маркусу словно открыли сейф с тем, что я скрывала даже от себя. Монтгомери замечает это и кладет ладонь на мою щеку, вырисовывая круги на коже.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – Маркус хрипло шепчет и привлекает меня в объятия.

От шока из моих легких вышибает весь воздух, а сердце бешено бьется о ребра. Он обнял меня, крепко и тепло. Одной рукой он забирает инструмент и обхватывает за спину, притягивая ближе к своей груди, а второй обвивает талию. Мой лоб упирается в его ключицу, Маркус зарывается но-

сом в мои волосы на макушке, и мы замираем. Сквозь ткань футболки чувствую жар, исходящий от его пальцев. Спокойствие и облегчение обволакивают меня с головой, неприятная горечь бесследно пропадает. Сладкий аромат его голой кожи дурманит лучше, чем любой наркотик. Не хочу отрываться от Маркуса, его объятия слишком приятны. Мужчина целует меня в макушку, тихонько причмокнув. Этот жест не несет никакого скрытого подтекста – он очень невинный и нежный.

– Прости меня, хорошо? – хрипит Маркус.

Шмыгаю носом и киваю, продолжаю прижиматься лицом в твердые грудные мышцы.

– Продолжим? – предлагает он. – А то все испортим, и придется переделывать.

Нехотя я соглашаюсь и отстраняюсь, и мы берем в руки наши орудия. Становится так холодно и одиноко.

– Синоптики говорят, что гроз пока не будет, так что дорога до Джексона не опасна еще дней десять, – сообщает Маркус и, усмехнувшись, продолжает: – зря я скупил половину супермаркета.

Вспоминаю набитый до отказа холодильник и улыбаюсь, набирая на кисть краску.

– Слушай, животные не боятся... – не успеваю договорить, потому что большая клякса летит прямо на мою скулу и нос.

Поднимаю голову, рот Маркуса растягивается в огромной

улыбке, и мужчина начинает хохотать. После продолжительного приступа смеха, за который он получил продолжительный испепеляющий взгляд, он присаживается на колени возле меня и футболкой стирает пятно с моего лица. Наши глаза встречаются – и я снова чувствую его руки, обхватившие мое тело в объятии. Хочу обратно прижаться к широкой груди, где мне было комфортно и тепло, как в нагревшемся океане в полдень.

– Не боятся грозы? – договаривает Маркус, и я киваю. – Боятся, но в амбаре более или менее тихо. Да и они привыкли.

Маркус заканчивает свою половину и принимается помогать мне. Мы быстро справляемся, за разговором работа идет быстрее, но мы все равно устаем и ложимся на пол. Перепачканные и утомленные. За окном уже сгущается сумерки, небо заполняют звезды. Веки становятся тяжелыми, сознание – туманным.

– Хочу погулять в городе, – говорю я, устроившись под боком у Маркуса. Его грудь размеренно поднимается и опускается. Он с закрытыми глазами приобнимает меня за плечи и придвигает к себе, я для удобства кладу голову ему на живот. Не будь я такой уставшей, не решилась бы на такое. – Я сижу в доме затворницей.

Маркус громко зевает и отвечает:

– Обязательно съездим.

Слышу тихое посапывание и засыпаю.

Глава 9

Меридит

Утром я проснулась в своей постели, хотя точно знаю, что мы с Маркусом уснули на полу на чердаке. Завтрак я провела в одиночестве: он так и не спустился. Вчера все наладилось, так я думала, но мы, похоже, вернулись к избеганию друг друга. Маркус так точно решил продолжить это делать. Конечно, я не уверена на сто процентов, поэтому ждала до самого вечера его выхода.

Но он не спустился, поэтому я пошла на поиски.

Закрытая дверь кабинета наталкивает меня на мысль, что Маркус занят работой. Отвлекать его, наверное, не стоит, но я должна выяснить, не сказала ли вчера лишнего. Тонированные стеклянные стены раздражают, потому что, находясь внутри, Маркус прекрасно видит меня, а вот я его — нет. Не могу прислониться ухом к двери, чтобы подслушать, и подсмотреть. Пройдя мимо бассейна, стучусь два раза в кабинет. Возможно, мое сознание играет со мной, но я чувствую взгляд Маркуса сквозь стену. Тот самый, пронзительный, загадочный, заставляющий меня нервничать и покрываться мурашками.

– Маркус, ты здесь? – в ответ лишь молчание. Прислушиваюсь – кажется, скрипнуло кресло. – Прости, что отвлекаю. Ты не хочешь съездить в город до гроз? Я бы хотела сходить в книжный.

Стучусь еще раз и окликаю мужчину.

– Я занят, – раздается недовольный голос Маркуса. – Ключи от пикапа в шкафчике в коридоре, если ты, конечно, умеешь водить.

Открываю рот, собираясь возмутиться, но сдерживаюсь и ухожу в свою спальню. Рассекаю комнату много раз, пытаюсь успокоиться. Опять он отнесся ко мне как к неумелой кукле. Водить я умею и поеду одна в Джексон, перед этим наконец приведу себя в порядок. Половина моих вещей все еще находится в чемодане, чтобы в случае того, что Маркус вышвырнет меня отсюда, я могла бы быстро собраться. На улице слякоть и больше нет льда, поэтому достаю пару кожаных полуботинок на небольших устойчивых каблуках, которые надеваю вместо тех ужасных ботинок. Также прихватываю пальто, свободные голубые джинсы, бежевый вязаный кардиган, майку в тон и косметичку. Как же я соскучилась по макияжу! В ванной есть большое зеркало, там я и решаю накраситься, включив мой любимый плейлист. Пританцовывая, возвращаю лицу свежий вид. Тональный крем и консиллер выравнивают тон лица и скрывают синяки под глазами, закрепляю все пудрой, добавляю румяна, скульптор и хайлайтер – уже выгляжу, как здоровый человек. Причесываю прозрач-

ным гелем густые брови с изгибом, подчеркиваю глазами холодными коричневыми тенями и тушью. Волосы распускаю и выпрямляю небольшой плойкой, привезенной из Лондона. Помада и парфюм волос утюжком служат последним штрихом.

Довольная смотрюсь в зеркало и улыбаюсь, двигая бедрами в такт играющей из динамиков телефона песни. Но мой танец прерывается из-за звонка в дверь. Вырубаю музыку и иду к входной двери, на придомовой дорожке стоит красивая женщина с рыжими огненными волосами, ниспадающими на плечи мелкими кудрями. На вид она немного младше Маркуса. По стилю она его полный близнец: кожаная косуха, джинсы, высокие ботинки на шнуровке. Для такой погоды незнакомка слишком легко одета: куртка расстегнута, майка короткая и показывает проколотый пупок и татуировку в виде бабочки. При этом черты лица нежные и мягкие с большими серыми глазами, женщина миниатюрная, хотя не похожа на безобидную малышку. Думаю, она сможет задать любому мужчине трепку. Нзнакомка замечает меня и с интересом рассматривает меня, когда я открываю дверь.

– Привет, – здоровается она, махнув рукой. – Ты Мередит, да?

Я киваю.

– Впустишь меня? – на ее лице появляется добрая улыбка. От нее исходит невероятно теплая энергетика, я ее не знаю, но почему-то верю, что она хороший человек. Невольно мне

тоже захотелось улыбнуться.

– Да, конечно, – я отхожу и шире распахиваю дверь. – Вы к Маркусу?

– Ты, – поправляет она меня, по-хозяйски проходит внутрь, снимает с себя куртку и вешает на крючок. – Типа того. Я Лу, кстати.

Лу протягивает мне руку, и я пожимаю ее. Мое имя ей уже известно, значит, Маркус рассказал ей – возможно, и другим знакомым – о моем приезде. Интересно, кто она ему? Возлюбленная? Друг? Не родственница так точно.

– Очень приятно, – вежливо говорю я. – Маркус в кабинете работает и не открывает мне.

Вторая часть предложения вырывается сама, и я тут же захлопываю рот. Лу поджимает губы и спрашивает:

– Ты куда-то собираешься?

– Хочу в город съездить, – говорю я. – Поискать книжный и перекусить.

– Самый большой выбор книг в магазине у Ларри Гренсона на пятой улице, а поесть лучше зайти в «Три брата», – советует Лу.

Она проходит на кухню, чтобы вымыть руки, по пути рассказывает, как добраться до ранее упомянутых мест и до красивого парка. Лу намного разговорчивее, чем Маркус, и с большим воодушевлением все подробно объясняет. У женщины непривычно низкий голос – должно быть, она курит. От ее одежды пахнет маслом и алкоголем, на майке красует-

ся эмблема бара «У Лу». Возможно, женщина владеет баром или кафе. Она может с легкостью справиться с такой работой благодаря бойкости, заметной невооруженным глазом.

– Хорошей прогулки, – Лу салютует мне и поднимается вверх.

Я ненадолго задерживаюсь на кухне, вслушиваясь в происходящее на втором этаже. После тихого приветствия возвращаюсь в ванную, чтобы закончить сборы. Музыка не включаю, дабы не упустить ни один шорох. Все-таки надеюсь, что Лу его друг, она мне понравилась с первого взгляда, а такое случается редко. Просто от одной мысли, что они вместе, мне становится не по себе, в животе будто все органы выворачиваются наизнанку. Ощущение не из самых приятных. Надеваю золотые серьги-кольца и массивную цепь с толстыми звеньями, накидываю пальто на плечи, в коридоре нахожу ключи от пикапа, наклоняюсь, чтобы застегнуть обувь, но в дверь опять звонят.

Сегодня что, день гостей?

Перед дверью стоит девушка, похожая на Лу, как две капли воды. Только глаза не серые, а синие. Небольшие щечки делают лицо умильным, но ни в коем случае не портят общую картину. Она одета в облегающие джинсы и короткую куртку с шапочкой, из-под которой выбиваются рыжие выпрямленные пряди. Вторая незнакомка, пришедшая к Маркусу за полчаса, выглядит недовольной и, увидев меня, демонстративно барабанит по двери. Я открываю ей. Дежавю

какое-то. Она слишком взрослая, чтобы быть дочерью Лу, так что смею предположить, что она ее сестра.

– Лу давно приехала? – яростно спрашивает девушка и врывается, оттолкнув меня. – Эта дрянь забрала мои ключи от дома, и мне пришлось... стоп! – она замирает и на пятках разворачивается ко мне лицом. – А кто ты? Девушка Кайла или Маркуса?

Она ниже меня на полголовы, но грозное выражение лица немного пугает. Вместе с тем мне уже надоедает, как сегодня все себя ведут.

– Я... – выдыхаю, успокаиваясь. – Я ничья девушка. Я временно живу с Маркусом, он был другом моих родителей.

Хотя с такими друзьями и враги не нужны.

– История должна быть интересной, если Маркус пустил к себе в дом кого-то из прошлого, – девушка хмыкает, складывает руки на груди, осматривая меня с ног до головы, и почему-то закатывает глаза, увидев мои аксессуары. – Я Лекси, сестра Лу.

– Мередит.

Мое предположение оказалось верным. Лекси кивает в сторону лестницы и больше утвердительно, чем вопросительно, произносит:

– Они снова трахаются?

Желчь подкатывает к горлу, и Лу больше не так сильно симпатизирует мне. Знаю, что у Маркуса свои потребности, да и я сама видела одну из его женщин, но последние недели

я даже не вспоминала о ней. Меня тошнит от одной мысли, что он ласкает кого-то.

О Боже... Это ревность? Нет, я не могу его ревновать. Маркус мне никто, я ему никто, обуза.

– Я не знаю, – уставившись в пустоту, отвечаю я и крепче сжимаю связку ключей. – Можешь, наверное, подождать сестру здесь. На столе есть печенье, если захочешь выпить чай. Я поеду в город.

Не успеваю выйти на улицу, потому что Лекси хватает меня за руку, тормозя. Я вопросительно поднимаю бровь, девушка улыбается и теперь выглядит не пугающей, а вполне милой и доброй.

– Не возражаешь, если я присоединюсь? Я отвезу тебя, куда угодно, – Лекси указывает носом на старенький красный фورد, стоящий возле пикапа и шевроле Лу, отпускает меня, переступив с ноги на ногу. – Вдруг они решат продолжить в гостиную и не заметят меня.

Девушка корчит гримасу, будто ее вот-вот вывернет. Понимаю, что это шутка, но мне почему-то становится не весело, а грустно.

Мы заходим в «Три брата» с тяжелыми пакетами с книгами. Кафе небольшое, похоже на охотничью сторожку. Мы занимаем единственный свободный столик возле окна. Лек-

си тоже любит читать, поэтому мы вместе закупились литературой. Я взяла художественные романы, а она – учебники для подготовки к экзаменам. Лекси заканчивает старшую школу и осенью пойдет в университет, у нее большие шансы, потому что у нее много дипломов с национальных конкурсов и отличные оценки. Ее мечта – Колумбийский, так как девушка прожила всю жизнь в маленьком городке и хотела уехать в Нью-Йорк. За три часа прогулки по городу мы обошли много магазинов и взяли немного одежды. Я купила фирменные кепки с гербом Вайоминга, новый купальник – тот, что подарил Маркус, был ужасным и куда-то делся после моего падения – и черное платье, первое в моем гардеробе, которое не стоит, как чей-то автомобиль. Оно сделано из трикотажа, с длинными рукавами, облегающее в нужных местах и с треугольным вырезом. Конечно, через месяц в нем будет уже жарко, но сейчас оно было мне необходимо.

– Советую фирменный салат, бургеры и вишневый пирог, но вообще здесь все очень вкусно, – Лекси облизывается, листая небольшое меню. – Я голодная, как волк! Что ты будешь?

– Салат звучит отлично, – улыбаюсь я.

Мы делаем заказ и продолжаем разговаривать. В отличие от меня Лекси та еще болтушка, за несколько часов она успела рассказать мне всю свою биографию. Начиная с того, что ее родители сплывили ее сестре шесть лет назад, а сами уехали путешествовать по Европе, заканчивая отношениями

Маркуса и Лу. Когда-то они встречались, но быстро разбежались из-за незрелости и остались друзьями с привилегиями. Лекси оказалась очень приятным собеседником, мы уже обменялись номерами и договорились вместе позаниматься. Девушка собирается поступать на факультет бизнеса, а по этой дисциплине у меня отлично. Я тоже не особо держу язык за зубами – кроме подробностей смертей родителей и бабушки с дедушкой – и объясняю, как меня занесло в их «Богом забытое место», как выразилась Лекси.

– Мало, что знаю о Маркусе, хотя и знаю его много лет, – обмакнув луковое кольцо в сырный соус, говорит она. – Но точно ему хорошо досталось, ты видела сколько шрамов под татуировками? В детстве спрашивала, откуда они, но Маркус отвечал, что дрался с драконами. – Лекси фыркает. – Мне было шесть, и я поверила, а потом стеснялась спросить. Конечно, сейчас я бы хотела рассмотреть не только его шрамы, но и нечто более интересное и мужское, если ты понимаешь, о чем я.

Девушка подмигивает мне. *Да, я понимаю.*

– Каждая женщина в городе, которая его видела хоть раз, – Лекси обводит пальцем всех присутствующих, – хочет окольцевать его. Все готовы развестись и стать миссис Монтгомери. Но он бабник. Ему было не до отношений, когда рос Кайл.

При упоминании племянника Маркуса Лекси слегка странно реагирует: взгляд отрешенный, губы смыкаются.

– Вы росли вместе? С Кайлом, – вытираю губы салфеткой и отодвигаю пустую тарелку.

– Да, он был школьной звездой, – с наигранным равнодушием бубнит Лекси, отведя глаза к окну. – Играл в футбол, отлично учился. Богатый и красивый – все девчонки в школе были его.

Я прослеживаю за ее взглядом и вижу тату-салон «Мун». В голове появляется очень странная идея, о которой я говорила вчера с Маркусом.

– Слушай, а в этом салоне делают пирсинг?

Поджарый парень, весь покрытый татуировками, надевает перчатки и достает упаковку со стерилизованной иглой для прокола. Я думала, что сейчас все мастера бьют с помощью пистолета, но оказывается, носовой прокол делается иглой. Этот факт изрядно поубавил мою решительность, но идти на попятную поздно. Я уже решила.

В салоне «Мун» играет тяжелый металл, один из столов занят полуголой девушкой, которой лысый мастер набивает пантеру на все бедро. Увидела бы меня бабушка здесь – ее бы удар хватил. Кирпичные стены покрыты цветными граффити, что вполне соответствует общему интерьеру салона. Надеюсь, здесь все чисто...

Мастеру на вид лет двадцать пять, он высокий и поджа-

рый, не мускулистый, как Маркус. Волосы угольно-черного цвета коротко подстрижены и торчат в разные стороны, как у рок-звезды. Пухлые губы изгибаются в усмешке, когда он видит мое напуганное выражение лица. Черная майка открывает вид почти на все его рисунки – чистой белоснежной кожи у него почти нет, но парень очень даже симпатичный. Лекси уже трижды отметила, какая у него классная задница. Он присаживается на стул рядом со мной и обрабатывает участок для прокола. Лекси крепче сжимает мою ладонь и с ужасом спрашивает:

– Ты не передумала?

Я отрицательно качаю головой.

– Тогда приступим, детка, – парень подмигивает мне, и я согласно киваю. – Будет небольно, как комарик укусит.

Он еще раз протирает крыло носа, ставит банку с серьгой, опущенной в антисептик на рабочий столик. Я морщусь нос, и парень ставит точку в место, где будет прокол. Затем мастер подставляет ставит зажим и предупреждает:

– Мысленно посчитай до трех.

Один.

Два.

Три.

Парень прокалывает крыло и проводит сквозь него трубку. Я сжимаю руку Лекси. Черт, меня укусил комар размером с кулак Халка. Но боль вполне терпимая.

– Умница! – хвалит меня мастер, затем вытирает серьгу и

надевает ее с помощью иглы. Я выбрала небольшое кольцо из медицинской стали. Парень вручает мне зеркало и, сняв перчатки, говорит: – Можешь любоваться.

Вроде бы ничего особенно не изменилось, но это кольцо для меня больше, чем украшение. Это свобода от прошлого, от правил, от запретов и от того, что я не хозяйка своего тела. На радостях кидаюсь на парня и крепко обнимаю его. Запах табака, смешанного с ароматом мужского шампуня, ударяет в нос. Мастер тихо смеется и обнимает меня в ответ.

– Детка, это просто пирсинг, – поглаживая меня по спине, хрипит он.

Я, все еще возбужденная, отстраняюсь и шепчу:

– Нет, это нечто большее.

Его темно-карие глаза встречаются с моими, и парень словно читает мои мысли и понимает, чем я так обрадовалась. Он снимает перчатки, объясняет правила гигиены прокола и уходит к кассе. Лекси приближается, рассматривает мое украшение и заключает:

– Нереально круто. Это колечко немного разбавило твой чопорный вид богатенького отпрыска.

– Надеюсь, это комплимент, – усмехаюсь я, еще раз разглядываю себя в квадратном зеркальце и, взяв пальто, направляюсь к кассе.

Парень озвучивает сумму за серьгу и за саму процедуру, и я расплачиваюсь, пока Лекси уходит на парковку, чтобы завести автомобиль. Не дожидаясь чека, собираюсь присоеди-

ниться к ней, но мастер окликает меня:

– Девушка, вы чек забыли.

Не поднимаю глаза и, продолжая рыться в сумке, отвечаю:

– Спасибо, мне он не нужен.

– Но на нем написан ой номер телефона, – хмыкает парень, – как же ты позвонишь мне, если не будешь его знать?

Мое лицо вытягивается от удивления. Мастер не смотрит на меня, складывая деньги в кассу, кладет бумажку на столешницу и пропускает сквозь пальцы волосы. Пытаюсь скрыть пунцовые щеки, забираю чек с номером телефона и именем. Джозеф.

– Можно просто Джо, красавица.

Он со мной флиртует? Должна ли я представиться тоже?

– А ты? – подсказывает мне Джо.

– Мередит.

– Жду звонка, Мередит, – Джо поднимает на меня свои почти черные глаза.

Я киваю и покидаю салон, уставившись в магические цифры. Лекси сигналил мне, и я ускоряюсь. В автомобиле она спрашивает меня, почему я задержалась.

– Кажется, со мной познакомился мастер, – сообщаю я.

Лекси взвизгивает и отбирает бумажку с номером.

– Такой лакомый кусочек! Он точно на тебя запал! – пищит она. – Ты же позвонишь ему?

– Не знаю, возможно, да, – бормочу я.

Лекси хмурится и спрашивает:

– Ты глупая? Он горячий парень, к слову очень хороший.

– Не в этом дело... давай выезжай уже, – бурчу я. Мне девятнадцать лет, и сознаться в реальной причине мне стыдно. – Я ни разу ни была на свидании.

Лекси присвистывает, но не спрашивает ни о чем. За это ей спасибо.

Глава 10

Мерedit

– Ты ему позвонила? – вместо приветствия спрашивает Лекси. – Хотя можешь не отвечать! Я знаю ответ.

С нашей прогулки мы регулярно созваниваемся вот уже четвертый день. Она звонит мне по пути в школу, после уроков и вечером четко по расписанию. Вчера Лекси заболталась и слегка помяла мусорный бак возле здания старшей школы. Столько мата я никогда не слышала и даже не догадывалась, что так можно сочетать слова в качестве ругательств.

– Я не знаю, что ему сказать, – ворчу я, отложив книгу. – О чем говорят на свиданиях?

На другом конце слышится фырканье Лекси. Я не знаю Джо, а все новые люди пугают меня. Я даже страшусь от мысли о том, что Лекси в ближайшем времени можно считать подругой. В школьные годы у меня были знакомые, с которыми мы вместе делали уроки и сплетничали, но ни с кем из них я не поддерживаю связь, потому что понимаю, что наше общение дишь помогало справляться с долгими месяцами заточения в стенах пансиона. Так что Лекси станет первым

настоящим другом, если все продолжится в таком духе.

– Это ты можешь вывалить на незнакомца всю свою биографию, – язвлю я. – Я удивляюсь, что ты до сих пор не рассказываешь, сколько раз в день ходишь в туалет по большому.

Звонкий смех девушки заставляет меня расплыться в улыбке. Так здорово, когда кто-то смеется над твоими глупыми шутками!

– Если тебе интересно, то сегодня...

– Стой, прекрати! – громко хохоча, не даю ей закончить. – Я позвоню, обещаю.

– Прямо сейчас, – приказывает Лекси немного угрожающе. – Я отключаюсь и перезвоню через... Эй, смотри, куда едешь, старая кошелка! Перезвоню через десять минут, и ты поведаешь мне подробно ваш план.

Телефон пищит, и звонок прерывается. Чек с номером Джо лежит под стопкой книг, и, клянусь, я не знаю, почему до сих пор не позвонила ему. Я вспоминала о парне лишь во время звонков Лекси, а потом тут же выбрасывала его из головы. Мои мысли с того самого дня заняты только Маркусом, после возвращения домой я боялась застать его и Луза... тем самым. В животе скреблись кошки, когда я представляли их вместе. Рассказ Лекси об их прошлом обострял неприятное ощущение.

Кстати, Маркус солгал. Я его обидела, или он все-таки ненавидит меня. Он даже не хочет видеть меня, поэтому ест

либо после меня, либо уезжает перекусить в город. В остальное время он проверяет животных, рубит дрова и запирается на втором этаже. Маркус доделал ремонт, но больше я ему не навязывала свою помощь. Дом разделился на две зоны: в моем распоряжении находится первый этаж, в его – все остальное. Если я ему настолько неприятна, то не хочу лишний раз мозолить ему глаза. Несколько дней без помощи пошли мне даже на пользу: благодаря интернету я научилась зажигать камин. Благо на растопку есть все необходимое и на моем этаже.

Черт, раз он теперь точно только сосед, то я должна с кем-то общаться, кто не связан с Маркусом. У меня должны быть собственные друзья, а Лекси сестра Лу, так что Джо – идеальный вариант. Сдвигаю все книги в сторону, выудив чек, набираю номер – раздаются гудки. Боже, надо здороваться? Помнит ли Джо, что оставил мне свой номер? Наверное, стоит назвать имя...

– Привет, это Джо. Кто звонит? – мои мысли прерывает прокуренный голос с хрипотцой. Звучит он довольно изнуренным.

Я открываю рот, но из него выходит только тихий стон. Что я творю?

– Ау? – повторяет Джо.

Набираю в легкие побольше воздуха и на выдохе тараторю:

– Это Мередит. Ты оставил мне номер... Ой, надо было

сначала поздороваться. Привет...

От тихого смешка по ту сторону телефона я закрываю лицо ладонью, словно она поможет скрыть горящие щеки. Если я отключусь, это будет совсем по-детски?

– Да, я помню, – Джо словно оживает, и его голос кажется намного веселее. Класс, я его рассмешила. – Как прокол? Сerezка не мешает?

– Все отлично, – убеждаю его, и стеснение немного проходит. – Как дела?

Нет, давай еще спроси про погоду, Мер. Или о музыке, которая играет на фоне. Похоже на AC/DC.

– Все отлично, – Джо в точности пародирует мой ответ, заставляя меня улыбнуться. – Не хочешь куда-нибудь сходить сегодня? Я чертовски вымотался, и было бы здорово провести вечер в приятной компании. Не хочешь сходить в кинотеатр?

От облегчения я готова завизжать. В кино не надо разговаривать, да и при просмотре фильмов я всегда чувствую себя в своей тарелке.

– Было бы замечательно, я люблю фильмы, – отвечаю я.

– Сегодня показывают «Грязные танцы», после можем зайти в бар, – предлагает Джо.

Сложно представить татуированного парня, смотрящего мелодраму, но мне нравятся старые фильмы, и в детстве я неровно дышала к Патрику Суэйзи, поэтому соглашаюсь без лишних вопросов.

– Заеду за тобой в семь, – говорит Джо. – Но мне бы узнать, где ты живешь.

Я хмурюсь. На доме нет ни одной пометке об адресе, да и на указатели я не смотрела.

– За городом, но понятия не имею, какой точный адрес, – признаюсь я. – Я в гостях. Дом двухэтажный с панорамными окнами, облицован серым камнем, рядом амбар.

– У Монтгомери? – удивляется Джо. – Родственница что ли?

– Не совсем, – *он представитель моих денег на ближай-
шие четыре года.* Почему, когда я только пытаюсь забыть о Маркусе, меня снова наталкивают на мысли о нем? Надо перевести разговор в другое русло. – Тогда буду ждать тебя к семи. До встречи.

– Буду считать минуты до нашего свидания, Мередит, – слышу, что он ухмыляется, и отключаюсь.

Несколько минут лежу и пялюсь в потолок, осознавая, что сегодня случится первое в моей жизни свидание. Буду молиться всем известным богам, чтобы хоть что-то у меня пройдет удачно, а не как обычно. На часах уже половина пятого – мне надо торопиться. А еще мне нужен совет профессионала. Среди небольшого количества контактов в телефоне нахожу номер Лекси, но не успеваю набрать ее, потому что девушка решает выполнить уговор и уже звонит мне сама.

– Мы идем в кино, – опережая ее вопросы, тарабаню я.

Маркус

Ложусь на поставленную возле окна скамью, над которой висит штанга с несколькими блинами, и хватаюсь за нее, но вижу, как к дому подъезжает знакомый автомобиль. Ко мне пожаловал Джо Уилсон. Я бил у него две татуировки до приезда Мередит, и мы несколько раз вместе ходили в бар, чтобы обсудить проект дома его родителей. Из Джексона ко мне редко поступают заказы, поэтому консультирую я обычно через видеозвонки, в редких случаях езжу в нужные города. Неплохой парень вроде, немного мрачноватый и странный. Что его привело сюда?

Натягиваю майку на потное тело и спускаюсь на первый этаж. Черт, надеюсь, Мередит сидит в своей комнате. Мне не нужны лишние слухи и сплетни в городе. Кого, дьявол меня побери, я пытаюсь обмануть? Я просто хочу, чтобы ее не увидела ни единая душа в этом гребаном городе. Не просто так же я держал ее здесь, подальше от всех неприятных глаз. Она слишком красива и невинна для местных парней, как и для меня, а я слаб для того, чтобы суметь отпустить и выгнать Мередит. Мой порог выносливости – оттолкнуть ее. Я

был с не одним десятком женщин, но самые простые объятия с Мер разбудили нечто забытое. Я хотел бы каждый день притягивать ее маленькое тело к своей груди, и именно из-за этого я стал избегать ее, как огня. Для меня Мередит Ван дер Меер – наркотик, на который я подсел с одного взгляда. Ломка по ней невыносима и усиливается, когда я вижу ее или нахожусь рядом.

Перешагиваю последнюю ступеньку, прохожу в холл и слышу тихое ворчание и причитания. Задерживаюсь у стены, пытаюсь расслышать, что говорит Мередит.

– Он приехал, – следует короткая пауза. – Нет, Лекси, он без цветов. Что?! – теперь Мер взвизгивает от ужаса. – Я не буду с ним целоваться! Он ковырялся в моем носу и продырявил его, и я заплатила, но целоваться с незнакомцем я точно не буду.

Давно ли Мередит общается с Лекси? Давно ли она вообще разговаривает с кем-то кроме меня? В моем представлении Лекси – последний человек, с которым могла бы сдружиться Мер. Она тихая, спокойная и очень застенчивая, но при этом остроумная, обаятельная и милая, а Лекси... она взбалмошная чертовка, как Лу. Не умеет держать язык за зубами, ругается хуже моряка, ведёт себя импульсивно, а Мередит выросла в среде, где продумывают жизнь на десять лет вперед.

Выхожу из своего укрытия как раз в тот момент, когда Мер подходит к двери. С прижатым к уху телефоном она

застегивает молнию на чёрных кожаных ботфортах на грубой подошве. Голенища облегают ноги, как вторая кожа. Подол трикотажного черного платья заканчивается выше колен сантиметров на десять, тонкий ремень подчеркивают талию, а маленький кулон с драгоценным камнем привлекает внимание к декольте. Мягкие блестящие волосы падают крупными волнами на плечи, пока она надевает пальто. Зелено-голубые глаза подчеркнуты коричневатыми тенями. Миссис Ван дер Меер научила Мередит умело подчеркивать самые выгодные черты, которые делают ее еще красивее. Если это, конечно, вообще возможно. Она убирает мобильник в карман, тяжело вздыхает и поднимает голову, и наши взгляды встречаются. В ее глазах мелькает удивление, ведь я не пересекался с ней уже несколько дней. Делаю шаг вперед и спрашиваю:

– Зачем приехал Джо?

Мередит немного тушует, но быстро берет себя в руки и горделиво поднимает подбородок. Однако ее глаза выдают обиду и растерянность. Я обещал ей поездку в город, а в итоге сбежал на чердак.

– У нас свидание, – заявляет Мередит.

Когда она поворачивается в профиль, вижу маленький гвоздик, украшающий ее нос. Готов поспорить, что он появился недавно, а именно в день знакомства с Джо. Мередит сделала пирсинг? Сказать, что я удивлен – ничего не сказать.

Стоп. Свидание? Кулаки автоматически сжимаются от ки-

пящей в жилах крови. Стоило мне ненадолго потерять бдительность, как налетела саранча. Она не может пойти на свидание. Ни в коем, мать вашу, случае! Но запретить Мередит жить полной жизнью я не могу: я никто для нее. Да и девочка прожила всю жизнь в запретах и упреках – ей точно не нужен еще один взрослый незнакомец, который будет отдавать ей приказы.

– На ужин тебя ждать не стоит? – зевая, уточняю я. Господи, по-моему, это уже перебор. Стоит отрезать свой гребаный язык.

Мередит бросает на меня разъяренный взгляд и оскаливается. Котенок злится, и это чертовски горячо. Она делает несколько шагов ко мне, и я улавливаю аромат ее парфюма. Сладкий, немного терпкий и игривый – такой обычно используют для романтических встреч. Женщины, с которыми я встречался (хотя встречался – чересчур громкое выражения для наших отношений) часто носили подобные ароматы, но ни один не сравнится с запахом Мередит. Без дорогих духов она бы пахла, возможно, даже лучше. Мер тыкает в меня пальцем и почти шипит:

– Помнится мне, что последние дни я ужинала в одиночку. И обедала, и завтракала, и убирала стойла, и наматывала круги вокруг дома, ожидая, что ты спустишься вниз и снизойдешь до поездки в город или прогулки по лесу со мной, Маркус. Но тебя не было, так что теперь я иду с милым и дружелюбным парнем, который рад провести со мной время.

Ее дыхание сбивается от злости, грудь вздымается, и ложбинка соблазнительно смотрит на меня, искушая мои тело и разум. Я перехватываю ее ладонь и переплетаю наши пальцы. Ее мягкая кожа чувствуется чудесно на моих огрубевших подушечках. Ладонка крошечная, а длинные пальцы холодные. Мередит подается вперед, и ее грудь сталкивается с моей. Девушка не поднимает на меня глаза, ее шелестящее дыхание щекочет меня. Мередит так близко – голова идет кругом. Хочу вновь прижать ее к себе, но в этот раз не отпускать. Хочу еще раз услышать, как в порыве ярости она произносит мое имя. Хочу, чтобы она, положив голову на мою грудь, снова уснула рядом, как в ту ночь на чердаке. За несколько часов, проведенных вместе, я ни разу не сомкнул глаза, гладил ее волосы, наслаждался ее красотой и вкушал аромат кожи.

Наши идиллию прерывает звонок в дверь. У входа стоит Джо, по обычаю одетый во все черное. Под кожаной курткой виднеется водолазка, стянувшая его худощавое тело. Сегодня он больше похож на джентльмена, чем на рок-певца из захолустья. Джон не подходит Мередит. Слишком много татуировок, тяжелой музыки и бунтарства. Он из той самой категории «плохих парней», на которых западают все девочки, хотя не скажу, что он козел. Просто за несколько минут я стал чувствовать огромную неприязнь к нему.

Мередит отскакивает от меня, как ошпаренная. Не думаю, что Джо заметил, как мы прижимались друг к другу. Это к

лучшему: он не будет задавать лишних вопросов, однако они все-таки будут, потому что он знает, где живет Мередит, молоденькая красивая девушка. Мер разглаживает пальто по пути к двери и, открыв ее, тараторит:

– Привет, Джо. Я готова, поехали?

Она подталкивает его с порога, но парень видит меня и, широко улыбнувшись, здоровается:

– Привет, чувак.

В ответ коротко киваю, не открывая рта. Если я произнесу хоть слово, боюсь не успеть остановить свой язык, который так и просится запретить Мередит переступать порог дома. Джо подставляет ей свой локоть, предлагая взяться за него. Глаза Мер расширяются до размеров Юпитера, она робко протягивает руку, сомневаясь, и все же прикасается к нему. Крепко стискиваю челюсти, зубы скрипят от злости. Джо наклоняется к уху Мередит и шепчет что-то, из-за чего ее шея становится пунцовой, носик смущенно морщится, уголки губ приподнимаются в небольшой улыбке. Сильнее сжимаю кулаки, борясь с желанием разбить лицо Джо. Она не должна реагировать на других так же, как на меня. Это... неправильно? Не могу сказать ни одной причины неверности такой реакции, просто чувствую это всем нутром. Джо пропускает Мередит вперед и напоследок прощается с такой же широченной улыбкой. Я на ватных ногах подхожу к окну и смотрю, как сначала парень помогает Мер сесть на переднее сиденье, а потом они уезжают в сторону города, пока я

смотрю на следы шин.

– Дьявол! – свирепо грохочу я, и кулак летит прямо в стену. Тупая боль пронзает костяшки, но я не особо-то замечаю это и возвращаюсь на чердак.

Ложусь на скамью, сжимаю в руках штангу и делаю один жим за другим. Чертовы Генри и Сьюзен! Если бы не они, не было бы этой чертовой девчонки, вскружившей мне голову. Чертов отец! Его истязания вынудили меня сбежать, выжить в этом дерьмовом мире. Чертов Джо. В городе полно свободных девчонок, для которых любое слово, сказанное в их сторону, не сопровождается удивлением. Но нет ни одной, хоть на каплю похожей на Мередит. Ставлю инвентарь на место. Майка снова мокрая до нитки. Я должен сделать что-то. Беру телефон с подоконника и набираю контакт, стоящий на быстром наборе. Несколько гудков, и мой собеседник берет трубку.

– Лу, твою мать, спроси свою чертову сестру, куда Джо Уилсон потащил Мередит, – запыхавшись, приказываю я.

Мередит

Место у края – настоящее спасение. Когда я буду сбежать в туалет, чтобы успокоиться, мне не придется тревожить людей, смотрящих фильм. Боюсь, если бы мы сидели в середине ряда, кто-нибудь точно запер бы дверь за мной, потому что за двадцать минут «Грязных танцев» я побывала в туа-

лете трижды. Класс, Джо будет думать, что у меня проблемы с почками.

Тянусь к общему ведру сладкого попкорна, купленного Джо на нас двоих, и наши руки сталкиваются. Его пальцы холодные и мягкие, что меня почему-то расстроило. В животе скручивается узел, заставляющий меня тут же одернуть ладонь. Меня словно окатило понимание того, что мне здесь совсем не место. Боковым зрением улавливаю ухмылку Джо. Он кладет руку на общий подлокотник и ставит ладонь на тыльную сторону, растопырив пальцы. О... он подумал, что я хотела взять его за руку? Конечно, фильмы к этому располагает, но это, не знаю, рановато?

Боже, Мер, ты не леди из восемнадцатого века! Сейчас после недолгих перегибков лезут в кровать к незнакомцам, а ты боишься взять милого парня за руку? Собираю все смелость из закровов и накрываю его ладонь своей. Пальцы Джо все такие же ледяные. Они аккуратно сплетаются с моими, но несмотря на его бережность, не могу игнорировать чувство, что это неправильно.

Проходит еще какое-то время, в зал на секунду проникает свет из коридора кинотеатра – кто-то зашел. Волоски на шее встают дыбом, по телу проходит дрожь, спина покрывается ледяным потом. Поворачиваю голову в сторону выхода и вижу его.

Маркус стоит в метре от меня. Мне не нужен свет, чтобы узнать его массивный силуэт и очертания острых скул. От-

блеск экрана на его лицо лишь удостоверяет меня в том, что это Маркус. Его глаза светятся в темном помещении и прожигают меня, как два лазера. Ноздри раздуваются, и из них словно идет пар. Взгляд мечется от наших с Джо сплетенных рук к моему лицу. От его выражения лица весь мир останавливается и затихает. Кровь громко стучит в ушах. Губы приоткрываются в немом вопросе: это галлюцинация или реальность?

Вопрос отпадает после того, как Маркус молниеносно приближается и, крепко схватив за плечо, поднимает меня на ноги. Ведро с попкорном и стакан содовой падают на пол. Я взвизгиваю и отпрыгиваю от получившейся грязи. Джо рывком поднимается со своего места и пытается разглядеть неожиданного гостя. Все зрители в зале смотрят на нас, но я не шевелюсь и жду ответа от Маркуса. Мужчина оскаливается, как кровожадный лев, кажется, что он сейчас набросится на Джо. Что на него нашло? Тело подсказывает мне, и я кладу ладонь на грудь Маркуса. Мужчины переводит взгляд на меня, наши глаза встречаются, и его дыхание приходит в норму.

– Скажи парню, что у тебя срочные дела, – шепчет он напряженным голосом. Открываю рот, чтобы возразить, но Маркус прерывает меня: – Не возражай. Пожалуйста.

Я неуверенно киваю и выполняю его просьбу. Джо поглядывает на Маркуса и на то, как он меня держит, и хмурится. Судя по тому, как я боялась прикоснуться к парню, у меня

уже должен случиться сердечный приступ. Чувство вины начинает покалывать меня изнутри, но мозг не работает.

– Точно все будет нормально? – переспрашивает Джо.

– Да, – киваю я. – Прости, что так получилось.

Маркус не дает нам попрощаться и утаскивает меня за собой. Я беру одежду из гардероба, быстро накидываю пальто и выхожу на парковку. Ледяной ветер развеивает волосы и окончательно уносит все мысли из головы. Делаю глубокий вдох и залезаю в автомобиль. Маркус выглядит взвинченным и отстраненным, я почти слышу, как в его голове происходят мыслительные процессы. Никто умереть не мог, обеднеть я не могла, так что трагедии точно никакой не произошло. Значит, волноваться мне не о чем. Надеюсь. Мужчина заводит пикап, и мы уезжаем в горы.

Как только автомобиль тормозит, Маркус выпрыгивает из него, подбегает к моей двери, практически вытаскивает меня и тащит в дом. Прямо в обуви и в верхней одежде мы поднимаемся на второй этаж. Несколько раз я чуть не падаю лицом на лестницу, но Маркус удерживает меня. Останавливается он только в своем кабинете. Из ящика достает ручку и чековую книжку и говорит:

– Ты должна уехать.

Весь шаткий мир, который построился вокруг меня за ко-

роткое пребывание в доме Маркуса, рушится. Я ждала чего угодно, но точно не этого. Вновь, едва ощутив вкус жизни, я опускаюсь во тьму. Слезы собираются в уголках глаз и готовятся сползти по лицу.

– Нет, – мой голос такой же шаткий, как мои возможности остаться здесь. Откашливаюсь и произношу: – Я никуда не поеду. Мне здесь нравится.

«И мне нравишься ты,» – застревает в горле.

Маркус стискивает края стола так сильно, что костяшки белеют. Я подхожу к нему и кладу руку на его плечо, сжимая и требуя, чтобы он развернулся. Довольно! Мне надоело его странное поведение, а от перемен в его настроении моя голова скоро взорвется. Маркус опускает голову, его спина часто вздымается.

– Большую часть времени ты добр, – продолжаю я. – Ты понимаешь меня, знаешь, какого жить среди таких, как мои родители. Я всю жизнь мечтала оттуда вырваться, как это сделал ты, но я оказалась слабой.

Мужчина вздрагивает, словно я чем-то его уколола. Кажется, я на верном пути. Если придется, готова умолять его оставить меня в Джексоне. Маркус резко разворачивается ко мне лицом, немного сутулясь, чтобы наши глаза были почти на одном уровне. Его дыхание – горячее и приятное – щекочет мое лицо, и в блаженстве я опускаю веки.

– Я был трусом, раз сбежал, – шепчет он.

Одинокая слеза скатывается по щеке, я смахиваю ее и,

всхлипнув, спрашиваю:

– Почему ты меня гонишь? Мое происхождение настолько противно тебе? Я настолько противна тебе?

Маркус обхватывает мои щеки ладонями и поднимает мое лицо, заставляя смотреть на него. Глаза мужчины сверкают и чаруют, вводя меня в транс. Мой взгляд невольно падает на его губы, и мой жест не проходит мимо него. Маркус облизывается – у меня перехватывает дыхание, потому что понимаю, что у меня появилось дикое желание. Всем своим существом я хочу поцеловать его. Маркус проводит костяшками от моей левой скулы до уголка губ и шепчет:

– Все совсем наоборот, Мередит.

Я вопросительно свожу брови на переносице. Маркус продолжает поглаживать мое лицо, все тело пылает от наслаждения. Это кажется так правильно, но при этом такие действия – табу. Из-за нашего общего прошлого, из-за разницы в возрасте.

– Мне было невыносимо думать о том, что ты сблизисься с кем-то кроме меня, – объясняет он. Беззвучно ахаю, ноги слабеют, в низу живота разливается тепло. – Я взбесился от того, что Джо прикоснется к тебе или...

– Или? – хрипло уточняю. Возможно, я знаю ответ...

Маркус, прорывав, впивается в мои губы. Агрессивно, жестко, словно я источник, а он умирал от жажды. От шока стону, размыкаю зубы, и его язык проскальзывает внутрь и сплетается с моим. Они двигаются плавно, ласкают друг

друга. Я целовалась лишь однажды, когда девочки из моей комнаты в пансионе пригласили к нам мальчишек. Мы играли в бутылочку, и мне достался прыщавый ботаник в очках и с брекетами. В то время я тоже носила скобы, и во время поцелуя они все время стучали друг об друга. Это было жалко. Целоваться с Маркусом – совсем другое дело. Его мягкие губы умело двигались на моем рте, опьяняя меня до безумия. Я стону, наслаждаясь.

– Дьявол, – шипит Маркус, разорвав поцелуй. Мужчина отстраняется, убирает руки с моего лица. Наши глаза встречаются, и, похоже, он удивлен не меньше меня. Возбуждение кипит в крови, и я не хочу ничего кроме продолжения. – Останови меня, Мер.

Отрицательно качаю головой и сама прижимаюсь к нему. Без стыда обхватываю его шею, притягиваю к себе, слегка приподнявшись на носочках, и целую. Не знаю, что мной движет, я просто не хочу останавливаться. Я целую его не с таким напором, мои движения более осторожны и нежны. Маркус медлит прежде, чем ответить, и я начинаю сомневаться, хотел ли он продолжения. Через секунду его руки скользят от моих кистей до плеч и стягивают с меня пальто – одежда летит на пол. Маркус обхватывает мои бедра и поднимает наверх. Я взвизгиваю и машинально обвиваю ногами его талию, а руками – спину. Мужчина одной рукой придерживает меня, другой – скидывает со стола все вещи, потом усаживает меня на освободившееся место. Маркус нависает

надо мной. Губы пульсируют от глубокого поцелуя.

– Ты такая сладкая, – шепчет он мне в рот. – Именно так я себе и представлял.

Он представлял, как целует меня? О мой Бог... Левая рука Маркуса ложится на мою талию и поднимается чуть выше. Чувствую тепло его кожи возле груди. Должна ли я его обнять? Или сделать что-то другое?

Стоп, Мер, хватит анализировать.

Правая рука Маркуса сжимает мое колено и медленно ползет под подол платья. Неведомое мне чувство появляется между ног, из-за которого мне хочется свести брови. Мне так приятно, что я тихо стону.

Вдруг Маркус останавливается. Мы оба пытаемся отдышаться. Мне не хватает его прикосновений, поэтому я вновь тянусь к нему, но мужчина отходит подальше. Его выражение лица говорит за него: Маркус зол на себя или на меня. Без него мне становится очень одиноко, словно от меня оторвали какую-то важную часть. Стыдливо опускаю глаза и говорю:

– Ты снова мне солгал.

Он ненавидит меня.

Спрыгиваю с края стола и, не поднимая взгляда на Маркуса, убегаю в свою комнату. Его поцелуй – лучшее и худшее, что я когда-либо испытывала.

Глава 11

Мерedit

Ненавижу собирать чемоданы. Постоянные отъезды в пансионаты привили мне эту неприязнь. Сейчас же складывать вещи еще больше, потому что мне неизвестно, куда я поеду. Впервые будущее пугает. Денег на моем личном счете хватит на перелет и на несколько недель проживания в Нью-Йорке, где у бабушки и дедушки есть квартира. Только от этого пентхауса у меня есть ключи, остальные – у Маркуса. Возможно, устроюсь на работу, но без образования меня возьмут лишь официанткой или продавцом, а этой зарплаты не хватит даже на содержание квартиры. Я могу, конечно, забрать чек у Маркуса, но моя гордость не позволяет выйти из комнаты. На улице уже смеркается, а я до сих пор ни крошки в рот не клала с прошлого вечера, и желудок постоянно напоминает мне о голоде. Он же возвращает меня мыслями в кинотеатр и в кабинет Маркуса.

Джо писал и звонил мне, но я не могла написать ему. Как я могла объяснить ему причину своего побега? «Джо, прости, меня влечет к своему... денежному опекуну, поэтому я поцеловала его, а он оттолкнул меня, потому что ненавидит».

Прикасаюсь подушечкой указательного пальца к губам, которые все еще приятно болят. Я чувствую его вкус во рту, вспоминаю, как его язык ласкал мой. Участки кожи, где Маркус гладил меня, до сих пор горят той страстью, что я впервые испытала прошлым вечером. Не знаю, чем бы все могло закончиться, если бы он не остановился, потому что мною овладела похоть. Такое волнующее и греховное чувство показало самую потайную и пугающую сторону моей сущности. Черт, я должна взять себя в руки. Хватит думать о Маркусе.

Смахиваю со разгоряченного лица капельки пота и возвращаюсь к чемодану. Желудок вновь издает жалобный стон, но выйти из комнаты я все еще не могу. Маркус по какой-то причине весь чертов день провел на первом этаже. Иногда слышались голоса из телевизора, шаги по коридору из таймер на плите. Как же я скучаю по тем дням, когда он сидел на своем чердаке! Складываю футболки в чемодан, и в комнату входит Маркус. Затылком чувствую его взгляд, и по спине пробегает дрожь. Делаю вид, что не замечаю его и продолжаю собирать вещи. Маркус не двигается, а я приступаю к сбору книг. Не уверена, что они влезут в сумку. Руки немного трясутся от волнения, и я не могу застегнуть молнию на внутреннем кармане. Маркус не выдерживает, тяжело вздохнув, подходит ближе и говорит:

– Ты не ела сегодня.

Фыркаю. С чего такая забота? Ему стыдно или жалко ме-

ня? Шел бы он куда подальше в любом случае.

– Ты не постучался, – отвечаю я, не разворачиваясь.

Маркус ставит на прикроватную тумбочку поднос, на котором стоит баночка содовой и тарелка с ароматной едой. Запеченные овощи и куриные ножки никогда не выглядели более аппетитно. Но черта с два я к ним притронусь.

– Это мой дом, – напоминает Маркус.

Стискиваю челюсти и ядовито цежу сквозь зубы:

– Я помню, поэтому и собираю вещи. Не волнуйся, скоро никто мешать тебе не будет.

Разворачиваюсь, не глядя на него, и прохожу мимо него, направляясь в ванную комнату, где лежат средства для ухода, косметика и утюжок. Маркус хватается за плечо, останавливая, и удерживает на месте. Устремляю взгляд на пол и переступаю с ноги на ноги от волнения. Несмотря на жуткую злость, я хочу, чтобы он меня поцеловал. Так же, как вчера, только сильнее, дольше. Я не знала, почему людям нравится целоваться, но прошлым вечером Маркус показал мне причину так ясно, что мне больше не нужны никакие доводы.

– Прости за... вчерашнее, – начинает он и ослабляет хватку. – Я не должен был позволять себе такого. Я забылся.

– Ты не подумал, что дело не только в тебе? – поднимаю взгляд на него, наши глаза встречаются, и меня распялет еще больше. – Я ответила на поцелуй! Я сама хотела этого, Маркус!

Мужчина устало вздыхает, поднимает руку и пропускает

сквозь пальцы слегка влажные волосы. От него пахнет ментолом и еловыми ветками – он недавно был в душе. Мне нравился его аромат после занятий спорта, когда он вспотел... Боже, это же гадко, да ведь? Я веду себя, как извращенка. Маркус качает головой – ему не нравится мой ответ.

– Ты не понимаешь, что говоришь, солнышко, – печально произносит он. – Ты слишком молода, чтобы чувствовать что-то такое ко мне. Я хочу позаботиться о тебе, а не совращать. Давай забудем про это недоразумение и будем дальше спокойно жить вместе, как друзья. Пожалуйста, не уезжай. Этот дом – единственное место, где ты можешь спрятаться от всех. А я знаю, что тебе нужно именно это.

Недоразумение? Слишком молода? Может быть, он хотел сказать, что я еще ребенок? Однако в одном он все же прав: уезжать мне не хочется. Не знаю, что из этого меня злит больше. Вытаскиваю руку из его хватки и, сладко улыбнувшись, заявляю:

– А знаешь что? Я останусь, потому что ты прав. Мне не хочется посещать пресс-конференции и рассказывать о стратегии компании или о своем будущем, так как у меня нет ни одного ответа. И раз я такая молодая, то мне стоит вести себя, как полагается девушкам моего возраста. Хотя именно ты отвлек меня от этого прошлым вечером, помнишь? Я была на свидании.

Маркус не успевает ответить, потому что я хватаю телефон и убегаю в коридор, где наспех обуваюсь, накидываю на

плечи кожаную куртку Маркуса и краду – нет, одалживаю – у него ключи от пикапа. Я не в лучшем виде для поездки в город, но обтягивающий топ на корсете без бретель, который я по какому-то мистическому совпадению надела сегодня под белую хлопковую домашнюю рубашку, вполне может украсить мой домашний образ с черными брюками на завязках. Он отлично подчеркивает мою талию и грудь, поэтому идеально подойдет для моего плана. Завожу автомобиль, расстегиваю рубашку и быстро набираю сообщение для Лекси:

«Ситуация СОС. Срочно своди меня в какой-нибудь бар. Я хочу есть и танцевать».

Девушка отвечает быстро и без лишних вопросов указывает, куда мне ехать. Мои ровесницы любят развлекаться, танцевать, пить и знакомиться с парнями. Они беззаботные и легкомысленные. Маркус хочет, чтобы я была такой – такой я и буду.

– «Кривой рог» немного хуже бара Лу, но зато он почти на другом конце города, а еще здесь наливают с восемнадцати, – говорит Лекси, когда я торможу возле одноэтажного здания с вывеской в видео разломленных пополам оленьих рогов. Незамысловатый логотип. – Тем более сестра запрещает мне даже пиво.

Я фыркаю. Со стороны Лу немного неосмотрительно рас-

считывать на то, что Лекси, бойкая старшеклассница, не найдет другого способа достать алкоголь. Я пробовала алкоголь лишь раз пять на последние два дня рождения, на рождество и еще несколько праздников, но каждый раз это был лишь бокал красного вина или шампанского. Опьянение и помутнение рассудка никогда не ощущала. Кажется, сегодня Лекси исправит это.

Девушка выходит из пикапа. Она была немного не в духе, потому что я не дала ей времени на сборы. Но увидев мое выражение лица, Лекси быстро замолчала и начала рассказывать всякую ерунду, чтобы снять мое напряжение. Мне правда нравится она! Лекси понимающая и не лезет, когда видит, что тебе плохо.

Следую за девушкой, заперев машину, и мы заходим в бар. Внутри оченьлюдно и шумно. В нос ударяет смесь дешевого фруктового освежителя воздуха, пота и алкоголя. Морщусь: аромат не из приятных. Из музыкального автомата звучат песни восьмидесятых, под которые танцуют молодые парочки примерно нашего возраста. Группа пьяных мужчин лет под пятьдесят громко хохочут и чокаются стеклянными кружками пива.

– Местечко... своеобразное, – осматриваю стены с фотографиями посетителей и настоящими рогами.

Лекси снимает с себя куртку, направляясь к стойке и усмехается:

– Это точно, но здесь есть очень милый бармен, и сегодня

как раз его смена.

– Ты присоединилась, чтобы подбодрить меня или пофлиртовать с барменом? – выгибаю левую бровь и сажусь рядом с Лекси.

Девушка вешает куртку на спинку стула и пожимает плечами.

– Я мультизадачная, – отвечает она, и ее глаза начинают рыскать по бару. Когда она замечает парня за стойкой, наливающего пиво в кружки, на лице появляется соблазнительная улыбочка. Лекси машет ему рукой и щебечет: – Привет, Хэнк!

Бармен замечает ее и подмигивает. Отдав заказ, парень подходит к нам, широко улыбается и здоровается с Лекси. У парня короткие светлые волосы, блеклые серые глаза и бледная кожа. Он не очень высокий: сантиметров на десять выше меня. На худощавом теле нет заметных татуировок. Когда Хэнк улыбается, на щеках появляются милые ямочки.

– Лекси, рад тебя видеть! – он подмигивает девушке и учтиво спрашивает: – Что будете заказывать, дамы? Для красавиц сегодня каждый третий напиток за счет заведения.

Я открываю рот, но понятия не имею, что мне взять, поэтому бросаю взгляд на Лекси.

– Нам два картофеля фри с сыром и текилу, – после озвучивания заказа девушка прикусывает губу и игриво хлопает глазками.

Хэнк, отсалютовав нам, уходит в сторону кухни, на ко-

торой два повара активно собирают на тарелки блюда. Затем он ставит перед нами по три порции текилы для каждой, и, послушавшись Лекси, я вначале капаю соком лайма на ладонь между большим и указательным пальцами, посыпаю влажное место солью, в эту же руку беру дольку цитруса, в другую – стопку с текилой. Делаю глубокий вдох, слизываю соль, осушаю свою порцию с алкоголем и закусываю фруктом. Морщусь от кислого вкуса лайма, горечь обжигает горло – немного кашляю от неожиданности. Лекси озорно смеется и похлопывает меня по спине.

– Так держать, девочка!

Мы повторяем порядок действий и выпиваем еще по одной стопке, после чего по телу разливается тепло и голова приятно кружится. Похоже, на голодный желудок алкоголь действует быстрее, потому что за считанные минуты я чувствую опьянение.

Хэнк приносит нам картонные тарелки, наполненные картофелем с плавленым сыром. Желудок сжимается, и я с жадностью нападаю на еду, за пару секунд съедаю половину и стону от наслаждения. Лекси не успевает даже взять вилку и удивленно пялится на меня. Не дожевываю и проглатываю еду. В жизни не ела картофель вкуснее!

– Маркус тебя не кормит? – спрашивает Лекси, морщась. – Ты будто не ела неделю.

Протираю губы салфеткой и отвечаю:

– Мы повздорили, и я в знак протеста заперлась у себя и

не выходила.

– Ты же не расскажешь, почему вы поссорились? – я отрицательно качаю головой. Мой язык уже начинает расплетаться, поэтому мне стоит быть осторожнее и не разболтать лишнего. – Тогда выкладывай, как прошло свидание с Джо.

Я опускаю взгляд и молча рассматриваю свои ботинки Versace из натуральной кожи, купленные бывшей ассистенткой бабушки, с которой мы изредка ходим на шоппинг. Прикусываю язык, не давая ему ответить. Односложный ответ не устроит Лекси.

– Лаадно, – растягивая слово, говорит девушка и разворачивает меня на крутящемся стуле к себе лицом. – Ты хотя бы встретила с ним?

– На полчаса, – мямлю я, вспоминая, как бесцеремонно Маркус вытащил меня из кинозала.

– А потом? – Лекси не отступает.

– Я должна была вернуться домой, – я осекаюсь. Это не мой дом. – То есть к Маркусу.

– Большого не расскажешь? – больше похоже на утверждение, чем на вопрос.

– Большого не расскажу, – киваю я. – Я позвала тебя не для разговоров. Ты должна меня напоить и заставить потанцевать, потому что я молодая девятнадцатилетняя девушка, которая должна веселиться.

Последнее предложение произношу довольно язвительно, и Лекси скептически глядит на меня. Затем выпиваю третью

стопку текилы и прошу Хэнка повторить. Дедушка говорил, что Ван дер Мееры держат свое слово, поэтому сегодня я не разочарую ни себя, ни Маркуса.

Приятная легкость наполняет тело, все тяжкие мысли улетают из головы, и я расслабленно прыгаю по танцполу. Изменя танцовщица, как из слона балерина, но сейчас мне все равно. В самом центре бара под взглядами десятков людей я, подняв руки, кручу бедрами в такт песне. Лекси прижимается ко мне, и я приобнимаю ее за талию. Мы провоцируем всех представителей мужского пола, и, спорю на все фамильные драгоценности, утром мне будет чертовски стыдно, но сейчас я нуждаюсь в этом безумном веселье.

– Я хочу еще выпить, – тяжело и часто дыша, кричит Лекси. – Пойдем отдохнем.

На барной стойке нас уже ждут новые коктейли. Мне понравился какой-то мятный напиток, название которого я забыла после третьего стакана. На улице уже совсем стемнело, но город все еще живой. Все отдыхают в субботний вечер. Потягивая через трубочку божественный напиток, обмахиваюсь руками и пытаюсь охладиться хоть как-то. Пот стекает ручьями по спине, но рубашку все еще не снимаю. Возможно, я и пьяна, но не настолько, чтобы при людях ходить в той одежде (да это даже не полноценная одежда!), которую ношу

в основном в качестве дополнительного слоя.

– Мер, ты обязана одолжить мне этот топ, – Лекси указывает на мой торс. – Конечно, у меня нет таких охрененных сисек, но я все равно должна его примерять.

На удивление, я не смущаюсь и прошу девушку не говорить так прямо, а громко смеюсь.

– У меня есть такой же белый, – сообщаю я, – могу подарить его тебе.

– Я буду... – Лекси не договаривает и переводит взгляд с меня на кого-то за моей спиной. На губах появляется хитрая ухмылка, и девушка шепчет: – А к тебе кое-кто идет.

Я не успеваю осознать, как на мои плечи ложатся мужские ладони. Гость наклоняется над моим ухом, и я слышу голос Джо:

– Привет, красотка.

– Джо! – радостно взвизгиваю я и кидаюсь парню в объятия. – Я так рада тебя видеть.

Язык немного заплетается, не успевая за моей проявившейся болтливостью. Тело Джо сотрясается от смеха.

– Вижу, вы решили повеселиться, девушки, – замечает Джо.

– Ты должен к нам присоединиться и попробовать этот чудесный напиток! – лепечу я, бедра вновь просятся танцевать.

Джо с улыбкой осматривает меня. Его взгляд ненадолго задерживается на моем декольте, но быстро возвращается к

лицу. В металлической упаковке с салфетками я видела свое отражение: мои щеки красные без румян, которые я сегодня не наносила, как и остальную косметику кроме туши. Надеюсь, Джо не перестанет считать меня симпатичной из-за отсутствия макияжа.

Хэнк принимает заказ у парня, и приносит ему кружку темного пива. Лекси учтиво оставляет нас наедине и уходит болтать со своими одноклассниками, пришедшими в «Кривой рог» потусоваться. Она была права: здесь наливают всем. Делаю глоток своего коктейля, танцую плечами с прикрытыми глазами. Даже с опущенными веками не могу не ощущать, как кружится комната.

– Ты в порядке? – вдруг спрашивает Джо. Я распахиваю один глаз и непонимающе кошусь на него. – Маркус выглядел неважно вчера, и вы так быстро убежали, словно кто-то умер.

– У меня нет никого, кто мог бы умереть, – да уж, шутка неудачная. И очень мрачная, хотя не скажу, что грустная. Я принимаю свою жизнь такой, какая она есть. Тоска по родственникам, половина из которых была мне чужой, не вернет их. – Прости, с чувством юмора у меня плохо.

Джо недоверчиво улыбается, пытаюсь понять, точно ли это уместно. Откашливаюсь от сложившейся неловкости и продолжаю:

– Да, были кое-какие проблемы, но мы все разрешили.

Страстным поцелуем на столе. Боже, надеюсь, что не ляп-

нула это вслух.

Джо не просит подробностей и просто кивает, облегченно расправив плечи. Он выглядит повеселевшим, чему я безмерно рада. Сегодня развлечение и забава – главное, а все остальное пусть катится к Маркусу. Джо сегодня довольно разговорчивый, но признаюсь честно, я слушаю его вполуха. Мне не нравится, что его болтовня мне неинтересна. Такое чувство, словно я использую его и вру. Стыд неподдельный и не вызван алкоголем. Джо милый парень, и я должна благодарить его за доброту, а не думать о мужчине, ненавидящем меня за мое происхождение. Маркус не заслуживает ни секунду нахождения в моих мыслях, однако именно он, к сожалению, заседает в голове и не собирается убираться оттуда.

– Хочу танцевать, – перебиваю его и спрыгиваю со стула. – Ты идешь?

Джо качает головой, делает глоток пива и говорит:

– Предпочитаю смотреть, как двигаются девушки.

То ли я совсем пьяна, то ли это был намек. Решив, что его фраза имела однозначный подтекст, я впиваюсь взглядом в его глаза и встаю посредине бара. В колонках начинает играть не свойственная этому месту песня «I see red». Она идеально подходит под танцевальные возможности моего тела. Когда певица начинает петь, я медленно спускаю рубашку, оголяя плечи. Джо закусывает нижнюю губу, его тело напрягается. Ненадолго останавливаюсь: я не хотела оказы-

вать такое влияние на парня. Мое движение было скорее машинальным порывом, чем хитро продуманным действием. Меня не учили оболещению, и делать это с человеком, который не привлекает, точно нельзя. Немного сбавляю напор и продолжаю танцевать, стараясь не допускать таких же непристойностей. Закрываю глаза, правой рукой обнимаю себя, а левую поднимаю к потолку. Мои бедра вырисовывают круги в воздухе. Когда музыка ускоряется, мое тело вторит ей, отдаваясь мелодии. Песни льются дальше, а я продолжаю танцевать. После четвертой аудиозаписи я выдыхаюсь и возвращаюсь к Джо. Озорные чертята приветствуют меня.

– Мне нравится танцевать, – задыхаясь, бормочу.

Джо наклоняется к моему уху и шепчет:

– Мне нравится, как ты танцуешь. Ты очень красивая.

Я отвечаю на комплимент улыбкой. Затем Джо обвивает мою талию и усаживает на барную стойку. Мне становится не по себе: Маркус сделал это плавнее. Его прикосновения были теплее и бережнее. Для Маркуса я была невесомой драгоценностью, а для Джо собой. Наверное, дело в опыте. Мой сосед лет на десять дольше соблазнял женщин. Я стискиваю бедра, не пуская Джо на чересчур близкое расстояние, но его лицо опасно приближается к моему. Весь воздух выбивает из легких, когда парень хрипит возле моих губ:

– Можно я тебя поцелую?

Маркус не спрашивал разрешения. Я не хочу целоваться с Джо так же сильно, как хочу делать это с мужчиной, живу-

щим со мной в одном доме. Сомнения сильны, и я не знаю, что должна ответить. Следует ли мне позволять ему? Или все-таки послушать свою совесть?

К черту! Сегодня я не думаю о последствиях!

Едва заметно киваю и подаюсь навстречу Джо. Теплое дыхание щекочет кожу губ, и я приоткрываю рот, готовясь к поцелую – третьему в своей жизни и второму за сутки. Но кто-то отталкивает от меня парня и рычит:

– Как опекун Мередит запрещаю тебе приближаться ближе, чем на десять метров к ней. И тем более запрещаю опавать ее, черт возьми.

Проблемы две. Во-первых, у меня нет опекуна. Во-вторых, Маркус здесь.

– Мередит, слезай со стойки, – шипит Маркус.

Я с вызовом выпрямляюсь, складываю руки на груди и продолжаю смотреть на Джо. Парень растерялся чуть меньше, чем вчера. Боковым зрением подсматриваю за Маркусом. Голубая фланелевая рубашка в клетку оттеняет яркий цвет разъяренных глаз, на шее пульсирует вена, густые брови с пробелами из белесых шрамов сведены на переносице. Так как я продолжаю молчать, за меня говорит Джо:

– Чувак, я доведу ее в целости и сохранности.

Парень поднимает руку, чтобы похлопать приятеля по

плечу, но, кажется, все дружеские отношения у них закончились. Маркус почти прожигает дыру взглядом в голове Джо, предупреждая, чтобы руки он держал при себе. Когда мы оказываемся втроем, воздух вокруг пронизывается насквозь электричеством от напряжения. Где носит Лекси, когда она так нужна? Маркус отталкивает Джо, подступая ко мне. Я избегаю его взгляда, нарочно делая вид, что мужчины здесь нет, подпеваю шепотом песню и дрыгаю ногами, как маленькая.

– Девочка, не вынуждай меня, – едва слышно предупреждает Маркус.

– Джо, мы не досмотрели «Грязные танцы», – говорю я, натянув на губы сладкую улыбку, и беру со стойки закрытую бутылку с водкой, которую Лекси подливает в наши коктейли. – Может, пойдем в кино сейчас? В баре слишком много людей.

Парень не реагирует. Он неглупый и видит, что между мной и Маркусом проходит битва с вербальным оружием. Монтгомери оскаливается и рывкает:

– Мы уезжаем домой сейчас же.

– Чувак, Мередит не хочет ехать с тобой, – вступается Джо.

Однако становится слишком поздно. Маркус не слушает его, руками обхватывает мою талию и закидывает к себе на плечо, как мешок с картошкой. Моя голова врезается в его спину. От резкого поворота на сто восемьдесят градусов

хмельной организм испытывает сильнейший шок, тошнота подступает к горлу. Вместо протеста из горла выходит кряхтение. Маркус одной рукой удерживает меня за бедра, не давая соскользнуть с его плеча. Ударяю его по ноге, чтобы он отпустил меня сейчас же, руку пронзает боль, словно я врезала не человеку, а камню. Бутылка чуть не выскальзывает и не падает на пол, но я спасаю свою драгоценность.

– Поставь ее на ноги, черт возьми, – с моего ракурсы вижу, как к нам приближаются ботинки Джо. Исцарапанные, с потертыми носками и заржавевшей молнией.

Маркус издает гортанный рык и рычит:

– Я ее опекун, так что я буду решать, что ей делать и когда. Сейчас Мередит едет со мной домой, где будет сидеть до тех пор, пока я не разрешу ей выходить.

Я замираю. Его командирский тон не пугает, а будит нечто странное. Странное покалывание распространяется по животу и бедрам. Перестаю сопротивляться, расслабляю конечности, позволяя тащить себя на выход. Джо умолкает и не препятствует ему. Маркус берет мою куртку со спинки и, нащупав в заднем кармане штанов ключи от пикапа, достает их.

– А если бы они были не там? – бормочу я. – Технически ты облапал меня без моего разрешения.

– Технически ты нарушила закон, напившись вдрызг, – парирует Маркус. Его голос все еще сочится злобой. – Я сажу тебя под домашний арест.

Мужчина открывает дверь на пассажирское сиденье и усаживает меня, сняв с плеча. Я закутываюсь в куртку: после жаркого потного бара в машине безумно холодно. Весь мир крутится вихрем перед глазами, но это не мешает мне возмутиться после его угрозы. С кряхтением удобнее сажусь в кресле, пряча бутылку с алкоголем подмышкой. Навряд ли мне стоило брать его, потому что спиртного во мне уже много, а утром может быть похмелье. Правда, сужу я только по фильмам и стороннему опыту знакомых. Например, моя одноклассница после каникул протащила с собой бутылку виски и на свой день рождения выпила почти все, а после всю ночь блевала. Симфония, играющая в туалете в ее комнате, была слышна на всем этаже.

– Меня будет тошнить? – вдруг выдаю я.

Маркус хмыкает, и на его лице наконец появляется нечто, похожее на веселье, но оно быстро исчезает в сгустке гнева. Я тоже вспоминаю, насколько сердита на него, и отворачиваюсь к окну. Маркус опозорил меня при Лекси, Джо и всем баре, говорил со мной, как с непослушным подростком. Машину заносит на повороте, потому что он гонит, как ненормальный. Желудок предупреждающе бурлит, Маркус хочет, чтобы я подпортила обивку в пикапе? Возле особняка мы оказываемся за считанные минуты. После торможения он рывком открывает мою дверь и яростным взглядом указывает в сторону дома, однако я демонстративно складываю руки на груди и отворачиваю голову, вздернув нос.

– Мередит, черт побери, ты еще не поняла, что со мной бесполезно воевать? – Маркус устало вздыхает, сдерживая свой гнев. – Домой идем.

– Дай мне ключи, я уеду обратно к Джо, – заплетающимся языком заявляю я.

Не знаю, зачем болтаю такую чушь, потому что сейчас мне даже не вставить ключ в разъем зажигания. Я зашла слишком далеко в своем стремлении что-то доказать Маркусу, и пора бы уже заканчивать мое убогое шоу, однако алкоголь разбудил во мне смелость. Или глупость.

– Ты не мой опекун, – я все ближе подбираюсь к краю лезвия.

– Семантика, – так же утомленно говорит Маркус. – Ты живешь у меня, я кормлю тебя. Что еще входит в обязанности опекуна?

– Они не целует своих подопечных.

Кожа помнит его прикосновения, губы вновь жаждут его поцелуев. Хочу еще. Больше, сильнее, дольше. Разворачиваюсь к открытой двери, резко подаюсь вперед, приближаясь к его лицу, и без предупреждения впиваюсь в его губы. Сильно, неуступчиво и жадно. Маркус резко выдыхает, но не пропускает меня дальше. Провожу языком по его нижней губе, по сомкнутым вплотную зубам, всасываю верхнюю губу и чмокаю еще раз его в уста. Кажется, у меня появилось новое хобби – выводить Маркуса из себя. Он свирепо рычит, обвивает мою талию руками и перебрасывает через плечо.

Опять.

– Хватит так делать, – хриплю я, когда к горлу подступает желчь. – Меня может вырвать прямо на тебя.

– Ты, черт возьми, не делай больше этого, Мередит, – гремит Маркус так громко, что его голос разносится вокруг эхом. – Если еще раз поцелуешь меня, то я...

– Ты что? Отшлепаешь меня, как плохой папочка? – фыркаю я, проглотив подступившую тошноту.

– Именно так я и поступлю, – Маркус легонько шлепает меня по бедру и забирает у меня водку, которую я прятала под курткой. – И к этому ты не приблизишься до двадцати одного.

– Да, папочка, – салютую ему, словно он видит мой дерзкий жест.

Маркус снова ударяет меня по ноге и ворчит:

– И не называй меня так.

Глава 12

Мерedit

Яркость экрана смертельна для глаз, как и упрямые лучи света, рвущиеся в комнату. Боже, уже два часа дня. В голове играет оркестр из барабанов и колоколов, во рту ужасный привкус, словно я наелась вчера кошачьего дерьма и запила мочой. Все мышцы одеревенели то ли от положения, в котором я проспала, то ли от вчерашнего... К слову, что вчера произошло? Мои воспоминания обрываются на третьем шоте текилы. Лекси спрашивала, почему я не в настроении. Вроде в баре был Джо, а дальше полный мрак.

Ты больше не пьешь, Мерedit! Боже, зачем люди напиваются, если наутро будет так плохо?

С трудом сползаю с кровати и ползу в ванную. Настолько ужасно я никогда не выглядела. Гнездо на голове отлично сочетается с размазанной под глазами тушью. Горячая вода расслабляет напряженное тело и смывает тошнотворный запах пота и перегара. Подставляю лицо под мощные струи душа. Когда пальцы касаются губ, в моей голове ярко вспыхивает картинка, от которой перехватывает дыхание.

– Проклятье...

Я поцеловала Маркуса. Нет, нет, нет... Я не могла... Нечеткое воспоминание обжигает губы, убеждая меня в обратном. Сердце сжимается, по спине проходит дрожь, будто вода резко стала ледяной. Несознательно свожу бедра, чувствуя напряжение между ног, и тянусь рукой к эпицентру странного ощущения. Мне почти больно, когда я думаю о Маркусе, но и выбросить из головы его не могу. Восстанавливая по кусочкам свою память, я пробираюсь все дальше. Всем своим существом чувствую потребность избавиться от этой ужасной пытки. Ласкаю поглаживающими движениями внутреннюю поверхность бедра, а кончики пальцев иногда касаются распаленного участка, кричащего в мольбе. Пульсация усиливается и становится невыносимой. Неумело трусь киской о ребро ладони, и с губ срывается тихий стон. Я пробовала доставлять себе удовольствие, но мне никогда не было так приятно. Нащупываю набухший комочек нервов и шепчу имя того, кто заполонил мои мысли, растягивая каждую букву, словно призывая его прийти ко мне:

–Ма-а-арку-у-ус.

Он влез в мои жилы, сумел управлять мною, заставить непристойно мыслить о себе. Слегка нажимаю на клитор, всхлипнув, медленно массирую его круговыми движениями. Мощный заряд тока пронзает тело от кончиков пальцев на ногах до макушки, и я выгибаюсь, подставляя грудь под мощные струи воды. Капли бьют по напряженным затвердевшим соскам, и устоять становится все труднее. Ускоря-

юсь, давлую сильнее и вот уже задыхаюсь в агонии и предвкушении о сладком удовольствии. Представляю руки Маркуса, блуждающие по моему телу, губы, прижатые к шее, покусывающие и посасывающие горячую кожу. Воображаю, как он хрипло и едва слышно сипит мое имя над ухом, говорит, что я красивая и сладкая. Мышцы на животе начинают сокращаться, и волна наслаждения накрывает меня с головой. Зажимаю второй ладонь рот, чтобы не завопить на весь дом, головой упираюсь в стену, пытаюсь устоять на обмякших ногах.

– Черт возьми... – шиплю я.

Алкоголь, поцелуи, мастурбация в душе. Что дальше? Буду снимать парней в баре? Я должна злиться на себя за такое поведение, но мне слишком приятно. Настолько, что вместо хмурых бровей на лице появляется улыбка, которую я не в силах прогнать. Не чувствую себя грязной или противной: мне хорошо и свободно до головокружения. Придя в себя, мою голову и выхожу из душа. На кухне шипит масло – Маркус здесь. Щеки вспыхивают. Надеюсь, он не слышал, как я зывала к нему, пока удовлетворяла себя.

Вытираю волосы, закалываю их на макушке и, взяв телефон, ухожу на кухню. Маркус стоит ко мне спиной. Под черной майкой видно, как двигаются его мышцы, когда он нарезает еду. Опускаю взгляд ниже, на его прекрасные бедра, мощь которых заметна даже в свободных спортивных штанах. Я пялюсь, как маньячка.

– Аспирин на столе, – вдруг говорит Маркус, и я подпрыгиваю от неожиданности. – Будешь салат?

Он спокоен, не пытается убежать. Может быть, поцелуй был лишь сном? Если так, то очень ярким.

На столе и правда лежат таблетки и стакан с водой. До этого момента я и не понимала, насколько хочу пить. Свет все еще причиняет боль, но после душа стало намного легче. Сажусь на стул, и Маркус ставит передо мной тарелку с зеленым салатом, а на противоположный край – свой обед из фасоли, яиц и курицы. Меня немного подташнивает от запаха горячей еды, но салат выглядит очень даже аппетитно. Прожевав несколько ложек, смотрю на Маркуса. Стоит ли мне спросить его про вчерашнее? Или то, что я натворила, лучше не вспоминать?

– Я больше не буду пить, – хриплю я, пытаюсь разрядить обстановку.

Маркус напрягается и отставляет еду.

– Ты что-нибудь помнишь? – спрашивает он, не поднимая глаз и смахивая со лба темные пряди волос.

Если я скажу ему правду, то вновь буду заперта одна в доме. Хотя мне безумно интересно, был ли Джо в баре на самом деле, извинилась ли я перед ним. Как вообще я добралась до дома?

– Нет, – все-таки решаю соврать.

На мгновение на лице Маркуса читается разочарование, но следом его сменяет равнодушие с нотками облегчения.

Он решается взглянуть мне в глаза, на его губах появляется маленькая улыбка. От этого в животе снова разливается тепло с легким покалыванием. Мне нравится, когда он улыбается. Мое сердце замирает, а мысли превращаются в кашу.

– Я забрал тебя из бара, – говорит Маркус. – Потом ты уснула. На этом все.

Грустно возвращаюсь к салату. Не знаю, на что я надеялась. Просто хотелось, чтобы он признал нашу связь. Наш поцелуй, который я помнила наполовину, значил для меня многое, только пока не понимаю что. А вот для Маркуса это была моя очередная детская шалость.

Стол вибрирует из-за зазвонившего телефона. Беру смартфон в руки, ожидая увидеть имя Джо или Лекси, потому что никто мне больше не звонит. Моим контактам либо плевать на меня, либо они мертвы. Но на дисплее высвечивается очень знакомый номер. Отвечаю на звонок и слышу звонкий женский голос, который, я уверена, мне известен:

– Добрый день. Могу ли я поговорить с мисс Ван дер Мер?

– Да, это я, – отвечаю я. – А вы...?

– Миссис Стюарт, – представляется женщина, – мы виделись с вами несколько лет назад на приеме вашей бабушки. Я руководитель благотворительного фонда Ван дер Мееров.

– Ах, да, точно, – вспоминаю я. Я бывала на нескольких благотворительных вечеринках по сбору средств для малоимущих и бездомных людей в детстве и видела миссис Стю-

арт. Она была очень бойкой, умела вытягивать деньги даже у самых скупых скряг. Маркус, наострив уши, наблюдает за мной. Может, он тоже ждал, что мне позвонит кто-то из новых знакомых. – Что-то не так в фонде?

Даже предположить не могу, с какой целью она мне звонит. Я никогда не прикасалась к семейному бизнесу, поэтому что-то узнавать у меня бессмысленно.

– Нет, мисс, у нас все замечательно, – женщина усмехается, словно я сказала самую глупую вещь в мире. – Я хотела спросить вас, не сможете ли вы посетить наш прием пятого мая в Нью-Йорке?

Едва не давлюсь воздухом от неожиданности.

– Что? – выдавливаю я сквозь шок. – Зачем там мое присутствие?

– Многие гости высказали свое желание познакомиться с наследницей мистера и миссис Ван дер Меер. Ваши чудесные бабушка и дедушка были чудесными людьми и всегда говорили, что вы будете замечательной преемницей, – она умело подбирает слова, вызывая во мне дочерней инстинкт. Мне хочется доказать всему высшему обществу, что я не моя мать, что я переняла лучшие черты бабушки и дедушки. – Мистер Нолан тоже будет на вечере и настойчиво попросил вас убедить присоединиться к нам. Он упомянул, что хочет поговорить с вами о завещании.

Зачем я понадобилась своему адвокату? И если я ему так нужна, то почему он не мог позвонить? Дело здесь нечисто.

– Я бы с радостью, но я сейчас проживаю в Вайоминге в горах, и добраться до Нью-Йорка очень проблематично, – объясняю я. – И надвигается циклон. Боюсь, не смогу вернуться сюда.

– Мы решили этот вопрос, дорогая, – самодовольство отчетливо слышится в ее голосе. У нее все схвачено наперед, составлен план. Думаю, это качество помогло ей добиться таких высот. – До восьмого мая гроз в Вайоминге не предвидится. Мы организовали самолет компании, в Джексоне есть нерабочий аэропорт, где авиалайнер сможет приземлиться. Утром он доставит вас в Нью-Йорк, а ночью вернет назад.

Я удивленно вскидываю брови и, вздохнув, заключаю:

– Кажется, выбора у меня нет.

– Благодарю вас, мисс Ван дер Меер! Позже вышлю все детали, жду встречи с вами, – радостно произносит миссис Стюарт и отключается.

Откладывая телефон, и до меня доходит одна трогательная деталь – пятого мая день рождения бабушки. Если миссис Стюарт продумала и это, то я преклоняю перед ней колени. Не представляю, что я буду там делать. Одна, без единого знакомого. Хотя нет, я вру. На вечере будет присутствовать мистер Нолан, который хочет мне что-то сообщить.

– Ты куда-то уезжаешь? – спрашивает Маркус, вытягивая меня из мыслей.

– В Нью-Йорк, – прикусываю губу, и в голове появляется одна сумасшедшая идея. – На благотворительный вечер. Не

хочешь поехать со мной? Если ты, конечно, не занят.

Маркус протирает рот салфеткой и, на мое огромное удивление, говорит:

–Почему бы и нет? Тебе не помешает человек, который будет контролировать количество алкоголя и составит компанию там. Приемы – ужасно скучные мероприятия.

Я благодарно улыбаюсь ему. Радость того, что нам не придется расставаться даже на день, греет сердце. Маркус не бросил меня.

Благотворительные мероприятия иногда бывают тематическими, сегодняшний приём назван «Цвет чистоты. Любимый цвет Адель». Бабушка обожала белый, при жизни всегда отдавала предпочтение светлым оттенкам, любовалась первым чистым снегом, выпавшим на заднем дворе поместья в Хэмптонсе. Но на ее огромное сожаление, она не могла даже путешествовать в страны, где снег был постоянным явлением. У бабушки была аллергия на холод, поэтому даже горнолыжные курорты были ей под запретом. Они с дедушкой отдыхали лишь по Европе или на лучших пляжах мира. Дедушка обожал путешествовать по Южной Америке, мы хотели на летние месяцы отправиться в Австралию, чтобы научиться серфингу, побывать у коренных народов. Но мечта так и осталась мечтой. Возможно, когда-то я доберусь до да-

лекого континента.

Возвращение в Нью-Йорк дается нам с Маркусом трудно. Он совсем отвык от суматохи, которой сопровождается каждый сбор «сливок» общества. Мужчина забыл, каково быть лишь вежливой марионеткой, играющей на публику. Но несмотря на это, он держался отлично. Маркус не показывал, насколько неприятно ему стоять посреди зала в дорогом белом костюме без галстука и пытаться не выглядеть так, словно он волк, случайно забредший в город. Видно, что он отделился от этого мира. Как минимум, татуировки, виднеющиеся из-под хлопковой рубашки, доказывают это. Я же просто нервничаю из-за излишнего внимания. Каждый гость украдкой бросает на меня взгляд. Сочувственный, насмешливый, заинтересованный или полный отвращения. Для последней категории людей я не только проекция своих ничемных родителей, но и объект зависти. Их негатив почти осязаем, он душит и хлестает меня по коже. Раньше я видела такие взгляды, направленные на бабушку. Для всех она была женщиной, у которой было все, что она пожелает. Так теперь относятся и ко мне, только почему-то все за-были, что бабушка пережила беременность дочери-подростка, а я потеряла всю семью.

Судорожно расправляю морщинки, образовавшиеся на лифе белого платья длиной до середины икр, с довольно пышной юбкой и спущенными рукавами, и переступаю с ноги на ногу, слегка цокая шпильками кожаных лодочек в тон.

Маркус успокаивающе сжимает мое плечо и говорит:

– Ты чудесно выглядишь, Мередит. Не переживай.

Брендовая одежда и укладка отлично вписываются в общую картину роскоши. Ухоженные дамы и их кавалеры, разгруппировавшись, заполнили пентхаус, переоборудованный под зал. Он остается таким, как я его помню: высокие потолки, светлые стены, минималистичное освещение, но мебель бабушки и дедушки была заменена на небольшие столики для гостей и на подставки для предметов искусства для аукциона. Возле одной стены поставлена небольшая сцена с музыкальными инструментами. Только я здесь лишняя. Никакая внешняя маска не делает меня частью этого общества.

– Мне комфортнее с Занозой в курятнике, – ворчу я. – Она хотя бы открыто меня презирает.

Маркус не сдерживает и заливается смехом, привлекая к нам внимание. Он прикрывает рот руками, делая вид, что закашлялся.

– Здесь есть кто-то знакомый тебе? – спрашиваю я.

– Из поколения постарше только, – отвечает Маркус, сложив руку в карман. Он делает глоток янтарной жидкости и указывает в сторону группы из трех седых мужчин в сшитых на заказ костюмах-тройках: – Эти парни были партнерами моего отца, приходили к нам часто. Есть

еще несколько семейных пар, но в основном все слишком молодые. Когда я покинул эту стаю койотов, они были только

такими же отпрысками, как и я, так что мы не общались.

Трудно не заметить, с каким интересом молодые девушки засматриваются на Маркуса. Оно и неудивительно: красивый приметный мужчина, диковинка в их окружении. Они не скрывают свое вожеление, стреляя глазками в его сторону. Невольно кривлюсь и закатываю глаза как раз в тот момент, когда к нам подходит миссис Стюарт. Она приветственно улыбается гостям. Если бы я не знала, что она организатор, то легко бы это поняла по деловому новомодному брючному костюму и планшету в руках. В отличие от других представительниц женского пола она обула кроссовки. Ее волосы забраны в высокий зализанный хвост. Миссис Стюарт подходит к нам и, улыбаясь, просит:

– Мисс Ван дер Меер, мистер Монтгомери, пообщайтесь с гостями, пожалуйста. Всем очень интересно услышать про ваши жизни. Но не упоминайте тот факт, что вы живете вместе. Они займутся не открытием кошельков, а сплетнями.

Я определенно в восторге от этой женщины, ее прямоты и в какой-то степени бесцеремонности. Когда мы с Маркусом сошли с трапа, она не стала высказывать нелепое сочувствие или подлизываться. Она четко проинструктировала нас и отправила в салон одежды. Маркус ки-вает и отправляется к тем самым дамам, которые флиртовали с ним глазами. Провожая его взглядом, чувствую нарастающую злость. Надо отвлечься.

– Вы так и не сказали, кто сегодня выступает, – с трудом

перевожу внимание на сцену.

– Это сюрприз, – с ухмылкой отвечает женщина. К нам медленно подходят девушки лет на десять старше меня, и миссис Стюарт шепчет: – Я удаляюсь.

Натягиваю улыбку и здороваюсь с каждой, но их имена быстро выскальзывают из моей головы. Светская беседа начинается с размышлений о красоте представленных картин, затем меня спрашивают об учебе в Англии и дальнейших планах. Все идет довольно безобидно и гладко, но потом самая молодая девушка спрашивает:

– Уже известна причина возгорания?

Ее подруга тут же пихает ее локтем в ребра, останавливая ее. Девушка меняется в лице и, за-пинаясь, оправдывается:

– Я была с родителями в вашем поместье и видела, что все пожарные нормы соблюдались. Возможно, ваши родители уволили тех сотрудников, поэтому и... случилось это несчастье.

Даже не пытаюсь притвориться оскорбленной или сгладить сложившуюся неловкость, по-этому просто отвечаю:

– Я ещё не видела отчёт пожарных.

Женщины отпивают из своих бокалов и отводят от меня глаза, упираясь взглядами в одну точку. На их лицах мигает целый каскад непристойных мыслей, поэтому мне даже секунды не нужно, чтобы понять, на кого они уставились. Каждая гостью, как по команде, прикусывает губу, из их ртов чуть ли не текут слюнки.

– Мередит, вы же знакомы с этим загадочным мужчиной? – спрашивает женщина, которая затыкала свою подружку. – Кто он? Холост ли он? Мы хотим знать о нем все.

Осушив свой стакан с безалкогольным коктейлем, натягиваю улыбку и немного привираю:

– Его зовут Маркус Монтгомери, старый друг моей семьи. К сожалению, он занят.

Но женщину это не расстраивает.

– Сын Квентина Монтгомери, значит, – ее взгляд загорается сильнее. – Я слышала, что он отстранился от компании «Монтгомери Интерпрайзес», но он все ещё один из самых богатых людей западного полушария. Так что же заставило его посетить сегодняшнее мероприятие? Он пришёл со своей спутницей? Кольца нет, значит, пару можно и поменять.

Женщины переглядываются, с намеком играя бровями. Наигранно вдыхаю, готовясь разочаровать их.

– Он приглядывает за мной, поэтому и пришёл, – немного понижаю голос, чтобы ничьи лишние уши не услышали нас: – Его бойфренд тоже хотел пойти с нами, но приболел.

Смятение на лицах женщин бесценно. Они тут же разочарованно вздыхают и бурчат:

– Что же за несправедливость! Такой жеребец ускользнул

Они оказались слишком наивными: ни один разумный человек не поверил бы, что Маркус гей. Его шарм направлен исключительно на женщин, и он совсем не поддельный. Он как истинный альфа-самец очаровывает дам, заставляя их

расстилаться перед ним ковриком. Сомневаюсь, что мужчина, предпочитающий в постели... эм... других мужчин, мог бы вытворять нечто подобное с женским разумом и телом. Я – самое прямое тому доказательство. Одно прикосновение Маркуса свело меня с ума до такой степени, что я только что наврала всему высшему свету о его ориентации, чтобы ни одна похотливая и жадная до денег дамочка не смогла его охмурить.

Ревность – противное чувство. Я рада, что отвела от Маркуса женщин, но за это же мне безумно стыдно. К горлу подступает тошнота настолько сильная, что, кажется, я сейчас испорчу белоснежные платья женщин.

– Меня замучила жажда, дамы, – показываю им пустой стакан и, не дожидаясь ответа, ухожу к небольшому бару, обустроенному на кухне.

Я обещала Маркусу больше не пить, но все же прошу шампанское и почти залпом выпиваю весь бокал. Еще пара ссор с Маркусом или вечеринок с Лекси, и я точно сопьюсь. С генами отца вероятность зависимости увеличивается. Дедушка бы сказал, что он и после смерти портит меня. Не скажу, что у самой не мелькнула такая мысль, но все же думать так слишком жестоко. Каким бы он ни был, Генри был моим отцом. Не папой, а человеком, подарившим мне жизнь. Я же должна быть благодарна за это, да?

На соседний стул кто-то садится, по низкому баритону понимаю, что это мужчина. Голос кажется очень знакомым.

Поворачиваюсь и вижу перед собой человека, с чьим именем делю заголовки таблоидов. Наши портреты крупным планом печатаются в крупных журналах и выкладываются в Интернет. Я «наследница крупной корпорации, танцующая от радости на костях семьи», а он «рок-звезда, разбивший сердце любимице публики» или «певец, вновь свернувший на скользкий путь секса, наркотиков и алкоголя». Знаю, что в моем случае пресса нагло врет, но что насчет него? Дэмиен Олдридж знаком лишь по тем самым статьям: безрассудный, сумасшедший, легкомысленный участник британской группы «Dark paradise». Он любит тусовки, моделей и музыку. С каким предубеждением я бы к нему не относилась, я не отрицаю его талант и восхищаюсь его страстью.

– Рад наконец увидеть кого-то, кто так же известен, как и я, мисс Ван дер Меер, – с усмешкой говорит Дэмиен Олдридж. Его явный британский акцент трудно не заметить. – Вижу вы так же рады здесь находиться.

Музыкант одет не по дресс-коду: узкие черные джинсы, такого же цвета футболка и серебряные украшения. У Дэмиена намного больше татуировок, чем у Маркуса, и чистой кожи почти нет. Шоколадные завитки волос касаются плеч, изумрудные глаза поникшие, несмотря на веселую ухмылку, играющую на губах. Мужчина зажимает в зубах сигарету, подносит к ней зажигалку и делает большую затяжку.

– Здесь вообще можно курить? – спрашивает он, оглянувшись.

Я пожимаю плечами.

– Скорее всего, нет, но я разрешаю.

– Спасибо, миледи, – Дэмиен наигранно кланяется мне и стряхивает пепел в опустевший стакан. – Знаешь, готов поспорить на все деньги мира, что тот парень не гей.

У меня перехватывает дыхание. Пытаясь не потерять лицо, делаю вид, что не понимаю его. К тому же, это совсем не его дело.

– Да брось, красавица, вождедеющий взгляд мужчины в сторону девушки я могу видеть, – Дэмиен подмигивает мне. – Поверь, сам себя ловлю на нем.

Мои глаза расширяются. Прошу, Господи, скажи, что я неправильно его поняла. За последние недели я получила достаточно мужского внимания, и еще одного ловеласа мне надо. Дэмиен, увидев мое смятение, заливается искренним громким смехом. В уголках глаз появляются капельки слез.

– Нет, ты, конечно, горяча, Мередит, – объясняет он, – однако в моей голове засела одна русская девчонка, которую я не могу забыть. Чертовка забралась мне под самую кожу.

Пафосно? Еще как! Но он все-таки творческий человек, думаю, такие, как он, мыслят по-другому. У них язык подвешен на красивые слова. Думаю, девушкам это нравится. Это, его внешность, популярность и богатство.

– Ах, точно, – вспоминаю последний скандал, привлекший к британцу очень много внимания. – Твоя новая девушка вызвала многим пришлась не по вкусу.

– Она не моя девушка, – ворчит Дэмиен. – А он твой па-
рень?

Отрицательно качаю головой.

– Но мистер Костюм тебе нравится? – больше похоже на утверждение, но я все равно киваю. – Тогда я не понимаю. Он нравится тебе, ты – ему. Сложи один и один и получи отношения, черт возьми. Я не могу так, потому что русская принцесса не может стать моей. Слишком гордая, чтобы понять, что я ей нравлюсь

Разговаривать о личном с незнакомым человеком должно быть намного проще, мы никогда не увидимся, однако мне все равно неловко.

– Все сложно, – шепчу только это и мельком бросаю взгляд на Маркуса.

Теперь он разговаривает с миссис Стюарт, держа в одной руке свой пиджак. Ткань рубашки соблазнительно натягивается на груди и бицепсах, когда он жестикулирует. Дамы все еще пускают по нему слюнки, но держатся подальше. Довольно хмыкаю.

– Слушай, я дам тебе совет, который я когда-то услышал от моего брата, – Дэмиен наклоняется вперед, чтобы никто нас не услышал. Закатываю глаза. Конечно, он не может обойтись без советов. Не останавливаю его, вдруг он скажет что-то дельное. – Все трудности лишь в нашей голове. Если ты чувствуешь, что человек твой, борись до конца, но только честными способами. Ты не имеешь права причинять боль

любимому.

– Ты клонишь к тому, что мне не следовало называть его геем? – пытаюсь пошутить, но встречаюсь с недовольным взглядом Дэмиена. – Ладно-ладно. Возможно, совет дельный, но в моем случае трудности не в голове. Дело в том, кто я такая. К тому же, ему точно не нравится наша разница в возрасте.

Дэмиен стонет и вновь затягивается.

– Это самая тупая в мире отмазка, Мередит! – бурчит он.

– О, раз так, мистер Философ, то почему же ты не можешь завоевать свою русскую девушку? Что, она не любит твою группу? – едко произношу я.

Дэмиен тушит сигарету о дно стакана и смотрит на часы.

– Она определенно не моя фанатка, – хмыкает мужчина, но по безрадостному выражению лица понимаю, что это не главная причина. – Я ей совсем не понравился, а потом она меня так взбесила, что я поцеловал ее перед камерами. Она простая девушка, которая хотела нормально уехать учиться, а я...

– Подлил дегтя в ее бочку меда? – заканчиваю за него я.

Он кивает и больше ничего не говорит. На мое большое удивление, этот болтун заткнулся. Мы просим бармена принести еще по напитокку и молча копаемся в своих мыслях. Медленная музыка потихоньку сходит на нет – скоро начнется выступление группы. Только кроме Дэмиена я больше никого не видела. Не хочу признаваться этому зазнайке, что

я поклонница его творчества. У меня есть все диски «Dark paradise», а песни скачены на телефон. Даже мелодия при вызове их авторства. Но Дэмиен не мой любимый участник группы, мне больше нравятся близнецы Джейсон и Тайлер. О них ходило меньше неприятных сплетен, в основном в статьях о них упоминалась их необычное пристрастие... кхм... в постели. Несколько их девушек – самые смелые и без чувства собственного достоинства – говорили, что занимались сексом втроем. Без исключения, всегда два брата и женщина между ними. У всех свои вкусы, я не осуждаю.

– Мисс Ван дер Меер? – мистер Нолан подкрадывается, как мышка, и я подпрыгиваю от неожиданности. – Извините, пожалуйста. Я хотел поговорить с вами. И этот разговор требует приватности.

Ни приветствия, ни дежурных вежливых фраз. Честно говоря, это уже пугает. Адвокат обычно очень любезный и галантный. Мистер Нолан одет в белый костюм-тройку с галстуком, его прозрачные глаза бегают по залу, по побледневшему лицу бегут капельки пота. Он крепко стискивает руками дипломат на двух замках.

– У меня есть ключи от кабинета дедушки, – тараторю я и поднимаюсь.

Дэмиен роется в кармане и протягивает мне бумажку с его номером. Подняв брови, вопросительно оглядываю его.

– Звони, если понадобятся билеты на концерт, – с улыбкой предлагает Дэмиен, – просто захочешь поговорить или

обратиться за помощью. В общем, я всегда к вашим услугам, миледи.

– Спасибо, зазнайка, – я искренне благодарю его, сжав его пальцы.

– Не обижусь, если ты пропустишь наше выступление, – Дэмиен тоже встает и заключает меня в объятия, поглаживая по макушке. Мы оба нуждались в разговоре с кем-то, кто может просто выслушать и понять. – Могу спеть тебе в любой день, лишь позвони.

Я хмыкаю и отвечаю на очень странное объятие. Что же происходит со мной? Я стала сплошным комком нежностей. Все вокруг стали обниматься, дружить и даже целоваться. Мы с Дэмиеном отпускаем друг друга, и я ухожу с мистером Ноланом в бывший кабинет моего дедушки.

Клянусь, здесь осталось все так же, как и было. Аромат кубинских сигар, бумаги и адеколона до сих пор витает в воздухе. Несмотря на то, что здесь наводят порядок, все стоит на своих местах. Ручка лежит справа от клавиатуры, наша с бабушкой фотография – слева. Под этим снимком тайно спрятана карточка с одного маминого соревнования по гимнастике, которую я иногда доставала.

Мистер Нолан садится в кресло собеседника, оставляя мне дедушкин стул. Я уже направляюсь к столу, как вдруг

адвокат почти пищит:

– Запри дверь ключом.

Я вздрагиваю от неожиданности и делаю, как он велит. Когда я дергаю ручку двери, удостоверюсь в том, что помещение заперто. Мистер Нолан удовлетворенно выдыхает и, открыв свой дипломат на нескольких замках, достает оттуда желтую тонкую папку. Занимаю свое место, ожидая, когда он заговорит.

– То, что я вам сейчас скажу, неофициальная информация, – мы здесь вдвоем, но он все равно понижает голос. – И мы не сможем ничего доказать ни в одном суде, но мне кажется, вы должны это знать, мисс Ван дер Меер.

Мистер Нолан вручает мне папку, и я достаю из нее документы. Два отчета о пожаре в нашем поместье, но кое-что здесь не сходится. Имена те же, количество жертв одинаковое, но на том, которое я видела впервые, не стоит подпись эксперта. Официальной причиной пожара была утечка газа, тела сгорели, и мне нечего было хоронить. Но на не подписанном отчете все совсем по-другому. Крыло прислуги, откуда начался пожар, сгорело моментально, но на жилую часть тронул не сразу.

Нет. Не может быть такого.

– Они должны были выбраться? – спрашиваю я сдавленным голосом.

Мистер Нолан кивает.

– И полиция должна была начать расследования, но не

стала, – продолжаю размышлять я. – Либо родители спали слишком крепко, либо...

Слова застревают в горле. Я не могу произнести их вслух, вспоминая, как потеряла бабушку и дедушку. Если родителей постигла та же участь, то я не знаю, как смогу пережить это.

– Либо ваши родители были уже мертвы, – адвокат заканчивает за меня. – Я тоже так посчитал и начал проводить свое расследование, но копать далеко было слишком рискованно, поэтому я остановился. И вам советую не пользоваться предоставленной информацией. Я начал с имени полицейского, подписавшего отчет о несчастном случае, оно где-то уже всплывало, но я не мог понять где. Именно этот человек арестовал частного детектива, нанятого вашим дедушкой.

Хмурюсь. Мой дедушка не был человеком с темными тайнами, и я не могу понять, о чем говорит мистер Нолан.

– Зачем дедушке понадобился частный детектив? – спрашиваю я, прерывая поток шокирующей информации.

Мужчина достает из чемоданчика связку ключей.

– Этим он со мной не поделился, но просил передать ключи вам, – мистер Нолан кладет их передо мной. – Дело детектива было подстроено. Пока он находился в тюрьме, ожидая суда, его пырнули ножом. Кто-то отчаянно пытался помешать вашему деду.

– Возможно ли, что его смерть связана с его поиском? – перед глазами все темнеет, в груди зарождается страх с при-

месяью гнева.

– Я не знаю, Мередит, – честно отвечает адвокат и поднимается.

Он отпирает дверь и на прощание бросает:

– Не лезьте в это, мисс, мне порядком поднадоело хоронить членов семьи Ван дер Меер.

Мистер Нолан оставляет меня одну. Со всеми догадками и секретами прошлого. И ключами, ведущими к еще более страшным тайнам. Трясущимися руками беру связку и оглядываю кабинет. В столе есть несколько запертых ящичков, пробую открыть все. Один замок поддается. Дергаю ручку и нахожу в ящичке папку, к которой прикреплено письмо с моим именем. Мне стоит закрыть эту дверь и навсегда забыть об услышанном, но я не могу. Я так близка к разгадке, что отступить уже невозможно.

Глава 13

Писать письма не в стиле дедушке. Скорее бы бабушка настрочила длинный манифест по всем правилам этикета, упомянув романтику времени, когда не было СМС или имейлов. Из тайника достаю его и тонкую запечатанную папку, на уголке которой вырисованы инициалы «К. М». Откладываю ее, приступаю к письму, отдираю печать из сургуча и начинаю читать:

«Дорогая Мередит,

Надеюсь, ты никогда не найдёшь это письмо, как и не услышишь мое завещание. Я не хочу сбрасывать на твои плечи весь груз ответственности за дела нашей семьи, но только ты можешь исправить ошибку, совершенную мной до твоего рождения. Я надеюсь, ты сможешь уничтожить демона, которого я породил, и загладить нашу вину перед его сыном.

Дорогая, надеюсь, твоих сил хватит, чтобы правда восторжествовала. Будь осторожно, не лезь в пекло, убегай, если почувствуешь опасность!

*С любовью,
дедушка*

Р. С. Мне безумно жаль, что ты читаешь это. Люблю тебя, Лучик».

Смахиваются подступившие слёзы, не могу сдержать дро-

жание в руках. Провожу подушечкой указательного пальца по угловатым буквам. Почерк в дедушки был ужасным и непонятным, больше напоминал палочки и геометрические фигуры. Изобретение принтеров спасло всех людей от разбора его иероглифов.

Демон? Сын? Кто такой К. М.? Завещание привело меня к Маркусу, а его отца звали Квентин Монтгомери. Через секунду факты складываются в единую картину: К.М.! Бинго! Имел ли дедушка в виду то ограбление? Если да, то это совсем нелогично, потому что вина лежала исключительно на моем отце. Возможно, я что-то не знаю. Открываю папку, оттуда выпадают листы и флеш-накопитель. Банковские счета на Кайманах и Карибах, большие денежные переводы фирмы «Монтгомери Интерпрайзес» на подставные компании. Кажется, дедушка пытался доказать финансовые махинации компании отца Маркуса. Среди распечаток нахожу список имен, рядом с которыми подписаны числа с кучей нулей рядом. Есть несколько знакомых людей: судья, занимавшийся делом бабушки и дедушки, сенатор Ричард Льюис, прокурор и известные братья-бизнесмены Росс и Николас Кинг. Последние очень выбиваются среди этих законопослушных граждан, потому что многим людям из высшего общества известно об их причастности к криминальному миру. Моя бабушку однажды выпила лишнего и сказала: «На престол вошел новый Король». Она упомянула, что эта ужасная семья не лезет к нам, но дедушка будет держать ухо востро. На-

сколько я знаю, наши компании никогда не работали вместе. Слава Богу.

Но самое страшное оказалось впереди.

Фотографии, сделанные почти двадцать лет назад, приводят меня в полнейший ужас. Кто-то запечатлел через окно с медными ставнями лежащего на полу мальчика и наседающего на него мужчину с длинным кухонным ножом в руках. Подросток истекает кровью, его глаза застилает пелена из раны, рассекающей бровь. Его пальцы сбиты в мясо молотком, который валяется неподалеку. Нос неестественно отклонен в сторону, а губы больше похожи на фарш. Мальчик абсолютно голый, поэтому виден каждый глубокий порез. Желудок скручивается не только от кошмарного зрелища, но и от того, что я узнала, кто изображен на снимках. Тошнота подступает к горлу, и я подбегаю к мусорному ведру. Меня выворачивает наизнанку. Ноги не слушаются, я сползаю на пол, опираясь спиной на стену. Не хочу верить в это. Не могу смириться с увиденным.

Маркус. Избитый, покалеченный, сломленный.

Могу предположить, что его истязатель – отец, Квентин Монтгомери. Их внешнее сходство феноменально и заметно даже не на самых качественных фотографиях. Они одинаковы, но в то же время совершенно разные. У Маркуса глаза часто бывают пустыми, холодными, хотя озорство и доброта ему не чужды, а вот взгляд его отца не похож на человеческий: он свирепый, кровожадный, наполненный лютой ненавистью.

вистью к своему собственному ребенку.

Взглянуть на другие фотографии нет сил. Боюсь, что они окажутся еще хуже. Маркусу на фотография не больше пятнадцати, а именно тогда произошло ограбление.

«Генри обрек меня на ад, в котором я до сих пор варюсь».

– Боже мой... – больше не сдерживаю слезы и завываю навзрыд.

Ад не сравнится с тем, что пережил Маркус. Сжимаю рот ладонью, чтобы мои рыдания не были такими громкими. Протираю рукой заднюю поверхность шеи, стирая пот. Я не чувствую свое тело, сердце разрывается от боли за Маркуса. Я хочу вернуться в прошлое, заступиться за него, крепко обнять и укрыть от всего мира. Он был беззащитным ребенком...

Получается, мой дедушка знал, что случилось с Маркусом после тюрьмы, видел это собственными глазами, но не остановил это. Он собирал документы и какие-то доказательства. Дедушка хотел посадить Квентина и заплатил за это жизнью? Не хочу в это верить. Несчастный случай – то, во что полиция убедила весь мир. Случайная смерть успокаивает людей, потому что за убийство кто-то должен быть наказан.

Моя голова сейчас взорвется!

Возможно, на флеш-накопителе есть полное объяснение, но сейчас не время и не место, чтобы выяснять это. И я не уверена, что готова услышать или увидеть что-то еще. Ни моя психика, ни желудок не справятся с этим.

– Мисс Ван дер Меер? – раздаётся голос миссис Стюарт за дверь. – Вы в порядке? Вам нужна помощь? Я могу войти?

– Нет, прошу, не надо, – хриплю я.

Она понижает голос и говорит:

– Маркус тебя искал, Мередит. У вас что-то случилось?

Я отрицательно мямлю.

– Тебе нужна помощь? Может быть, что-то принести? – не отступает миссис Стюарт.

Я с трудом поднимаюсь и подхожу к двери. Во рту противный привкус рвоты, голова кружится.

– Сможете, пожалуйста, принести мне воды, жвачку и что-нибудь съедобное? – шепотом прошу я. – И косметичку с зеркальцем. Мне нужно привести себя в порядок.

– Конечно, Мередит.

Миссис Стюарт справляется за несколько минут и двумя стуками по дереву сообщает, что выполнила мою просьбу. Никто не должен знать, что со мной что-то не так. Для всех гостей я в порядке. Поправляю макияж, избавляюсь от головокружения и привкуса желчи во рту, складываю в сумочку папку с документами и фотографиями и возвращаюсь на прием. Мои проблемы не касаются гостей, они должны раскошелиться на помощь сиротам, а я – хорошо играть роль хозяйки.

– Дамы и господа, мы уже собрали три миллиона восемьсот семьдесят тысяч долларов, – объявляет миссис Стюарт со сцены. – Сейчас начнется аукцион, вы можете начинать выбирать лоты.

Я облегченно выдыхаю: больше не надо притворяться. С сумкой под пазухой ухожу подальше от толпы, а именно к бару. В горло ничего не лезет кроме воды. Боюсь, от другого меня вырвет снова. Как я буду смотреть на Маркуса после фотографий, лежащих в моей сумке? Я и до них чувствовала себя виноватой во всех его бедах, а сейчас я знаю больше. Я видела больше... Уединенная жизнь в горах Вайоминга станет пыткой.

– Выглядишь неважно, Мер, – теплое дыхание обдает мою шею. Беззвучно стону, понимая, кто стоит за моей спиной. – Ты хорошо себя чувствуешь?

Я не хочу говорить правду, но и оставаться здесь слишком тяжело, поэтому качаю головой, давая ему понять, что мне плохо. Маркус обхватывает ладонями мои щеки, поворачивая мою голову к себе. Не могу заставить себя взглянуть ему в глаза. Прикусываю щеки изнутри, чтобы сдержать слезы. Чувствую, как Маркус хмурится. Он кладет ладонь к моему лбу и говорит:

– Температуры нет. У тебя что-то болит?

Сердце.

– Нет, – выдавливаю я. – Мне просто не хочется быть здесь.

Маркус вдруг прижимается губами к моему лбу и, слегка причмокнув, шепчет:

– Я сейчас же попрошу машину, и мы поедем домой. Самолет нас ждет.

Когда он отходит, слезы вновь катятся по лицу. Господи, Мередит, соберись!

Люди с такой радостью выбирают себе новую побрякушку, не представляя, что происходило в их кругу. Для них деньги, богатство и статус – самое важное, они лелеют свои ничемные желания и совершенно не заботятся о других. Сбор денег для сирот всего лишь очередной повод похвастаться толщиной своих кошельков. Мерзость. Мне ненавистно их пребывание в месте, где когда-то жили люди, искренне творившие добро.

Маркус помогает мне спуститься с трапа, на взлетной полосе стоит такси, которое довезет нас в Джексон. Мужчина хлопотал надо мной в течение всего полета, укрывал пледом, пытаюсь унять дрожь. Я сама не уверена, почему трясусь, как осиновый листик. Маркус почти на руках усаживает меня на пассажирское сидение и занимает место рядом.

Стараюсь отодвинуться как можно дальше, но он настойчиво притягивает меня к себе, подминая под бок. Маркус поглаживает мою спину, сквозь плотную ткань пальто чувствую тепло его рук.

– Перестань, – едва слышно молю его я.

– Перестать что? – мужчина замирает. Кто тянул меня за язык, черт побери? Поджимаю губы, умолкая. Маркуса не устраивает тишина, поэтому он, аккуратно взяв меня за подбородок, привлекает к себе мое внимание и спрашивает: – Ты скажешь мне наконец, какая муха тебя укусила? Что случилось на приеме? Дело в том певце?

– Нет, Дэмиен не причем. Мы только познакомились, – отвечаю я. Его дыхание щекочет губы, греют лицо. Глаза цвета топаза, освещенного лучами солнца, сияют в темноте. – Ничего не случилось, я просто... устала.

Маркус недоверчиво выгибает бровь. Веки и губы снова предательски содрогаются, и мелкие слезы проделывают путь от глаз до челюсти и падают на мужскую ладонь.

– Я не верю ни единому твоему слову, Мередит, – хрипло произносит Маркус и кладет вторую ладонь на мой затылок. – Ты не умеешь лгать.

– Знаю, – всхлипываю я и начинаю захлебываться в подступающих рыданиях, заикаясь и шмыгая носом. – Прости... просто я... я... не могу...

Маркус затыкает меня поцелуем. Очень нежным и бережливым, осторожным и трепетным, мягким и даже робким.

Он не смутился и посмел поцеловать меня при постороннем человеке. Его язык проскальзывает в мой рот, и я ощущаю неяркий вкус выпитого алкоголя. Немного расстраиваюсь, потому что его смелость – побочный эффект бурбона. Губы Маркуса двигались плавно, приятно лаская мои. Я вздрагиваю и собираю все оставшиеся крупинцы силы, чтобы не податься вперед. Я не имею права на него, наша связь была под запретом еще тогда, когда я была маленьким сгустком клеток. Маркус окружает меня собой, желая забрать мою боль. Я чувствую это каждой клеточкой, ощущаю его заботу. Ничто не может заглушить вину и боль в моем сердце, особенно тот, из-за мучений которого мне настолько невыносимо. Но и отстраниться от объекта своей страсти я не могу. Прильнув к груди Маркуса, я обнимаю его за талию, запустив руки под его пиджак. Пальцы нащупывают грубые рубцы – в воспоминаниях тут же всплывают ужасающие жестокие кадры. Раны будто снова свежие, и кровь из них окропляет мою кожу.

– Прости. Прости. Прости. Прости меня, Маркус, – молю я в его рот.

Моя голова падает ему на грудь, и слезы впитываются в хлопковую ткань рубашки. Я прошу прощение перед тем маленьким избитым мальчиком за боль, которую ему пришлось претерпеть, перед мужчиной – за свою слабость. Маркус крепче стискивает меня в свои объятия, словно так мне станет легче.

– Мередит, не знаю, что случилось, но ты никогда не долж-

на передо мной извиняться, слышишь? – твердо приказывает он. Я не отвечаю, тогда он добавляет с ухмылкой: – Мер, не глупи. Ты самый чистый человек в мире. Ты просто не успела ничего натворить. Пока, по крайней мере.

– Даже в том, что случилось после ограбления? – срывается с языка. Черт, я выдам себя, если продолжу болтать. – Ты говорил, что был в аду. Но там ты оказался из-за меня.

Маркус, разозлившись, глубоко рычит, подхватывает меня за бедра и усаживает к себе на колени так, что моя спина смотрит на водительское сидение. Таксист все еще молчит и, надеюсь, сосредоточен на дороге. Маркус зарывается лицом в мою шею, губами приближается к уху и шипит:

– Заткнись. Ты должна заткнуться сейчас же. Я не хочу говорить об этом, потому что в моих мыслях нет места для дерьма прошлого. Сейчас я нуждаюсь лишь в тебе.

У меня перехватывает дух, и от его слов даже могу выдавить шутку:

– Сколько же ты выпил?

Провожу ладонями от его талии до шеи, запускаю их в его немного жестковатые волосы. Слезы высыхают на лице, и Маркус довольно улыбается. За окном мелькают знакомые здания Джексона, а значит, мы доехали до города. Тонированные окна скрывают нас от жаждущих взглядов горожан.

– Не так много, как ты могла подумать, – усмехается Маркус и проводит костяшками пальцев по моей скуле. Я блаженно прикрываю глаза, и его ладонь двигается ниже, гла-

дит ключицы и опасно близко останавливается у декольте. Шумно втягиваю ловлю воздух ртом. – Могу ли я тебя поцеловать?

– Минуту назад тебе разрешение не требовалось, – хмыкаю я.

Маркус крепче сжимает пальцы на моем бедре. Ощущения похожи на те, что были в душе, когда я... доставляла себе удовольствия, думая о нем.

–Тогда я пытался тебя успокоиться, – отвечает Маркус. – К тому же, сейчас я хочу поцеловать тебя по-настоящему.

После моего короткого кивка мужчина исполняет свое – нет, наше – желание. Но начинает он не с губ. Маркус проводит языком по моему подбородку, продельывает дорожку поцелуев от него до плеча, впивается в шею, покусывая кожу. Святое дерьмо, как же это приятно! Прогибаюсь, предоставляя ему больший доступ, и поджимаю губы, сдерживая стон. Как раз в этот момент автомобиль тормозит. Маркус открывает дверь и вылезает из машины, держа меня руках. Я попутно хватаю сумочку с фотографиями и распечатками.

–Достань ключ, он в кармане пальто, – приказывает Маркус и продолжает ласкать мою шею.

Я больше не сдерживаюсь, сладко выдыхаю, постанывая, и перенимаю инициативу – целую его в губу, жадно требуя впустить меня внутрь. Не чувствую холод ночного воздуха, лишь руки Маркуса что-то значат сейчас. Он на ощупь подходит к входной двери особняка, я, покрепче уцепившись за

его шею, вставляю ключ в отверстие и, дергая его в разные стороны, в итоге поворачиваю его до упора, пока замок не щелкает. Мы врываемся внутрь, пальто летят на пол в коридоре. Темп нарастает, Маркус мечется от губ к шее, сдвигает с плеч рукава платья и целует их. Я просто пытаюсь удержаться на весу и не мешать ему. Я слишком неопытна, а он как раз наоборот. Он знает, как прикасаться так, чтобы девушка сходила с ума в сладкой агонии. Мы на мгновение отрываемся друг от друга, переводя дыхание. Наши глаза встречаются, и мы без слов общаемся. Во взгляде Маркуса вижу желание, шок и небольшую толику сомнения, но я не хочу, чтобы он даже задумывался о том, чтобы остановить это, поэтому с напором, совсем мне не свойственным, сливаюсь с ним губами. Мужчина удовлетворенно рычит, и от его гортанного рыка с моим телом происходит что-то невероятное. Ритм сердца зашкаливает, внизу живота разгорается настоящий пожар и быстро стекает к бедрам, Покалывание между ног становится нестерпимым, и мне необходимо, чтобы Маркус его унял. Даже кислород мне сейчас не так необходим, как его ласка.

Мужчина сворачивает в сторону лестницы, ведущей к спальне, но я говорю:

– Кухня и гостиная ближе.

Я действительно прошу трахнуть меня на столе или диване? Боже, спаси меня. Дьявол управляет моим языком. Маркус жалобно стонет.

– Это должно быть нежно и романтично, черт возьми, – ворчит он, – а пока здесь и не пахнет чем-то таким.

Повторюсь: Маркус слишком опытный. Он знает, что станет моим первым мужчиной, и хочет, чтобы все прошло по правилам, словно мы в романтическом фильме про подростков. Он забыл, что в таком кино нет багажа с мертвыми родственниками, возможными убийствами, тайных расследований, семейной вражды и немаленькой разницы в возрасте. Хотя последний пункт опровергают Белла и Эдвард.

– У нас все не как у людей, – усмехаюсь я. – Вообще-то в гостиной очень романтично. Там же есть камин.

Маркус, идя на кухню, целует меня за ухом, проводит по вспыхнувшей коже языком и шепчет:

– В моей комнате перед камином есть плед с подушками и кровать кинг-сайз.

Туда мы тоже доберемся, поверь мне, Маркус Монгомери. Мужчина останавливается и усаживает меня на стойку. Я неуверенно тянусь к пуговкам на рубашке и начинаю расстегивать их, обнажая мускулистую грудь, а Маркус приподнимает подол моего платья, проводит пальцами по внутренней поверхности бедер и подцепляет резинку чулок. Он снова вглядывается в меня и уточняет:

– Ты уверена на все сто процентов?

Я киваю.

– На миллион.

Маркус присаживается предо мной на колени, сбрасыва-

ет туфли и снимает чулки. Кожа остается без защиты, и я затаиваю дыхание, выжидая его дальнейших действий. Нос мужчины касается левой щиколотки, и Маркус поднимается по ноге, не оставляя без внимания его губ ни один кусочек кожи. Откинувшись назад, выгибаюсь и закусываю нижнюю губу. Боги, как приятно. Маркус почти бесшумен, поэтому я вздрагиваю, когда слышу чей-то голос из гостиной. Резко поднимаюсь на локтях и шепотом спрашиваю:

– Ты слышал это?

Маркус замирает, подняв голову, и вслушивается. Теперь мы оба отчетливо слышим мужские голоса. Готова поклясться, что это диалог из третьего фильма саги о Гарри Поттере. К нам что, забрались воры? И сейчас они засели на НВО за просмотром Гарри Поттера? Бред какой-то.

Маркус ставит меня на пол без лишних звуков, достает из шкафчика под раковиной небольшой пистолет и мягкими шагами подступает в сторону гостиной.

– Зачем тебе столько оружия? – шепчу я.

Маркус шикает на меня.

– Стой здесь, – он снимает пистолет с предохранителя и скрывается за стеной.

Жду угроз, звуков выстрелов или криков, но слышу смех и ругательства. Что за чертовщина? Надеваю чулки обратно, раз никто нас не обкрадывает, и иду в гостиную. Маркус, накупившись, ставит руки на бока и отчитывает незнакомца, сидящего на диване с пачкой чипсов в руках. Парень мулат,

кожа очень смуглая, но вот голубые глаза и фамильный подбородок выдают в нем Монтгомери. Он немного похож на Джесси Уильямса из «Анатомии страсти». Волосы коротко подстрижены. Если это Кайл, то я поняла, о чем говорила Лекси. У него самая смазливая мордашка из всех, что я когда-либо видела. Бледно-голубые глаза сияют, как два драгоценных камня, на фоне темной кожи.

Прячась за стеной, поправляю платье, чтобы племянник Маркуса не знал, что происходило на кухне. Чувствую, что губы распухли, шея пылает в тех местах, где ее были поцелуи. Прикрываю кожу волосами, стираю размазанную помаду и выхожу из укрытия.

– Что ты, черт побери, здесь делаешь, Кайл? – бурчит Маркус. – У тебя на носу гребаные экзамены, а ты не выедешь из Джексона в ближайшие дни. Надвигается циклон.

– Пытаюсь посмотреть телевизор и не попасть под пулю, – Кайл закатывает глаза и ставит фильм на паузу. Его взгляд натывается на меня, и парень немного хмурится. – Это она?

Маркус, не поворачиваясь ко мне, отвечает:

– Кайл, познакомься с Мередит.

Парень смотрит на меня с подозрением, затем поднимается с дивана и направляется в мою сторону, но его дядя преграждает ему путь. Маркус что-то быстро шепчет Кайлу, и тот успокаивается. Он кивает, его губы растягиваются в маленькой улыбке. Ему известно все, и он меня ненавидит. У меня у одной здесь дежавю?

– Приятно познакомиться, Ван дер Меер, – язвительно произносит Кайл. – Кажется, у тебя появился еще один сосед на несколько месяцев.

Да уж. Наша клетка пополнилась.

Ногой пинаю туфли в сторону коридора, пока мужчины Монтгомери переговариваются в гостиной. Лучше уж я приготовлю нам кофе, чем буду делать вид, что не замечаю пристального взгляда Кайла. Иногда из комнаты слышны громкие рычания и крики Маркуса.

– Решил просрать свою жизнь? Или хочешь быть лодырем на деньги своего деда? Через мой труп, черт возьми! – орет он. Следом что-то падает с громким треском, и я слегка подпрыгиваю. – И хватит есть, пока я говорю с тобой, мелкий паршивец!

Маркус очень зол. Он может быть пугающим, но таким я никогда его не видела. Не видела его в роли отца. Когда Маркус выходил из себя, он быстро успокаивался и даже утешал меня. Но сейчас он даже и не думал затихать.

– Папа, перестань, – бурчит Кайл так же громко, чтобы дядя услышал его. – Я взял академический перерыв. Или как эта хрень называется?

Маркус взывает от ярости:

– Ты ждешь ребенка? Нет, твою мать! Ты просто хочешь

валяться на диване и смотреть «Гарри Поттера», бестолочь.

Что-то с силой врывается в стену. Кажется, это кулак Маркуса. От неожиданной громкости я взвизгиваю и отпрыгиваю от кофемашины чуть ли ни на метр. На кухню заходит Маркус. На его лбу вздувается вена от гнева, лицо красное, как томат. Он складывает руки на груди, останавливается напротив и назойливо стучит каблуком по кафелю. Увидев мое испуганное лицо, Маркус подходит ближе, гнев сменяется сожалением. Руки тянутся ко мне, он хочет прикоснуться ко мне так же сильно, как я почувствовать их на себя.

– Вы довольно шумные, – говорю я, натягивая улыбку. – Кайл остается в Джексоне?

Маркус кивает, кладет ладони на столешницу и едва ощутимо сцепляет наши пальцы. От такого крохотного жеста мое сердце вновь уходит в пятки. Мне этого недостаточно. Я хочу вернуться к тому, что мы делали несколько минут назад.

– Ты должна знать...

– Он знает, чья я дочь, – заканчиваю за него. – Это проблема? То есть ты смирился довольно быстро, стал радушным и очень... кхм... заботливым.

Пробегаю пальцами по шее, скучая по поцелуям. Я правда назвала Маркуса заботливым? Отворачиваюсь, чтобы скрыть свой подступивший румянец. Маркус хмыкает, наклоняется к моему уху и шепчет:

– Я был достаточно заботливым с тобой сегодня?

– Да, но нас прервали, – я едва ли не стону от разочаро-

вания.

Хочу спросить, продолжим ли мы, но слишком боюсь услышать ответ. Наш порыв – мимолетная слабость, а Маркус не позволит себе второй отступ от своих принципов. Не спать со мной как раз входит в них. Я была готова лишиться девственности на кухонной стойке, да что уж тут говорить, я все еще готова запрыгнуть на нее и раздвинуть перед ним ноги, если бы Кайл не сидел в нескольких метрах от нас.

– Я, наверное, пойду спать, – сейчас кто-то должен уйти, и это буду я. – Можешь проводить меня и пожелать спокойной ночи. Думаю, вам с Кайлом есть, что обсудить, а я буду лишь мешать.

Не могу сдержать улыбку. Маркус заправляет мои волосы за ухо и аккуратно целует в шею. Я из всех сил пытаюсь не поддаться чувствам и впиться в его губы в эту же секунду, и это оказывается кстати, потому что слышатся приближающиеся шаги Кайла. Мы реагируем быстро и отступаем друг от друга на безопасное расстояние. Парень в отличие от своего дяди выглядит вполне расслабленным, будто ему совсем плевать на взбучку, которую ему только что устроил Маркус. Я ставлю на стол две чашки с кофе и ухожу к себе в спальню.

– Кайл, дай нам минуту.

Маркус нагоняет меня на полпути. Когда мы доходим до двери, он толкает меня, вжимая в стену, и целует так сильно, как я и хотела. Он выплескивает свою накопившуюся злость и грусть от того, что нас прервали. Маркус показывает, что

он искренне сожалеет. Однако так он может намекать на то, что это наша последняя «оплошность». Я не могу предугадать его следующие действия, потому что его душа и мысли слишком сложны. Маркус расставляет мои руки по сторонам, держа кисти на уровне головы. Он полностью лишает меня возможности прикасаться к нему, что приравнивается к пытке. Выгибаю спину и бесстыдно прижимаюсь к нему грудью. Я превращаюсь в настоящую распутницу... Маркус отрывается от меня, освобождает руки, целует каждую кисть и на прощание хрипит:

– Спокойной ночи, Мередит.

Мужчина уходит, и я в спину кидаю ему какой-то несуразный стон и щебечу:

– Уснуть бы еще после такого...

Глава 14

– Ты вернешься в гребаный университет, Кайл!

– Я не хочу просиживать штаны в каком-то офисе.

Раз.

– Тогда сдай экзамены за этот год и переведись на другой факультет, декан все сделает, как ты попросишь. Я заплатил за все твои выходки наперед.

– Я не решил, чем хочу заниматься. Вдруг я хочу стать врачом, тогда чертовы экзамены мне не нужны.

Два.

– Да какой из тебя врач, твою мать?! Ты убьешь первого же пациента, который порезал пальчик ложкой!

– Спасибо, что веришь в меня, папа!

Три.

И так по кругу. Меняются профессии, предлагаемые Кайлом, и громкость споров, но суть их диалога осталась такой же с самой ночи. Когда я легла, все только началось, а после пробуждения продолжилось в том же направлении. Маркус и Кайл слишком упертые, чтобы найти компромисс. Они уперлись своими рогами в стену и по очереди бьются о нее головой. Из-за этого я лишилась завтрака и обеда за нормальным столом и засела в своей комнате, словно я наказана. И даже уйти в амбар я не могу, потому что придется выходить на улицу, а там с самого утра идет жуткий ливень. Стена из до-

ждя застигает все перед глазами, лес превращается в зеленое пятно. Не думала, что соскучусь по Занозе. Строптивая девчонка лучше, чем крики.

Утром я заметила свою сумку на прикроватной тумбе. Как только я увидела ее, покрылась холодным потом. Было очень страшно, что Маркус мог увидеть документы, лежащие там, но сумка была так же закрыта, и я успокоилась. Заниматься этим я тоже сегодня не хочу. Пялиться в потолок мне тоже порядком надоело. От скуки, несмотря на все вопли, я проваливаюсь в сон, а просыпаюсь лишь к вечеру. Дождь стих, оставив на земле огромные лужи. Снег стекает в них, а ночью вся эта слякоть превратится в лед. Думаю, в городе все не так плохо. Тем более, что лето в Вайоминге жаркое, а пока май не особо спешит радовать нас теплом.

Кто-то стучится в дверь, в иных обстоятельствах я бы подумала, что это Маркус, но сейчас мои варианты удвоились. Протираю заспанные глаза, разглаживаю одежду и встречаю гостя. Кайл с безмятежной улыбкой стоит передо мной, опираясь плечом о косяк. Мои глаза удивленно расширяются, и я неловко здороваюсь с парнем:

– Привет. Ты что-то хотел?

Кайл указывает носом в сторону комнаты, намекая, чтобы я его впустила. Неуверенно отхожу от прохода, шире открывая дверь, и парень заходит. Он по-хозяйски плюхается в мою кровать, положив руки за голову. Мне это не нравится. Пусть он и прожил здесь большую часть жизни, сейчас эта

комната выделена мне. Пытаюсь не хмуриться. Я не нравлюсь Кайлу, и мне не нужны лишние проблемы, раз уж он остается в Джексоне.

– Мередит, да? – не уверена, что это вопрос, но на всякий случай киваю. – Мередит, мне кажется, мы не с того начали. Предлагаю зарыть топор прошлых обид.

– У меня никогда не было обид на тебя или Маркуса, – отвечаю я. – Но я понимаю, почему у вас могла быть неприязнь ко мне.

Кайл кивает и продолжает:

– Отлично, тогда мы должны отпраздновать мир во всем мире. Сегодня вечеринка в курортном домике у одного моего приятеля. У тебя есть двадцать минут на сборы.

Последняя вечеринка, на которой я была, закончилась не очень хорошо, но на ней была хотя бы Лекси, а ехать куда-то с Кайлом немного пугающе. Он незнакомец, хотя и приемный сын Маркуса. Если парень уедет, то у нас с его дядей будет шанс остаться наедине и закончить вчерашнее. От этой мысли по животу разливается тепло, всю кожу обдает электрическим током, пальцы покалывает. Однако весь мой трепет быстро исчезает после того, как Кайл, ухмыляясь, рассказывает мне одну занимательную новость:

– К папе пришла Лу, и они заперлись в его спальне. Надеюсь, эти двое перестанут вести себя, как дети, и наконец поженятся.

Поженятся? Лекси говорила, что их отношения остались в

прошлом, но Кайл знает многое о Маркусе, поэтому для таких слов есть повод, а наш вчерашний поцелуй действительно был последним. Я глупая, наивная дура. Резкое желание покинуть дом, где Маркус, возможно, занимается любовью с другой женщиной, заставляет меня согласиться.

– Я быстро переоденусь, жди меня в гостиной.

Кайл подмигивает и оставляет меня.

В Вайоминге я превращаюсь в настоящую тусовщицу, хотя так ведь ведут себя мои ровесники. Кайл, например. Он бросил университет и приехал в маленький городок, чтобы ходить на вечеринки. Мы быстро добрались до лыжной базы на его синем спорткаре. Машина такая же помпезная, как часы и кроссовки, которые он надел перед выходом. Я же нацепила на себя первые попавшиеся голубые джинсы, черную толстовку на длинной молнии, майку и пальто. Волосы собрала в высокий хвост и накрашила ресницы. Надеюсь, что Джо там не будет, а вот присутствие Лекси меня очень обрадует. Она еще не знает, что я вернулась. Кайл помогает мне выйти из автомобиля, и мы заходим в небольшой двухэтажный деревянный домик, из которого уже доносятся музыка и смех людей.

– Для начала нужно выпить, – командует Кайл. – Не волнуйся, я пропущу пару стопок и успею протрезветь до отъ-

езда.

Мне абсолютно не нравится, что он будет пить. Дорога заледенела, уже стемнело, а пьяный водитель не придает уверенности в безопасной поездке. Но возразить не решаюсь и соглашаюсь. Кайл провожает меня на кухню, попутно показывая туалет, импровизированный танцпол в гостиной, наливает нам текилу, и мы выпиваем ее. Текила здесь нечто типа традиционного напитка? Если нет, то почему все пьют его? Местные не пьют что-то ниже сорока градусов: ни вино, ни шампанское. Кайл предлагает мне еще одну стопку, но я отказываюсь.

– Мне пока хватит, – говорю я.

Парень чешет затылок, осматриваясь вокруг, показывает на нескольких людей и называет их имена, но я не особо запоминаю их, потому что думаю только о Маркусе. Я безумно зла: сколько можно занимать мою голову? Он в курсе, что за аренду платят? Маркус впился в мой мозг, как паразит. Чертов паразит!

– Англия, значит, – Кайл вдруг переводит тему. – Тоже заставили? Надо получать лучшее образование и бла-бла-бла. Это полнейший бред.

Я усмехаюсь.

– У нас с тобой разные ситуации, – говорю я. – Я всю жизнь провела в подобных заведениях и всегда знала, что должна получить самые лучшие знания. Англия была навязана мне в день рождения.

Кайл опрокидывает еще одну порцию и цокает. Он не согласен с моими словами.

– Пусть я и рос вдали от этого богемного общества Нью-Йорка, папа всегда ставил меня перед фактом, – парень, насупив брови, кривится так же, как делает Маркус, когда злится. – Ты будешь учиться, чтобы самому зарабатывать на жизнь!

Хихикаю.

– Очень похоже, – изображаю восторг и хлопаю его представлению. – Я тоже немного времени провела в Нью-Йорке, все время прожила в пансионатах. Кстати, я слышана о твоей любви к Гарри Поттеру.

Кайл закатывает глаза, но не отрицает, прекрасно зная, что я застала его с поличным.

– У меня день рождения пятого июня, мой любимый факультет – Когтевран, – парень берет кусок пиццы со стола и подмигивает. – Я ни на что, разумеется, не намекаю.

– Разумеется, – я широко улыбаюсь.

Вся неловкость исчезает на глазах. Мне нравится говорить с ним. Это очень легко. Не думала, что с ровесниками мужского пола такое бывает. Кайл рассказывает про хозяина вечеринки, а между тем проскальзывают воспоминания из старшей школы. Иногда он упоминает Маркуса, и мои уши тут же реагируют. Судя по всему, из мужчины отец получился неплохой. Я не удивлена. Пусть мужчина сквернословит, как старый моряк, покрыт татуировками, он заботливый и

может уберечь от беды.

– Почему ты называешь его папой? – случайно вырывается у меня. – Прости, если лезу не в свое дело.

Кайл отмахивается.

– Нет, все хорошо, – парень пережевывает пиццу и отвечает: – Сначала это была защитная реакция, я нуждался в родителе, но потом это стало привычкой.

– Я своих родителей обычно называла по имени, – черт, я не должна была упоминать их. – Нальешь мне еще?

Кайл понимает мою оговорку и подает мне стаканчик с напитком. Он предлагает идти потанцевать, но у меня не то настроение, чтобы дергать конечностями среди пьяных парней и девушек, поэтому я отказываюсь. Достāju телефон. Может быть, Лекси здесь, и она сможет составить мне компанию. Быстро набираю ей сообщение:

«Ты слышала про вечеринку в горнолыжном комплексе?»

Ответ приходит быстро:

«О боги, да! Очень хотела на нее сходить, но я под домашним арестом после тусовки в «Кривом роге». Лу отмывала раковину, коридор и диван от моей рвоты весь день... гадость!»

«Я надеялась, что ты здесь. Кайл привез меня сюда, но мне здесь не по себе,» – отправляю сообщение и беру первый попавшийся стаканчик с красным напитком. Очень сладко, в самый раз.

«Кайл в городе?»

Я забыла, что она к нему не равнодушна. Наверное, стоило предупредить ее раньше. Плохая из меня подруга.

«Как я поняла, он бросил колледж и приехал на покаяние к Маркусу,» – пишу я.

Телефон снова вибрирует, но вместо фотографии Лекси на экране появляется имя Маркуса. Перед тем, как прочитать его, залпом допиваю свой коктейль. Голова уже начинает кружиться – самое время отвечать ему.

«Ты где, черт возьми?» – не видя его лица, могу поклясться, что он зол.

«С каких пор мы переписываемся?»

«Ответь на вопрос, Мередит.»

Тяжело вздыхаю и продолжаю вести виртуальный диалог.

«Кайл пригласил меня на вечеринку, и я пошла.»

Затем на меня сыпется град СМС.

«Ты под гребаным домашним арестом.»

«Сначала тебя спаивал Джо, а сейчас мой сын?»

«Ты видела, что происходит на улице? Как вы, Дьявол, собираетесь добираться домой?»

«Мы должны были поговорить о вчерашнем, но ты увязалась за Кайлом.»

«Придешь пьяной – тебе не жить!»

Чтобы прервать его гневную бравладу, отвечаю:

«Позволь напомнить, что ты был очень занят со своей подругой. Я и так весь день пряталась в своей комнате от ваших криков, и мне очень надоело. Развлекайся со своей по-»

другой, а я буду веселиться с Кайлом. Может быть, здесь есть и Джо».

Вырубаю телефон и кладу его в задний карман джинсов. Беру еще один красный пластиковый стаканчик – кажется, пиво – и иду танцевать. Закрываю глаза, двигаюсь в такт песне и медленно пью алкоголь. Моя бедная печень, мне стоит прекратить пить, но что еще мне делать, чтобы расслабиться? Общение никогда не было моей сильной стороной. Через три песни меня находит Кайл. Он, сверкая своими голубыми глазами, сплетает наши пальцы и кружит меня. Наш танец похож на движение двух неваляшек, но это очень весело. Руки Кайла ложатся на мою талию, и мы, дурачась, прыгаем из стороны в сторону. Его прикосновения не кажутся интимными, мы просто развлекаемся. С Кайлом мне легче, чем с Джо и даже с Лекси. Я чувствую что-то внутри, когда смотрю на него, мне хочется улыбаться. От него исходит искреннее тепло. Думаю, мы сможем подружиться, и надеюсь, что Кайл считает так же.

– A fire of unknown origin took my baby away.

Fire of unknown origin took my baby away.

Swept her up and off my wavelength.

Swallowed her up like the ocean in a fire thick and gray, –

кричим мы в один голос с Кайлом.

Общее пристрастие к року еще один шагок в сторону нашей дружбы. Мы так натанцевались, что оба выдохлись раньше, чем думали, и решили уехать домой. Вечер действительно был замечательным, и я рада, что пошла. Хотя мой повод был совсем не благородный.

Тем временем спорткар уже поднимается на гору. Песня заканчивается, и вдруг автомобиль заносит в кювет. Кайл ругается, пытаюсь выровнять движение, колёса скрипят, крошки льда летают перед стеклами. Я не пристегнулась, поэтому когда автомобиль тормозит, меня выбрасывает вперед. Пытаюсь укрыть голову, отвернувшись, но все равно врезаюсь левой бровью в панель. Боль пронзает голову, и несколько капель крови капает в мой глаз.

– Пожалуйста, скажи, что ты жива, Мередит.

Кайл поднимает меня, берет за подбородок и осматривает лицо. Зрение сначала слегка расплывчатое, но оно быстро приходит в норму. Парень выглядит очень напуганным. Рукавом он вытирает кровь с моего глаза. Рана ноет, и я шиплю от боли.

– Прости, прости, – шелестит Кайл и, достав из бардачка бумажную салфетку, прижимает ее к моему лицу. Он успокаивающе гладит меня по щеке и заводит мотор. – Я поеду аккуратно. Голова кружится? Звездочки летают перед глазами? Или птички?

– Нет, я в порядке, – качаю головой, усмехнувшись. – Просто довези нас в целости.

– Есть, мэм.

Автомобиль едет медленно. Кайл крепко сжимает руль, унимая трясучку. Голова все же кружится, но лучше парню об этом не знать. Мы подъезжаем к дому. Кайл подхватывает меня и едва ли не тащит до двери. Затем он доводит меня до кухни и бегаёт по помещению в поисках аптечки. Он мечется, как пчела над цветами. Из коридора доносятся шаги, и я тихо стону. Я по-прежнему пьяна, а от Кайла точно все еще пахнет текилой. Нам обоим сейчас достанется. Закрываю глаза в ожидании бури.

Три.

Два.

Один...

– Вы оба... – раздаётся рев Маркуса, но потом он, скорее всего, замечает окровавленную салфетку, прижатую к моему лицу, и в мгновение ока оказывается передо мной. – Что, черт возьми, произошло?

Маркус подсаживает меня на столешницу и аккуратно отрывает мою руку от лица. Бумага прилипла к ране, поэтому становится больнее, и я всхлипываю. Мужчина дует на рану, приговаривая, что не так страшно, как чувствуется. Он выхватывает у Кайла аптечку и достает оттуда перекись и пластырь. Дуя на порез, Маркус повторяет свой вопрос:

– Что произошло, Кайл?

– Па... это случайность, – лепечет он.

– Кайл, ответь мне, Дьявол побери, – орет Маркус.

– Машину занесло, и я немного ударились, – я опережаю его, открываю глаза и, сощурившись, кидаю на него злобный взгляд. – Хватит вопить, у меня и так голова болит.

Маркус не смотрит мне в глаза, принохивается и поворачивается к Кайлу. Мужчина наполовину обнажен, но он не выглядит сонным. Он ждал, когда мы вернемся.

– Вы пили? Ты поехал пьяным в такую погоду? Тебя совсем ничему жизнь не учит? – он понижает голос, но все еще кричит.

– Когда я сел за руль, был абсолютно трезвым, – Кайл потирает затылок. – Мер, мне правда жаль.

– Возьми аспирин и иди спать. Ключи оставь здесь, за руль ты не сядешь, пока я не разрешу, – Маркус прижимает к ссадине ватку, вымоченную перекисью, и я снова всхлипываю. – Кайл, я сказал: иди! Не беси меня сейчас.

Парень не двигается с места. Я перевожу взгляд на него, извиняясь, и натываюсь на точно такое же выражение лица. Губы Маркуса сжимаются в тонкую полоску, скулы напрягаются, и по лицу играют желваки.

– Папа, нам надо было расслабиться, через два-три дня мы уже будем заперты, – Кайл закатывает глаза.

Маркус будто видит это и снова приходит в ярость.

– Ты, черт возьми, бросил учебу, тебе мало расслабления? Вы могли улететь с гребаного склона. Ты напоил несовершеннолетнюю, а алкоголь на нее хреново влияет. Твое расслабление привело к крови, так что свали нахрен в свою ком-

нату!

Кайл подчиняется и уходит, громко хлопнув дверью. Я была не уверена, на каком этаже его комната, сейчас точно знаю, что на первом, со мной. Маркус натягивает кожу, стянув края раны, и наклеивает пластырь.

– Теперь у меня будет шрам, как у тебя? – спрашиваю я.

Маркус игнорирует меня и убирает на место аптечку. Я обнимаю его ногами и притягиваю к себе, как вчера. Маркус ставит руки по бокам, уставившись на стену за моей головой. Он обиделся? Лучше бы поорал, как на Кайла. Молчание в разы страшнее.

– Ты слишком строг с Кайлом, – отчитываю его. – Ты тоже здесь расслаблялся, пока мы танцевали и пили. Не очень много, не как с Джо, но я все равно пьяная. Как Лу? Лекси под домашним арестом.

Маркус молчит. Он не угрожает запереть меня в доме на семи замках, с запертым ртом отцепляет меня от себя и уходит вслед за сыном. Я ошиблась: он очень сильно обиделся.

Во рту сухо, как в Сахаре. Боже, я же клялась себе не пить. Теперь уж я точно не нарушу свое обещание. Открываю один глаз и вижу, что на улице темно и шумно. От грома появляется ощущение, что стены дрожат. Пить. Мне срочно нужна вода. Выхожу из комнаты прямо в боксерах и майке, прохожу

на кухню и беру из холодильника литровую бутылку воды. Делаю большой глоток и ухожу. В темноте с мутным сознанием после сна и алкоголя трудно ориентироваться, поэтому неудивительно, что я обо что-то запинаясь и лечу лицом в ковер. Мысленно готовлюсь к предстоящему удару (напоминаю, вторым за сутки!), но знакомые сильные руки удерживают меня. Бутылка с глухим стуком падает на пол, и вода разливается по полу и немного попадает на мою майку. Вздвигиваю от неожиданности и отпрыгиваю. От страха перед глазами мигают звездочки, моргаю, чтобы увидеть, кто сидит на диване. Маркус, развалившись на нем, подносит ко рту бутылку с темной жидкостью. Кажется, он тоже решил выпить сегодня. Мужчина все еще полуобнажен, волосы растрепались по сторонам. От стеклянного взгляда голубых глаз по моей спине пробегают мурашки.

– По десятибалльной шкале насколько ты в бешенстве? – спрашиваю я.

Маркус хмыкает и отводит взгляд.

– Мой брат погиб в аварии, – хрипит он. – Был пьяным за рулем. Погубил себя, свою жену и оставил сына сиротой. А Кайл пьяным гоняет по ледяной дороге, бросает учебу.

– Но ты все равно был очень строг с ним, – шепчу я.

Маркус рычит и с грохотом ставит бутылку на столик.

– Не тебе судить, Мередит.

Набираю в легкие побольше воздуха. Теперь злюсь и я. Он не имеет права так со мной говорить.

– Может быть, ты злишься не на него? Может быть, дело во мне? В СМС ты лишь один раз сказал про дорогу, – делаю шаг к дивану, наклоняюсь и тыкаю пальцем в его колено. – Я пришла пьяная, но конец мне не наступил. Я не поговорила с тобой о вчерашнем. Возможно, я провела вечер с Джо.

Маркус оскаливается и испускает пугающий рык.

– Ты нарываешься, Мередит, – приглушенно рывкает он.

Складываю руки на груди и ухмыляюсь.

– Да? И что ты сделаешь? Наорешь на меня? Запретишь смотреть телевизор? – накидываю ему варианты, потом наигранно щелкаю у головы, будто мне пришла идея. – Или отшлепаешь, как маленького ребенка?

Наши взгляды резко встречаются, и происходит непоправимое. Маркус *произносит* непоправимое.

– Идея отличная.

Мужчина похлопывает по своим бедрам, и я приближаюсь к нему, словно под гипнозом. Маркус подхватывает меня под локоть и укладывает к себе на колени так, что мой живот прижимается к его мышцам. Я подгибаю колени, и моя задница оттопыривается и оказывается в легком доступе. Дыхание сбивается, грудь часто вздымается и трется о ткань моей майки. Я без бюстгалтера, и Маркус легко может почувствовать затвердевшие соски. Идея ужасна: он пьян, я с похмельем, но, Боже, прости меня, я хочу, чтобы он отшлепал меня.

Пальцы Маркуса проскальзывают под резинку моих бок-

серов и резко спускают их к коленям. Кожу обдает холодным воздухом. Как же я рада, что сегодня надела сексуальное кружевные трусики! Между ног появляется знакомое жгучее напряжение. Я стискиваю бедра, пытаюсь хоть немного снять его. Маркус замечает это и, простонав, пробегается пальцами по моей промежности. Указательный нажимает на клитор и раздражает меня, покружив вокруг ужасно напряженного комка нервов.

– Ты мокрая, – его голос пропитан сожалением. – Но это наказание, а не ласка, поэтому ты будешь мучиться.

Я уже мучаюсь, сукин сын.

Маркус неожиданно стягивает и трусики. Я в полном его распоряжении, и это одновременно возбуждает и страшит. Кроме своего кричащего сердца и шумного дыхания ничего не слышу, затем раздается громкий шлепок, и острые ощущения пронзают левую ягодицу. Чувствую, как член Маркуса поднимается, упираясь в мой живот.

– Скажи мне, в чем ты провинилась, – приказывает он.

– Я уехала, ничего не сказав.

Маркус заносит ладонь наверх и шлепает правую ягодицу, не жалея сил. Клитор пульсирует сильнее, а по бедрам текут мои соки. И Маркус видит все это. Ему нравится смотреть на меня. Мы шумно втягиваем воздух, и мужчина продолжает:

– Ты упомянула чертового Джо, хотя знаешь, что я не хочу даже думать о вас, находящихся в одном помещении.

Третий шлепок. Мне больно, невыносимо больно. Хочу

унять противное чувство, но руки не дотянутся до киски, а Маркус хочет, чтобы я страдала. У него отлично получается. С губ срывается скулеж, и я уже готова молить о том, чтобы он засунул свои чертовы пальцы в меня.

– Я напилась, хотя знала, что ты будешь злиться.

Четвертый.

Тянусь пальцами к груди, залезаю под майку и сжимаю каменные соски. Массирую их и получаю пятый шлепок.

– Ты должна понять, что я чувствую, так что убери нахрен свои руки от сисек.

Без всякого желания повинуюсь ему. Маркус поглаживает горячую кожу на заднице и называет следующую причину:

– Ты была готова трахнуть со мной вчера.

Шестой. Вонзаюсь зубами в руку, чтобы удержать в себе крик.

– Из-за ревности я наврала, что веселилась с Джо, но его там не было.

Седьмой.

– Ты рассекла бровь, и я видел, как из твоей головы течет кровь.

Восьмой. Последний шлепок доводит меня, и я кончаю. Мышцы сокращаются, и я взрываюсь на руку Маркуса. Всхлипываю, удерживая громкий стон. Наши тела тяжело и часто вздымаются, дыхания двигаются в унисон. Конечности ватные, и я не могу даже шевельнуться. Глаза сами начинают закрываться.

Маркус целует каждую ягодицу, надевает обратно мои трусики и шорты-боксеры и разворачивает на спину. Он понимает, что полностью выбил из меня все силы, то есть я имею в виду в буквальном смысле, поэтому берет меня на руки, придерживая за ноги и спину, поднимает меня и уносит в комнату. Маркус укладывает меня в кровать и накрывает одеялом. Я хочу попросить его остаться, но это перебор. Он уносит ноги быстрее, чем я успеваю что-то сказать.

Задница горит, как и все тело. Маркус отшлепал меня. Я должна стыдиться, ведь это было унижительно, но мне очень хорошо. Мне волшебнo.

Глава 15

Маркус

Мерedit Ван дер Меер – опухоль в моем мозге. Она заставляет меня действовать опрометчиво, говорить то, что нужно держать за зубами, думать о том, что находится под строжайшим запретом. Она искушение, которому я поддаюсь из раза в раз. Вчера я настолько обезумел, что, черт побери, отшлепал ее прекрасную попку. Мерedit растекалась в мои руки, как сочный персик. До сих пор чувствую запах ее упругой кожи и соков, сочившихся по моим пальцам. Ее киска была горячей и напряженной. Уверен, ей было так же больно, как мне. Мои гребаные яйца посинели – мне пришлось потратить дохрена времени, чтобы хотя немного снять возбуждение. Когда я притронулся к ее клитору, мне хотелось бросить все к чертям и удовлетворить ее, а потом войти в нее. Тогда бы Мерedit подарила мне не только свою девственность, но и исполнение всех грязных желаний, которые копились со дня нашей встречи и достигли невыносимых уровней после того, как я увидел ее голой. Конечно, тогда у нее был жар, а в придачу текла кровь. Этот факт совсем не помог моим мыслям перестать мечтать о ней. Я бы стал ее

первым мужчиной, и Мер бы не могла ходить неделю.

Грязные мысли о девятнадцатилетней девчонке разбудили меня до рассвета. По голове будто всю ночь стучали битой. Поднимаюсь с влажных простыней и встряхиваю волосы, превратившиеся в сосульки. Моя комната до жути пустая: одна лампа, безликий светлый шкаф с пятью книгами и ящиками и дверь, ведущая в гардеробную, которая, к слову, тоже полупустая. Гостевые спальни, нахрен мне не сдавшиеся, и то больше похожи на хозяйские комнаты.

Натягиваю на себя толстовку с капюшоном и иду в конюшню. У Клары сломался забор, давно хотел его починить, а сейчас мне нужно выплеснуть свои эмоции на что-то кроме сексуальной девчонки. Проходя мимо спального крыла на первом этаже, слышу шум моря из комнаты Кайла. Он любит включать медитации перед сном. Мне понадобилось приложить огромные усилия, чтобы не зайти в спальню Мередит и пялиться на спящую девушку, как маньяк. Когда я прихожу в амбар, Клара спокойно пережевывает свое сено.

– Привет, девочка, – глажу лошадь по голове. – Странная ночь, правда?

Клара фыркает, словно подтверждая мои слова. Разговаривать с животным было бы чересчур, поэтому сначала убираю ее стойло, а затем приступаю к починке двери. Запах навоза, пила, молоток и гвозди помогают привести голову в порядок. Пот стекает по спине, и теперь от меня пaset не лучше, чем от отходов жизнедеятельности Клары. Забываю

последний гвоздь и завожу лошадь назад, стряхнув опилки с ее чистой темной гривы. Я мыл ее шерсть вчера, пока психовал из-за того, что Кайл и Мер уехали, поэтому простой щетки достаточно. Когда я заканчиваю, на улице уже светло.

– Па? – зовет Кайл с улицы.

– Я здесь, – кричу я.

Кайл заходит в амбар, немного сморщившись. Ему никогда не нравилось ухаживать за животными, хотя к лошадям он не равнодушен.

– Завтрак готов, – говорит он. – Нам, наверное, надо поговорить.

Я качаю головой. Все так запуталось... Кайл понятия не имеет насколько, потому говорить не хочу ни с ним, ни с кем-то еще. Возможно, только с Кларой, но она лягнет меня за мою тупость.

– Нет, мне не этого не надо, – отвечаю я и иду к выходу. – Я схожу в душ и присоединюсь к вам через десять минут.

Чтобы не наследить, моюсь на первом этаже и закидываю толстовку в корзину с грязным бельем. Среди одежды Мередит вижу ее вчерашние трусики, и меня снова накрывает. Я хотел разорвать их на мелкие кусочки, чтобы они не мешали мне прикоснуться к ней, как я желал по-настоящему, но сейчас я рад, что не сделал это. Я хочу увидеть эти черные кружева на ее упругой попке снова и хорошенько рассмотреть. Надеваю штаны и иду на кухню.

Кайл расставляет тарелки на стол и накладывает всем яич-

ницу, а Мередит наливает кипяток в чайник со сбором, который она купила в магазине с китайским чаем. С тех пор, когда она появилась в моем доме, я попробовал много нового. Сначала зеленый чай с жасмином, безумно вкусная штука, потом в холодильнике появился хумус, закончилось все какой-то прозрачной лапшой, название которой я никогда не запомню.

Мер не смотрит мне в глаза и старается не подать виду, что между нами что-то произошло. Она с улыбкой ставит кружку для чая для меня и для себя, а Кайлу дает крепкий американо. Ничего в ее поведении не выдает, что вчера Мер лежала на моих коленях, сжимая свои красивые сиськи, пока я шлепал ее по голой заднице. Она садится на стул и морщится. Кажется, я переборщил вчера. Теперь мне хочется посмотреть на оставленный мною след и приласкать ее.

– Приятного аппетита, – щебечет Мередит.

Поблагодарив ее, мы приступаем к завтраку. Тишина давит на уши и ничуть не сглаживает неловкость. Мередит роется в своей тарелке, боясь лишней раз издать шорох. Чувствую на себе недоверчивый взгляд Кайла и повторяю поведение Мер. Разливаю нам настоявшийся чай, но в горло кусок не лезет.

Да, старик, нихрена не подозрительно.

– Пап, ты набил новую татуировку? – вдруг ни с того ни с сего спрашивает Кайл.

Мер напрягается и отпивает чай. Я утвердительно киваю.

– Несколько, – говорю я. Надо было что-то надеть. Я привык расхаживать полуголым в доме, потому что несколько лет был один. – Пистолет с кинжалом, облака и добил Михаила.

– Я тоже хочу сделать первую татуировку, – рассказывает Кайл. О татуировках поговорим? Хотя лучше о них, чем о вчерашнем. – Джо сильно занят в этом месяце?

Едва сдерживаюсь, чтобы не зарычать. Мер откашливается. Мимолетно посмотрев на нее, вижу, как ее лицо и шея начинают краснеть. Джо – запретная тема в этом доме с того самого дня, когда этот гаденыш чуть не поцеловал Мередит, напоив ее вдрызг. К нему я больше не пойду, по крайней мере в ближайшее время.

– Не знаю, мы немного повздорили, – уклончиво отвечаю я. – Лучше сходи к Каре.

Я бы сам не пошел к ней, потому что именно она набила ту ужасную татуировку Лу, но подруга сама выбирала эскиз, так что пусть Кайл идет к ней, а не к Джо, который может ляпнуть лишнего.

– У нее рука мягче, – вру я. – Для первого раза она подойдет лучше.

– Мер, тебя нравятся татуировки папы? – Кайл притрагивается к ее плечу, выдергивая из транс.

Девушка давится воздухом и, сдержав кашель, отвечает:

– Я в этом не разбираюсь.

– Да брось, Мер, – Кайл отмахивается и подначивает ее

на честный ответ.

Мередит вздыхает и, не глядя на меня, произносит:

– Они красивые, наверное. Мне нравится роза с каплями крови. Просто это мой любимый цветок.

Я небольшой фанат цветов, а роза с кровью – воспоминание из прошлого. Не очень приятное, если честно, но в сравнении с детством в целом оно не такое уж и страшное. Когда отец бил меня бил меня в саду, моя кровь падала на цветы. Я видел, словно в замедленной съемке, как алые капельки стекают по лепесткам, а потом летят на землю.

Кайл удовлетворенно соглашается и говорит, что хочет набить орла. Он пытается разговорить ее, ведет себя чертовски мило. Кажется, он больше не ненавидит ее. Все наоборот: Мер понравилась Кайлу. Черт возьми, она словно магнит для здешних парней. Сначала Джо, а теперь еще и Кайл? Против него я ничего не имею, он мой сын, я воспитал его честным и хорошим мужчиной. Если он начнет за ней ухаживать, то единственное возражение – это мои чувства к Мередит. Не уверен, что смогу смотреть на это, поэтому надеюсь, что у меня просто паранойя.

Быстро доедаю, складываю посуду и иду к лестнице. Перед выходом Мередит вдруг окликает меня:

– Маркус, ты куда?

Не смотрю ей в глаза, а она не глядит на меня.

– По работе надо отъехать, – хриплю я. – Не ждите меня.

Но вы под домашнем аресте, не уезжайте никуда.

– Отлично, можем повеселиться, – радуется Кайл, хлопнув в ладоши.

– Будь осторожен, – просит Мер.

Ее голос мягкий и тревожащийся. Она правда волнуется, и я едва не стону от досады. На улице идет мелкий дождь. Температура резко поднялась, поэтому весь лед растаял и превратился в большие лужи и грязь. Весна за одну ночь отобрала у зимы свои права и активно смывала все напоминания о своей предшественнице. Хочу обнять ее, расцеловать каждый участок ее тела в своей постели и сделать все то, о чем мечтал. Вместо этого тихо бросаю:

– Как и всегда.

Горнолыжный курорт – единственное привлечение туристов в Джексоне. Домики довольно старые, поэтому хозяин решил отремонтировать их, пока не наступил летний сезон. В июле сюда приезжают на охоту и в кэмпинг. Приезжие берут туры, ночуют в горах, купаются в озерах. Эндрю Кларк, хозяин курорта, нанял меня, чтобы я создал новый проект. Я сохранил оригинальный стиль брусчатых домов с каминами, но добавил панорамные окна, более прочные крыши и ванны с фактурной отделкой, похожей на мою, но дешевле, оборудовал на чердаках комнаты, чтобы расширить пространство. Обычно я редко занимаюсь внутренним дизай-

ном, но Эндрю не по карману, а он слишком хороший парень, поэтому я сделал ему такой бонус.

Захожу в личный домик хозяина, прихватив с собой все чертежи и сметы. Из всех помещений выносят старую мебель. Работа кипит полным ходом. Полноватый пожилой мужчина, кряхтя, поднимается при виде меня и протягивает руку:

– Здравствуй, Маркус.

– Привет, мистер Кларк, – я головой указываю на рабочих. – Все идет по плану?

Эндрю немного мнется, а потом все-таки признается:

– Самый дальний домик занят. Один мужчина приехал сюда позaproшлой ночью и заплатил в четыре раза больше стоимости за аренду домика. Я сначала отказал ему, сослался на ремонт, но он сказал, что в гостинице не номера, а кроличьи норы. Говорил, ему очень надо здесь остаться, повидаваться с семьей. Мол, надо извиниться перед сыном и внуком, будто они единственное, что держит его на свете. Эта дребедень мне надоела, а деньги немаленькие, поэтому я и согласился. Он обещал, что не задержится слишком долго.

– Нестрашно, – говорю я. – К последнему домику мы приступим нескоро. Давай пробежимся по плану.

Все дела мы заканчиваем к глубокой ночи. Выходя из офиса Эндрю, я автоматически смотрю на крайний домик. Гость плотно закрыл все окна, словно заперся в бункере.

Тогда я почему-то не придавал этому значения. Очень и

очень зря.

Глава 16

Мерedit

Маркуса нет, Кайл уснул ещё в полдень, поэтому сейчас самое время для открытия ящика Пандоры. Закрываю дверь и подпираю ее стулом. В закромах нахожу папку с документами, найденными моим дедом, и флэшкой, включаю ноутбук, подключив к нему наушники, и набираюсь сил. Что я там увижу? Ставлю сотку на то, что я пожелаю. Черт возьми, была не была.

На флэшке оказалось две папки: «Маркус» и «Рука Господа». Открываю документ с волнующим меня именем и вижу одно единственное видео. Стоп-кадр уже вызывает у меня рвотный позыв, но я все же включаю ролик.

Особняк Монтгомери, Хэмптонс, 20 лет назад

Мальчик не плачет: слезы закончились еще в первые сутки пребывания в подвале. Он не может сдвинуться с места. Руки скованы цепями, чтобы он не сбежал. Но даже если бы он хотел это сделать, то попросту не смог. Пальцы мальчика сломаны на руках и на ногах, колени выбиты, а из-за потери крови перед глазами все плывет.

Маркус раскачивается из стороны в сторону, пытаюсь

согреться. Но пока пол не станет теплым, у него это не получится. Маркусу хочется исчезнуть, испариться в воздухе. Он унижен, сломлен и уничтожен. Никто его не спасет, потому что всем на него плевать. Друзья предали его, брат покинул, а отец... отец убивает его, приходя каждую ночь в подвал.

Дверь открывается, и в помещение входит Квентин Монтгомери. Маркус не хочет подавать виду, но он все еще боится. Мальчик открывает Библию и зачитывает вслух:

– И земля осквернена под живущими на ней, ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет.

– Отрезвитесь, как должно, и не грешите, ибо, к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога, – ледяным тоном говорит Квентин.

Мужчина закатывает рукава и подходит к шкафу, над которым висит серебряный крест. Квентин благоговейно опускает взгляд перед распятием и достает из ящичка нож и пистолет. Обычно он истязает свое чадо кинжалом, но сегодня он берет старый кольт с позолоченной гравировкой. Мужчина выходит под свет луны и направляет дуло на сына, сняв пистолет с предохранителя.

«Вот и все,» – подумал Маркус.

Конец страданиям. Конец одиночества. Конец всего.

– Ты не будешь молить меня о милости? – спрашивает Квентин. Маркус отрицательно качает головой, и его отец опускает оружие. Он подходит близко к мальчику и гладит

его по голове, как щенка. Так же оскорбительно. Его жест совсем не проявление ласки, он хуже пореза ножа. – Хороший мальчик. Осталось немного. Мы излечим твои грехи.

Квентин убирает пистолет и нож. Сегодня ему не нужно оружие. Мужчина стискивает волосы Маркуса в кулак, поднимает его голову и наносит удар по лицу. Квентин не жалеет сил и свои руки. Он бьет так сильно, что за считанные секунды глаз Маркуса плывет, кожа на брови рвется, и по лицу стекает кровь, капая на тело и пол.

Это была последняя ночь в подвале, но мальчик будет страдать еще много месяцев от физической боли, а от воспоминаний – долгие годы.

Вырубаю видео, чтобы не видеть это. Уверена, что Библия не подразумевала такое зверство. Мое сердце болезненно сжимается. Гнев и сочувствие захлестывают меня. Почему дедушка не отправил это видео в полицию и не посадил отца Маркуса в тюрьму? Глупый вопрос: от всего можно откупиться. С адом Маркус не преувеличивал. Теперь в моих глазах он не просто сильный мужчина – он боец и выживший. Маркус спасся, смог воспитать сына и построить собственный бизнес. Он смог все, и жалость не потерпит. Я не должна плакать по сломленному мальчику, но рыдания вырываются наружу вместе со всхлипами. Прикрываю рот руками, чтобы Кайл ничего не услышал, и открываю папку «Рука Господа». Руки дрожат, дышать безумно тяжело, но я обязана узнать все.

Дедушка был самым убежденным атеистом, как и все его окружение. Мистер Нолан всегда кривился при упоминании Бога, так что во второй папке точно не проповеди и не отрывки из Библии. Если честно, у меня ощущение, что это какое-то очень знакомое название. Открыв документы, я понимаю, где слышала про «Руку Господа». Первый файл — статья из газеты, выпущенная за два года до моего рождения, с подчеркнутыми строчками.

«Религиозная организация «Рука Господа», устроившая в сентябре теракт в Лондоне, взяла на себя ответственность за взрыв нью-йоркского офиса компании «Кинг КОНСАЛТИНГ» и пообещала нанести повторный удар, если «короли» не покаются».

Террористы. Что за чертовщина? Почему здесь террористы? Открываю следующую статью из журнала «Бизнес сегодня», напечатанную за годом раньше, чем первая, и начинаю видеть связь.

«Квентин Монтгомери потерпел поражение: «короли» отказались от сделки с бизнесменом».

Одна и та же компания, но вот кое-что остается непонятным. Файлы на флэшке должны доказать виновность отца Маркуса в чем-то, а пока это лишь намеки на связь Квентина с террористами-фанатиками. Листаю дальше — на экране появляются четыре некролога. Все усопшие работали в компании «Кинг КОНСАЛТИНГ», а один из погибших — сам Лукас Кинг, генеральный директор. Все сотрудники умерли ли-

бо из-за несчастного случая, либо из-за самоубийства в подозрительно короткий срок. Что, если все было подстроено, чтобы навредить компании? Потеря четырех сотрудников на правящих должностях не может пройти бесследно.

На следующем файле видео-обращение главы «Руки Господа». Мужчина с аккуратной бородой и абсолютно спокойным взглядом рассказывает полную чушь. Говорит, что Бог его руками выжигает опухоли нашего мира: атеистов, людей другой веры, геев, лесбиянок и всех, кто развлекается в неудобных им местах, то есть везде кроме храмов. Взгляд мужчины с каждым его словом становится все более пугающим. Карие глаза темнеют и сужаются, а в уголках появляются морщинки. Надолго меня не хватает, поэтому переключаюсь на последний документ. Мое лицо вытягивается, и, кажется, я ахнула во весь голос. Мужчина, чей бред я слушала секундой назад, по-дружески пожимает руку Квентину Монтгомери. Фотография сделана исподтишка в каком-то роскошном кабинете.

Ищу в гугле отца Маркуса. Кроме информации о его компании и наградах нахожу фотографию автокатастрофы, в которой погиб Квентин. Он умер пятнадцать лет назад, но доказательства, связывающие его с террористами, собраны уже после его смерти. Что-то здесь не сходится. Зачем дедушка хотел доказать виновность мертвого человека даже в таких ужасных поступках? Мой взгляд падает на флешку. На ней выцарапано одно слово – Бразилия.

Беру распечатки и ахаю. Переводы сделаны за месяц до смерти дедушки и бабушки, менее пяти лет назад. Если Квентин мертв, то кто пытался за него откупиться за убийство главы компании и по совместительству за убийство отца братьев Кинг? Зачем кто-то вывел деньги на подставные компании в Южную Америку сделаны за несколько дней до автокатастрофы с Квентином Монтгомери?

Собираю всю картинку в мыслях. Голова уже гудит. Квентин хотел заключить некую сделку с «королями», но получил отказ и начал работать с «Рукой Господа». Затем кто-то постарался уладить дела с наследниками империи. Но обвинения бывшего владельца компании семьи Монтгомери навредили бы Маркусу, а дедушка точно хотел обратного. Это не просто несостыковка – это огромная пропасть между фактами. Не хочу даже думать о существовании такой возможности, но если Маркус причастен к этому? Что, если дедушку и бабушку убили не грабители, а «Рука Господа» из-за старой дружбы с Квентином? Нет, это полнейший бред. Маркус ненавидел своего отца и уехал в конец географии не просто так, хотя в то же время он винил моих родителей в случившемся. Ему могло стать стыдно за содеянное, поэтому он взял меня к себе. Мне нужно с ним поговорить: я должна убедиться, что у меня паранойя на фоне того, что я только что узнала. Снимаю наушники и захопываю ноутбук. Кто-то хлопает входной дверью – Маркус. Очень и очень вовремя. Выхожу из убежища и бегу к нему. Конечности дрожат,

перед глазами мелькает избитый Маркус.

Мужчина устало потирает шею, зайдя на кухню. Я не могу просто вывалить на него все свои вопросы. Маркус наливает себе воду, а я подхожу к нему. Он удивленно поднимает взгляд: я подошла довольно близко. Мне не до смущения и не наших... взаимоотношений.

– Звонила миссис Стюарт, – без дежурных вежливых фраз начинаю врать, – несколько дам просили узнать твой номер. Они как-то вычислили, что ты сам Маркус Монтгомери. Все хотят откусить кусочек твоей компании.

Он подозрительно косится на меня. Должно быть, я выгляжу странно.

– Я ни дня не работал в компании *своего отца*, – Маркус подчеркивает последние слова. – Понятия не имею, что там творится.

– А деньги? – спрашиваю я.

– Трастовый фонд создан очень давно, но им я пользовался до открытия своей фирмы, – Маркус хмурится. – С чего ты вдруг заинтересовалась?

– Думаю, как объяснить бедным дамам твой отказ, – улыбаюсь ему и покидаю кухню, кинув напоследок: – Спокойной ночи.

Его объяснение меня слегка успокоило. К тому же я все-таки поняла, что мысль бредовая. Маркус взял меня, потому что знал, насколько ужасными были родители. Не из чувства вины. Нет. У него слабость к сиротам. Сначала Кайл,

теперь я. Черт, я все еще его подозреваю. У Маркуса был мотив, средства, чтобы отвести от себя сенатора, родственников усопшего и прокурора. Но в то же время у него есть и алиби: ненависть к отцу, нахождение в Джексоне и воспитание сына. Он бы не рисковал судьбой Кайла, лишившегося всего.

Я не могу. Вдруг мои чувства сильнее здравого смысла, и я пытаюсь отмести любую возможность его вины. Или все-таки у меня паранойя, что было бы намного лучше для меня.

Душ помог мне прочистить голову. Возвращаюсь в комнату, и меня сбивает поток ветра из открытого нараспашку окна. Быстро бегу к нему и пытаюсь закрыть. Пол ледяной, он кусает пятки. Разжигаю огонь в камине и ложусь в постель, не глядя на компьютер, лежащий напротив. Вскоре я засыпаю.

Мне очень жарко, нечем дышать, глаза жжет. Скидываю одеяло и пытаюсь сделать глоток воздуха, но начинаю кашлять. Тогда я разлепляю веки и понимаю, что вокруг меня не ночь, а дым. Едкое облако заполнило всю комнату, темноту поглотили алые языки пламени. От ужаса я падаю на пол и взглядом слежу за подступающим огнем. Хочу встать и бежать со всех ног из комнаты, но не могу. Меня словно связали крепкими цепями. Я сгорю в своей комнате ночью,

как родители. Они будут рады узнать, что я умру так же.

– Папа! – где-то вдалеке слышится голос Кайла. – Комната Мередит горит!

В дверь начинают стучаться, но я заперла ее. Жар щеко-чет пальцы на ногах. Пламя танцует перед моей смертью. Я подбираю ноги под себя и раскачиваюсь из стороны в сторону. Дверь с хрустом срывается с петель и падает на пол, но я даже шевелюсь. Маркус забегает внутрь, прикрыв нос ладонью, и быстро подступает ко мне. У него в руках огнетушитель. Вряд ли, сюда быстро доберутся пожарные, так что Маркусу придется самому останавливать огонь. Он хватает меня за плечи, хорошенько встряхнув, и кричит:

– Мередит, уходим! Сейчас же!

Я продолжаю сидеть, замороженно смотря на огонь. Маркус не церемонится и силой заставляет меня подняться. Ноги не держат меня, но мужчина крепко держит мое обмякшее тело.

– Кайл, унеси Мередит отсюда, – Маркус подзывает сына. – Она не может уйти сама.

Кайл забегает в комнату, забирает меня и поднимает на руки, напоследок спросив:

– Папа, помощь нужна?

– Уходи быстрее. Она надышалась дымом, – приказывает Маркус.

Нет, ноутбук и папка. Меня будто окатили ледяным душем, чтобы привести в чувства. Брыкаюсь на руках Кайла, и

он меня выпускает. Оказавшись на своих двоих, бегу к камину – очагу возгорания – и забираю свой компьютер и папку. Бумаги падают, но она пустая. Что за чертовщина?! Маркус ругается, и Кайл вытаскивает меня из комнаты. Убедившись, что я в безопасности, он возвращается к отцу. Все происходит слишком быстро. К дому подъезжает пожарная машина, но огонь уже стихает.

Они опоздали в отличие от Маркуса и Кайла. Если бы они не пришли, я бы шагнула в огонь. Потому как мне казалось, что родители зовут меня из него. Они ждали меня, хотели, чтобы я к ним вернулась.

Глава 17

Флешка сломана. Она, черт возьми, сломана! Не могу в это поверить! Файлы, доказательства – вся работа дедушки исчезла навсегда. Труд, который, возможно, стоил ему и бабушке жизни... У меня начинается истерика. Меня трясет от ужаса и злости. Слезы градом текут по лицу.

Пожарные окончательно погасили огонь и теперь объясняют Маркусу, что произошло. Кайл, заметив мое состояние, молча подходит ко мне, садится рядом и обнимает за плечи. Сначала он пытался узнать причину моего ступора, но быстро понял, что что-то не так. Я бы поблагодарила Кайла за проявленную чуткость, но в голове стоит лишь пустой экран ноутбука.

Моя комната сгорела: вся мебель почернела, телевизор сломан. Гардеробная осталась в целости. Маркус пожимает руку пожарному, и вскоре все спасатели уезжают. Все произошло очень быстро, и я до сих пор не могу это осознать. Сон о родителях был вещим. Они настойчиво просят, чтобы я к ним пришла. Черт, что я несу? Прячу лицо в ладонях и продолжаю рыдать.

– Все целы, ничего не произошло, – шепчет Кайл мне на ухо и прижимается ближе. – Успокойся, Мер-Мер.

По приближающимся шагам понимаю, что Маркус вернулся. Он опускается перед нами на колени, забирает ком-

пьютер из моих рук и отставляет на стол. Его рука ложится на мое колено и сжимает его.

– Мередит, ты не сняла задвижку в камине? – спрашивает он. – Пожарные сказали, что дело в ней.

– Я все сделала, – икая и всхлипывая, отвечаю я. – Не понимаю, как такое могло случиться. Мне очень жаль, Маркус.

Из горла вырываются громкие рыдания, и я завываю на весь первый этаж. Маркус обнимает меня, крепко прижав к груди. Я зарываюсь лицом между его плечом и шее, вдыхаю аромат его голой кожи, смешанный с дымом, и потихоньку успокаиваюсь. Телесный контакт с Маркусом творит что-то странное со мной. Не хочу отрываться от него. Ни сейчас, ни в любое другое время.

– Я пойду подготовлю другую спальню для Мер и сам зазгу камин, — Кайл отстраняется и собирается уйти.

В голове снова кричат родители, появляются их тлеющие тела. Огонь будто опять пытается затащить меня в свою пасть. Я судорожно качаю головой.

– Нет, нет, нет, – бормочу я. – Я не готова спать там, где что-то горит.

Маркус понимающе кивает и поглаживает по спине. Он, кажется, догадался о причине моего ступора. Ему понадобилось время, чтобы придумать, куда меня поселить.

– В летней спальне на втором этаже нет камина, – предлагает Маркус. – Кайл, принеси туда обогреватель. Ночью может быть еще холодно. Застели кровать там.

Кайл слушает отца и уходит без споров. Маркус берет меня на руки, как маленького ребенка, и садится на диван, я обхватываю его талию ногами. Мужчина крепко стискивает меня, словно защищает от всех опасностей, которые могут быть за пределами его рук. Он целует меня в макушку и хрипит:

– Огня нет. Ты цела. Кайл цел. Я цел. Мы все в порядке.

Слезы останавливаются, сознание проясняется, и сердце перестает колотиться, как ненормальное. Кайл выполнил просьбу отца и ушел к себе. Я рада, что он не стал смотреть на мое убогое состояние. Маркус снова поймал меня сломленную. Я трещу по швам, а он каждый раз склеивает все трещины.

Не знаю, сколько мы просидели, прижимаясь друг к другу. Сна нет ни в одном глазу. Все мысли спутались настолько, что я не могу ни заглушить их, ни понять.

– Я отнесу тебя в комнату, и ты сможешь поспать, — шепчет Маркус и уже собирается подняться с дивана, но я отчаянно мотаю головой. – Тебе стоит прилечь.

– Маркус... – я отрываюсь от мужской груди, чтобы взглянуть в его глаза. – Я не хочу оставаться одна.

Маркус прижимается к моему лбу губами и говорит:

– Я не оставлю тебя.

В летней спальне и правда намного прохладнее. Залажу под одеяло, пока Маркус приносит часть уцелевших вещей. Увидев, что я дрожу, как осиновый листик, он занимает вторую половину кровати, не накрываясь, и обнимает меня. Я устраиваюсь на его животе, одну руку кладу на твердый пресс и согреваюсь. Маркус слишком горячий для такого холодного помещения.

– У тебя жар? – спрашиваю я. – Здесь минусовая температура, кажется, а ты теплый, как батарея.

Маркус усмехается, поглаживая меня по голове.

– У тебя просто шок, – возражает он. – Это, наверное, было ужасно. Я про пожар. Увидеть, как пламя разъедает комнату, трудно после того, что случилось с Генри и Сьюзен. Как бы я не ненавидел их, они были твоими родителями, и тяжело было их потерять.

Я вздрагиваю. Не от упоминания родителей, а потому, что Маркус сказал про ненависть к ним. Теперь я точно знаю, что он пережил из-за них и из-за своего отца. Пожар – пугающее совпадение.

Поднимаю глаза на Маркуса. Он смотрит на меня с такой заботой, что мое сердце тает. Переворачиваюсь, ложусь к нему на колени, не разрывая зрительный контакт, и сплетаю наши пальцы. Тело вдруг вспыхивает – теперь жарко и мне.

Вся кожа горит. Кажется, тело понимает, как мне надо исцелиться. Подношу наши руки к своему лицу и целую каждый палец Макуса.

– Мер... – предупреждающе шепчет мужчина.

Я не прекращаю. Губы сами двигаются и помечают каждую фалангу. Сама не понимаю, что делаю, но это смертоносно действует на Маркуса. Его глаза вспыхивают, а взгляд становится диким, даже хищным. Я хожу по тонкому льду, и мне нравится, куда я нас веду. Отпускаю его руку и пробегаюсь по обнаженной груди пальцами, очерчивая каждую мышцу.

– Мередит... – повторяет Маркус. – Ты не понимаешь, что делаешь.

– Разве я должна?

Неуверенно протягиваю руку, беру его подбородок пальцами и притягиваю к себе. Когда наши губы соприкасаются, Маркус стонет. Поцелуй мимолетный, но я выражаю в нем все свое желание. Я хочу забыться в Маркусе, в его запахе, в руках. Прямо сейчас, не медля ни секунды.

– Нам не стоит... – хрипит он с сожалением. – Утром ты будешь жалеть об этом.

Качаю головой. Он ничего не понял. Неужели Маркус, такой опытный любовник, не чувствует, как я желаю его? Неужели он не осознает, какую власть имеет надо мной?

– Мы уже перешагнули порог недозволенного ночью, когда я лежала на твоих коленях со спущенными шортами, –

напоминаю ему, как он шлепал меня и как я кончила прямо на его руку. О каких сожалениях может идти речь? – Мы буквально перепрыгнули через него.

Маркус не оценивает мою шутку. Тогда я вылезаю из-под одеяла, сажусь к нему на колени, руками упираюсь в его обнаженную грудь и без смешков шепчу:

–Я хочу хотя бы раз в жизни получить то, что хочу я, а не то, что требует фамилия.

Беру его ладонь и прикладываю к своему колотящемуся сердцу. Маркус опускает дрожащие веки.

–Мое сердце выбрало тебя, – шепчу я. – Как ты можешь не понимать этого?

И тут он перестает сдерживаться. Все барьеры падают. Маркус спускает с поводов всех своих тайных демонов, обрушив на меня все свои чувства и эмоции. Его мощь накрывает меня с головой.

Маркус обрушивает свой рот на меня, одной рукой накрывает мою задницу и прижимает ее максимально близко. Его возбужденный член упирается мне между ног, а вторая ладонь вжимается мне в затылок. Маркус словно хочет соединить нас в одно целое. Мужчина спускается от губ к моей шее. Он покусывает и посасывает кожу, двигаясь все ниже и ниже, я опрокидываю голову назад, предоставляя ему полную свободу. Маркус снимает лямки с моих плеч, и одежда едва не падает, но мужчина удерживает ее. Его губы едва ощутимо накрывают мой правый сосок, и я задыхаюсь. Его

близость сводит с ума. Язык Маркуса мучительно медленно делает круг вокруг напряженного бугорка прямо по ткани. Целуя мою грудь, он двигается ко второму соску и кусает его. Все тело дрожит от каждого его прикосновения. Маркус накрывает обе груди руками, сжимает их и шепчет:

– Останови меня, Мередит, потому что еще мгновение, и я не смогу сдерживать себя.

Ловлю его взгляд и твердо отвечаю:

– Я не хочу останавливаться. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

Не отводя взгляд, я прикладываю большие усилия и встаю на ковер возле кровати. Не могу объяснить, что мною движет в эту секунду. Тело будто само решает, что делать. Я неумела в любовных делах совсем, потому мне страшно, что Маркус не исполнит мое желание.

– Что ты...? – он не успевает договорить, потому что я привожу в шок нас обоих.

Медленными плавными движениями я стягиваю через голову майку. Грудь, живот обнажаются – Маркус издает гор- танный рык и собирается вскочить с кровати, но я поднимаю ладонь перед ним, заставляя замереть. Его грудь часто вздымается, дыхание тяжелое. Я не понимаю, чье сердце так громко стучит? Мое или его? Мужчина прикусывает нижнюю губу и кидает на меня голодный взгляд. Насладившись своим контролем на Маркусом, я продолжаю свое шоу, снимаю боксеры и откидываю их куда-то в сторону. Его глаза

блуждают от сисек до тоненькой полоски хлопка, прикрывающей киску.

– Поклянись, что ты не остановишься и не оставишь меня, – шепчу я. Голос слегка подрагивает, но я стараюсь звучать убедительно. – Я хочу тебя без груза прошлого и без твоих бесящих меня до ужаса сомнений о моем возрасте.

Лицо Маркуса искажается в легком сомнении, и я подцепляю резинку трусиков, чтобы он забыл о своих предрассудках. И моя манипуляция работает. Маркус рычит, как голодный зверь, и рывкает:

– Я согласен на все, дрянная девчонка.

Мужчина рывком оказывается возле меня, подхватывает за руки и кидает на матрас. Я вывела его, по глазам вижу. Лицо Маркуса темное и напряженное, на лбу пульсирует венка. Протягиваю руки к нему, но он перехватывает мои запястья и прижимает их к кровати, расставив по бокам, а ноги зажимает между своих бедер. Я в ловушке. Маркус мучительно близко опускается к моей шее и, едва касаясь губами, оставляет дорожку поцелуев от ключицы до уха. Это издевательство, потому что тело жаждет большего, а он лишь раздражает меня. Выгибаю спину, пытаюсь хоть чем-то прикоснуться к Маркусу, но этот сукин сын поднимается на недосягаемое расстояние.

– Ты мучаешь меня, Маркус, – скулю, как раненый щенок.

Мне и правда больно. Жар между ног превращается в тянущий спазм, все тело бьется в лихорадке, а голова болит

от напряжения. Мне больше ничуть не холодно, кожа раскаленная, как угли в камине. С губ срывает стон, и я пытаюсь поцеловать Маркуса, но он вновь уворачивается. Отчаянно оскаливаюсь, клацнув зубами. Мужчина вглядывается в мое лицо. В его глазах пылает страсть, из-за которой мое возбуждение лишь нарастает.

– Прости, не смог удержаться, – хрипит он. – И я хочу убедиться, что ты полностью уверена.

– Трахни меня, черт возьми, – шиплю я.

Я бы удивилась тому, как мой язык научился сквернословить и насколько он стал дерзким, но Маркуса не дал мне времени на это, потому что набросился на меня, словно голодный волк. Его руки оплетают меня, загребая в крепкие объятия, губы обрушиваются на мой рот в яростном поцелуе. Я забываю, как дышать, прижимаюсь к его мощной груди, отвечая на его близость. Мы, обуреваемые вожделением, двигаемся, как сумасшедшие, и запутываемся в простынях. Губы распухают и немного болят, но это лишь усиливает наслаждение. Маркус отрывается от меня, прижимается к моему лбу, переводя дыхание. Его длинные ресницы трепещут, волосы падают ему на глаза. Провожу костяшками по его точеным чертам лица, любясь его красотой. Он прекрасен, идеален. Маркус сводит меня с ума. Я обнажена перед ним и телом, и душой. Я хочу соединиться с ним каждой клеточкой своего существа.

Маркус ловит мой взгляд и беззвучно спрашивает разре-

шения идти дальше. Вместо ответа чмокаю его в губы. Держу меня одной рукой, Маркус второй ладонью проводит линию от моей шеи до трусиков. Грубые подушечки пальцев заставляют меня трепетать, когда они задерживаются возле сосков и поглаживают их. Маркус сжимает в кулаке мои трусики и, резко дернув на себя, разрывает их в лоскуты.

О. Мой. Бог!

Маркус откидывает клочок ткани, подносит освободившуюся ладонь к губам и облизывает два пальца. Я затаиваю дыхание. Мужчина чуть разводит мои бедра в стороны и подносит руку к самому чувствительному месту. Его большой палец ложится на клитор и немного надавливает на набухший комочек. Я протяжно стону. Маркус цыкает. Не хочу сдерживаться и думать о том, что мы не одни в доме. Мне нужна каждая секунда свободы и наслаждения. Маркус, кружа вокруг клитора и целуя мою шею, указательным пальцем приближается к моему входу. Прикусываю нижнюю губу, и он входит в меня. Медленно, нежно, глубоко. Я вновь издаю какой-то хнычущий звук.

– Тсс, Мередит. Ты же не хочешь, чтобы нас прервали, да? – я отрицательно качаю головой. Мысль о том, что между нами ничего не произойдет, едва не доводит меня до слез. – Умница.

Маркус добавляет второй палец, и я прикрываю ладонью рот, сдерживая сладостный стон наслаждения. Не могу поверить, что все это происходит наяву. Маркус со мной в по-

стели, где мы займемся любовью. Эта ночь навсегда изменит все, мы оба рискуем, но, честно говоря, я никогда не была так уверена, как сейчас. Мужчина начинает движение, то входя в меня глубже, то почти убирая пальцы. Сначала он не торопится, но с каждой секундой он ускоряется. Маркус массирует мой клитор напористыми движениями и одаривает лицо пылкими поцелуями. Мужчиной овладевает безудержное вождение. Я почти достигаю предела в своем блаженстве. Он вытаскивает из меня пальцы, не позволяя кончить. Испустив жалобный скулеж, перевожу на него взгляд и жду, что он будет делать дальше. Маркус подносит к своим губам пальцы и берет их в рот, слизывая каждую капельку моих соков. Это возбуждает меня сильнее, хотя не думала, что это вообще возможно.

– Такая сладкая киска, – рычит он. – Хочу попробовать ее сам.

Маркус наклоняется и впивается ртом в мою розовую плоть, раздвинув мои ноги еще шире.

– Боже мой! – выкрикиваю я. – Не останавливайся, слышишь? Не смей останавливаться, Маркус Монтгомери!

– Тебе идет командирский тон, – бросает он с ухмылкой, обводя языком мой клитор.

Ощущения не просто хороши – они великолепны. Чувства, которые я испытываю к Маркусу, подстегивают их и делают неземными. Разум не может это объяснить, но сердце понимает.

Маркус посасывает, покусывает и снова лижет клитор. Он дразнит меня, целуя бедра и влажные складочки. Его язык спускается к моей дырочке и немного входит в меня, сильнее распахивая нас обоих. Мой живот все чаще вздрагивает. Чувствую, как приближаюсь к оргазму сокрушительной силой, и одной рукой сжимаю свою правую грудь, а второй вонзаюсь ногтями в мускулистую спину Маркуса. Но он не позволяет мне кончить и отрывается от моей киски.

– Дьявол, мой член сейчас взорвется, – хрипит он. – Не останавливайся. Мни свои прекрасные сиськи.

Хочу, чтобы он продолжил, но Маркус приподнимается и наблюдает за мной. Вижу, что его спортивные штаны натянулись в области паха. Боги, он *огромный*. Признаюсь, мне становится немного страшно. Девочки в пансионатах рассказывали, что в первый раз им было больно, а они лишились девственности с сопливыми подростками. Передо мной же взрослый, даже зрелый, мужчина. Напряженно глотаю.

– Мне будет больно? – спрашиваю я.

Маркус наклоняется обратно, большим пальцем поглаживает клитор и шепчет в ответ:

– Я знаю, что ты девственница, и сделаю все осторожно.

Я доверяюсь ему и снова утопаю в наслаждении, когда он всасывает разбухший комочек нервов. Маркус ускоряется, напирает все сильнее, выводя круги на моей киске. Сжимаю соски и стону, а мужчина вводит меня два пальца. Все тело пылает, еще немного... Моя плоть плотно сжимается вокруг

его пальцев, и я взрываюсь прямо в его рот. Живот судорожно дергается, конечности обмякшие. Оргазм разливается от кончиков пальцев ног до головы. Я бесстыдно довольствуюсь этим, пробегаясь ладонью по груди и по складкам киски, с которых капает смазка. Когда голова перестает кружиться, я разлепляю веки. Маркус следит за каждым моим движением пристальным и голодным взглядом. Он нависает надо мной, целует груди и томно произносит:

– Ты прекрасна, Мередит.

Улыбаюсь ему, глубоко целую в губы и тянусь к резинке его штанов. Если он думал, что я передумую, то сильно ошибался. Сдвигаю брюки до середины бедер, нащупываю его эрекцию. Боксеры едва ли удерживают его возбужденный член. Рукой провожу по нему, и Маркус стонет мне в рот.

– Ненасытная маленькая девочка, – сипит он.

– Ненавижу, когда ты меня так называешь, – шиплю я и сжимаю его член, показывая свою власть. – Я хочу почувствовать тебя в... себе. Пожалуйста, довольно игр.

Несмотря на то, что Маркус меньше минуты назад вылил меня, мне все еще не по себе говорить такие вещи напрямую. Я хочу ощутить, как он наполняет меня, как мы соединяемся воедино.

– Я сделаю все, о чем ты попросишь, Мередит, – говорит мужчина и встает на ноги.

Его штаны падают на пол. Лунный свет падает на Маркуса, и я понимаю, что никогда не смогу насладиться его красо-

той. Мужественный, сильный, яростный. Этот мужчина выжил и сделал себя таким. Он напоминает статую греческого бога: такие же точеные рельефы тела и лица. Маркус стягивает боксеры, и я ахаю. *Огромный*, черт побери.

– Завтра все изменится навсегда, поэтому ты должна сказать, если ты не хочешь этого, – предупреждает Маркус.

– Я не отступлю, ты еще не понял? – с вызовом бросаю я.

Вместо ответа Маркус возвращается ко мне. Он целует меня очень нежно и осторожно, не как раньше. Прежде он был более напористым. Маркус стискивает мои сиськи в руке и вводит в меня кончик члена. Я напрягаюсь, морально подготавливая себя.

– Расслабься, Мер.

Чтобы помочь мне, Маркус отпускает мою грудь и убажывает клитор. Я вновь чувствую усилившееся желание и откидываю голову, подставляя мужчине свою шею. Он продолжает с необычайной мягкостью ласкать меня. Тело больше не сопротивляется, и Маркус, взяв меня за талию, входит в мое влагалище, не полностью, но достаточно, чтобы я взвизгнула. Шокированная его размерами, я собираю простынь в кулак и выгибаю спину. В уголках глаз скапливаются слезинки. Давление внизу живота терпимо, но все же довольно неприятно. Маркус дает мне время, чтобы я привыкла к его мощи и отдышалась, потом спрашивает:

– Ты в порядке?

Я киваю. Маркус смахивает слезинки поцелуем и начина-

ет двигаться, войдя в меня полностью. Мое тело потихоньку принимает его. Первые толчки все еще болезненные, но дальше неприятные ощущения сменяются на нечто волшебное. Распахиваю глаза, потому что хочу видеть лицо Маркуса. Его нежности хватает ненадолго. Вскоре, поняв, что мне больше не больно, он становится напористее. Его член все жестче вонзается в меня. Впиваюсь ногтями в его грудь, лицо и шея покрывается потом. Каждый сантиметр тела отзывается на движения Маркуса. Я стону, не сдерживаясь. Плевать, если Кайл услышит нас. Плевать на все кроме того, что происходит сейчас в этой комнате.

– Мередит...

– Так приятно... – бормочу я. – Маркус, мне очень хорошо.

Маркус закрывает мне рот своим, его язык скользит по моим губам и сплетается с моим. Твердые соски трутся об его мышцы. Волосы липнут ко лбу. Между нами словно проходит заряд электричества. Кровь горячими волнами течет по жилам. Маркус смотрит на меня с таким восхищением! Под его взглядом я чувствую себя желанной и красивой. Знал бы дедушка, что между нами может такое произойти... Как моя мать могла не выбрать его? Гадость, не хочу впускать в свою голову мысль о том, что Маркус когда-то был в нее влюблен, что его сердце принадлежало другой женщине.

Моя киска начинает сокращаться. Кладу руки на его спину, впиваясь ногтями в его мышцы. Я извиваюсь под ним и

царапаю его спину, когда толчки ускоряются еще сильнее. Его бедра вонзаются в мои неистовой силой. Не описать словами, насколько мне прекрасно. Маркус и я дрожим и замираем. Волна наслаждения окатывает нас с головой. Маркус взрывается прямо в меня. Мы кончаем одновременно.

– Дьявол, – хрипит Маркус и, шатнувшись, едва ли не падает на меня.

Он вытаскивает из меня член, но я успеваю сообразить и обвиваю его талию ногами. Шумно и тяжело дышим. Облизываю венку, пульсирующую на его шее, провожу языком по скуле и впиваюсь в его рот. Жадный поцелуй говорит о многом. Мне мало.

– Я хочу еще, – заявляю я.

– Любая прихоть будет исполнена, мисс Ван дер Меер, – ухмыляется Маркус.

С трудом открываю глаза. Кто, черт возьми, названивает так рано? Рукой ищущу мобильник, вижу знакомое имя и отвечаю:

– Если скажу, что доброе утро, то совру. Поэтому что-то случилось, миссис Стюарт?

Женщина не шутит и не извиняется. На другом конце провода слышится напряжение. Да уж, утро не предвещает ничего хорошего.

– Мередит, у меня скорбная новость, – говорит женщина, тяжело вздохнув. – Четыре дня назад мистер Нолан покончил с собой. Его нашли в петле в его кабинете прошлым вечером.

О Боже мой...

Кидаю взгляд на постель. Маркус спит рядом и не слышит меня. Даже то, что он остался со мной, не поможет мне.

– Это... я не понимаю, почему он это сделал, – шепчу я.

– Его счета были пусты, – отвечает миссис Стюарт. — Детектив сказал, что, возможно, у него были долги. Мне очень жаль.

Бред. Самый настоящий бред. Он был одним из самых успешных адвокатов в Америке. Он должен был тратить миллионы в неделю, чтобы залезть в долги. И есть еще кое-что важное: четыре дня назад мне пришло письмо с одной лишь буквой «М». Я не придавала этому никакого значения. И это была моя первая ошибка, а сегодня ночью, когда я отдалась Маркусу, я совершила вторую. Меня словно окатили ледяным душем. Теперь я все поняла. Картинка стала четкой и ужасной.

Глава 18

Маркус

Мне снились сны. Я мечтал о том, чего не мог позволить себе этой ночью. Я пахну ею, на языке чувствую ее сладкий вкус, а образ мягких изгибов ее тела стоит перед глазами. Мередит подарила мне свою невинность, но я держал себя на цепи, чтобы не навредить ей. Она и понятия не имеет, что я хочу сделать с ней, с ее телом. Мои желания слишком опасны, как и наша связь. Боюсь, когда пройдет эйфория, я почувствую себя последним говнюком.

Провожу рукой по постели в поисках Мередит, но рядом нет никого. Открываю глаза – в комнате тоже пусто. Постель все еще теплая. Мередит ушла совсем недавно, но куда, черт возьми? На улице слышится скрип отъезжающей машины. Выпрыгиваю из кровати, подбегаю к окну и вижу автомобиль Кайла, сворачивающий с придомовой территории. До рассвета еще больше часа. В такую рань Кайл и носа не высунет из комнаты.

Мередит!

С тумбы исчезли ее гаджеты и документы. Проклятье! Она уезжает! Натягиваю штаны и бегу вниз, попутно надев

куртку на голое тело, ботинки и схватив ключи от пикапа. На улице все еще скользко, и Мер может попасть в аварию. Выруливаю автомобиль к трассе и еду за девушкой. Она гонит, будто вообразила себя героиней «Форсажа». Спорткар заносит, в эти секунды сердце каждый раз пропускает удар. Черт, я не взял мобильник, поэтому даже позвонить ей не могу.

Мерedit, что на тебя нашло, чертовка?

Мы проезжаем треть пути до города, а я все еще не могу ее догнать. Выжимаю педаль газа на полную, но старичок отказывается ускоряться.

– Давай же, ну, – бормочу я.

Мерedit, похоже, замечает меня и повышает скорость, и тут происходит то, чего я боялся. Она не справляется с управлением, и автомобиль делает крутой разворот. Мое сердце замирает, я забываю, как дышать. Спорткар боком проезжает несколько метров. Мерedit пытается выровнять движение, но машину уносит вбок. Через мгновение автомобиль летит в кювет и врезается в дерево.

– Дерьмо! – восклицаю я.

Когда пикап приближается к аварии, я бегу к Мерedit. Осматриваю автомобиль Кайла – разбилась только фара со стороны водителя. Мер не должна была пострадать, но в тени сосны не могу ее увидеть. Кровь стучит в ушах. Господи, хоть бы она была в порядке... Распахиваю дверь синего автомобиля, заглядываю внутрь и зову Мерedit. В следующую секунду мои глаза лезут на лоб. Мер не просто цела, она на-

ставляет на меня гребаное дуло моего же охотничьего ружья.

Замерев, спрашиваю:

– Что ты делаешь?

Мередит напугана и в то же время в ярости. Ее глаза полны боли и сомнения. Девушка дулом приказывает мне отойти, и я слушаюсь. Она не в себе. Мередит вылезит из машины, скривившись и схватившись за бок рукой.

– Мер, – окликаю ее еще раз. – Опусти ружье, давай поговорим, детка.

Стараюсь не делать резких движений, потому что где-то глубоко чувствую, что она может выстрелить. Недооценивать Мередит Ван дер Меер – ошибка. Тихая и нежная оболочка скрывает немало демонов.

– Тебя надо осмотреть, – шепчу я. – Ты могла пораниться.

Ее губы изгибаются в горькой ухмылке, а обжигающе холодный взгляд падает на мое лицо. Признаюсь, это больно. Всего несколько часов назад она смотрела на меня совсем по-другому.

– Ты будешь только рад этому, да? —выплевывает Мер.

Что за хрень она несет?

– Объяснишь? Я ничего не понимаю, – удерживаю голос спокойным, хотя к горлу подступает тошнота.

Мередит оскаливается и поднимает ружье выше. Сомневаюсь, что она хоть раз стреляла. Ее крохотные ручки не справятся с отдачей. Мер дрожит не только от непонятной мне злости, но и от холода. Она одета лишь в толстовку и

джинсы. Кажется, она очень торопилась сбежать.

Мерedit, не приближаясь, цedit сквозь зубы:

– Ты устроил чертов пожар, да?

Моя челюсть отвисает. Она думает, что я поджег ее комнату, зная, что случилось с Генри и Сьюзен?

– Конечно, нет! – восклицаю я и делаю осторожный шаг в ее сторону. – Что за хрень ты несешь? На кой черт мне это делать?

Костяшки на пальцах Мерedit белеют, когда она сжимает приклад.

– Скрыть улики, – произносит она. – Уничтожить все следы, доказывающие вину твоей семьи в ужасных вещах. Взятки, убийства, теракты.

Я затаиваю дыхание, молча слушая Мер. Все не так, как она думает. Продумываю в голове, как мягче ей объяснить свою причастность к грязным делам отцовской компании, но вдруг осознаю, о чем она говорит. Голова кружится, во рту становится сухо, а в животе завязывается узел. Мерedit знает.

– Ты решил ударить меня по больному, устроив пожар, – она продолжает меня обвинять. – Я видела, как твой отец истязал тебя. Пусть мои родители и виноваты в этом, но я здесь не при чем! Я была результатом глупости!

Меня будто ударили ножом, располосовав старые шрамы, которые, как я думал, давно затянулись. Не подозревал, что именно Мерedit разбередит их. Гнев внушил ей ложь, а она

легко поддалась ей.

– В чем же ты винишь меня? В поджоге твоей комнаты? –
чежу сквозь зубы. – Или в чем-то еще?

Мередит вздрагивает, прокашливается и спрашивает:

– Ты поджег поместье Ван дер Мееров? Решил отомстить,
но стало стыдно, поэтому ты взял меня к себе? На приеме
ты услышал наш разговор с мистером Ноланом, поэтому из-
бавился и от него, и от всех доказательств? Ты боялся, что я
заявлю в полицию о твоих взятках и ужасах, которые творил
твой отец? За что ты так поступил со мной?...

По ее лицу текут слезы, и у меня появляется шанс. Выры-
ваю ружье из ее рук, ставлю на предохранитель и, достав ма-
газин, убираю в задний карман. Мер выставляет перед собой
ладони и замахивается на меня, но я перехватываю ее запя-
стья и толкаю вперед, прижав к автомобилю. Девушка начи-
нает елозить и вырываться, тогда стискиваю ее бедра своими.

– Довольно брыкаться, черт возьми, – рычу я. – Тебе не
говорили, что оружие детям не игрушка? Успокойся, и я тебе
все объясню.

Мередит не останавливается, и мне приходится усилить
хватку. Еще немного, и на ее запястьях останутся синяки. Не
хочу делать ей больно, но и успокоить ее по-другому не могу.

– Мередит, – предупреждающе шиплю.

Девушка поднимает взгляд на меня. Она выглядит напу-
ганной, но страх старается скрыть за злостью. Странно ви-
деть ее такой. Мередит устает и перестает брыкаться. У меня

наконец появляется шанс ответить на все ее беспочвенные обвинения. Мой отец был последней тварью, и я знаю о многих его дьявольских деяниях. Мои истязания не единственное, в чем я его обвиняю. На его похоронах я хотел поведать всему Манхэттену о его грехах, но тогда бы полиция могла узнать о том, что сделал я, а у меня нет таких связей..

– Кайл был маленьким и напуганным ребенком, когда мне пришла угроза от семейства Кинг, – начинаю я. – Вместе с наследством от отца я получил груз его темного наследия. Росс Кинг, сопливый подросток, которому было пятнадцать чертовых лет, поставил меня перед фактом: либо я плачу долги своего отца, либо нас с Кайлом не найдут. Мелкий засранец угрожал мне! Я послал его, разумеется, но он показал мне папку, по все вероятности, с такими же файлами, что были у меня. Еще пришлось подкупить сенатора Льюиса, то есть «сделать пожертвование на его предвыборную кампанию».

Говорить все это – словно пить расплавленное железо. Так же больно и обжигающе. Если она не поверит, у меня кое-что припасено в багажнике пикапа, в тайнике. Кайл был очень любопытным, поэтому только в машине он не стал бы искать нечто настолько важное.

– Я открестился от прошлого и не вспоминал о своей старой жизни до того дня, когда мне позвонил твой адвокат, — шепчу я и отпускаю ее запястья. – Я клянусь всем, что я имею, что виновен только в этих взятках. Я не причастен ни

к смерти Генри и Сьюзен, ни к вчерашнему пожару.

Беру ее лицо в руки и прижимаюсь ко лбу Мередит. Она противится и отталкивает меня. Не могу выносить мысль о том, что Мер действительно считает, что я хотел ее убить. Думал, прошедшая ночь красноречиво разъяснила все между нами. Даже сейчас, всего через минуту после того, как она угрожала пристрелить меня, Мередит — все, чего я желаю. Черт, она действительно направила на меня гребаное ружье! Мой член тут же наливается кровью, а внутри разгорается искорка.

Откашливаюсь и почти умоляю Мер:

– Скажи что-нибудь.

– Ты знал, что твой отец убил кучу народа? — холодно спрашивает она, и я киваю. Мередит дергается и все же вырывается из моих рук. – Сейчас ты признался в сокрытии фактов об убийстве, черт возьми! Как я могу поверить тебе, Маркус?

Девушка делает шаг назад, но я хватаю ее за руки и тащу к пикапу. Мне надоело слушать ее бредни! Мередит цепляется пятками за асфальт, но ее слабенькие ножки не смогут и минуту противостоять мне. Она очаровательная малышка, а не силачка. Мер клацает зубами, угрожает выбить из меня все дерьмо (формулировка была более мудреной, но я перевел ее на свой язык. Неужели я тоже говорил, как гребаный пижон?) и ведь действительно заводит свободную руку за голову, готовясь нанести удар, но я не выдерживаю и переки-

дываю Мередит через плечо.

– Отпусти меня, сукин сын, – бурчит девушка, тарабани по моей спине.

Открываю пассажирскую дверь пикапа свободной рукой, кладу Мередит на сидение, сам иду к багажнику, где под подкладкой лежит папка с кассетами и фотографиями, про которые я забыл на долгие годы. Сев на водительское кресло, подключаю к колонке ту самую дорожку.

– Что ты...?

– Просто слушай, — грубее, чем я хотел, говорю я.

Кассета слегка шипит вначале, проматываю до нужного момента, и тогда начинается разговор отца и главы «Руки Господа» – Сигдхи Калверта.

– Очень рад нашему сотрудничеству, мистер Монтгомери, – произносит террорист очень размеренно и довольно, словно говорит не об убийствах, а о спасении дельфинов. – Ваша жена догадывается о чем-то? Я не слышал о ней ничего уже очень давно.

Квентин издает подобие смешка и отвечает:

— Она находится в психиатрической клинике со дня развода. Она стала слишком любопытной.

– А Маркус не интересуется, где его мать? – спрашивает Сигдха.

– Он думает, что она валяется на пляже с любовником на свою долю имущества, – отец вновь усмехается. Очень холодно и грубо.

– Но если она вновь залезет в наши дела, с ней придется разобраться, как с Лукасом Кингом, – предупреждает глава «Руки Господа». – Мы расправимся со всеми, кто будет мешать нам и нашему божьему промыслу.»

– Мой отец подстроил убийство матери, заставил меня ее ненавидеть не меньше, чем его, – хриплю я и разворачиваюсь лицом к Мередит. — Все еще думаешь, что я разделаю его взгляды и продолжаю вести кровавый семейный бизнес?

Мер поджимает губы, прикусывая щеки изнутри. Ее взгляд становится задумчивым и отстраненным. В уголках глаз скапливаются слезинки. Кажется, она на грани. Я понимаю ее, пусть и давно не сближался с людьми. В моей жизни долгое время было лишь два человека, которые не залезали мне под кожу, будоража все внутри. Я создал идеальный мир для своего отшельничества, стал похож на одинокого волка. Таким же рычащим, отстраненным и злым. Меня все устраивало, пока мне не позвонил именитый старикашка и не вызвал меня в ненавистный город, а потом огорошил меня новостью о том, что давний знакомый моего отца завещал мне опекать его внучку. Я не хотел ехать, посчитал, что это розыгрыш, тупой и ненормальный, но все же поехал. Что-то внутри заставило меня купить билеты и поехать в чертов Нью-Йорк. Моя реальность столкнулась с девушкой, в глазах которой я вижу свое прошлое. Поначалу эту чертовски пугало, а позже я не удержался и... сблизился? Это слово подходящее? Да хрен его знает. Меня тянет к ней – вот, что я

знаю наверняка.

Я не хочу потерять ее доверие. И ее.

Мередит заставляет себя не смотреть на меня и говорит:

– Я никогда о ней не слышала. Расскажи мне о ней.

Ее просьба сбивает с толку. Несколько странно слышать вопрос о моей матери после приставленного ко мне ружья, но я все же отвечаю:

– Я думал, что она бросила меня в детстве, но оказалось, что отец сначала сослал ее без денег в Техас, а потом заса-дил ее в психиатрическую лечебницу. Он говорил, что она променяла нас на молодого тренера по йоге. Через год по-сле этой записи ее нашли со вскрытыми венами в той самой психушке.

Усмехаюсь от собственной глупости. У отца было туго с воображением, а я все равно повелся. Возможно, у меня бы-ло первое сотрясение. До ухода матери он не бил меня.

– Мой дедушка отослал родителей подальше, но это было к лучшему. Мне жаль, Маркус.

Понимаю, что это совсем не вовремя, но от того, как Мер произнесла мое имя, мой член дернулся в штанах. Ее голос смягчился. Слава Богу, она мне поверила. Мередит убирает волосы за спину, обнажая шею. Щеки порозовели в тепле, но руки продолжают дрожать. Мер поглаживает свои плечи, чтобы согреться. Снимаю куртку и протягиваю ей. Мередит неуверенно берет ее и накидывает на спину.

– Спасибо, – шепчет она.

Хочу, чтобы Мер взглянула на меня так же, как ночью. Пересаживаюсь на заднее сидение и тянусь к ней, думая, что недомолвка (или ссора, или психоз, или скандал) позади, но девушка не отступает.

– Мистера Нолана нашли в петле, – продолжает Мередит. Ее голос снова становится непривычно ледяным, а руки сжимаются в замок. – Он не мог покончить с собой.

Боже, она же не приписывает мне еще одно убийство?

– Прежде, чем ты продолжишь, помни, я был в городе все это время, – шиплю я.

Мередит пропускает мои слова мимо ушей и цедит сквозь зубы:

– В день своей смерти он прислал мне сообщение с буквой «М».

Тут у меня сносит крышу, и я не выдерживаю. Все ее слова и нападки привели меня в ярость.

– Дьявол, ты же шутишь, да? Из-за гребаной буквы ты вылила на меня все это дерьмо?!

Мередит поднимает глаза, наполненные злостью не меньше моей, и, повысив голос, отвечает:

– Мистер Нолан отдал мне доказательства на приеме в Нью-Йорке, а после него он вдруг умирает. Не находишь, что это странно?

Протираю ладонью лицо и презрительно усмехаюсь:

– Ты похожа на свою мать. Такая же фантазерка. Из-за одной буквы уже построила целую теорию. Может быть, я на-

нял кого-то для убийства? Такого ты обо мне мнения, дьявол побери?!

Мерedit рычит. Ей не понравилось мое сравнение, что ничуть не удивительно. Сьюзен лишилась всего из-за своей глупости, выбрала паршивого мужчину, бросила дочь и получила лишь жалкое существование. Мер не любила ее и не хотела быть на нее похожей. Не был бы я таким злым, ни за что не сказал бы этого. Мерedit, обуреваемая гневом, наклоняется ко мне опасно близко и шепчет на ухо:

– Ты потому меня трахнул, что я похожа на мать? Ты представлял ее на моем месте? Сидя у меня между ног, ты думал о ней, да?

Охренеть.

Решительно беру ее за талию и грубо целую, выплескивая все бешенство. Противные слова не сделали ее губы менее сладкими и желанными. Мерedit не сопротивляется, скидывает мою куртку, холодными пальцами зарывается в мои волосы и сжимает их в кулак до боли. Сейчас я не спрашиваю разрешения. Мы не нуждаемся в нем: нам обоим надо выпустить пар, а разговоры заносят нас лишь глубже во тьму. Ночью мы выяснили отличный способ отвлечься. Только сейчас мне не хочется никаких нежностей и ласк.

Кидаю Мер на сиденье, а сам сажусь между ее ног. Мерedit покусывает мои губы с таким напором, что, кажется, у меня вот-вот пойдет кровь. Дыхания не хватает. От жарких поцелуев в машине заканчивается кислород. На лбу Мер вы-

ступает испарина. Задираю толстовку девушки до шеи и вижу, что она без бюстгалтера. Ее великолепные сочные груди соблазнительно поглядывают на меня. Идеальные коричневато-розовые соски сморщились и затвердели. Мередит хочет меня не меньше, чем я ее. Член каменеет и упирается в ткань штанов. Сжимаю обеими руками ее сиськи, опускаюсь, всасываю один сосок, прикусывая его, а затем принимаюсь за второй. Я бы остановился здесь надолго, но мне хочется оказаться в ней как можно быстрее. Облизывая груди Мередит, расстегиваю пуговицы на ее джинсах, стягиваю их с ее бедер и откидываю на переднее сидение. Не глядя вниз, накрываю ладонью ее киску и рычу.

Она. Без. Чертовых. Трусиков.

– Какого хрена ты без белья? – цежу я.

Теплое и влажное лоно так и умоляет меня. Провожу языком от ложбинки до киски и всасываю клитор в рот. Мер закатывает глаза от удовольствия и оттягивает мои волосы назад.

– Трусики ты порвал, а в остальном я слишком торопилась, убегая от преступника, – чуть прикусываю маленький комочек нервов, и Мередит вскрикивает. – Боже, Маркус!

Спускаю свои штаны до колен, высвобождая возбужденный член, и резко вхожу в нее. Мне почти больно от того, насколько я хочу Мер. Кажется, я взорвусь прямо сейчас, и вся моя доблесть стойкого мужчины исчезнет. Киска Мередит обволакивает меня прочно, как перчатка. Мер морщится, но

не останавливает меня. Ее первый раз (точнее будет сказать: первые разы) был совсем недавно, и ей может быть дискомфортно. Растираю ее клитор, чтобы тело Мередит могло легче меня принять. Без презерватива она ощущается просто невероятно. Горячая, идеальная.

Блять, я без презерватива.

– Мер, я забыл... – чуть опомнившись, произношу я.

Девушка вцепляется ногтями в мою спину, заставляя остаться в ней.

– Я на противозачаточных уже несколько лет, бабушка всегда говорила, что я буду их пить, чтобы не повторить беременность мамы в подростковом возрасте.

Логика в этом определено есть.

Когда Мер привыкает к моим размерам, я начинаю двигаться. Напористо, жестко вдавливаясь в нее. Поднимаю ее ноги к потолку, разведя их в стороны, и вхожу до упора. Мередит царапает мою спину по старым шрамам, словно точно знает, где они. Наши дыхания сливаются воедино, ее сладкие стоны заполняют пикап. Светлые локоны липнут к лицу Мер и путаются. Она невообразимо красива.

Этот раз совсем не похож на нашу ночь. Сейчас секс грязный, жесткий. Черт, да мы на гребаной обочине! И шанс быть увиденными лишь подстегивает неистовую жажду и обостряет все ощущения. Я что-то разбудил в ней. Нечто, о чем она и не подозревала, и это волнует меня до чертиков. Мередит Ван дер Меер, которую я встретил в марте, ни за

что бы не сказала ни про секс, ни про то, как кто-то трахается. Ее язычок способен на многое.

Первой кончает Мер, а через несколько секунд до пика дохожу и я. Я не насытился.

Когда девушка обретает силы вновь двигать конечностями, спрашиваю у нее:

–Хочешь попробовать кое-что новое?

Мер лишь кивает. Смахиваю пот с наших лиц, сажусь на сидение и хлопаю по коленям. Мередит неуверенно косится на меня, но все-таки поднимается и садится сверху. Ее сиськи оказываются перед моим лицом, и член отзывается желанием, вновь готовый работать. Беру Мер за обнаженные бедра и насаживаю на себя. Девушку выгибается ко мне навстречу, громко и прерывисто стонет и впивается в мой рот, сплетая наши языки в танце. Хотя скорее в жестокой схватке.

– Лучше держись за что-нибудь, – советую ей в рот.

Мне не хотелось отпускать Мередит из своих объятий, но мы должны были вернуться на разных машинах. Дожидаюсь, когда девушка припаркует спорткар Кайла рядом. Она выходит из автомобиля медленно и слегка качается, нетвердо стоя на ногах. Я ухмыляюсь, за что получаю гневный взгляд, а щеки Мередит заливаются пунцовым румянцем.

– Не смотри на меня так, – шипит она, сдерживая улыбку.

– Как «так»? – невинно уточняю я.

– Это ты виноват, что я едва стою на ногах! – Мер оглядывает спорткар. – Как объяснить Кайлу сломанную фару?

Пожимаю плечами и подталкиваю ее к дому. Сын, думаю, еще спит, поэтому про аварию мы успеем сочинить правдоподобную историю.

– Скажи ему правду. Ты сошла с ума.

– Тебе надо устроить еще один раунд в пикапе, сукин сын! – ворчит девушка.

– Миледи, а вам надо перестать ругаться, или я вас отшлепаю, – тихо предупреждаю ее, пропускаю внутрь.

– Если уж на то пошло дело, я только и буду сквернословить, – Мередит заливается смехом.

Мы на цыпочках пробираемся на кухню, улыбаясь, как два идиота. Два идиота, у которых был потрясный секс. Нужда в кофе пересилила желание пойти отоспаться или хотя бы нормально одеться. Зайдя в кухню, я теряю все свое прекрасное настроение, потому что за столом сидит Кайл, а напротив него нарезает круги Лекси. Сестра Лу бежит к Мередит в объятия, а сын смотрит на нас с подозрением.

Времени на правдоподобную историю все-таки нет.

Глава 19

Мерedit

Волосы растрепаны, одежда набекрень, щеки горят, между ног влажно и немного больно после секса. Просто сумасшедшего секса. Маркус успел застегнуться, поэтому Лекси и Кайле не видят следы нашей страсти на его груди. Если кто-то из них поймёт, что между нами произошло, объясняться придётся долго.

Лекси цепляется на мою шею и визжит:

– Кайла рассказал про пожар. Я так рада, что ты не пострадала!

Ох, точно. Маркус так сильно вымотал меня, что я успела и забыть про то, что вся моя комната превратилась в пепел. Подруга сжимает меня в своих объятиях, и я невольно стону, схватившись за бок. Кроме полученного при аварии удара я не очень хорошо выгнулась, и, когда мы с Маркусом увлеклись, оба упали. Это не прошло мимо Лекси.

– Тебе больно? – продолжает она тараторить. – На тебя что-то упало?

– Нет, – бросаю мимолетный взгляд на Маркуса. Думаю, самое время сознаваться, но я паршиво вру. Точнее я вооб-

ще полный ноль в этом. Вранье – это спонтанность, а мне всегда нужен строгий и четкий план. – Я захотела свежий хлеб на завтрак и поехала в магазин на машине Кайла, но автомобиль занесло...

Лицо парня бледнеет, и через секунду младший Монтгомери бежит к своей ласточке, сверкая пятками. Оглядываясь на Маркуса и вижу, как он закатывает глаза. Живот начинает крутить: мужчина напоминает мне, что мой расплывчатый на каждый месяц жизненный план пошел коту под хвост. Опасность, незнание и риск не для меня, однако Маркус – воплощение всех этих качеств, а от него мне подальше держаться совсем не хочется. Опыление после секса проходит, голова начинает мыслить здраво, но сердце я убедить не смогу. Оно терзается сомнениями, не знает, стоит ли доверять Маркусу, пусть и тело уже давно перестало слушаться.

Кайл возвращается без настроения, держась за сердце, и я получаю укол от своей совести. Лекси повторяет за Маркусом и раздраженно закатывает глаза. Парень, конечно, драматизирует, но все же это его автомобиль, а я его разбила.

– Кайл, прости, пожалуйста, – бормочу, сделав шаг в его сторону. Он выглядит очень разбитым. – Я оплачу ремонт фары...

Осекаюсь, потому что фактически его оплатит Маркус.

– Брось, Мер-мер, – Кайл с трудом выдавливает из себя улыбку и треплет меня по плечу. – Я рад, что все живы. Па, а ты куда ездил?

Маркус продолжает нашу историю. «Ему легко дается вранье,» – нашептывает мне разум, но сердце хочет ему верить дальше. Оно стало слишком часто командовать мной, поэтому пора ему уступить место для логики. Того качества, что ценил во мне дедушка. Кажется, у меня есть план, но мне надо дождаться, когда Маркус покинет особняк.

– Мередит позвонила и сказала про аварию, вот я и помчался ей помогать, – мужчина пожимает плечами.

– Мой рыцарь в сияющих трениках, – закатив глаза, бормочу себе под нос, и все усмеваются. – Если вы не возражаете, мне хотелось бы посетить душ и переодеться.

Я с трудом моюсь. Между ног все болит из-за... чрезмерной нагрузки и избыточной страсти, а глаза слипаются от усталости. Маркус очень вымотал меня за последние часы. Выключаю воду, надеваю постиранные Кайлом шорты и футболку и ухожу в свою новую спальню. Надо будет поблагодарить его за то, что он отмыл мою одежду от запаха дыма. Снимаю полотенце с головы и на ощупь иду к комнате, но врезаюсь в теплую и твердую гору знакомых мышц. Губы автоматически растягиваются в широкую улыбку. Маркус убирает с моего лица мокрые волосы и мягко, но весьма требовательно целует меня. Кладу руки на его грудь и легонько отталкиваю от себя, хотя мне этого совсем не хочется.

– Лекси и Кайл внизу, – шепчу ему в губы.

– Знаю, – Маркус чмокает меня в нос и отстраняется от меня, проведя грубыми костяшками пальцев по нижней че-

люсти, – но я хотел убедиться, что мы уладили наши проблемы.

– По-моему оторванная ручка пикапа объяснила все красноречиво, – немного натянуто усмехаюсь.

Не умею и не люблю врать, но одних слов мне недостаточно. Все детство я слушала ложь о том, что родителя придут на Рождество и мой день рождения. Бабушка думала, я верю, что подарки, стоящие чуть дешевле обычного и подписанные кривыми буквами, были действительно от мамы и папы. Я перестала верить на слово, когда увидела, как Марта, моя няня, вместе с дедушкой запаковывают игрушки, которые утром мне вручили от имени родителей. Никто не знал, почему весь день своего шестого дня рождения я засыпала на ногах. Никто кроме мокрой и соленой от слез подушки. Конечно, это очень глупо, что я потеряла веру в честность из-за идиотского праздника, и я не отрицаю это. К тому же доверчивость не поможет мне ничего узнать о гибели всей моей семьи.

Кажется, что я до сих пор не поняла значение и силу этих слов.

– Мередит, я серьезно, – говорит Маркус, слегка насупившись. – Если что-то не так, то ты должна сказать мне. Наши ссоры горячи, но я не хочу быть подстреленным на трассе или получить травму от переизбытка секса. В любом случае физическая боль не минует нас, а в больнице будет трудно объяснить все врачам.

Теперь я искренне смеюсь и обнимаю крепкого мужчину. Он надел футболку, но все еще пахнет мной. Нет, нами. Руки Маркуса обвивают мою талию и гладят по спине. Я бы стояла так вечно.

Вдруг откуда ни возьмись на лестнице появляется Лекси и шагает прямо к нам. Ее глаза направлены на экран мобильного телефона, так что она не видела наше уединение. Я отпрыгиваю от Маркуса, как ошпаренная, и начинаю тараторить:

– Я буду жить в этой спальне теперь?

– Что ты...? – Маркус прослеживает за моим взглядом, направленным на девушку, и подыгрывает: – Я нанял рабочих, мой проект остался прежним, поэтому они должны управиться быстро.

– Рада слышать, – неестественно радуюсь.

– Конечно, я буду счастлив, если ты будешь спать в моей постели, – тихо добавляет мужчина, за что я тихонько бью его по рукам. – О Лекси пришла! Привет, девочка, я готов.

Девушка с недоверием поглядывает на нас, но никак не комментирует наше странное поведение. Может быть, связь между нами слишком невозможна, чтобы заметить вранье. И от меня не ускользнуло то, как Маркус назвал Лекси. Девочка. Для него она ребенок, младшая сестра подруги. Он не относится к ней серьезно, а что насчет меня? Кто я для него?

– Да, Лу уже десять раз позвонила и наорала на меня, – ворчит Лекси, ее голос немного тише обычного. – Нам пора

выезжать, Маркус.

С вопросом в глазах смотрю на мужчину, сдвинувшегося с места и вставшего между мной и Лекси. Незаметно от девушки он касается моего живота, проскальзывает пальцами под футболку и нежно поглаживает кожу. От его жеста мое тело начинает трепетать, а усталость перерастает в желание. Как просто он может путать мое сознание и действовать на меня!

– Лу решила сделать небольшой ремонт и попросила меня помочь, хотя это совсем не моя специальность, – будто извиняясь, отвечает Маркус.

Его ярко-голубые глаза находят мои, мужчина вкладывает в свой взгляд недосказанные слова, и я понимаю, что он хотел мне сказать. То же самое, что чувствую я. Мы боимся оторваться друг от друга, потому что тогда нам придется вернуться в сложную реальность и осознать, что мы перешли все границы.

– Хорошо съездить, – выдавливаю я и оттаскиваю руку Маркуса от своего тела. Затем делаю шаг вперед и обнимаю Лекси, сказав на прощание: – Позвони, если захочешь прогуляться или еще что-то.

Девушка кивает, и они уходят вместе. А раз главное препятствие покинуло особняк, я могу начинать действовать.

Кабинет Маркуса, слава Богу, оказывается открытым. Его рабочее место – самый живой уголок доме. Заходя сюда, ты понимаешь, что в доме все-таки кто-то обитает. На столе идеальный порядок: все настолько безукоризненно, что аж тошно. Мне всегда казалось, что такая чистота может быть только у психов. Ну не может адекватный человек выровнять стопку бумаг так, что по ней можно проверять ровность линейки.

Подхожу к столу, пробегаюсь кончиками пальцев по деревянному гладкому столу и усаживаюсь в кресло. Включаю компьютер, и вместо рабочего стола меня встречает пароль – препятствие, о котором я даже не подумала.

– Черт! – с силой бью по бедрам.

Одна я здесь не справлюсь. Кайл должен быть внизу. Мне надо применить все свои навыки, чтобы суметь его обмануть. Телевизор гудит на весь первый этаж, знакомые мелодия и диалоги дают понять, что Кайл принимает лечебную дозу «Гарри Поттера». Если бы не осознание моей вины в его состоянии, я бы даже посмеялась. Парень разлегся поперек дивана, поедая чипсы. Как начать разговор? Еще раз извиниться за машину или начать светский разговор? Ладони потеют от предстоящего вранья. Приближаюсь к Кайлу, попадая в его поле зрения, и говорю:

– Ты испортишь себе желудок, если и дальше будешь есть эту гадость по утрам.

Парень усмехается, отрывает взгляд от телевизора, набирает в руку горсть чипсов и кидает в меня. Я ловко уворачиваюсь и еда с хрустом падает на пол. Удивленно воскликнув, ставлю руки на бока и жду извинений.

– Ты причитаешь, как старая бабушка, – бурчит Кайл с набитым ртом, затем задумывается и добавляет: – Или как Маркус. Все нью-йоркцы такие?

– Не уверена, не всем дано так умело брюзжать.

Повисает неловкое молчание. Я все еще не знаю, как подступиться правильнее. Кайл одет в нелепую желтую футболку с покемоном, резко контрастирующую с его кожей цвета кофе с молоком, а штаны будто месяцами грызла моль. Я думала, что у него даже пижамы дизайнерские. Просто у меня такие... У меня даже носки куплены в бутике. Господи, я – клише из сериалов про богатеев.

Черт, я же пришла по делу.

– Слушай, Кайл, мне нужна помощь, – пытаюсь сделать максимально серьезное лицо и не пялиться на этого чертова покемона.

Парень ставит на паузу фильм, принимает сидячее положение и с опаской произносит:

– Надеюсь, не надо одолжить машину?

С губ срывается смешок, и я не успеваю его сдержать. Его настрой немного расслабляет меня.

– Нет, мой ноутбук сломался, а мне очень надо прочитать письмо от адвоката, – тараторю я, как заведенный трактор. – Доступ к почте был только там, а копия есть у Маркуса. Мне очень надо увидеть его.

Кайл открывает рот, но я зачем-то продолжаю болтать:

– Если бы я помнила пароль, то зашла бы через телефон, но...

Кайл перепрыгивает через спинку дивана, кладет руки на мои плечи, слегка сжимая их и заставляя посмотреть в его кристально-голубые глаза, так напоминающие взгляд человека, который заполнил мой разум, и с насмешкой останавливает словесный поток.

– Мер-мер, прекрати, – просит Кайл. Я смотрю на его ладони, прикасающиеся к моей коже, и мне становится неловко. Щеки и шея заливаются румянцем, Кайл видит это и отступает. – Прости. Папа не любит, когда берут его компьютер.

«Неудивительно,» – мысленно ворчу. Если у него в багажнике лежат документы, из-за которых могут посадить добрую часть верхушки Нью-Йорка, то файлы, хранящиеся в его компьютере, отправят их на пожизненный срок.

– Кайл, пожалуйста, мне правда очень нужно прочитать это письмо, – почти скулю я. Кайл проводит рукой по своему ежику на голове, поджимает губы, все еще сомневаясь, стоит ли мне помогать. Возможно, он не хочет нарываться на гнев Маркуса после той дикой ссоры из-за университета, но

я слишком хочу узнать правду. – Обещаю, я не скажу, что ты дал мне пароль.

Складываю руки на груди в замок, словно решила помолиться, и выпячиваю нижнюю губу. Кайл сдаётся и, опустив голову, выдает мне пароль. «МК141821». Догадываюсь, что первые две буквы – Маркус и Кайл.

Компьютер Маркуса – такой же склад маньяка, как и его стол. Меня снова передернуло. Кайл открыл браузер и почту, а сам ушел к бассейну, чтобы сторожить все входы. Он сказал, что стеклянные стены кабинета скроют меня, если Маркус вдруг вернется. Если наш план накроется, то плохо будет только мне. Маркус и не вспомнит, что Кайл дал мне пароль, зато он прекрасно поймет, что я искала. Не хочу, чтобы он ненавидел меня или считал, что я врала ему.

Так-с. И где же найти «ню-йоркскую бомбу»? Куча папок с проектами разных строений по всему миру, договоры из компании «Монтгомери Интерпрайзес», есть отдельная папка со штрафами Кайла, еще одна – с документами об опекунстве. И вот наконец в хранилище под названием «Адское отродье» я нахожу файлы с завещанием Квентина Монтгомери и речью в честь его похорон.

«Дорогие гости, понимаю, что вы чрезмерно расстроены смертью моего почившего отца, но я здесь не для того, что-

бы восхвалять его. О мертвых надо говорить либо хорошо, либо никак, но все должны знать, кем был Квентин Монтгомери.

Вором, убийцей и монстром.

Я расскажу вам все о нем и о его подельниках. Для начала я написал заявление в полицию, которое отправится через несколько часов. Сейчас я просто хочу предупредить всех тех сволочей, которые помогли Квентину Монтгомери. Вы больше не в безопасности, ребята, и можете позабыть про это чувство навсегда».

Речь не закончена, но это не столь важно. Маркус не лгал. Он действительно хотел рассказать все обществу, выдать каждый грязный секрет своего отца. Улыбка расплывается по лицу. Не скажу, что я жалела о нашей связи, но то горькое послевкусие лжи чувствовало все тело. Теперь оно исчезло, а чувства, которые я испытываю к Маркусу словно усилились в разы.

Я собираюсь закрыть все вкладки и скрыть следы своего вторжения, однако Кайл неожиданно восклицает:

– Шухер! Папа зашел в дом!

Подпрыгиваю на кресле, от нервов руки трясутся и нажимают на лишние кнопки. Вместо того, чтобы выключиться, компьютер пищит и тархтит. Черт!

– Мер, поторопись, – шепчет Кайл возле двери, затем резко отпрыгивает от нее и с фальшивой радостью кричит: – Привет, папа! Ты рано, неужели Лу отпустила тебя так быст-

ро?

Компьютер зависает. Отлично! Я узнаю тяжелые шаги Маркуса, и мой нос будто улавливает его аромат сквозь стеклянные стены. Залезаю под стол, словно это поможет мне исчезнуть из кабинета, и наблюдаю за двумя мужчинами Монтгомери. Кайл в своей идиотской футболке распахивает свои объятия для отца, который явно озадачен поведением сына, прижимает его к себе чересчур крепко и разворачивает их. Парень поднимает руку и губами произносит:

– Торопись!

Наконец компьютер поддается и закрывает все вкладки, а затем и выключается. Кайлу надо как-то увести отсюда Маркуса, и он прекрасно это понимает.

– Папа, слушай, мне надо серьезно с тобой поговорить, – лепечет парень. Его глаза мечутся из стороны в стороны, пока он пытается придумать что-нибудь необязательно вразумительное. – Понимаешь, мы так давно с тобой не общались. И я давно хотел кое-что сказать, но все не было повода.

Маркус стонет и, прикрыв глаза, поднимает голову к потолку. Кайл натягивает широченную улыбку, которая скорее пугает, чем располагает к себе. А меня она заставляет хихикнуть. Тут же захлопываю свой рот ладонью, чтобы не выдать себя.

– Только не говори, что ты начал употреблять наркотики! – стонет Маркус, устало потирая лицо. – Героин, кокаин или что-то другое? Клянусь, я поседею до сорока с тобой.

Улыбка сползает с лица Кайла. Он надувается, как обиженный индюк, затем подносит пальцы к носу и будто втягивает что-то в ноздри, пародируя наркомана. Маркус дает ему неслабый подзатыльник, и я снова беззвучно смеюсь. Кайл не останавливается и добавляет:

– Я один раз курил травку, но разговор не об этом.

Маркус снова замахивается, но парень успевает отбежать.

– Хватит драться! – вопит Кайл. – Пойдем на кухню и там поговорим.

– Думаю, я должен выпить, – ворчит Маркус и уходит вниз по лестнице.

Кайл ждет, когда отец удалится на достаточное расстояние, и заглядывает в кабинет. Я аккуратно вылезаю из-под стола. Кайл выглядит недовольным, но ни в чем не обвиняет меня и просто говорит:

– Быстрее в свою комнату. Лучше запрись, потому что я собираюсь признаться отцу в каком-нибудь грехе, за что он меня точно убьет.

– Спасибо, – благодарю его я и автоматически прижимаюсь к нему всем телом.

Кайл как будто смущается, помедлив с ответными объятиями, однако быстро приходит в себя и гладит меня по спине, опустив свой подбородок на мой затылок. Мы отпускаем друг друга и расходимся. Сердце колотится от счастья. Я свободна, я могу отдаться своим чувствам и быть с тем, от кого у меня кружится голова, подкашиваются коленки и ко-

жа покрывается мурашками. В эйфории я залезаю в постель и засыпаю. Последние сутки хорошенько потрепали меня и в хорошем, и в плохом смысле.

Когда я открываю глаза, на улице уже потемнело. Желудок просит еду, поэтому следует ему помочь. На кухне сидит задумчивый Кайл. Он одет в нормальную одежду и выглядит очень уставшим и немного грязным. Его глаза периодически закрываются, пока парень пытается съесть мясо. Я с улыбкой наблюдаю за ним в углу, пока Кайл не замечает меня. Он с трудом изображает подобие приветствия, махнув мне рукой.

– Я прикрыл тебя, но теперь целый месяц буду убирать за Кларой и другими лошадьми, а еще он заставил меня красить и ремонтировать амбар, – сонно бормочет Кайл с одним закрытым глазом. – Надеюсь, ты нашла, что хотела. Так мне будет легче убирать дерьмо и дышать краской.

Достаю остатки овощей и нарезаю их в салат. Стоит съездить в город за продуктами, потому что я не могу питаться одними белками, как Маркус. Мне нужны хоть какие-то углеводы кроме макарон.

– Да, я обязана тебе, – забираю опустевшую тарелку у Кайла и ополаскиваю ее. Поворачиваюсь к парню и еще раз благодарю: – Правда, Кайл, спасибо большое.

Он хочет посмотреть на меня, но он настолько устал, что

не может даже выпрямиться. Кайл снова поднимает руку и взмахивает в жесте «да брось».

– Ты доберешься до комнаты, или тебя довести? – усмехаюсь я.

Вместо ответа Кайл поднимается и ползет в сторону своей спальни.

– Доброй ночи, Мер-мер, – бросает он на прощание и скрывается из моего поля зрения.

На улице ночь, но спать мне не хочется от слова совсем. Зато есть отличное настроение и желание сделать приятно Маркусу, извиниться перед ним без слов. Он никогда не узнает, что я натворила. Быстро мою за собой посуду, в ванной привожу себя в порядок, чищу зубы, а в комнате надеваю кружевное белье и пеньюар. Наконец-то настал день, когда такая одежда мне понадобилась. Стилисты бы порадовались. Сердце тарабанит в груди, а тело уже жаждет исполнения задуманного.

Дверь в комнате Маркуса не заперта, слышится его размеренное дыхание, но мужчина не спит. Из спальни доносится шуршание страничек: Маркус читает. На цыпочках пробираюсь внутрь, и у меня перехватывает дыхание. Маркус лежит на белых простынях, скрестив ноги, его тело расслаблено, а взгляд сосредоточен на книге. Настольная лампа – единственный источник освещения в комнате. Лучи падают на лицо и обнаженный торс Маркуса. Половица скрипит – я рассекречена. Но на то и был расчет. Маркус крепко стиски-

вает челюсть, и по его лицу ходят желваки. Глаза в одночасье темнеют, пресс напрягается. Чувствую, как под его взглядом мои соски твердеют, а жар стремительно распространяется с живота по всему телу.

– Я заходил к тебе, – хрипит Маркус и откладывает книгу, не разрывая зрительного контакта. – Ты спала.

Утвердительно киваю и начинаю развязывать пояс халатика. Полы пеньюара распахиваются, и из-под них показывается тонкая полоска оголенной кожи.

– Я спала, но сейчас – нет, – шепчу я и тянусь к ткани на плечах, немного приспуская ее. – Не сможешь мне? Здесь как-то душно.

Маркус словно теряет дар речи, однако он все еще может двигаться. Молниеносным движением он приближается ко мне, перехватывает мои руки и снимает пеньюар, бросив на пол. Прикусываю губы, наблюдая, как бежит взгляд Маркуса от моих глаз до губ. Я наклоняюсь вперед и оставляю на его шее легкий, едва ощутимый поцелуй. Но этого достаточно для того, чтобы свести его с ума. Маркус впивается в мой рот с напором и желанием, а его руки уже тянутся к застегивке бюстгалтера. Язык мужчины пробегается по моим губам. Кладу руки на его шею и прижимаюсь ближе. Когда его горячая кожа прикасается к моей, я тихо стону от наслаждения.

– Надеюсь, ты выспалась, потому что я собираюсь выжать из тебя все соки, Мередит Ван дер Меер, – голос Маркуса похож на рычание.

– Взаимно, Маркус Монтгомери, – твердо и немного с вызовом отвечаю я.

Бюстгальтер летит на пол, а дальше нами овладевают животные инстинкты. И мы оба ничуть не сопротивляемся. Мне не хочется думать о том, кто я для него, что нас ждет. Этот момент – все, что у нас есть. Никто из нас не хочет портить его. Прошлое, настоящее, будущее – ерунда. Мы находимся в нашем мире, а на остальных – плевать. Наслаждение и похоть слились воедино, как и наши тела.

Глава 20

Мерedit

Погода в Вайоминге очень странная. Недавно мы ходили в куртках, а сейчас тепло даже в футболке и шортах. Однако вместе с теплом на нас свалился настоящий библейский потоп. Дождь хлещет почти каждый день, а гром и молнии усиливают его мощь. Однако в такой погоде есть своя романтика, и мы с Маркусом вдоволь наслаждаемся ею и друг другом. Я бы сравнила нас с кроликами, только мы спариваемся ради удовольствия.

Ужасное слово. Надо вычеркнуть его из своего лексикона...

Сегодняшний день не стал исключением. С самой ночи льет дождь, утро мы с Маркусом провели в объятиях друг друга, а потом он уехал по делам. Я решила занять себя учебой, потому что мои кураторы уже отправили мне с десяток писем о моей ухудшившейся успеваемости. Я не стала расписывать весь ужас моей жизни, поэтому просто начала выполнять все мои долги. Несмотря на раннее время суток, на улице кромешная тьма, только уличные фонари освещают дорогу возле особняка.

От экономической теории у меня уже голова идет кругом, все слова сливаются в бессвязную кашу. Периодически мигающие люстры окончательно меня доводят, и я откладываю книгу и плюхаюсь на кровать. Хочу поплавать в бассейне. Мои конечности нуждаются в расслаблении. Телефон вибрирует в кармане. Достаю его, вижу сообщение, и от восторга на лице появляется улыбка.

«Мне скучно. Из-за дождя мы застряли в домиках, а здесь куча рабочих, которые не в курсе, что есть слова кроме ма-та... – я прямо чувствую, как Маркус тяжело вздыхает, и ухмыляюсь. – Надеюсь, у вас дома веселее».

Быстро печатаю ответ:

«Весело, как в морге. Экономическая теория хуже математического анализа. Как ты не сошел с ума, пока учился?»

«С чего ты взяла, что не сошел?» А сейчас окончательно свихнусь...»

«Одного сумасшедшего нам хватит, поэтому я пошла плавать,» – отправляю последнее СМС.

Уже собираюсь отложить телефон, но в голову приходит другая идея, и я запираюсь на замок. На мне не самая сексуальная одежда, но думаю, что это не столь важно. Из комода достаю купальник, купленный в городе, кидаю его на постель, причесываюсь и начинаю записывать видео, присев на корточки.

– Лучше надень наушники и отойди подальше от людей, – понизив голос, шепчу я. – Мне нравится, когда ты немного

сумасшедший, а не чокнутый.

Отхожу от кровати достаточно далеко, чтобы меня было видно почти в полный рост. Слегка наклоняюсь вперед, и футболка падает с плеч, обнажая ключицы. Пальцами пробегаю по бедрам, веду руками выше, залезая под одежду. Не раздеваясь, сжимаю груди в ладонях. Как удачно, что я не надела бюстгалтер. Мое поведение – дразнящая игра. Направляю взгляд на камеру, представляю, что телефон – это Маркус. Воображаю, что он сидит здесь, наблюдает за мной, улавливает каждое движение. Разворачиваюсь спиной к камере, хватаю край футболки и медленно стягиваю ее через голову. Встряхнув волосы, прикрываю грудь рукой, медленно разворачиваюсь к телефону и немного кручусь.

Разум отделен от чувств и инстинктов. Я делаю глупость, этот выкрутас – высшая степень пошлости.

Спускаю трусики и кидаю их на кровать. Руки мимолетно прикасаются к киске. Мое представление почти окончено – остаются лишь маленькие штрихи. Медленными движениями натягиваю черный купальник. Топ плотно прилегает к груди, а низ довольно консервативно прикрывает ягодицы. Пусть купальник не самый симпатичный, но лучше того ужаса, который купил мне Маркус. Присаживаюсь на колени перед телефоном и сладко шепчу:

–А теперь я действительно иду плавать.

Подмигнув на прощание, я выключаю видео и тут же оправляю Маркусу. Убедившись, что оно доставлено полу-

чателью, я с полотенцем наперевес иду к бассейну. После часов сидения за компьютером вода словно проникает под кожу и расслабляет каждую мышцу и кость. Зависаю на середине бассейна, лежа на спине. Вода прохладнее, чем я ожидала. Возможно, Маркус выключил обогреватель из-за наступления весны. Перед переездом в Джексон я читала, что в горах есть водопады и озера. Надеюсь, когда-нибудь побываю там. С Маркусом или одна. Первый вариант, разумеется, предпочтительнее. Как только вспоминаю про мужчину, телефон пиликает, как заведенный. Видео просмотрено. Тепло трепещет: реакция именно такая, которую я хотела получить. Хотя он, может быть, просто отчитывает меня.

Свет вдруг тухнет. Лампы вырубаются, обогреватели одновременно щелкают, выключаясь. Дом погрузился во тьму. Из-за гробовой тишины, поглотившей особняк, завывания ветра словно стали громче. В помещении настолько темно, что я не вижу дальше своего носа. Вода холодеет с каждой минутой. Бассейн слишком большой и выбраться без света я не смогу. Я могу поскользнуться и снова удариться головой. Мне хватило того происшествия с Маркусом в ванной. Может быть, электричество включится? Интересно, как дела в городе.

Со стороны лестницы слышатся шаги, а следом появляется луч фонаря. Кайл, ругаясь себе под нос, поднимается на второй этаж и, судя по всему, ищет меня. Увидев мою голову, торчащую в воде, парень подходит к бассейну и конста-

тирует:

– Вышибло пробки. Прощай, цивилизация.

Подплываю к бортику, где стоит Кайл. Парень берет с лежака полотенце, протягивает руку и помогает мне вылезти из бассейна. Кайл не отступает ни на шаг и не отворачивается, хотя я стою полуголой перед ним. Может, стоит его попросить не смотреть? Но это прозвучит глупо, потому что в доме крошечная тьма. Я чувствую его взгляд на себе и плотнее закутываюсь в полотенце.

– Чем еще удивишь, капитан очевидность? – ворчу я, постукивая зубами. Как-то слишком резко похолодало.

Кайл направляет фонарик прямо на мое лицо, ослепляя меня, и осматривает его.

– У тебя синие губы, – таким же будничным голосом отвечает он, и я не могу сдержать смешок. – Я разжег камин в гостиной, пойдём. Тебе надо погреться.

– Мне бы в душ для начала сходить, – говорю я, переступая с ноги на ногу.

Не дай Бог, я снова свалюсь с простудой, как весной. Маркус опять будет пичкать меня теми ужасными таблетками и держать в постели. Хотя насчет последнего пункта я не буду возражать, если он составит мне компанию.

– Увы, без электричества вода не польется, – Кайл кладет свободную руку на мои плечи, приобнимая меня, и ведет в сторону спальни. – Не спорь и надень что-нибудь потеплее.

У семейства Монтгомери что, в мозгу есть какая-то кноп-

ка командира? Почему они вечно всем указывают? Переодевшись, присоединяюсь к Кайлу в гостиной. Он разложил плед перед камином и принес еду. Я замираю в трех метрах от огня. Языки пламени начинают двигаться яростнее и опаснее. Все то время, что я провела с Маркусом, огонь всегда был вдалеке. Он не пугал, потому что у меня был защитник. А сейчас, когда я вновь вижу огонь без закрывающего мой взор мужчины, мой страх вернулся. Не с прежней силой, нет. Но я каждым миллиметром кожи чувствую обжигающий жар искр. Сердце пропускает удар от страха, и это не остается незамеченным. Кайл, секунду назад поедавший мороженое, проглатывает еду и спрашивает:

–Все в порядке?

Коротко киваю. Парень протягивает мне руку, и я хватаюсь за него, как за спасательный круг. Огонь стал концом для моих родителей и чуть не убил меня, но мне необходимо справиться с глупым страхом. Трусость – последнее, что мне сейчас поможет жить. После смерти дедушки и бабушки я зажалась в себе: бойкая девочка, которую отстраняли за драки, вдруг превратилась в... меня. Тихая, закомплексованная мышка, пытающаяся очистить свое грязное происхождение и исправить ошибки родителей. Я потеряла себя уже давно.

Набираю в легкие побольше воздуха и сажусь рядом с Кайлом. Он протягивает мне мороженое и чистую ложку. На импровизированном столике из подноса лежит все мороженое, колбасы и другие скоропортящиеся продукты.

– Ты решил спасти еду? – усмехаюсь я.

Кайл запускает в рот ломтик колбасы и закусывает фиштакковым мороженым. Парень угадал и отдал мне шоколадное, мое любимое. Вообще не помню, чтобы Маркус закупал в дом сладкое. Его морозильник обычно забит мясом и рыбой. Без большого количества белка он не стал бы таким... спортивным. *Давай честно, Мер, что ты подумала на самом деле?*

– Я что, зря выкинул добычу отца? Я не допущу смерть этого прекрасного десерта! – Кайл гордо задирает подбородок, и я не могу сдержать смех. Парень задумывается о чем-то, вдруг тянется к моему лицу и протирает мою щеку. Я удивленно уставляюсь на Кайла, пока тот мягко гладит мое лицо. Монтгомери младший опускает руку и подмигивает. – Ты испачкалась.

Благодарно ему улыбаюсь. Щеку греет мягкое прикосновение пальцев Кайла. Его широкая улыбка как-то волшебным образом действует на меня. На душе становится тепло. Чувствую, что Кайл хороший человек. Он проще, чем Маркус, потому как его демоны не скрываются под шрамами. Это отнюдь не плохо. Его легкая и понятная натура притягивает, поэтому к нему и тянутся люди. Мало кто любит трудности. Однако в Маркусе меня привлекает именно та тьма, что обычно отталкивает других.

До сих пор я этого не понимала.

Несмотря на пламя в камине, я замерзла. Фен был бы сей-

час кстати. Кайл словно читает мои мысли, взяв плед, накидывает его нам на плечи и подсаживается ближе. Наши руки находятся очень близко, что согревает мои замерзшие пальцы. Я немного сдвигаюсь, потому что мы сидим чересчур близко. Кайл поправляет плед, и мы снова оказываемся рядом.

– Мер-мер, ты не хочешь погулять в городе, когда апокалипсис закончится? – предлагает он, смотря прямо в мои глаза. – Это, конечно, не Нью-Йорк, но и в Джексоне есть на что посмотреть. Когда дороги немного просохнут мы сможем съездить к водопаду. Есть здесь один, у которого не трутся туристы.

Идея неплохая. Мне как раз хочется встретиться с Лекси. Последняя наша встреча прошла, мягко говоря, странно. Заодно я бы убедилась, не видела ли она ничего лишнего тем утром после пожара.

– Да, конечно, – улыбаюсь в ответ Кайлу. Парень снова заедает мороженое колбасой, и я морщусь. – Ты издеваешься над едой.

Парень с набитым ртом ахает и возражает:

– Попробуй, это очень вкусно!

Я заливаюсь хохотом, когда Кайл с серьезным лицом пытается всучить мне кусочек мяса покрытый тающим мороженым. В итоге мы пачкаемся и смеемся еще громче. Разговаривать с Кайлом приятно и легко. Слова сами льются, как вода. Любая тема – от погоды до политики – действительно

приносит удовольствие и радуется что ли. Я не задумываюсь об уместности тем, что мы поднимаем. Пусть в первую нашу встречу Кайл хотел – я готова поклясться всем своим наследством – убить или выдворить из дома, сейчас он импонирует мне, и, кажется, это взаимно. Улыбка не сходит с моего лица уже больше часа, и все это время мы говорим.

Дождь потихоньку перестает барабанить по крыше и затоплять весь двор. Ветер утихает, как и ураган. Как раз в этот момент входная дверь распахивается, следом слышатся громкие шаги и много ругательств. Маркус, промокший до нитки, едва ли не забегает в гостиную. Его разъяренный взгляд заставляет нас замолчать. Наши глаза встречаются, и у меня перехватывает дыхание. Не понимаю, дело в моем видео или день не задался? С полов синей клетчатой рубашки капает вода, волосы разметались по лицу, но самое главное – его футболка. Мокрая, облепившая каждую мускулу могучего мужского тела. Медленно глотаю ком, вставший поперек горла, и произношу:

– Привет, Маркус.

Мой голос звучит как-то непривычно хрипло. Мужчина сжимает кулаки, сдерживая в них все свои эмоции. Маркус кидает на столик папки и подходит ближе к нам, не ступая на ковер. Его плечи быстро поднимаются и опускаются. Маркус очень раздражен.

– Привет, – сквозь зубы говорит он. – Почему ты мокрая? Сердце подскакивает в груди. Он прекрасно знает, что я

делала.

– Мер купалась, когда отключили электричество, поэтому мы тут греемся и ждем конца, – Кайл отвечает за меня и поднимается на ноги. – Вижу, ты тоже где-то купался.

Маркус не отвечает на подкол Кайла. Мужчина делает глубокий вдох и, изобразив нечто, издалека напоминающее дружелюбие, а вблизи похожее на желание кого-нибудь придурить, цедит сквозь плотно сжатые зубы:

– Мередит, пойдем наверх. Я врублю электричество, и ты сможешь ополоснуться в душе возле бассейна и высушить голову. Мы с Кайлом не будем мешать.

По телу пробегаются мурашки. Не могу пересилить себя и отвести взгляд от Маркуса, его глаза ловят меня в свой плен. Я бессильна, обезоружена и зачарована. Онемевшие ноги сами поднимают меня и несут в его сторону, но прежде я бросаю Кайлу, мелком глянув на него:

– Спасибо, что посидел со мной. Я была рада поговорить.

– Без проблем, – отсалютовав мне, отвечает Кайл.

Маркус пропускает меня вперед, и мы скрываемся на втором этаже. Кровь приливает к чувствительным частям тела, предчувствуя приближение взрыва мужских эмоций. Как только мы достигаем ванной, Маркус заталкивает меня внутрь и шипит:

– Только попробуй уйти.

Мужчина стаскивает с себя промокшие рубашку и футболку и кидает в корзину для белья, показывая мне свое то-

ченное тело. Пусть в доме темно, но я вижу каждый изгиб татуировок на крепком торсе. Хочу прикоснуться к нему, но Маркус взглядом припечатывает меня к месту и уходит. Через несколько минут, которые длились целую вечность, включается свет, а затем появляется и Маркус. Он запирает дверь на замок и осматривает меня. Досада от того, что я одета в неприглядный свитер и спальные шорты, берет свое. Переступая с ноги на ногу, жду его дальнейших действий. В ледяных глазах играет неистовое пламя. Маркус издает гор- танный рык и за мгновение оказывается около меня. Я машинально протягиваю руки, обнимая его за шею, но у него другой план. Маркус разрывает кольцо моих рук на своей шее, впечатывает меня в стену и поднимает их над нашими головами, крепко захватив в замок. Его тело загоняет меня в ловушку, из-за которой я не могу шевельнуться.

– Что нахрен за представление ты устроила? Ты хоть пред- ставила, какого было смотреть это гребаное видео, находясь на другом конце города, мисс Ван дер Меер?! – Маркус ставит вторую руку рядом с моей головой и, опираясь на нее, отодвигается так, что единственное место, где мы прикаса- емся друг к другу, – мои запястья, зажатые его ладонью. – Какого черта ты не отвечала на мои сообщения?

Я уже собираюсь ответить, как вдруг Маркус опускается к моей шее и проводит языком от ключицы до левого уха. Пы- таюсь выгнуться, чтобы ему было удобнее, но он тут же от- страняется. Недовольно стону и вытягиваю вперед ногу, ста-

раясь обхватить его бедра и подвинуть к себе ближе. Маркус облизывается и хрипло приказывает ответить ему, смотря в мои глаза и словно что-то ища в них.

– Я забыла телефон у бассейна, – мой голос напоминает писк раненой птицы. Черт бы его побрал... – А потом пришел Кайл и...

– Нет-нет, – Маркус перебивает меня и мотает головой. – Не оправдывайся. Ты виновата.

Сердце подпрыгивает. Голова заполняется воспоминаниями о роковой ночи, изменившей все между нами. Задница начинает гореть от фантомной сладкой боли.

– И что же ты сделаешь? – шепчу я, приблизившись к лицу Маркуса. – Накажешь меня?

Вожделенные мною губы изгибаются в коварной и зловещей ухмылке. Маркус что-то задумал.

– Именно это я и сделаю, – Маркус отпускает меня и резко отдалается. Он опирается на край раковины и скрещивает руки на груди, будто защищается. От меня? – Снимай свитер.

Я, не думая ни секунды, подчиняюсь.

– Медленно, – добавляет он.

Кидаю свитер на пол и жду следующего указания. Моя грудь быстро вздымается из-за частого дыхания, Маркус тоже сдает свои позиции. Пульсирующая венка на лбу выдает его. Я снова мысленно ругаю себя. Ну серьезно, почему из всех кружевных орудий пыток я надела этот дурацкий топ от

Calvin Klein?

– Шортики, – продолжает Маркус. Спускаю резинку до колен и кидаю их к свитеру. – Разденься полностью.

И вот я снова нагая перед ним. От влажных волос становится немного холодно, соски твердеют, и это не ускользает от Маркуса. Его бровь со шрамом ползет вверх. Со временем я перестала замечать все белесые полосы на его лице. Более грубые и выпуклые шрамы все еще дают о себе знать, но не как о недостатке. Для него они противны, а для меня любимы. Прикасаясь к ним, я словно сближаюсь с Маркусом и узнаю темные уголки его души. Бог или кто-то другой создал его идеальным.

Маркус твердо встает на ноги и раздевается. Его сырые штаны летят в корзину, боксеры также не задерживаются. Теперь я могу увидеть, как он хочет меня. Сильно. Чертовски сильно. На все сто по десятибалльной шкале.

Мы долго смотрим друг на друга. Я жду, что Маркус придумает дальше, а он изучает каждый изгиб моего тела, которое знает уже лучше, чем я сама.

– Заходи в душевую, – говорит он.

Я забираюсь за стеклянную стенку, а Маркус встает рядом и включает воду. Горячие струи с силой ударяют в мою спину.

– Развернись, – хрипит мужчина.

Маркус берет шампунь и начинает намывливать мне голову. Его огрубевшие пальцы с необычной нежностью мою

мои волосы и смывают пену. Если это наказание, то пока я не улавливаю его суть. Маркус берет свой гель для душа и без мочалки намывает мою спину. Его руки мучительно медленно опускаются ниже, и я наконец осознаю его цель. Мужчина наклоняет меня, расставляет мои ноги чуть шире и садится на корточки. Его пальцы нарочито задевают чувствительное и разгоряченное место между бедер, распаяя меня, но не давая того, чего я хочу. Я невольно дергаюсь навстречу его руке и кончик большого пальца входит в меня. Маркус позволяет мне на секунду насладиться и опуститься еще на сантиметр, но затем он вытаскивает палец и продолжает мыть меня. С моих губ срывается громкий стон отчаяния. Соски болезненно сжимаются, и я обхватываю правую грудь одной рукой, чтобы хоть как-то унять невыносимую боль. Маркус легонько ударяет по ладони, хватая меня за запястье и заводит руку за спину. Я лишаюсь единственной возможности унять свое желание.

– Ты меня мучаешь, – стону я.

Маркус разворачивает меня к себе лицом и вжимает в стену. Потом его рот приближается к моему уху, и мужчина низко отвечает:

– Так и было задумано, Мер.

Маркус проводит носом по моей шее, ошпаривая ее горячим дыханием, и резко разворачивает меня к себе лицом. Он выдавливает новую порция геля, размазывает его по плечам, затем направляется к шее и ниже. Когда длинные паль-

цы скользят по груди, я начинаю выходить из себя. Неудовлетворенность раздражает до чертиков. Маркус чувствует мое напряжение и продолжает извращенную игру, намывая живот, бедра. Он снова испытывает меня, пальцем накрывает клитор и надавливает на него. Я изо всех сил стараюсь держаться, но мои глаза все же закатываются от этого никчемного действия. Закончив мое мытье, Маркус меняет нас местами и сам встает под душ, отвернувшись от меня.

– Можешь идти, – бросает он через плечо. Его спина, располосованная шрамами, выглядит очень напряженной, но чувствую, что мужчина ухмыляется.

Злость накатывает на меня, и я включаю ледяную воду. Холодные капли не успевают долететь до меня, потому что я выбегаю из душевой. Маркус вскрикивает и шипит от неожиданности.

– Можешь охладиться, – имитируя его тон, говорю я. беру чистое полотенце, заворачиваюсь в него и убегаю в свою спальню.

Сукин сын.

Высушив голову, я возвращаюсь к учебе, но не могу ничего сделать. К черту все. Запираюсь на замок и ложусь спать. Засыпаю, конечно, ближе к рассвету.

– Господи, я не верю, что наконец все закончилось, Мер! –

визжит Лекси в трубку. Девушка, запыхавшись, куда-то бежит. – Мы обязаны отпраздновать мое окончание школы! Идем сегодня гулять, а потом на вечеринку. Бывший одноклассник Кайла как раз собирает сегодня всех у себя.

Я не могу сдержать улыбку, вспоминая свое окончание школы. Мои любимые одноклассницы обклеили стены пансиона моими фотографиями из Forbes, когда я давала им интервью «Будущее Америки». Журнал пригласил всех подрастающих наследников, меня в том числе. Поэтому окончание школы для меня тоже было праздником, но на выпускной я не пошла по понятным причинам и уехала в Венецию, чтобы не видеться с родителями.

– Мы как раз собирались с Кайлом погулять, так что присоединяйся к нам, – отвечаю я. – Можешь приезжать к нам. Мы соберемся и пойдем праздновать.

Лекси как-то затихает, а потом спрашивает:

– Вы собирались погулять с Кайлом?

– Да, – говорю я, немного помедлив. Помню, она говорила о нем немного странно в день, когда я сделала себе пирсинг. – Ты против?

– Нет, конечно, нет! – тараторит Лекси. – Ты одолжишь мне что-нибудь из одежды? Я хочу сегодня выглядеть, как звезда.

Я смеюсь. Лекси невероятна. Странно, но я уже ее обожаю. Договорившись, что подруга приедет сейчас к нам, мы отключаемся, а я иду к Кайлу, чтобы уточнить, не против

ли он погулять с Лекси. Думаю, он согласится. Все-таки они столько лет знакомы. Нахожу Кайла, лежащего на диване. Не могу сдержать ухмылку и, наклонившись над ним, спрашиваю:

– Ты приклеен к этому дивану или что?

Кайл улыбается и отвечает:

– А ты возражаешь?

Перелажу через спинку и сажусь рядом с парнем.

– Вообще-то да, – легонько ударяю его по голени, чтобы

Кайл поднялся. – Ты еще хочешь погулять?

Кайл кивает, и уголки его губ поднимаются еще выше.

– Отлично, сейчас приедет Лекси, – начинаю я, – у нее сегодня был выпускной, поэтому она хочет отпраздновать это и сходить сначала куда-нибудь, а потом на вечеринку к твоему знакомому. Ты же не против, если она присоединится?

Кайл поджимает губы на секунду, опешив. Но тут же снова улыбается и соглашается:

– Конечно нет, будет весело.

Хлопнув в ладоши, бегу готовить все для сборов. Для Лекси я подобрала чудесное зеленое платье, которое будет идеально сочетаться с ее цветом волос. Из-за значительной разницы в росте мои джинсы или брюки будут ей очень длинны. V-образный вырез подчеркнет ее тонкую шею, а разрез на подоле покажет изящные ноги. Для себя я достала телесное боди без рукавов и коричневые бермуды со сборками на талии. На улице должно быть тепло, но на всякий случай за-

хвачу пиджак.

Видел бы меня сейчас Маркус. Мы до сих пор не помирились, и я не собираюсь делать первый шаг. Я не виновата. Пусть дальше торчит на работе.

Скажу честно, первый час между ребятами была некая неловкость, природу которой я не знала, но позже все пришло на круги своя. Мы общались, как старые друзья, гуляли по городу с молочными коктейлями. Кайл и Лекси рассказывали свои истории из школы, часто вспоминали своих преподавателей. Слушать их безумно весело. Жаль, мне нечем было поделиться. После заката мы устали и зашли в кафе.

До вечеринки остается совсем немного. Я сажусь напротив ребят и не могу избавиться от мысли, что сама мечтала о таком детстве, что было у них. Да, я завидую.

– Я помню, как вы устроили вечеринку с костром и пьяными забросали крышу директора туалетной бумагой, – хочется Лекси, положив руку на плечо Кайла.

– Когда нас поймали, папа заставил меня все снимать самому, – ворчит парень. – Мер, неужели в Нью-Йорке не было ничего веселого?

– Увы, но... – я не успеваю договорить, потому что телефон жужжит в кармане. Достāju мобильный из шорт и вижу имя человека, из-за которого все тело трепещет. – Простите,

я должна ответить.

Кайл и Лекси кивают и продолжают разговор. Я убегаю в туалет и читаю сообщение:

«Прости, я козел».

Улыбаюсь, как идиотка. Маркусу не плевать.

«Извинения приняты».

«Вы дома?»

«Нет, пока в кафе, а потом идем на вечеринку. Лекси закончила школу».

«Знаю, Лу устроила у себя в баре свою вечеринку для родителей».

Не могу игнорировать укол ревности. Я знаю, что они близкие друзья, но также знаю про их прошлое.

«Я бы лучше провела вечер с тобой. Все равно я немного третья лишняя».

Ответ приходит моментально:

«Давай я заеду за тобой, скажешь, что появились неотложные дела из-за компании. Устроим наше первое свидание, пока Кайл и Лекси развлекаются».

«Думаю, у нас будет веселее»».

Прикусываю губу. От волнения пальцы немеют. Свидание звучит чудесно. И необычно, если учесть нестандартность наших с Маркусом отношений.

«Мередит Ван дер Меер, не окажете ли вы мне честь и не пойдете со мной на свидание?»

«С удовольствием, Маркус Монтгомери. Жду вас в кафе»

«Три брата».

Спрятав дурацкую улыбочку, которая показалась в зеркале туалета, я возвращаюсь к Кайлу и Лекси. Ребята прерываются и вопросительно смотрят на меня. В бое с виной и желанием провести время с Маркусом, засранец победил.

– Простите, пожалуйста, но я не пойду с вами на вечеринку, – искренне извиняюсь я. Однако мне все равно придется солгать. – Маркус звонил и сказал, что из-за смерти адвоката появилось много бумажной волокиты.

Меня покарают за то, что я использовала бедного мистера Нолана в качестве оправдания. Через неделю я уезжаю на его похороны, о чем до сих никому пор не сообщила. Когда я получила приглашение, мы с Маркусом как раз поссорились.

– Твой адвокат умер? – глаза Лекси лезут на лоб.

Я рассказывала ей про этого милого старикашку. В новостях решили скрыть факты о его смерти, так как кое-кто мог воспользоваться этим и обжаловать решения суда, на которых мистер Нолан выступал в качестве защитника. Репутация важна и после смерти.

– К сожалению, – я бросаю взгляд на Кайла, пытаюсь понять не заподозрил ли он что-то. Наша вылазка могла натолкнуть его на мысль о том, что я врала ему. – Маркус скоро подъедет. Надеюсь, вы не обидитесь на меня?

Лекси понимающе сочувствует мне, а Кайл спрашивает:

– Мы можем отложить, если нужна поддержка. Отец не особо душевный человек, если ты не заметила.

Я быстро мотаю головой, испугавшись, что наши с Маркусом планы рухнут. Кладу руку Кайла на плечо и отговариваю его:

– Это будет очень скучно и муторно.

Маркус задерживается, и каждая минута без него тянется бесконечно долго. Я пропускаю мимо ушей большую часть разговора и смотрю в окно, выглядывая заветный пикап. Когда автомобиль наконец подъезжает, я подскакиваю с места, быстро прощаюсь с Кайлом и Лекси и бегу к Маркусу. В пикапе приятно пахнет едой. Маркус выглядит немного утомленным, но такую теплую улыбку я еще не видела. Мужчина ухмылялся, кидал хитрые и озорные усмешки, но сейчас улыбка овладевает его глазами. И мне приятно, что такая редкость досталась мне. Хочу поцеловать его, но лишь смущенно здороваюсь:

– Привет, Маркус.

– Здравствуй, Мередит. Ты превосходно выглядишь, – хрипло вторит он. – Я купил нам еду и вино, а из одного домика стащил свечи.

– Ммм, – в голове возникает образ Маркуса, сидящего передо мной. Первый цивилизованный ужин вдвоем с тех пор, как между нами началось... что-то. – Мои ноги как раз устали бродить.

Маркус выглядит так же бесподобно, как и всегда. Рукава бежевого лонгслива закатаны до локтей, а пуговицы расстегнуты. Цвет футболки чудесно оттеняет цвет кожи мужчины.

Сегодня мы одеты почти в одной цветовой гамме. Мы отъезжаем на безопасное расстояние от «Трех братьев», и Маркус похлопывает по своим бедрам, обтянутым черными джинсами. Я вопросительно гляжу на мужчину, и тот поясняет:

– Клади ноги на меня.

Звучит очень соблазнительно, потому что за сегодня я находилась вдоволь. Снимаю конверсы и, развернувшись боком к двери, складываю на бедра Маркуса ноги. Его мышцы ничуть не делают его менее удобным. Ступни гудят, но, оказавшись в горизонтальном положении, они потихоньку расслабляются. Маркус держит руль одной рукой, а свободный начинает гладить мои голени. Затем его пальцы массируют ступни, и я не сдерживаю стон.

– Господи, как приятно! – восторженно лепечу я.

Маркус хмыкает и продолжает расслаблять меня. Когда мы подъезжаем к дому, он вручает мне пакеты с едой и вином, сам обходит пикап, открывает дверь и берет меня на руки. Я хватаюсь за его шею одной рукой и смеюсь. Кажется, он решил сделать все очень романтично. Мы можем не прятаться, не бояться, что Кайл услышит что-то лишнее. И это действительно радует. Маркус заносит меня в свою спальню и усаживает на кровать. Потом он бежит вниз и возвращается с двумя стульями, посудой и зажигалкой. И вот свободное пространство превращается в уютное место для свидание. Еда разложена по тарелкам, вино разлито по бокалом, а посередине его столика стоят горящие свечи. От восторга

не могу сдерживать глупую улыбку.

Маркус, завершив все приготовления, подходит ко мне и спрашивает:

– Тебе нравится?

Чмокнув его, отвечаю:

– Все безупречно.

– Тогда, мисс Ван дер Меер, прошу к столу.

Маркус протягивает мне ладонь, я вкладываю свою, не задумываясь. Вначале присутствует некая неловкость, мы оба нервничаем, потому что не привыкли разговаривать. Секс стал нашим способом общаться. Ужин действительно вкусный, но говорить о еде, погоде или еще чем-то таком глупо, поэтому я решаю рассказать Маркусу про похороны мистера Нолана, а точнее про мой отъезд. Маркус замирает. Надеюсь, я не испортила все.

– Ты хочешь остаться в Нью-Йорке?

Я едва не давлюсь салатом и отрицательно качаю головой. С чего он так решил? Я говорила, что Нью-Йорк давно стал мне чужим, родовое поместье сгорело. Мне некуда возвращаться. Даже если бы я хотела остаться в «большом яблоке», на какие деньги? Неужели Маркус так легко отпустит меня?

– Это хорошо, – в его голосе звучит облегчение. Вроде бы. – Здесь ты в безопасности. И я рад, что ты останешься со мной. Знаю, ты не привыкла жить в таком месте.

– За эти месяцы все изменилось, – произношу я. – Я изменилась. Знаю, что все слишком сложно, но также я знаю,

что хочу остаться в Джексоне. С тобой.

Мы высказали все, что боялись говорить до этого. Облегчение наступает мгновенно. Преграды, которые мы возвели вокруг себя, становятся прозрачнее и преодолимыми. Я решаюсь спросить о том, что давно меня мучает.

– Слушай, а что было у вас с Лу?

Маркус заливается смехом, протирает рот и отвечает:

– Больше, чем у вас с Джо, но все же ничего эдакого. Мы быстро поняли, что пара из нас хреновая. Кстати, ты общалась с Джо после «Кривого рога»?

Я скептически поднимаю бровь и делаю глоток вина.

– Ты серьезно думаешь, что он хотел со мной общаться после твоей выходки?

Маркус хитро ухмыляется. В его усмешке читается радость.

– Не надо было так напиваться, Мередит.

– Не надо было меня доводить до этого, Маркус.

Мы оба смеемся. Еда заканчивается, вторая бутылка вина тоже. Но не наше свидание. Все проходит так, как я хотела. Замечательно, искренне, волшебное.

Глава 21

Автор

Миссис Нолан – точнее сказать, вдова Нолан – не проронила ни слезинки. Сильные успокоительные помогают ей справиться с утратой. Слабое сердце пожилой женщины может подвести, и ее дети с внуками останутся совсем одни. Материнский инстинкт заставляет ее смириться с утратой любимого. На похороны пришло много людей: семья, клиенты и друзья. Мистер Нолан был прекрасным человеком, и все люди, знавшие его лично, будут скорбеть о нем. На последнем ряду, вдали от других, сидит и Мередит Ван дер Мер. Девушка не может избавиться от мысли, что в смерти Роберта Nolana есть ее вина. Горький металлический привкус ощущается на ее губах, а жгучее чувство прожигает сердце. На пьедестал поднимается лучший друг адвоката, а по совместительству коллега. Он не хотел, чтобы его речь заставила всех плакать сильнее. Говоря в микрофон, он сдерживает свои слезы и рыдания, которые рвутся наружу. Потерять близкого человека – это всегда тяжело. Мужчина в дорогом черном костюме решает рассказать про все смешные и забавные моменты из университета, где они с мистером Но-

ланом учились. Роберт всегда был тихоней, поэтому неловкость сопровождала его в течение всей жизни.

– Бобби, земля тебе пухом, – в заключение говорит друг. – Мы будем скучать. Надеюсь, встретимся нескоро.

Потихоньку все начинают расходиться. Семья кладет цветы на могилу, друзья выпивают из фляжки бурбон. Только Мередит остается на своем месте. Ее темные очки от Gucci скрывают стыдливый взгляд, она не может даже взглянуть на семью Нолан. Мередит кажется, что ее пальцы натерты до мозолей от затягивания петли на шее невинного мужчины, поэтому на поминках она не появится и сразу уедет в аэропорт. Девушка крепко стискивает букет белых роз, шип вонзается в ладонь, и капелька крови падает на черное платье от Chanel. В такой одежде ей некомфортно. Она сказала правду: Джексон ее изменил.

Кладбище пустеет, и Мередит поднимается со стула. Подойдя к свежей могиле, девушка кладет на нее букет с десятью розами и шепчет:

– Мне очень жаль. Вы столько сделали для моей семьи и для меня. Простите, что впутала вас в ужас семейных тайн. Я обещаю, что все выясню. Виновные поплатятся.

Пока она прощается с мистером Ноланом, черный внедорожник подъезжает ближе к тропе, с которой спустится Мередит. Человек, сидящий за рулем, наблюдает за ней, изучает ее, как ястреб свою добычу. Мер вдруг пробивает дрожь, чутье подсказывает ей, что что-то не так. Она поднимается

на ноги и ступает вниз по тропе. Мужчина выходит к ней навстречу, натянув капюшон черного худи на лоб и поправив широкие темные очки. На улице пасмурно, и его лицо никак не рассмотреть. Незнакомец преграждает Мередит путь к автомобилю и хватает за локоть. На его губах появляется злобный оскал, издали напоминающий что-то человеческое, когда он видит испуг на лице девушки. Она замирает и автоматически тянет руку на себя, но хватка мужчины очень сильна. Мер оглядывается вокруг, ища людей, которые смогут помочь. Мужчина действительно напугал ее. Мередит успевает надумать несколько исходов: ее украдут, ограбят или попросят интервью. Девушка не знает, что хуже. Она с детства готовилась ко всему. Известность отнюдь не всегда приходит из-за скандала, пения, актерства, жизни в мире моды или удачного брака. Главный критерий – наличие денег. Мистер и миссис Ван дер Меер после ужасного позора, постигшего их семью, поняли, что их не оставят в покое, а главное – они будут беспокоить Мередит. С детства они учили ее, как вести себя с надоедливыми журналистами, что делать, если тебя похитят или захотят обчистить, угрожая смертью. Глава семейства предлагал сводить Мер на уроки самозащиты и купить ей небольшой пистолет, но девочка всегда была пацифисткой. Единственный раз, когда она взяла в руки оружие, был тем утром с Маркусом. Она не призналась, но после этого ей снились кошмары, а руки тряслись от ужаса.

Набравшись смелости, Мередит спрашивает:

– Вы что-то хотели?

Незнакомец лишь отвлекает внимание. Пока Мередит сосредоточена на его захвате, она не почувствует, как он приступит к своему плану.

– Простите, что напугал вас, мисс, – очень вежливо говорит мужчина. – Я хотел спросить, все ли с вами хорошо. На похоронах вы выглядели так, словно вот-вот упадете в обморок.

Мередит не успокаивают его слова. Он все еще слишком пугает и держит ее. Мужчина пытается улыбнуться добрее, но ему это совсем не свойственно. Более того, любые нормальные человеческие чувства противоречат его природе. Он часто играл разные роли, но никогда в них не вживался. Все, кто его знал, были едины в одном: этот человек монстр. Чутье вновь не подводит Мередит, оно твердит ей бежать со всех ног. Однако страх парализует ее тело, но девушка еще в силах говорить:

– Спасибо, я в порядке. Вы знакомый мистера Нолана?

Незнакомец усмехается. Сухие губы растягиваются в неприличную для похорон улыбку и отвечает с некой иронией в голосе:

– Очень давний. Я не местный, вырвался на похороны лишь на день. Не подскажете кратчайший путь до аэропорта?

Мередит задумывается, стоит ли ему отвечать, ведь она сама поедет по той дороге. И ее сомнения обоснованы, потому что в будние дни по ней редко ездят автомобили, особен-

но в позднее время. Но эти знания забылись за время отсутствия в Нью-Йорке. К тому же, Мередит очень рассеяна и не может оценить все аспекты сложившейся ситуации. Несмотря на шепот шестого чувства, правильно подсказывающего, что незнакомец врет, она не убегает.

Мужчина вытаскивает свой мобильный и открывает карту.

– Правда, мне очень нужна помощь, – повторяет он, пытаюсь сделать голос милее хоть на десятую долю. В знак доброй воли он отпускает локоть Мередит. – Кто же может лучше знать Нью-Йорк, чем девушка с несколькими поколениями родословной отсюда?

Мередит раздражается. Мало того, что он ее напугал, а теперь явно насмехается над ее происхождением. Чтобы побыстрее отделаться от подозрительного мужчины, Мер объясняет, как легче всего добраться до аэропорта. Но ее нервозность незнакомцу на руку. Бдительность усыплена, и он может незаметно просунуть руку в пиджак и забрать мобильный телефон. Мередит даже не почувствовала, что ее карман опустел. Закончив объяснения, она отходит на безопасное расстояние от незнакомца и прощается по всем правилам этикета:

– Прощу прощения, но я должна ехать. Мой вылет скоро.

Мужчина кивает, незаметно поправив карман толстовки, в которой лежит мобильный Мередит, и обещает:

– Еще увидимся, мисс Ван дер Меер.

«Надеюсь, что этого не случится», – думает Мередит, но вместо того, чтобы озвучить свои мысли, запрыгивает в арендованный BMW и уезжает в отель, где миссис Стюарт сняла ей номер.

Мужчина недолго смотрит ей вслед, а затем садится в свой джип, где его ждет его поделецник. В отличие от своего заклятого друга он не скрывает лица и не наслаждается от происходящего. Для него это скучно, но прибыльно. Зевнув, он спрашивает у мужчины в капюшоне:

–Ты стащил ее телефон?

Незнакомец, улыбаясь как чеширский кот, показывает результат своей уловки и говорит:

– Скачай из него все, что есть. Вдруг у этой сучки есть что-то интересное. И поставь в него жучок. Я хочу знать все. Где она, с кем.

Напарник профессионально снимает блокировку с телефона и с легкостью узнает, где Мер остановилась, во сколько у нее вылет. А еще они знают, по какому пути она поедет в аэропорт. Сейчас они отправляются к ней. Приехав к отелю, подельник скачивает все данные с телефона Мередит, а незнакомец надевает глушитель на пистолет. После наступления темноты девушка выходит из отеля и почти бежит к арендованному автомобилю. Бедная девочка хочет вернуться в *свой настоящий дом* и даже не замечает, что поневоле направляется в ловушку.

Мередит включает радио, чтобы дорога до ангара прошла быстрее. Музыка не помогает, перед глазами появляется образ загримированного мистера Нолана. Вскрытие не сделали, но Мередит представляет, как его тело располосовали длинные красные швы, а кожа светлее, чем простынь, прикрывающая адвоката до груди. Мер настолько погружается в свои мысли, что не замечает автомобиль, стоящий посреди дороги, и едва не врежется в него. В темноте это могло случиться и без странных видений, но водитель очень удачно включает фонарик и машет им. Девушка останавливается и вылезает из BMW.

Ее голос разума молчит. Ситуация кажется невинной: у мужчины сломался автомобиль. Но вот мы уже видели его, когда он взламывал телефон Мередит.

Мер подходит к нему. Мужчина в отличие от своего друга не скрывает лицо. Он отлично изображает растерянность, когда девушка спрашивает:

– У вас что-то случилось? Вам помочь?

– Боже, вы моя спасительница! – голос подельника скрипучий, несмотря на старания притвориться хорошим. – Я совсем потерялся. GPS говорит, что я уже в нужном месте, но это совсем не похоже на отель.

Мередит задумывается, что сегодня все теряются, но в

Хэмптонсе и Нью-Йорке всегда много приезжих. Мер отгоняет от себя эту мысль и показывает нужное направление. Этот мужчина не выглядит пугающим хотя бы потому, что она видит его глаза.

– Вам надо просто ехать прямо, – улыбаясь, помогает девушка. – Я сегодня останавливалась там же. Вывеска огромная и яркая, вы ее точно не пропустите.

Пока два незнакомых друг с другом человека беседуют на трассе, мимо них проезжает джип, который уже появлялся в поле зрения Мередит сегодня, но сейчас она отвлечена. Джип замедляется перед BMW и одним выстрелом пробивает колесо автомобиля. Пистолет бесшумный благодаря заглушке. Все, как надо. Теперь у мужчины в худи есть фора, которая ему была очень нужна. Он съезжает с дороги и делает круг, чтобы позже вернуться и направляться в ту же сторону, что и Мер.

Когда подельник поблагодарил Мередит, они разъехались. Незнакомец быстро скрылся, чтобы не успеть попасть под руку беспомощной даме. Мередит успевает проехать метров десять, когда колесо сдувается. Покрышка стучит по асфальту.

– Черт! – шипит девушка после остановки машины.

Мередит выходит из нее и осматривает колесо. Конечно, у нее в багажнике есть запасное, но она не сможет поменять его самостоятельно. Ситуация кажется безвыходной. Воображение у Мередит разыгралось. В кустах будто сидят волки

и другие страшные звери, тишина так и давит на уши. Вдруг становится необычайно холодно и темно. Мер от страха убегает обратно в машину, поджав хвост. Девушка роется в карманах, ища телефон, но его там нет.

– Нет-нет! – визжит она и ударяет со всей силы по рулю. – Что еще сегодня случится?

Мало того, что в мобильном все ее контакты, но также в нем есть компромат на нее. Если телефон попадет не в те руки, то Мередит Ван дер Меер пострадает. И вероятность этого события стремится к ста процентам.

Так проходит почти полтора часа. Часы показывают десять, и шансы встретить хоть кого-то уменьшаются. Нет телефона, света и людей. Никакой помощи не будет, и Мередит придется спать в машине. Мередит очень хочет к Маркусу, в его объятия. Ей не хватает даже дурацкой футболки Кайла с покемоном и возни в стойлах. Мысленно она обещает Карле мыть ее все лето и убирать конюшню, если кто-то сейчас проедет рядом и поможет ей. Девушка уже готова разрыдаться, но яркий свет фар заставляет слезы отступить. Мер выпрыгивает на дорогу и начинает махать руками, подпрыгивая на каблуках. Черный джип притормаживает, и мисс Ван дер Меер уже бежит к людям, чтобы умолять о помощи и видит знакомое худи. Ее отталкивает словно невидимая сила, но другого выхода нет. Зловещая улыбка под капюшоном пугает. Мужчина злорадно говорит:

– Я так и знал, что мы еще свидимся, мисс Ван дер Меер.

Мередит глотает ком страха, вставший поперек горла, и поправляет пиджак, закрываясь в него, как в броню. Мурашки пробегают по ее спине и отнюдь не от холода.

– Мое колесо лопнуло, и я потеряла телефон, – объясняет девушка. – В багажнике есть запасное, но я не умею их менять. Не могли бы мне помочь?

– Вам повезло, мисс, что я задержался в городе, – незнакомец выходит из своего джипа и помогает достать чемодан и сумку Мередит из багажника.

Пока девушка отвлеклась, он подкинул ей разряженный телефон. Девушка спишет все на усталость и ничего не заподозрит. Он подкрадывается к ней, встает за спиной и говорит:

– А есть какие-то инструменты?

Мередит представляет, как он берет ключ или другое железное приспособление и ударяет ее по голове. Сама не понимает, почему у нее возник такой образ, но она снова отгоняет от себя страшные мысли и кивает.

В бардачке есть еще и отвертка. Она острая и вполне может проткнуть не только платье, но и живот.

Маркус

Прошло тридцать пять часов с того момента, как уехала Мередит. Она обещала вернуться, но что-то меня беспокоит. Паранойя? Скорее всего. В Нью-Йорке ее ничто не держит, а

здесь? Что я могу предложить ей? Любовь – это перебор. Не с нашим прошлым. То, что происходит между нами, волнует меня, пробуждает что-то, о чем я давным-давно позабыл. Я хочу обладать ею, прижимать к себе и не отпускать. Никогда.

В мою голову летит полотенце. Я поднимаю взгляд и вижу, как Кайл машет мне руками, выводя из мыслей. Мы решили обустроить передний дворик. Дом оживился с приходом Мередит, но внешне все еще напоминает наше пустое и безликое прошлое. Мы с Кайлом решили сделать сюрприз Мередит и посадить цветы, названия которых я не запомнил. Я отбирал цветы в магазине так: они должны быть красивыми и неприхотливыми. Из нас вышли те еще садовники. С одного кустика отвалились почти все лепестки.

– Пап, ты меня вообще слушаешь? – ворчит Кайл, вытирая пот с лица.

Я даже не пытаюсь притвориться, что слушал парня, и отрицательно качаю головой.

– Прости, задумался, – отвечаю я и поднимаю кинутое Кайлом полотенце. – Я отвлекся на моменте, когда ты начал говорить о вечеринке. Хотя должен говорить об учебе и стажировке.

Кайл закатывает глаза и со всей силы вонзает лопату в землю. Он надувается и отворачивается. Теперь я закатываю глаза. Он ведет себя, как ребенок, хотя давно уже взрослый лоб. Меня все еще приводит в ярость тот факт, что он бросил учебу. Дело совсем не в деньгах, потраченных на универси-

тет. Я не хочу, чтобы он стал очередным мажором, живущим за счет трастового фонда.

– Ладно, прости, – говорю я. – О чем ты хотел сказать?

Кайл делает глубокий вдох и выпаливает:

– Я натворил дел.

Прикрыв глаза, снимаю перчатки и массирую виски. Почему я не удивлен? Но если я скажу ему, что думаю, Кайл не заговорит.

– Что именно? – спрашиваю я.

Кайл плюхается на стульчик, на котором стояли цветы, сдувает со лба упавшие волосы и поджимает губы. Он словно боится начать. Или даже стесняется. Это удивительно: обычно Кайл выбалтывает все, что у него на душе, легко. Я подхожу к нему и кладу руку ему на плечо, подбадривая.

– Я думал об этом и... кажется... – Кайл выдыхает и краснеет, черт побери. – Мне нравится Мередит.

Меня будто ударили под дых. Из легких вышибает весь воздух. Ситуация за секунду стала нерешаемой. Мне стало стыдно не потому, что я трахаюсь с девушкой, которая нравится моему сыну, а потому, что я заревновал. Кайл молодой, веселый. Они подходят друг другу по всем стандартам общества. Но я не могу отдать Мер никому, даже приемному сыну, которого я растил много лет. Я никогда не был собственником, однако сейчас совсем другой случай. Кулаки сжимаются, ревность проникает под кожу, движется к сердцу и хватает его в свои тиски. Мне надо что-то сказать, но

Кайл меня опережает:

– Это еще не все...

– Выкладывай, – хрипло выдавливаю я.

Кайл берет за голову и со стоном добавляет:

– Я переспал с Лекси на той вечеринке.

А Мередит со мной... несколько раз... Не уверен, что хуже. Как я уже говорил, Кайл никогда не держит в себе информацию. Дело в том, что Лекси сохла по Кайлу не один год, да и до сих пор она не ровно дышит к нему. И девственности лишилась она с ним. Лекси попросила его сделать это по дружбе, однако Лу наорала на меня и сказала, что девочка надеялась на взаимность ее чувств. Теперь ситуация превратилась в какой-то любовный многоугольник. Лекси влюблена в Кайла, которому нравится Мередит. Та самая, с кем трахаюсь я. Моя женщина. О, еще Лекси – подруга Мередит, а Кайл – мой сын.

Господи, за что мне это? Я такими темпами поседею до сорока лет или поймаю инфаркт.

– Что мне делать? – спрашивает Кайл. – Признаться Мерво всем или не упоминать, что я переспал с ее подругой?

– Я не знаю, Кайл, – сдерживаю все, что вертится на языке. – Ты уверен, что тебе нравится Мередит?

Кайл кивает.

– Она милая, красивая и добрая, но при том, что она очень тихая, Мередит веселая, – от его улыбки мне хочется вырвать себе глаза. Инстинкты кричат о том, что мою добычу

хотят отобрать. Это просто смехотворно. Мередит не кусок мяса, но именно так я чувствую сейчас. – Вряд ли она воспринимает так же. Мы вроде сдружились, но не более. Пока она держится довольно холодно. Ты не знаешь, у нее кто-то есть?

Я качаю головой. Не могу же я сказать, что мы... вместе? Встречаемся? Трахаемся у тебя под носом, черт побери?

– Ладно, я пойду убирать амбар, па, – слава Богу, Кайл решает закончить эту пытку. – С тебя обед.

На шатающихся ногах ухожу домой и первым делом набираю Мер. Пять звонков так и не доходят до нее. Мы с Кайлом едим и расходимся по своим углам. Я дергаюсь от каждого уведомления, но все они не от Мередит. Наверное, она все еще на похоронах, однако сейчас меня не волнует ни этика, ни мертвый адвокат. Какого хрена она может черкнуть мне гребаное сообщения, чтобы я прекратил или пошел в задницу? Я просто хочу увидеть ответ. Любой. Даже согласен на вариант, в котором она остается в «большом яблоке». Тогда нам с сыном не придется соперничать за девушку. Хороший отец должен уступить, но кто сказал, что я хороший? Мое – это только мое. Так было и будет всегда.

Вру, так было не всегда. Сюзен Ван дер Меер не стала моей. Она стала миссис Хиггинс. Не знаю, случилось это официально или нет. Но Мередит не Сюзен. Детская влюбленность не та страсть, которая сейчас есть между мной и Мер.

Время уже позднее, а Мередит так и не ответила. Я позво-

нил двадцать семь раз и оставил сотню сообщений только за последний час.

– Мередит Ван дер Меер, если ты не ответишь мне, я сошлю тебя спать в амбар, – шиплю я.

Убрав телефон, уставляюсь в потолок спальни. Жду несколько минут, снова беру мобильный и записываю новое сообщение на голосовую почту:

– Мередит, черт побери! – сил нет, потираю виски и закрываю глаза. – Я нахрен отшлепаю тебя так, что ты не сможешь сидеть! Какого дьявола ты не отвечаешь?! Ты в курсе, что телефоны изобрели для поддержания связи? На звонки, блять, надо отвечать! Ты...

– Голосовая почта переполнена, – вдруг прерывает меня механический голос.

– Блять! – кидаю телефон на кровать.

Мередит сказала, что вернется поздним вечером, однако ее нет. Кажется, я начинаю паниковать. Что, если ее обчистили и угнали автомобиль? Или похитили саму? Выкуп просить не у кого, к деньгам доступа у Мередит нет, а это значит, что заплатить за свободу она не сможет. Ее могли избить или хуже...

Дьявол! Давно ли я стал таким паникером? Мало ли что могло случиться.

Женщина, организовавшая аукцион в мае, должна знать, когда был вылет. Мередит дала мне ее номер. Очень удачно. Листаю СМС с флиртом и ссорами и нахожу нужный номер.

В отличие от Мередит женщина отвечает сразу:

– Мистер Монтгомери?

Мой номер у нее сохранен. Отлично. Делаю глубокий вдох, чтобы хоть немного успокоиться, и говорю:

– Не очень добрый вечер. Где Мередит?

Женщина, чье имя я не удосужился запомнить, не торопится отвечать. Я повторяю свой вопрос.

– Я не знаю, – признается она. В ее голосе улавливаются нотки волнения, что совсем меня не успокаивает. – Я связывалась с пилотом. Вылет должен был быть более двух часов назад, но мисс Ван дер Меер так и не взошла на борт.

Мир потихоньку уходит из-под ног. Сердце чувствует, что что-то случилось. В ночь пожара я проснулся до того, как учуял запах гари. Точно такое же ощущение вырвало меня из снов и заставило бежать вниз. Куда сейчас я должен бежать?

– Держите меня в курсе, – выдавливаю я и отключаюсь.

Безысходность – ужасное чувство. Я не могу ничего сделать, не могу уехать отсюда и не могу спасти Мередит. Я бессилен. Бродя по комнате, копаюсь в своей голове. Стоит ли звонить в полицию? Я же даже не знаю, где были похороны и где останавливалась Мередит. Поместье Ван дер Мееров сгорело, и ей оставалось жить только в отелях Хэмптона, чтобы попасть на кладбище не вечером. Господи, я давно вышел из общества нью-йоркской элиты и не знаю ничего, что может помочь полиции.

Телефон вибрирует на постели, и я вижу имя потерянной

девушки на дисплее. Кровь ударяет в уши. Быстро прикладываю мобильный к уху и с надеждой в голосе шепчу:

– Мередит? Это ты?

Мне отвечает не знакомый ласковый голос, иногда слишком тихий, волнующий сердце, а низкий баритон с модулятором голоса:

– Не угадал! Мередит сейчас немного занята, поэтому мы можем поговорить, Маркус.

Теперь последние частички реальности, державшие меня на плаву, испаряются. Мое шестое чувство подсказывало, что что-то не так, но я упрямылся, как баран. Сердце словно останавливается, а потом скачет галопом в груди.

– Кто это? И где Мередит? – спрашиваю я, хотя чертовски боюсь узнать ответ.

Человек на линии надменно вздыхает и раздраженно, но с ноткой наслаждения замечает:

– Ты не в том положении, щенок, чтобы задавать мне вопросы! Ладно, это было грубо. Давай сыграем игру?

Программа изменения голоса делает свою работу безупречно: я не могу определить ни пол, ни возраст, ни акцент. На ватных ногах спускаюсь вниз и иду в спальню Кайла. Надо вызвать полицию.

– Маркус, советую ответить, иначе твоя подопечная... – незнакомец делает паузу, затем он издает смешок. Какой-то злобный и настораживающий. – Или лучше сказать «твоя шлюха»? Я нашел интересное видео на ее телефоне. С

виду приличная маленькая девочка, а на самом деле шлюха. Мередит – дочь своей матери. Хотя она, наверное, даже превзошла Сьюзен. Покойная миссис Хиггинс не раздвигала ноги перед мужчиной, который на пятнадцать лет старше ее. Вы сгорите в аду, грешники!

Я замираю перед дверью в комнату Кайла и, развернувшись, иду в кухню. Этот человек нашел еще один рычаг давления. Наши отношения всегда были и будут под запретом. Мистер и миссис Ван дер Меер в гробу перевернулись бы, если бы узнали про них. А про родителей Мер, моих некогда друзьях, я даже думать не хочу. Их ужас меня бы обрадовал.

– В какую игру ты хочешь сыграть? – не имея выбора, я иду на его поводу.

Вновь слышится смешок, но на этот раз одобрительный. Незнакомец доволен моим ответом.

– Игра очень интересная, – размеренно произносит он. – Называется «мои вопросы – твои ответы». Ты готов сыграть, Маркус Монтгомери?

Сжимаю телефон в руке настолько крепко, насколько могу. Пластиковый чехол хрустит от натиска моей ладони. Образ Мередит появляется перед глазами. Я запомнил каждую ее черту, запечатлел ее образ, пока она спала в моих объятиях. Русые волосы разлетелись по подушке, густые ресницы тряслись, пока Мер витала во снах. Губы были приоткрыты. Мередит мило наморщила носик и терлась им о мою грудь, словно нащупывала тепло.

Мне физически больно думать о девушке, заполнившей мои мысли, мою жизнь. В голове проносятся все обидные слова, поступки в сторону Мередит, и стыд ударяет меня по голове огромной кувалдой. Она не заслужила этого дерьма, а я не заслужил ее. Мер должна быть живой, иначе я никогда себя не прощу.

– Дай ей трубку, – я почти молю.

Незнакомец цокает и приговаривает:

– Игра, игра, игра. Или пуля в ее прекрасное личико. Пуля, пуля.

Я рычу и сдаюсь.

– Я согласен! Спрашивай, что угодно, я отвечу.

Пауза длиною в пару секунд растягивается на целую вечность. Незнакомец начинает напевать какую-то песню, которую я точно слышал, но разобрать не могу из-за модулятора. Он что-то бормочет, и слова превращаются в шипение.

– Придумал! – восторженно объявляет человек. – Раз уж я начал говорить про одно занимательное видео, то давай продолжим.

Мое дыхание замирает. Я забываю, что мне нужен кислород, и опираюсь рукой на столешницу, крепко сжав ее.

– Она была девственницей, когда ты ее трахнул? – вопрос чудовищный.

Никто не имеет право спрашивать о таком. Не хочу отвечать, зато блевать меня тянет. Однако выбора нет, и я выдавливаю из себя:

– Да.

Я подчиняюсь, как мелкая забитая шавка. Я словно вновь оказался в том подвале, где был вынужден вести себя так, как хотел отец. Безропотный, слабый и жалкий мальчик. Сколько раз клялся, что никогда снова не опущусь до такого, и облажался. Ради Мередит я готов опозорить и себя, и ее, и свою фамилию. Так я себя хоть немного успокаиваю.

– И какого было лишить эту сучку единственного чистого, что у нее было? Ты наслаждался, пока вставлял мелкой девочке, думая о ее матери? – второй вопрос становится еще хуже.

Преступник не первый, кто спросил об этом. Сюзен – последнее, о чем я думал, занимаясь любовью с Мередит. Признаюсь, что в наш первый раз, когда Мер сказала, что не хочет оставаться одна, я увидел лицо ее матери. Но не вместо дорогой мне девушки. Призрак Сюзен встал у изголовья и смотрел на меня с мольбой. Она была точно такой, какой я ее запомнил: волосы цвета пляжного песка собраны лентой на затылке, руки и ноги подтянуты из-за регулярных тренировок, выпирающий животик, свидетельствующий о беременности. Не знаю, игра подсознания была для того, чтобы я остановился или наоборот продолжил.

– Я думал только о Мередит, – шиплю я. – Дай ей трубку!

Незнакомец цокает, и по этому звуку легко понять, что это намек. Я должен заткнуться.

– Ты нарушаешь правила, Маркус, – вряд ли он из тех,

кто предупреждает. Не сомневаюсь, я получу наказание. – Я меняю нашу игру и добавляю нового участника. Зови Кайла, пусть щенок послушает нас.

– Он не имеет к этому отношения, сукин сын! – рычу, как раненый зверь. Подбитый волк на дороге – вот кто я.

– Он Монтгомери, а значит замешан с самого рождения, – усмехается похититель. – Не волнуйся, я не расскажу ему ваш грязный секрет. Вряд ли мальчик знает, что происходит у него под боком.

Я молчу. Одно лишнее слово – я лишусь не только Мер, но и Кайла. Если он испытывает к Мередит чувства, то не простит мне этого. Но пусть лучше оба будут живы, а сын возненавидит меня, чем кто-то из них пострадает.

– Советую быстрее его позвать, потому как я отлично стреляю даже в темноте, а твоя подружка у меня на мушке, – преступнику скучно. – Мозги будут сочетаться с ее белокурыми волосами.

Едва сдерживаю рвотный позыв и желание заорать. Вместо этого я выключаю микрофон, ставлю телефон на громкую связь и зову Кайла. Мои руки трясутся, легкие сдавлены, словно у меня сорокалетний опыт курения, а сердце разрывается. Голос срывается на имени сына. Кайл приходит на кухню, зевая. Он не спал и все еще ждал Мередит. Увидев мою бледную физиономию, он спрашивает:

– Что с Мер?

В горле пересохло. Пытаюсь протянуть руку, чтобы под-

готовить Кайла, но не могу преодолеть свои страх и боль. Впервые за долгое время я думаю о себе больше, чем о названном сыне, чью жизнь я поставил на первое место много лет назад.

– Мередит в опасности, – мой голос надламывается. – Человек на проводе угрожает убить ее, если я не отвечу на его вопросы. Он...

Из динамиков издается мое имя, а следом идет очередная угроза:

– Могу предложить еще один вариант: пуля в сердце. Немного драматично, не думаешь?

Глаза Кайла округляются. Лицо бледнеет за секунду. Он хватается за столешницу, удерживая равновесие. Одними губами он спрашивает, что происходит, но вместо ответа я включаю микрофон и говорю в трубку:

– Кайл здесь.

Я мог бы попросить его позвонить копам, чтобы те услышали разговор и все угрозы незнакомца. Но этого нельзя допустить, потому что завтра же я могу оказаться в тюрьме, Кайл — без гроша на улице, а Мередит — в гробу, в семейном склепе Ван дер Мееров, где лежат ее бабушка и дедушка.

– Здравствуй, щенок. Я рад нашему знакомству, – скрипучий голос модулятора звучит немного по-другому. Сейчас он словно больше заинтересован в разговоре. – Вернемся к игре, грешник. Зачем ты заплатил сенатору Льюису и Россу Кингу?

Вот и опасения подтверждаются. Этот подонок знает все. Не могу взглянуть на Кайла, так как просто не хочу видеть его лицо, когда он поймет, что все наше семейство прогнило. Отец был фанатиком и убийцей, брат сбежал и обрек меня на все страдания, а мать закрывала на все глаза, пока не запахло жареным. Она допустила побег моего брата, позволяла совершать все зверства, а развелась лишь потому, что поняла, что и ей может достаться. О нас с братом она никогда не думала. Жаль, я поздно осознал это и оплакивал ее.

– Чтобы закрыть долги отца, – начинаю я. – Он и его дружок по шизофрении убили пятерых управляющих компании Кингов, в том числе и Лукаса Кинга. Квентин был причастен к взрыву его компании, и Росс Кинг начал угрожать мне и моему племяннику. Сенатор был в курсе некоторых дел, закрывал на них глаза, но все же было рискованно оставлять его с открытым ртом.

– Разве они не были правы? Разве эти нелюди не заслуживали своей доли? – вопрос скорее риторический, потому что сволочь не дает мне времени ответить и продолжает: – Как и Мередит Ван дер Меер, они заслуживают всего ужасного. Прелюбодеи, лжецы, алчные мелкие людишки, возмнившие себя богами. Мередит такая же грязная и отвратная. От нее разит предательством. Я могу избавить вас обоих от этой угрозы и убить ее. Для фотографий в прессе лучше оставить ее лицо в целости, не так ли? Но я могу вытащить из нее все запачканные в грехах органы и кровь. Пусть хоть

немного она очистится.

– Не тронь ее! – Кайл рывкает быстрее, чем я успеваю его заткнуть. Сердце замирает, а рука тянется, чтобы закрыть рот племяннику.

Мы стоим на краю, опасно сейчас делать что-то, что разозлит его или ее. Подчинение – наш путь к спасению Мередит. Кайл не понимает этого, и я не могу его винить.

–Хм, а у щенка уже прорезались зубки? – дикий смех из-за модулятора кажется не просто жутким, а дьявольским. – Беги от греха, как от лица змея; ибо, если подойдешь к нему, он ужалит тебя. Зубы его – зубы львиные, которые умерщвляют души людей.

Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова, глава двадцать первая.

Эту строчку я учил наизусть много лет назад. Отец выбивал из меня все живое и повторял ее часами.

Незнакомец отключается. Его вопросы закончились, а Мередит все еще в опасности. Под руку попадается графин, я беру его и швыряю в стену. Мелкие осколки катятся к ногам и врезаются в ступни. Хватаю телефон и звоню:

– Полиция Нью-Йорка? У нас похищение. Некто похитил Мередит Амелия Ван дер Меер, угрожал убить ее, позвонив мне с ее мобильного.

Прошло почти пять часов после звонка похитителя. Полиция встала на уши: дело года попало к ним в руки. Кайл вышагивает по гостиной, не успокаиваясь ни на секунду. У меня нет даже сил, чтобы наорать на него. Я не чувствую свои конечности, язык. Тело словно покрылось льдом. Вдруг мой телефон наконец издает громкую мелодия, и я резко прихожу в себя и беру трубку. Миссис Стюарт произносит заветные слова:

– Пилот звонил из ангара. Мередит приземлилась сорок минут назад и уже выехала...

Если она сказала что-то еще, то я уже не слышу. Мередит – целая и невредимая – заходит в гостиную. Ее глаза выглядят уставшими, волосы немного растрепаны, под глазами отпечаталась тушь, но Мер жива. Ее никто не тронул. На прекрасном лице Мередит появляется извиняющаяся улыбка. Затем она видит наше состояние и говорит:

– Простите за задержку, у меня лопнуло колесо посреди дороги...

Мер запинается, снова оглядывает наши ошарашенные лица и спрашивает:

– Я что-то пропустила? Не говорите, что кто-то умер. Опять.

Никто не умер, но я был очень близок к этому.

Мереди́т жива. Она вернулась ко мне.

Глава 22

Мередит

Мало того, что я проторчала на трассе несколько часов, телефон какого-то черта оказался в багажнике. Он сел, и я не могла ни с кем связаться. Надеюсь, Маркус не переживает и сладко спит. Такси подъезжает к особняку, в котором, к сожалению, горит свет.

Дьявол!

Расплатившись с таксистом, забираю свой чемодан и иду в дом. Кажется, с меня потребуют объяснения... Когда я открываю дверь, меня встречает чересчур напряженная тишина. Ее прерывает телефонный звонок. Пробираюсь в гостиную и вижу лица Маркуса и Кайла. Очень бледные, как белый снег, только выпавший на землю.

– Простите за задержку, у меня лопнуло колесо посреди дороги... – я запинаюсь.

Моя полуулыбка, которую я натянула, готовясь к извинениям, пропадает. Такое выражение лица не ведет ни к чему хорошему. Что-то недоброе явно произошло. Отпускаю ручку чемодана, кладу руки на груди и спрашиваю:

–Я что-то пропустила? Не говорите, что кто-то умер.

Опять.

Вообще терять мне некого. Только миссис Стюарт осталась из близкого круга бабушки и дедушки, но такси из ангара заказала мне она, так что женщина точно жива. Умирать некому.

Кайл подрывается с места, подбегает ко мне и обнимает. От неожиданности я вздрагиваю и поднимаю руки. Его руки сжимают мою спину, поглаживая ее, затем вдруг отрывает меня от пола и кружит.

– Господи, мы думали, что тебя убили, – тараторит парень. С чего меня должны были убить? Нет, я тоже подозревала, что меня может убить странный мужчина, встретивший меня на кладбище, а потом поменявший колесо на машине. Паранойя – странная штука. – С твоего телефона звонил странный человек, угрожавший, что пришьет тебя. Рассказывал разное про папу...

– Я рад, что ты в порядке, – прерывает Кайла Маркус. – Я позвоню в полицию, скажу, что все хорошо.

Мой телефон все-таки украли, а тот человек подкинул его назад. Мурашки ползут по телу, а спину обдувает холод неслучившейся смерти. Что, если он проколол шину и наблюдал за мной, пока говорил с Маркусом? Боже мой... Сначала пожары в поместье Ван дер Мееров и здесь, а сейчас это? Наверное, стоит задуматься об охране или научиться базовой самообороне. Да и за вещами надо лучше следить, а заодно не разговаривать ни с кем.

Перевожу взгляд на Маркуса. Его глаза стеклянные и пустые. Я не могу прочесть в них его эмоции, хотя думала, что мы наконец открылись друг другу. Слов, что он сказал, немного задела меня. Ни объятий, ни улыбки, ни колкости – абсолютно ничего. Маркус просто забирает свой телефон и уходит наверх. Сердце сжимается не от страха, а от боли. Почему он так холоден? Я высвобождаюсь от объятий Кайла и успокаиваю его:

–Я в порядке, но очень устала. Давай поговорим завтра?

Кайл без особого желания соглашается и, чмокнув меня в лоб, уходит. По нему видно, что он утомился, и если бы я была хорошим другом, то посидела бы с ним, поговорив. Но сейчас я слишком озадачена поведением Маркуса. Какая собака его укусила? Он никогда не вел себя... так. В первое время он, разумеется, был холоден, но искрил колкостями и подшучивал.

Снимаю туфли, беру их в руки и иду следом за Маркусом. Весь день хотела сбросить с себя каблуки и узкое платье, в которое меня одели стилисты. Ступни отекли, пальцы онемели. Холодное дерево лестницы снимают боль. Маркус оказывается не в кабинете и не разговаривает с полицией, как я предполагала. В ванной шумит вода. Кажется, ему не терпелось смыть с себя сегодняшний день. Осторожно открываю дверь.

Спасибо, что не закрыл, Монтгомери.

Маркус стоит в душевой кабине, опираясь руками в сте-

ну. Тонкие струи с силой отскакивают от его тела. Пар от горячей воды клубится в воздухе, скрывая от меня некоторые детали. Но глаза – пронзительно голубые и волнующие мое существо – я вижу четко. Они такие же бесстрастные, холодные и отстраненные. Пусть маску на лице Маркус держит под контролем, но каждая его мышца напряжена. Мужчина опускает голову, позволяя воде окутать его целиком. Бесшумно расстегиваю платье и кидаю его на коврик. Следом летит белье. На носочках пробираюсь к Маркусу и обвиваю могучий торс руками, прижимаясь грудью к его спине. Мужчина вздрагивает, но больше никакой реакции нет. Я провожу пальцами от его пупка до грудной мышцы и целую в лопатку. Все еще никакой реакции.

– Маркус, прости, что так произошло, – я решаю заговорить первой. – Если бы могла, то позвонила обязательно.

Его грудь резко вздымается от учатившегося дыхания. Маркус сопит, будто злая собака. Что за чертовщина? Разве не я должна молчать и вести себя странно, ведь все-таки меня вроде как хотели убить?

– Поговори со мной, пожалуйста, – молю я. – Мне жаль...

Маркус резко отодвигается и скидывает мои руки с себя. От такой реакции я ахаю.

– Пожар должен был заставить тебя задуматься, – хрипит Маркус. Затем он издает разъяренный рык и продолжает: – Ты не должна была ехать в гребаный Нью-Йорк, блять! Только когда ты здесь, я могу быть уверена, что ты в безопасно-

сти. Куча мразей хочет получить твои деньги или тебя, а ты как дуручка не заботишься о своей безопасности.

От удивления открываю рот. Такого я точно не ожидала. Глаза начинает щипать от подступающих слез. Его слова ранят. Он не понимает, что я чувствую из-за смерти мистера Нолана? Не понимает, что он был мне небезразличен?

– Мистер Нолан умер из-за меня! Разве ты не понял этого? – мой голос дрожит от сдерживаемых слез. – Что бы ты не говорил, я была обязана туда вернуться! И когда-то мне придется сделать это вновь! Однажды настанет день, когда я должна буду уехать.

Маркус резко разворачивается ко мне лицом. В его глазах пылает неистовый огонь. От одного его взгляда я хочу сжаться, но сдерживаюсь. Маркус не должен видеть, как больно мне слушать его и говорить такие слова. Его сырые волосы падают на скулы, очертив выразительные черты лица. Пряди потемнели, поэтому глаза будто светятся. Маркус оскаливается, его ноздри раздуваются. С его губ срывается ядовитый смешок.

– Ты спешишь уехать отсюда? Хочешь вернуться в «Большое яблоко»? – выплевывает Маркус.

Я хватаюсь за голову. Моя голова соображает плохо, и я не готова к ссоре. Не сейчас.

– Что ты, черт возьми, несешь, Маркус? – устало стону я. – Почему ты злишься?

Мужчина прикрывает глаза. Длинные черные ресницы

дергаются. Маркус вроде успокаивается, и я решаюсь подойти ближе. Кладу руки на его грудь, и мужчина снова свирепеет. Но на этот раз я не отстраняюсь. Венка на лбу Маркуса пульсирует, рассеченные шрамами брови. Архангел на его левом плече будто плачет из-за текущей на него воды. Поднимаюсь на носочки, целую Маркуса в лоб, в каждый шрамик, скулы и нерешительно тянусь к губам. Мужчина вдруг одной рукой хватает меня за шею сильнее, чем надо, а второй сжимает затылок и натягивает на кулак мои волосы. Притянув к себе, Маркус обрушивает на мой рот все свои чувства. Он буквально проталкивает свой язык в мой рот. Я ахаю от его напора и сумасшедшей смеси чувств, что таятся у него в голове. Маркус, придерживая мои волосы, опускает руку к ягодицам и стискивает одну. Я мгновенно растворяюсь в поцелуе. Ссора, похищение мобильного, угроза моей жизни тут же уходят на второй план, а может и дальше. Плевать на все кроме Маркуса, его рук на моем теле. Никогда я не испытывала настолько дикую страсть. Мы занимались сексом после скандалов и ссор, даже после того, как я целилась в Маркуса из ружья, но такое происходит впервые.

Губы распухают и болят, а тело горит. Я толкаю Маркуса к стене, мы врезаемся в нее, не отрываясь друг от друга. Мы превращаемся в необузданный ураган, который никто не сможет удержать. Горячая вода – и как он моется под таким кипятком? – льется в глаза и уши, обволакивая нас, словно мы одно целое. Маркус спускает руки на мои бедра, закиды-

вает одну ногу на свое тело и пальцами добирается до внутренней поверхности, все ближе подбираясь к моей киске. Рефлекторно выгибаюсь к Маркусу и стону в его рот.

– Прости, я не должен был орать на тебя, – оторвавшись от моих губ, шепчет мужчина.

Я беру его лицо в ладони и смотрю в два прекрасных топаза. Лед растоплен, гнев отступил. Теперь в его глазах читается отчаяние, боль, страх и сожаление. Я впервые вижу Маркуса уязвимым. Он никогда не позволял мне увидеть ту часть себя, что скрывает за собой тягости прошлого, все страхи и травмы. Сердце словно пронзают иголки. Маркус открылся мне, и это одновременно пугает и радует. Не могу сдержать всхлип и снова впиваюсь в его губы.

– Прости, я не хотела тебя пугать, – так же тихо отвечаю я. – Но теперь я здесь. Мы вместе, и никто и ничто нас не разлучит.

Маркус смотрит на меня с тоской, улыбается одними губами и проводит тыльной стороной ладони по моему мокрому лицу. Жест, его поведение и выражение лица очень странные. Такое ощущение, что он прощается. Возможно, Маркус воспринял мои слова о вынужденном отъезде слишком буквально. В свой следующий поцелуй я вкладываю все: дикость, страсть, нежность, благодарность и... любовь. Неввероятно, но это правда. Каждая частичка меня кричит, что я открыла свое сердце. Не родителям, не знакомым, а ему – человеку из прошлого. Осознание чуть ли не сбивает меня

с ног.

Маркус кладет руку между моих ног и по-свойски захватывает мою киску в тиски. Тело обдает жаром не от воды, а от касаний грубых мозолистых пальцев. Выгибаю спину, как кошка, и всхлипываю. Хочу почувствовать Маркуса в себе, ощутить, как наши тела сливаются в одно целое. Но в нашем сексе – нет, в занятиях любовью – Маркус всегда думает о том, как доставить удовольствие мне. Возможно, дело было в том, что он боится меня напугать и старается все контролировать. В том числе и себя. Сейчас я хочу забрать у хотя бы часть контроля, помочь ему расслабиться и забыться. В первый раз доставить ему удовольствия, не получая его в то же время. Не отрываясь от его губ, шепчу:

– Я хочу кое-что попробовать.

Когда я расцепляю свои руки и опускаюсь перед Маркусом на колени, глаза мужчины вспыхивают, а глаза удивленно расширяются. Правой рукой обхватываю его «мужское достоинство» и, исподлобья взглянув на него, прошу:

– Научи меня, Маркус. Я хочу сделать тебе приятно.

На лице мужчины вспыхивает удивление. Маркус в замешательстве оглядывает меня, открывает рот, но не может ничего сказать. Его член твердеет, как камень. Готовый к действию. Провожу языком по солоноватой головке, наблюдая, как меняется лицо Маркуса. Веки вздрагивают и прикрываются. Кажется, инструкции не будет. В девятнадцать лет я ни разу не делала минет, поэтому понятия не имею, что делать.

Я видела несколько видео для взрослых, однако научиться не успела. Придется делать все на ощупь. Обсасываю головку – Маркус издает гортанный рык и хватается руками за стены. Вода стекает мне по спине, иногда капли попадают в глаза, что не очень приятно, но видеть, как мужчина, крепкий, немного пугающий, грозный и прекрасный, находится под моей властью. Маркус запрокидывает голову назад и хрипло стонет. Его реакция придает мне уверенность, и я решаюсь взять член мужчины в рот до самого упора. Он не помещается во всю длину. «Добро» Маркуса очень большое и толстое. Хотя я и не жалею.

– Дьявол! – шипит Маркус, шумно втягивая воздух через нос, и хватается меня за волосы одной рукой, удерживая равновесие. Он оттягивает хвост назад, и мне становится немного больно, но в то же время и приятно. – Продолжай, Мередит!

Я обсасываю, покусываю член. Провожу языком по всей длине, оттягиваю нежную плоть, беру «мужское достоинство» ладонью и начинаю водить вперед-назад под звуки мужских стонов. Затем снова беру его в рот.

– Мер... – голос Маркуса предупреждающе понижается.

Мужчина пытается отобрать контроль у меня и отстраниться, но я не выпускаю член из рта, продолжая ласкать его. Мускулистое тело начинает содрогаться, хватка на мгновение усиливается, но потом Маркус кончает. Его семя извергается в мой рот, рука на моей голове расслабляется. Маркус не падает, удерживаясь на ногах. Я глотаю его спер-

му, вытираю уголки рта, словно это какая-то вкусняшка, и поднимаю взгляд на мужчину. Его глаза застилает пелена возбуждения. Поднимаюсь с колен и спрашиваю самым невинным голоском:

– Я справилась?

Вместо ответа Маркус рычит и подхватывает меня на руки. Я обнимаю его за шею, а ногами облепляю его торс. Когда моя грудь прижимается к его, член Маркуса снова твердеет и упирается в мою киску. Он снова готов и голоден.

– Да, черт возьми, – хрипит Маркус. – Теперь моя очередь выдалбливать из тебя все нутро.

Не могу унять дрожь, появившуюся в конечностях. Маркус целует меня и ставит на ноги. Я немного расстраиваюсь из-за того, что мы останемся здесь, а не переместимся на удобную кровать, хотя и не хочу терять ни единой секунды. Прорывав, Маркус разворачивает меня лицом к стене, прижимает к холодной плитке и сам опускается на колени так же, как я делала несколько минут назад. Мужчина приподнимает мое бедро над головой и впивается в мою промежность, будто она сладкий фрукт. Маркус пожирает киску, но кажется, что его язык касается каждой клеточки моего тела. Прижатая к стене, я полностью в его власти. Если Маркус попросит, я залаю, закукарекаю. В общем, сделаю все, что он хочет. Какой бы глупой просьба не была, я готова на все.

Маркус впивается пальцами в мои ягодицы с такой силой, что мне, наверное, будет неприятно сидеть. Я не могу сдви-

нуться, плечо слегка побаливает из-за твердой стены. Мое лоно сокращается, низ живота напрягается и дергается. Язык Маркуса обласкивает клитор, заставляя мои колени подгибаться и сотрясаться от удовольствия.

– Господь всемогущий... Маркус! – стону я. – Я не... могу... могу... сдерживаться!

Теплый шершавый язык сдвигается в сторону моего входа, пока пальцы Маркуса надавливают на клитор. Он стискивает киску. Кончик языка входит в меня и выходит. Движения повторяются, доводя меня до экстаза. Я не сдерживаюсь и чуть ли не кричу от удовольствия. Не хочу сдерживаться. Ласки усиливаются, движения становятся резче, глубже и напористее. Нежность присутствует, но ее мало. Хотя она и не нужна. Нежностью пропитаны наши чувства. Мы знаем о них, и это главное.

Оргазм, большой и необузданный. Взрыв наслаждения, пропитывающий каждый уголок моего тела. Рот приоткрывается, веки наливаются свинцом и тяжелеют. Я с большим трудом делаю глоток воздуха. Вода будто стала ледяной из-за распалившейся кожи. Маркус встает на ноги и, не давая мне шанса продышаться, подносит головку набухшего члена к мокрому – совсем не от воды, как вы поняли уже – входу и резко входит меня. Я дергаюсь, но мужчина, пригвоздив меня к стене, удерживает тяжестью своего тела. Признаюсь, на секунду сердце замирает в панике. Ловушка и его хватка немного пугают меня. Маркус чувствует это и успокаивающе

хрипит:

– Доверься мне. Я не сделаю тебе больно. И в твой прекрасный задик я пока не собираюсь.

Не была бы я сейчас красной, как томат, то обязательно бы залилась румянцем. Я в принципе мало знала о процессе секса до недавнего периода, и анальный секс... пока я определенно к этому не готова. Я решаюсь довериться Маркусу и не сопротивляться. Его резкость шокировала и испугала. Не знаю, как это объяснить, но что-то в нем изменилось. Возможно, Маркус все еще осознает, что я жива. Не могу его винить в этом. Пусть успокоится и поймет, что меня никто не тронул, что он не избавится от меня, что я его лю...

Сильнее прижимаю ладони к стене, словно на ней есть ручки, и расставляю ноги шире. Маркус наматывает мои волосы на кулак, второй рукой он накрывает мою грудь, сжав затвердевшие соски и заставив выгнуться ближе к нему, и начинает двигаться. Его бедра врезаются в мой зад.

– Это чувствуется... – опускаю голову не в силах договорить.

– Да, черт возьми, – сопит Маркус и снова со всей силой вонзается в меня.

Это не занятие любовью, а трах. Грубый и жесткий. Грязный и непристойный. Маркусом овладевает безумие – мужчина, как и обещал, выдалбливает из меня все живое. Маркус словно касается самого основания моей души. Никогда такого не чувствовала. Извергнувшись в меня, он замирает.

Кажется, Маркус понимает, что мы перестали соблюдать все меры предосторожности. Конечно, я все еще сижу на противозачаточных, но это не повод отказываться от презервативов. Мы сошли с ума. Упиваясь друг другом, мы потеряли контроль, что совсем не похоже на нас.

Я плаваю в штормовых волнах оргазма, едва держась на ногах. Маркус, выйдя из меня, проводит рукой по моей киске, и возбуждение вновь овладевает моим телом. Его член по команде набухает и трется о клитор. Мы не закончили.

Маркус разворачивает меня к себе и впивается в мой рот. В этом поцелуе наконец проявилась нежность. На долю секунды она читалась в прикосновении его языка с моим, и надежда, что Маркус, мой любимый, оправился, затрепетала в груди.

Любимый...

Отрицать очевидное больше нет смысла. Я влюбилась. Окончательно и бесповоротно. В мужчину, чье сердце было разбито, чье тело и душа были сломлены. Из-за моего рождения. Из-за меня. Моя любовь – наваждение. Между нами всегда будет стоять нерушимая преграда. Прошрое еще слишком живо в его памяти, а я – ходячее напоминание. Я готова на все, чтобы стена, разлучающая нас, рухнула, сломалась на мелкие осколки, потому что я...

– Вернись ко мне, – шепчет Маркус, выключая душ.

Голос наполнен мягкостью, два топаза перестают излучать ярость. Сердце болезненно сжимается в груди. Я поня-

ла нечто невероятное, но произнести не могу даже в мыслях.

Без воды нас окутывает холод дома. Я прижимаюсь к оголенной груди Маркуса, чтобы согреться. Жар его тела обволакивает меня, как защитный барьер. Безопасность, тепло и ласка. Ярость, гнев и жестокость. Две стороны Маркуса, которые я...

– Мередит, не уходи от меня, – мужчина умоляет. Он сжимает мои ягодицы и отчаянно целует. Маркус не пришел в себя: с ним все еще что-то происходит. – Не сейчас. Не погружайся в свои мысли. Я хочу, чтобы ты забыла обо всем кроме меня.

Маркус убирает мокрую прядь с моего лба, прикусывает и оттягивает нижнюю губу. Губы мужчины спускаются ниже, целуя подбородок, шею и ключицы. Запрокидываю голову назад, предоставляя ему больше места. Маркус неожиданно поднимает меня в воздух, и я облепляю ногами его талию. Мужчина целует мои груди, прикусывает соски и облизывает их. Я стону как можно тише, потому что вода больше не скрывает звуки нашей страсти. Вдруг он начинает идти.

– Будь потише, – просит Маркус. – Я не хочу больше стоять под водой.

Мы замолкаем, и мужчина переносит нас в свою спальню, забыв про одежду. Кайл не ходит в ванную на втором этаже, поэтому не увидит следы нашей... что это было? Ссора или примирение? Маркус бережно укладывает меня на кровать, ненадолго отстраняется и разглядывает каждый санти-

метр моего тела и лица, словно желая запечатлеть мой образ. Будто мы лежим в одной постели последний раз. Обхватываю Маркуса и переворачиваю нас. Я сажусь на его живот, нагибаюсь и провожу дорожку поцелуев от груди до челюсти, медленно водя губами по грубой коже, по всем рубцам и вогнутым шрамам.

«Я тебя не оставлю, я дорожусь тобой», – говорю я своими прикосновениями.

Руки Маркуса по-свойски ложатся на мои бедра, сжимая плоть. Грубые подушечки ползут вверх, хватая талию, и возвращаются назад. Руки Маркуса доводят меня до экстаза. Никогда не пробовала наркотики и не собираюсь испытать их действия, однако думаю, наркоманы портят свою жизнь ради такого ощущения. Глаза Маркуса наполнены странной смесью потока эмоций и чувств. Темные и светлые мысли соединены во взгляде мужчины. Кто еще из нас тут погружен в себя?

Порыв придает мне сил на нечто безрассудное. Сердце твердит: *«Сейчас или никогда!»* Нам обоим это нужно. Возможно, мне больше. Я давно поняла кое-что важное, но и Маркус должен услышать меня.

Расправив плечи, сплетаю наши пальцы и сжимаю их, как нить, связывающую меня с реальностью. Набираю в легкие побольше воздуха – я готова.

– Я люблю тебя, Маркус, – нависнув над женщиной, признаюсь я. Слова даются легко. Десять букв легко разрезают

воздух, как нож мягкое масло.

Маркус должен услышать, что его любят. Сердце давно подсказывало об этом. А я так давно не признавалась никому в любви. Живым так уж точно. Возможно, я не выросла для таких слов. Я все еще хрупкая маленькая сиротка, но Маркус – человек, которого я полюбила уже давно. Не с первого взгляда, когда он пожалел меня и приютил к себе под крыло. Но это сильное, пугающее и невероятное чувство начало зарождаться рано. В ночь, когда я позволила себе устроить сцену во дворе, после которой заболела, в сердце появилась крупичка, и она росла каждый день, каждый час и каждую минуту. Маркус заботился обо мне, отталкивал и снова ухаживал. Он смог перебороть ненависть к моей фамилии.

Влечение переросло в любовь. В любовь к раненому, но не сломленному мужчине. Сильному и стойкому. К человеку, у которого я бы хотела учиться храбрости.

– Ты стал не только моим первым мужчиной, но и первым человеком, которого я смогла впустить в сердце, – продолжаю я. Слезы застилают глаза. Смахиваю капельки с ресниц. Мне легко и хорошо, словно какой-то заслон в моей душе упал. – Я хочу... прости, я в этом несильна. Я знаю, что у нас много проблем, и мы со всем разберемся...

Глаза Маркуса блестят. Мужчина приподнимается на локтях, берет в руки мое лицо и затыкает поцелуем. Маркус неразборчиво целует меня, что-то бормоча в ответ.

– Мы со всем разберемся, – хрипло подтверждает он.

Мы занимаемся любовью еще три раза. Когда мы бессильно падаем на постель, Маркус притягивает меня к себе, и я утыкаюсь носом в его грудь, а пальцами вожу по рисункам на его теле. Дыхание мужчины вскоре выравнивается, и он начинает блаженно сопеть, не ослабляя своих медвежьих объятий. Я безумно хочу спать, но жду чего-то.

Я жду ответного признания. Эгоистично так думать, но я бы очень хотела услышать эти три слова.

Всю неделю Маркус вел себя странно. Он отказывался отпустить меня от себя, следил за каждым моим шагом и запершал запирается в душе. Скажу больше: несколько раз он приходил, пока я мылась. Маркус прижимался ко мне, и мы долго стояли под водой, обнимаясь. Одной рукой он держал меня за талию, а другой всегда проверял пульс. Разумеется, все заканчивалось сексом, но скорее по моей инициативе. Маркус будто хотел подтверждения, что я рядом, что я жива. Я не сопротивлялась, потому что понимала, что он напуган. Кайл тоже волновался и проверял, как я. Его паранойя не настолько переходила границы, как у Маркуса. Мне было приятно и неловко. Я все еще не осознавала, что моя жизнь была в опасности, поэтому чрезмерная тревожность начала раздражать. Черт, они носились вокруг моей персоны, как две курицы-наседки.

Но стоит признаться, что больше всего я думала не о инциденте и не о странном мужчине. Я даже особо не вникала, о чем он расспрашивал Маркуса, потому что в моей голове крутилась лишь одна мысль. Он не ответил мне. Что, если Маркус не чувствует того же? Вдруг, он не любит меня? Любить, но не быть любимой – печальный троп без счастливого конца. А мне кажется, что после всего, что со мной случилось, я его заслужила. Как бы эгоистично это не звучало, я хочу быть счастливой.

В очередное утро я открываю глаза, ожидая встретиться с бдительным взглядом Маркуса, который проснулся уже несколько часов назад и с того времени смотрел, как я сплю. Я заставала такую картину уже два дня подряд.

Но постель пуста. Простынь остыла, и аромат моего мужчины угас.

Сердце сжимается: куда же делся Маркус? Первый порыв – отправиться на поиски, однако в дверь моей спальни стучатся. Через секунду в комнату заходит Кайл с подносом, на котором стоят тарелка с сэндвичами и кружка кофе. Парень с улыбкой ставит еду на прикроватную тумбу и плюхается туда, где недавно лежал его дядя. Слава Богу, что мне стало прохладно, и я надела на себя футболку Маркуса и трусики. Кайлу лучше ее не видеть, поэтому натягиваю одеяло до груди.

– Доброе утро, спящая красавица, – усмехнувшись, мурлычет парень, оглядывая мое заспанное лицо. – Ты подрых-

ла все на свете.

Пихаю Кайла локтем в бок и, приподнявшись, смотрю на часы. И правда, уже полдень. Кайл протягивает мне поднос. Желудок сжимается от голода, и я приступаю к еде, пока парень о чем-то болтает. Прислушиваюсь, вдруг Маркус где-то в коридоре.

– Да уж, – пережевывая сендвич, отвечаю я. – Чем ты занимался?

Кайл зеваает и носом показывает на свои грязные штаны. Субстанция похожа на землю или...

– Черт возьми! Поднимай живо свой зад с моей кровати! – верещу я. – Ты что, убирал стойла? И полез на мое белое постельное белье?

Кайл начинает гоготать, как гусь, когда я ногой спихиваю его с кровати. Парень встает на ноги, направляется к двери, но вдруг резко останавливается. Кайл разворачивается, шарит по карманам и достает оттуда конверт.

– Чуть не забыл, – проведя ладонью по волосам, парень протягивает его мне. Неуверенно беру письмо из рук Кайла. – Папа ночью ушел в лес поохотиться. Он обычно так делает, когда надо разгрузить голову. Либо охота, либо нам придется забирать его из полицейского участка за погром в баре или нанесение тяжких телесных повреждений. Думаю, он задержится в лесу на несколько дней и притащит с собой оленя или что-то еще.

Маркус ушел и ничего мне не сказал? Он не мог просто

уйти! Дьявол, он едва ли не ходил со мной в туалет, а сам отправился на охоту в лес на несколько дней? Здесь что-то не так. Кайл усмехается и качает головой, засунув руки в карманы. Кажется, он не в восторге от поступка отчима.

– Почему он ничего мне не сказал? – спрашиваю я скорее себя, а не Кайла.

Парень тяжело вздыхает и отшучивается:

– Маркус Монтгомери, выросший в Нью-Йорке, давно умер, а нынешний пещерный человек настолько привык жить один, что забывает, что есть люди, которые о нем беспокоятся. Он не хочет никому открываться, даже мне и Лу. В детстве я очень обижался на эту его... привычку, но потом смирился и устраивал вечеринки, пока папа выпускал пар и подстреливал бедных бэмби.

Договорив, Кайл уходит и оставляет меня наедине с письмом. На помятой бумаге красуется мое имя, выведенное с завидной осторожностью. Но я открываю письмо без всякого трепета: во мне нарастает злость с невероятной скоростью. Маркус опять побоялся сказать мне нечто важное в лицо. Сначала СМС, а теперь письмо. Возможно, я расстроена из-за того, что Маркус отверг мое признание. Ладно, он не ответил вслух, чувствует ли то же, что и я, однако надежда на то, что мой возлюбленный все же ответит мне, угасала с каждой секундой.

Разрываю запечатанный край конверта, достаю письмо и читаю:

«Мер,

Я должен разобраться во всем один. Так, как я привык делать. Мне необходима свежая голова, а рядом с тобой я перестану здраво мыслить. Я хочу перевести дух и понять, что мне делать дальше. Я, черт возьми, запутался. Ты знаешь, сколько раз жизнь сбивала меня с толку. И вот я опять на перепутье.

Прости, что оставляю тебя. Просто дай мне время.

Маркус»

Меня словно ударили. Маркус решает, стоит ли нам расстаться? Он не может принять это решения, глядя в мои глаза и на губы, которые признавались ему в любви. Разве это письмо не ответ на мое признание? Разве это не отречение от наших отношений? Разве Маркус Монтгомери не отверг меня?

Маркус охотится уже пять дней. Все это время я не выходила из комнаты, сославшись на то, что я переживаю из-за расследования. На самом деле, я, как глупая девочка, плакала из-за отсутствия Маркуса и непринятой любви. Мне ужасно больно и плохо. Горло сжимается от слез, все тело будто пронизывается иглами. Я знала, что все в своей жизни должны испытать безответную любовь и почувствовать, как их сердце разбивается. Плохой опыт – тоже опыт.

Дверь в комнату открывается, и Кайл бесцеремонно врывается внутрь. Свет проникает в помещение и слепит глаза. Я стону и накрываюсь одеялом с головой. Кайл с ворчанием хватается меня за пятки и вытаскивает с кровати. Пытаюсь сопротивляться, пихаюсь, но проигрываю в схватке и падаю на пол, ударившись задницей о паркет.

– Мередит, вали в душ, – кричит Кайл, поднимая меня на ноги. – От тебя воняет тухлыми яйцами. Мне надоел этот депресняк. Начисти свой зад и спускайся вниз.

Кайл провожает меня до ванной и запирает меня там.

– Не выпущу, пока не вымоешься! – кричит парень через дверь.

В ванной мне не становится легче, и здесь воспоминания о ночи, когда я призналась Маркусу в любви, накрывают с головой. Не хочу мыться, вылезать из своей норы и вести себя нормально. Мне нужен Маркус, его присутствие. Плевать, если он меня не любит и если я в нем нуждаюсь больше, чем он во мне.

Кайл настойчиво барабанит по двери и снова восклицает:
– Вода все еще не шумит!

Сдаюсь и иду мыться. От меня и правда неприятно пахнет. Кайлу, возможно, было скучно. Мы подружились, так что я обязана составить ему компанию. Собеседник из меня сейчас никчемный, но иногда рядом просто хочется ощущать кого-то. Хороший друг мне необходим. Моюсь и спускаюсь в гостиную. Кайл сидит на диване и пьет какой-то ал-

когольный напиток янтарного цвета прямо из горла. Подойдя к парню, протягиваю руку, и он без вопросов отдает мне ее. Кажется, до него дошло, что мне плохо. Сделав глоток и едва не подавившись, сажусь рядом с Кайлом.

– Хочешь поговорить? Или посмотреть что-то? Или молча пить? – спрашивает он.

– Третий вариант, – бормочу я.

Уставившись в стену, мы пьем из бутылки и копаемся в своих головах. Не знаю, о чем беспокоится Кайл, но через минут пятнадцать, когда алкоголь ударил в голову, разговоры все же пронзают тишину.

– Ты когда-нибудь влюблялась, Мер?

Я опешила. Неужели Маркус что-то ему рассказал? Он не мог. Маркус слишком боится осуждения или непонимания.

– Тебе когда-то разбивали сердце? – парирую я.

– В четырнадцать лет меня бросила старшеклассница, в которую я был влюблен, – усмехается Кайл.

– А ты разбивал сердце? – нельзя такое спрашивать, однако мой язык уже не собирается останавливаться.

Вместо ответа Кайл отпивает из бутылки. Я закатываю глаза. Как банально! Я даже догадываюсь, кто был его жертвой, вспоминая взгляд Лекси, когда та говорила о Кайле. Забираю бутылку у парню и отпиваю еще раз. Мне надо остановиться, потому что голова уже совсем начинает отключаться. Вдруг я начинаю реветь и всхлипывать. Кайл поворачивается, смахивает с моего лица слезы, берет за подбородок,

заставляя посмотреть в его кристальные глаза, и хрипит:

– Мередит Ван дер Меер, кто посмел разбить тебе сердце? Какой идиот смог отпустить такую прекрасную девушку?

Взгляд Кайла слишком долго задерживается на моих губах, скользит по шее до груди. Его затуманенные алкоголем глаза вспыхивают, и я не успеваю сообразить, когда он меня целует.

Проклятье, что же еще случится в этом доме со мной?

Проснувшись в своей постели, я чувствую жуткую головную боль и руку, лежащую на своей талии. Первая мысль – Маркус еще не проснулся. Но затем я вспоминаю, что он на охоте, а главное – я вижу обрывки вчерашнего дня. На меня накатывает ужас, я разворачиваюсь и вижу спящего Кайла. Торс парня обнажен, а я в одной футболке и белье.

О Боже мой! Что же мы натворили? Что же натворила я?

Выбираюсь из объятий Кайла и на цыпочках пробираюсь к двери. Проверяю, что парень все еще сопит, и собираюсь покинуть спальню, но застываю в проходе. Все тело съеживается, к горлу подступает ком. Маркус стоит передо мной. Потрепанный, с щетиной и смущенный. На губах играет небольшая улыбка. Руки покрыты запекшейся кровью и грязью, футболка прилипла к телу. Похоже, что он только что вернулся. И сразу пришел ко мне. Ненависть к себе сжи-

мает мое сердце и сдавливают его со всех сил. Я не могу даже открыть рот и пошевелиться. Господи, я сейчас разрыдаюсь. Я ничего не помню кроме поцелую, и это самое ужасное. Я люблю только Маркуса, мне нет оправдания.

– Мер, прости, что я ушел без предупреждения, – начинает он. – Мне многое надо рассказать тебе, но главное, что я понял... Ты меняпустишь?

– Маркус, я...

Позади меня слышится шевеление, и ноги окончательно перестают держать мое тело. Кайл проснулся.

– Мередит, папа вернулся? Ты не видела мою футболку? – сонным голосом бормочет парень.

Опустив глаза в пол, я жду, когда моя жизнь окончательно разрушится.

Кайл, попутно натягивая футболку, подходит к нам. Вижу, как кулаки Маркуса сжимаются, однако не решаюсь посмотреть ему в глаза. Кайл неловко переступает с ноги на ногу и здоровается с отчимом:

– Ой, привет, па... Я в душ, потом расскажешь, сколько бэмби ты подстрелил.

Кайл уходит, оставив нас наедине. Мое сердце болит и не бьется. Спазм ударяет в живот, сдавливая дыхание. Я хочу исчезнуть и раствориться в пространстве.

– Маркус, я не знаю, что... – шепчу я, держа слезы в себе, и поднимаю взгляд на мужчину.

Его лицо не выражает ничего. Глаза ледяные и жесткие.

Маркус наклоняется к моему уху и, отчеканивая каждое слово, произносит:

– Я и не думал, что ты такая же, как твоя мать. Яблоко от яблони упало недалеко. Прощай, Мередит Ван дер Меер.

Глава 23

Мерedit

У меня не хватает смелости побежать за ним. Я должна идти и вымалывать прощение, объяснить, что произошло. Но я же сама не знаю, что было между мной и Кайлом. Я не имею права приставать к нему и мозолить глаза, пока сама не пойму, что натворила. Черт, зачем Кайл поцеловал меня? Опять я в дерьме. До этого города я не была центром внимания, была тихой незаметной девочкой, на которую всем было плевать, а в Джексоне я неожиданно стала эпицентром любовных страстей.

Маркус скрывается на третьем этаже, а я беру себя в руки и спускаюсь вниз. Мне надо выяснить, произошло ли что-то между мной и Кайлом прошлой ночью. Если мы... переспали, то я должна уехать из Джексона как можно скорее. Маркус точно не захочет меня видеть, да и я не смогу смотреть ему в глаза. Я смогу пожить в пентхаусе в Нью-Йорке, если Маркус согласится подписать какие-нибудь бумаги.

План отхода есть, однако я не хочу убегать, как последняя слабачка.

Кайл выглядит помятым. Сколько же мы вчера выпили?

На коротком ежике мерцают капельки воды, а на плечах лежит полотенце. Парень смыл следы вчерашней... ночи, что бы не случилось между нами. Когда Кайл достает из морозильной камеры бутылку воды и прикладывает ко лбу, я откашливаюсь, привлекая его внимание. Взгляд Монтгомери младшего теплеет, и по телу проносится отвращение от самой себя. Мне неприятно, что я так реагирую на доброту хорошего человека.

– Мы вчера перебрали, – хрипло заключает Кайл. – Пожалуй, надо переходить на воду...

Опускаю глаза, зажмуриваюсь и выпаливаю:

– Что вчера произошло? Я ничего не помню.

Кайл откашливается и подходит ближе. Он касается моего плеча, и я отстраняюсь. Кайл тяжело вздыхает и отступает.

– Слушай, мне жаль, если ты переживаешь из-за поцелуя, – начинает парень. – Но я все понял вчера, когда сказала, что любишь другого.

Я сказала что?

Резко распахиваю глаза и уставляюсь на Кайла с надеждой во взгляде. Правильно ли я его поняла?

– То есть мы только поцеловались? – решаюсь уточнить.

Кайл, помявшись, кивает и добавляет:

– Ты сказала, что безответна влюблена в кого-то. Я понимаю, что это непросто, и готов подождать, Мередит.

– Спасибо, Кайл, – неуверенно говорю я и почти убегаю наверх.

Мое сердце трепещет от появившегося шанса, что у нас с Маркусом все станет хорошо. Я не смогу без него, потому что действительно люблю. Готова на все, чтобы он простил меня за этот дурацкий поцелуй. С Кайлом разберусь позже.

Маркус оказывается в спортзале. Он бьет грушу голыми руками. Костяшки пальцев покраснели, и в некоторых местах разбились в кровь. Маркус, кажется, в бешенстве. Взяв всю волю в кулак, я подхожу к нему вплотную, кладу руку на его спину, чтобы он прекратил колошматить грушу. Маркус молниеносно разворачивается и перехватывает мое запястье. Его взгляд затуманен, лицо перекошено от ледяной злости. Хочу обнять его и пасть в ноги, умоляя о прощении. Я буду унижаться, если придется.

– Уходи, Мередит, – шипит он и толкает меня, но лишь так, чтобы я от него отошла.

Я удивляюсь, что он не причинил мне боль и смог сдержаться, хотя только что выбивал из груши все дерьмо. Я не думала, что поезд, мчащийся на всей скорости, может остановиться. Но Маркус никогда не причинит мне физическую боль, однако он точно найдет кучу способов ранить меня без кулаков.

– Но я должна объясниться, – протестую я, но больше не рискую подойти. – Между мной и Кайлом ничего не...

Маркус ударяет по груше сначала рукой, а затем ногой, и та улетает к стене, выдернув крючок из потолка. Я невольно вздрагиваю и отпрыгиваю назад, как ошпаренная. Мужчина

оглядывается в поисках чего-то, хватается за гантели и швыряет их в зеркало. Осколки с шумом рассыпаются на полу.

– Маркус! – ахаю я, сжимаясь. – Прекрати, пожалуйста.

Мне следует его остановить и успокоить, но как? Маркусу под руку попадает тренажер, и он толкает его, после удара от него с хрустом отпадает какая-то металлическая деталь. Мужчина полностью отдается гневу и продолжает крушить спортзал. Маркус опрокидывает другой тренажер на предыдущий, и они разламываются пополам. Я закрываю глаза и еще раз молю его:

– Маркус, остановись. Это было недоразумение. Мы с Кайлом напились...

Мужчина волком глядит на меня и хищно усмехается. Он стряхивает с окровавленных рук осколки, его губы растягиваются в хищном оскале, и Маркус ледяным голосом отчеканивает:

– Твоя мать мне говорила, что подстава Генри была недоразумением. После того, как отец выпустил меня из гребаного подвала, она принесла мне чертовы кексы с извинениями. Сюзен пользовалась мной, а позже разбила мне сердце. Они с Генри вдвоем. Двое самых близких мне людей. Не замечаешь сходства, Мередит? Ваше семейство Ван дер Мее-ров любит это делать, да?

Его слова ранят. Я не моя мать!

– Я понимаю, что совершила ошибку, но, Маркус, ты не ответил мне и разбил мне сердце! – голос срывается от под-

ступивших слез, и я обнимаю себя руками, чтобы хоть как-то сдержаться горе. – Я подумала, что безразлична тебе, и напилась!

Маркус опрокидывает голову назад и сипло смеется. Что, черт возьми, его насмешило?

– Если бы ты была мне безразлична, я не стал бы рисковать и нашел другую дырку для перепихона, – ядовито выплевывает мужчина. – Думай, что хочешь, Мередит. Можешь оставаться здесь до начала учебы, но мне плевать, что ты будешь делать дальше.

Я не сдвигаюсь с места, пытаюсь стереть из памяти каждое слово, произнесенное Маркусом, но не получается. Голова кружится, тело сковано от нестерпимой боли.

– Маркус, пожалуйста... – шепчу я с последней крупницей надежды в голосе.

Мужчина качает головой и хрипит:

– Уходи, Мередит. Оставь меня одного. Ты уже сделала достаточно, и слова ничего не исправят.

Я подчиняюсь. Возможно, когда-нибудь он передумает, но сейчас Маркус – человек, которого я люблю – ненавидит меня, и я заслуживаю это. Спускаясь по лестнице, я слышу, как разбивается стекло. Маркус разбил окно.

Слезы застилают глаза, но я все равно иду в комнату и собираю сумку. Деньги, паспорт, удостоверение личности, зарядка. Если я уеду, мне понадобятся документы и карты. Ключи от пентхауса есть у миссис Стюарт, так что свой дуб-

ликат брать не буду. На всякий случай кидаю в сумку ноутбук. Одежду можно купить, как и остальное, что может понадобиться. Не знаю, куда я собираюсь и собираюсь ли вообще, но Маркус четко сказал, что я должна убраться отсюда.

Сбегаю вниз по лестнице и натыкаюсь на Кайла. Хочется снова завывать, потому что я не хочу оправдываться или объясняться. Разговор с Маркусом полностью лишил меня сил. Кайл приобнимает меня и говорит:

– Давай прогуляемся. Нам надо проветриться.

Я соглашаюсь. Терять мне нечего, а оставаться вблизи с Маркусом я не могу. До города мы доезжаем на автомобиле Кайла. Он вежливо помалкивает всю дорогу и довозит нас до парка. Здесь действительно прекрасные виды. Пансионы, где я училась, были вдали от города, как и поместье Ван дер Мееров, потому что я не привыкла к каменным джунглям. Кайл покупает нам кофе, и мы бродим по дорожкам. Зеленая листва громко шуршит от порывов ветра, цветы издают приятный аромат. Летнее солнышко греет кожу.

– Мер, я правда сожалею о том, что поцеловал тебя... – Кайл запинается и останавливается, обдумывая, как точнее выразить свою мысль. Я не хочу об этом говорить, но все же нам стоит поставить все точки над «i». – Нет, я не жалею о поцелуе. Мне жаль, что он был нежеланным с твоей стороны.

Я перевожу взгляд на Кайла и мысленно стону. Ну сколько можно? Когда в моей жизни не было мужчин, все было проще. Никто не делал мне больно, но и никто не радовал меня

так же сильно, как Маркус. Эти отношения – две крайности. Они наполняют и съедают меня. Полностью. Я выжата, но если Маркус позовет меня и скажет, что любит или хотя бы хочет заняться сексом, то я побегу к нему, сверкая пятками.

– Кайл... – прошу его остановиться, но парень перебивает меня.

Он берет меня за руку и продолжает говорить, полностью выбивая меня из колеи:

– Мер, ты нравишься мне, и я бы хотел доказать тебе, что подхожу тебе. Я не давлю, но хочу, чтобы ты подумала об этом.

Господи, что еще случится сегодня? Меня собьет машина, чтобы этот нелепый треугольник разбился? Вообще неплохой вариант.

От ответа меня спасает телефонный звонок. Я спешно достаю телефон из сумки, вижу на экране имя подруги и отвечаю:

– Привет, Лекси. Как ты?

Кайл немного меняется в лице, отпускает мою руку и отводит взгляд. Я недоуменно свожу брови на переносице: его реакция больше похожа на чувство вины, чем на обиду. Провожу ладонью по волосам, пытаюсь хоть что-то привести в порядок.

– Привет, подруга, что с голосом? – весело тараторит Лекси. – Лу свалила из города. Не хочешь приехать на ночь? Посмотрим какой-нибудь фильм, где Райан Гослинг снимает

рубашку, закажем пиццу. Как ты на это смотришь?

Облегченно выдыхаю и улыбаюсь.

– Замечательно, – соглашаюсь я. – Скоро буду, напиши адрес в СМС.

Лекси, спасибо. Ты меня спасла!

Кайл услышал наш разговор и предложил довести меня. Вряд ли, он выпалит что-то еще, поэтому я не отказываюсь от его помощи. Дом Лекси находится недалеко от бара Лу. Здание светлое, одноэтажное с чердаком и круглыми окнами. Дом очень небольшой, но милый.

Мне надо что-то сказать Кайлу, и все, что могу вымолвить это:

– Спасибо. Ты очень хороший.

И ухожу, а точнее почти убегаю.

Правильно, Мер! Надо было еще добавить: «Дело не в тебе, а во мне». Дура, какая же я дура...

Завалившись в дом к Лекси, я кидаюсь в объятия подруги, но это не приветствие, а мольба о поддержке. Девушка впадает в ступор на несколько секунд, а затем прижимает меня к себе. Ткань ее льняной пижамы приятно прилегает к коже. Когда мы заканчиваем с объятиями, Лекси садит меня к себе на диван и приносит пиццу с соком. Алкоголь сегодня точно не нужен.

– Детка, что не так? – кудахчет Лекси, бродя возле меня. – У тебя глаза на мокром месте.

– Я наворотила дел, – пережевывая пиццу, говорю я. Ком в

горле вырывается, и я начинаю рыдать. – Я влюбилась, Лекси, и все испортила...

Девушка садится передо мной на колени, смахивает слезы и со снисходительной улыбкой произносит:

– Влюбляться же прекрасно, Мер, ты...

– В Маркуса, – выпаливаю я, избавляя нас от ненужных слов.

Лекси, опешив, открывает рот и спрашивает:

– Это невзаимно? Вы с ним целовались?

Я поджимаю губы, давая понять, что поцелуем дело не закончилось. Глаза Лекси расширяются и чуть ли не выпадают из орбит.

– Охренеть! Ты и Маркус? Охренеть! – верещит она. Через некоторое время приходит в себя и спрашивает: – Но что случилось? Почему ты разбита?

Я рассказываю подруге про сложное прошлое, опустив почти все детали, про секс и про признание. Лекси матерится после каждой новой подробности, обнимая и успокаивая меня. Я уверена, что не должна говорить ей про нас, но я просто устала. Мне надо выговориться, и рада, что в моей жизни появился друг, которому я могу довериться. Однако дальше речь заходит о Кайле. Я помню виноватое выражение лица парня, но Лекси выглядит так, словно я смотрю в свое отражение. Я останавливаюсь и спрашиваю:

– Что-то не так? Между вами с Кайлом что-то случилось?

Лекси отстраняется и отходит от меня, сложив руки на

груди. Ее глаза печально оглядывают меня, и девушка отвечает сквозь зубы:

– Мы переспали на вечеринке. Кайл был моим первым, и я все еще люблю его. Я отдалась ему в пятнадцать лет, надеясь на взаимные чувства, но как видишь.

Лекси отворачивается от меня. Боже мой, я же не знала... Я подозревала, но не знала точно.

– Лекси, прости меня, – я хочу подойти к девушке, но она выставляет вперед руку. Она четко дает мне понять, что больше мне не рада. – Думаю, мне стоит уйти, да?

Лекси кивает и бросает:

– Да, уходи.

Я забираю сумку и ухожу. Что я могу сделать? Абсолютно ничего.

Сегодня я лишилась всех.

Бродя по незнакомым улицам, я натываюсь на прокат автомобилей. На парковке стоят старые модели Ford, Chevrolet и другие марки, которые мне неизвестны. Пикап Маркуса очень хорошо вписался бы сюда. Захожу в небольшое деревянное сооружение и вижу женщину в безумно коротких джинсовых шортах с потертостями, больше похожих на трусы. Ягодицы так и вываливаются из них. Редкие волосы покрашены в цыплячий желтый цвет и начесаны на затылке,

губы накрашены красной помадой, глаза подведены черной подводкой, которую едва видно из-под накладных ресниц. Топик облегает силиконовую грудь, а тощие ноги вытягиваются на шпильках. Дама оценивающе оглядывает меня, и я натягиваю на губы улыбку, хотя она немного меня пугает. Подхожу к стойке и здороваюсь:

– Добрый вечер! Могу ли я арендовать у вас автомобиль?

Надув большой пузырь из жвачки, женщина отвечает прокурренным голосом:

– Аренда только с двадцати восьми. Тебе вряд ли есть столько, милочка.

Конечно, все непросто. Не хочу возвращаться к Маркусу и просить у него ключи от автомобиля. Еще раз оглядываю ее макияж и одежду и решаюсь на отчаянный шаг:

– У вас такой стильный образ! Вы просто обворожительны, клянусь.

Женщина краснеет, поправляет прическу и осматривает меня. Мой ремень, сумка и джинсы стоят дороже, чем весь здешний автопарк. Она, кажется, понимает, к чему я клоню и подыгрывает:

– Да, но нынче косметика и одежда стоят просто баснословных денег.

– Это так несправедливо, – цокаю я и достаю из кошелька пару сотен баксов. – Думаю, мы можем помочь друг другу. Мне кажется, этого достаточно, чтобы зайти в бутик Guess и купить немного косметики.

Глаза женщины загораются, и она, долго не думая, берет их и засовывает в чашечку топа. Она достает из ящика ключи и документы. Я подписываю все бумаги, оставляю свои контакты и данные, забираю ключи и уезжаю на «импале», включив навигатор на телефоне.

До Шайенна ехать десять часов. Думаю, поездка поможет привести мне голову в порядок. Конечно, я убегаю, поджав хвост, и это признак отнюдь не храбрости. Десять часов наедине со своими мыслями и с собой, как в старые добрые времена.

Глава 24

Маркус

Дежавю – паршивое чувство. Мне больно и физически, и морально. Но разбитые кулаки ничто по сравнению с ноющим сердцем. Мередит обошла своих родителей, хотя я не думал, что это возможно. Я ненавидел Сьюзен и Генри за предательство, за то, что сломали меня, однако сейчас я понимаю, что их поступок лишь надломил меня. Мередит же взяла гребаную кувалду и со всей силы ударила по моему сердцу. Даже если поступок был совершен от обиды, мне все равно больно. Переспать с моим же сыном...

Что было бы, если бы я ответил ей? Сказал бы, что люблю ее каждой клеточкой своей души еще с момента, когда она наставила на меня дуло? А может и раньше. Я люблю Мередит, черт возьми, до сумасшествия. Я поступил бы паршиво, как эгоист. Кайл ветреный парень в силу возраста, но он никогда не говорил мне, что увлечен кем-то как человеком, поэтому я воспринял его слова всерьез.

– Тут пронесся ураган? – Кайл заходит в спортивный зал и присвистывает. – Что за черт? Ты же недавно его обставил. Я поднимаю глаза на сына и пытаюсь придумать оправда-

ние. Зал разгромлен, несколько тренажеров сломаны, а окно и зеркало разбиты. Моя боль вырвалась, и я обратил ее в гнев. Он выбил все мысли из моей головы, но страх Мередит еще сильнее расстроил меня. Не хочу, чтобы меня боялись люди, которых я люблю. Я не мой отец.

– Я очень неудачно положил штангу, потерял равновесие, и все посыпалось, как фишки домино, – выдохнув, кидаю стекла в ведро. – Ты что-то хотел, Кайл?

Парень подходит и помогает убрать осколки и другой мусор. Он слишком долго молчит, и я повторяю свой вопрос. Тогда Кайл вздыхает и отвечает, что хотел поговорить о Мередит. Что, черт возьми, он хочет мне сказать? Ты переспал с моей женщиной, и я просто не могу ничего слушать.

– Думаю, это не мое дело, Кайл, – каждое слово выходит из горла тяжело, словно раскаленный металл. – Вы взрослые, и ваше дело, если вы...

– Мы не занимались сексом, – перебивает меня сын. – Я поцеловал ее, но Мередит оттолкнула меня и сказала, что влюблена в кого-то. Ты не знаешь, кто это может быть? Вы были долго здесь вдвоем, и ты должен был заметить, если бы она с кем-то встречалась.

Облегчение. Радость. И вина. Я не поверил ей, потому что давно усвоил урок о подлости людей, но мне не следовало сомневаться в ее честности. Мередит не врала, а я доказал, что недостойн ее. Наговорил ей ужасных вещей, но это все равно ни черта не меняет. Если она каким-то чудом сможет

простить меня, и мы скажем Кайлу, правду, то он поймет, что мы ему лгали, и я лишусь его доверия. Я должен ставить его на первое место, да и Мередит найдет партию лучше. Мы не пара из мелодрам, которая будет вместе, несмотря ни на что. Мы живем в паршивой реальности, в которой между нами пятнадцать лет и куча скелетов.

Обида перерастает в отчаяние. Я безумно хочу быть с Мередит, открыто любить ее и даже построить будущее. Однако давно усвоил, что не все желания могут сбыться.

– Здесь я тем более не помощник, – выдавливаю из себя и, бросив весь мусор, направляюсь к выходу. Резко останавливаюсь, потому что не могу не задать один вопрос: – А где, кстати, Мередит?

Уже стемнело, а она так и не вернулась. После звонка незнакомца я предпочитаю знать, где она, а лучше – видеть ее рядом.

Кайл выглядит немного обиженным. Возможно, он ожидал, что я дам ему совет, как покорить Мер. Это было бы слишком, извините. Я отступил, сколько еще мне надо отдать от себя? Многого ли я лишусь еще? Я устал, я просто устал.

– Мер осталась у Лекси, – выдает Кайл, и мои глаза ползут на лоб. Кажется, драма не закончится никогда. – Знаю. Пожалуйста, не нагнетай. Не видеть мне Мер, как свой затылок. Может, сходим к Лу, пока мы остались в чисто мужской компании?

Я качаю головой, отказываясь от не очень заманчивого предложения. Лу, насколько я знаю, взяла первый отпуск с открытия бара и свалила в Доминикану, что оказалось не вовремя, учитывая всю неразбериху. Сидеть в «У Лу» и отшивать официанток – совершенно не то, чем я хочу заниматься.

– Давай тогда посмотрим игру, – бурчит Кайл. – Сегодня играют «лэйкерс».

А вот это неплохо. Спортивный канал и пиво. Говорю Кайлу, что спущусь через минуту, дожидаясь его ухода и набираю номер Лекси. Я просто позвоню и узнаю, в порядке ли Мередит.

– Маркус, чего тебе? – не скажу, что Лекси отличается вежливостью, но и так грубо она со мной не говорила.

– И тебе привет, маленькая ведьма, – хмыкаю я. Пытаюсь собрать все силы в кулак и выдать из себя вопрос: – Слушай, Лекси, Мер у тебя? Уже поздно, и я бы хотел убедиться, что она у тебя.

Слишком много слов и оправданий. Это звучит подозрительно.

– Она уехала пару часов назад, – отрезает Лекси. Ее голос немного вздрагивает, когда она добавляет: – Я не знаю куда.

Сердце пропускает удар. Первой мыслью становится Нью-Йорк, а затем в памяти проносится злосчастный звонок, и я едва не падаю.

– Почему, черт возьми, ты не по...

Не успеваю договорить, потому что Лекси выпаливает:

– Я знаю все о вас, Маркус. Проклятье, как ты это допустил? Ты ее любишь?

– Лекси, я... все сложно, – выдыхаю я с трудом. – Знаю, что произошло между вами с Кайлом. Мне жаль, малышка.

Лекси всхлипывает. Бедная девочка... Она не должна была попасть в эту гребаную паутину вранья. Мы все виноваты, и как распутывать этот клубок?

– Я нагрубил ей, – Лекси вновь шмыгает носом. – Мне очень жаль. Передай Мередит, что я полная дура и прошу прощения. Надеюсь, она скоро вернется.

– Я тоже.

Господи, Мер, где же ты на этот раз?

Звонки и СМС не увенчались успехом. Мер не отвечает. После третьего десятка я решаю спуститься к Кайлу и подключить его. Он звонит, но Мередит снова сбрасывает звонок. Все наши попытки – глухой стук в стену.

– Дьявол, она же могла улететь в Нью-Йорк! – шипит Кайл.

Отрицательно качаю головой:

– Я позвонил заведующей делами семьи Ван дер Мееров и проверил, где ключи от квартиры на Манхэттене. Она никак не попадет туда, а денег на отель на все лето ей не хватит. Она выйдет на связь в ближайшее время.

Скорее я успокаиваю себя, а не Кайла. Волнение, страх и невыносимая боль.

Выхожу на улицу, поднимаю глаза к ночному звездному небу и взмаливаюсь про себя:

«Боже, я не обращался к тебе многие годы, но прошу, хотя бы сейчас помоги. Убереги мою любимую. Не так, как меня. Просто помоги ей уцелеть».

– Пап! – кричит Кайл из гостиной. – Мер написала!

На ватных ногах ступаю к нему. Сын показывает мне короткое сообщение:

«Я в порядке. Вернусь через пару дней. Мне надо проветриться».

Облегченно выдыхаю. Мередит вернется. Пусть и не ко мне. Я хочу, чтобы она вернулась.

Мередит ушла из дома четыре дня назад, и до сих пор от нее больше не было вестей. Все те дни, что мы провели в неведении, я почти не спал. С работой тоже не клеилось: все чертежи получались ужасно и не соответствовали требованиям заказчиков.

Время переваливает за полночь. Кайл час назад уехал к очередному другу, а я остался мучиться в постели. Раньше мой дом казался пустым и слишком большим, но сейчас эти стены давят на меня. Не могу больше лежать, мне слыш-

ком жарко. Выбираюсь из постели и подхожу к лестнице, когда внизу слышатся шорохи. Дверной замок щелкает. Что-то Кайл рано вернулся. Сердце на мгновение замирает, и я встаю, как вкопанный. Что, если Мередит вернулась?

Одна мысль о возможности взглянуть на нее заставляет меня побежать в коридор. Капюшон и ночь прячут лицо, но я могу рассмотреть мягкие пряди и изгибы фигуры, к которым прикасался ни один раз. Дыхание перехватывается, все тело парализует. Мер тихо снимает обувь, желая остаться незамеченной, но я включаю свет. Девушка резко выгибается, ее глаза сощуриваются от резкой вспышки. Лицо любимой вытягивается, но она тут же собирается и надевает маску хладнокровия. Мередит все еще считает, что я злюсь на нее или даже ненавижу.

Мы должны поговорить. Жаль, что я понял это лишь сейчас.

– Мер... – и что сказать? Хочу признаться в любви, броситься в ноги, но ведь я решил, что не могу быть эгоистом. Не с Мередит.

– Не надо, – девушка поднимает руку, приказывая мне замолчать. Я опоздал. – Я ехала десять часов и не хочу сейчас слушать нотации, саркастические комментарии или очередные сравнения с матерью. Увольте, я наслушалась от тебя всякого. Хочешь презирать меня – ладно, но делай это молча, не смешивая меня с дерьмом.

Мередит устало стягивает с себя толстовку с буйволом,

символом штата Вайоминг, проходит мимо меня, закинув ее мне на плечо. Машинально хватаю ее за плечо, заставляя остановиться. Ее равнодушный взгляд безумно злит меня, и я вопреки ее просьбе и здравой логике начинаю ее отчитывать:

– Где ты была? Почему ты не позвонила? Ты не подумала, что за тобой мог следить тот отморозок? Полиция до сих пор ничего не нашла, а ты решила развеяться? О чем ты думала, черт возьми?

Мередит выхватывает свою руку, съеживается и огрызается:

– Я думала о том, что мне разбили сердце! Надоело опускать глаза и оправдываться. Я думала о себе, понятно?

Мой голос срывается на гортанный рык, и я повышаю голос:

– Глупая, мы думали, что тебя убили или...

Закрываю рот до того, как сказал, чего боялся больше всего. Озвучивать это ужасно и хреновее, чем эгоизм. Нельзя даже допускать такие мысли.

– Или что, Маркус? – в глазах Мередит загорается интерес, хотя лицо остается бесстрастным. – Что могло еще тебя беспокоить хотя бы секунду?

Зажмурившись, я выпаливаю:

– Или что ты уехала. Вернулась в гребаный Нью-Йорк или решила уехать на учебу в Англию. Добровольно покинула нас... меня. Если бы ты ушла, мне бы пришлось привыкать

жить без тебя. Без твоих краснеющих щек, когда ты смущаешься от каждого приятного слова, без самой доброй и искренней улыбки во всем мире, без оленьих глаз, смотрящих на меня каждый день. Я не могу представить себя, если не услышу твой мягкий смех и не увижу ангельские волосы, рассыпанные на подушке или моей груди.

Внутренний голос или сердце говорит, что я должен договорить, сказать те самые три слова, но страх или нечто такое же тупое заставляет меня заткнуться. Открываю глаза, чтобы посмотреть на Мередит. Ее глаза наполняются слезами, губы приоткрываются. На мгновение кажется, что Мер смягчается, но девушка тут же вырывает свою руку и сдавленным голосом произносит:

– Этого недостаточно, Маркус. После всех твоих слов, сказанных раньше, этого не хватит. Я не могу забрать свои слова назад, но закончим на этом. Наш договор...

– Я люблю тебя, Мередит, – затыкаю ее.

Девушка удивленно распахивает рот, и я подаюсь порыву и целую ее. Одной рукой подхватываю ее и поднимаю в воздух, продолжая сплетать наши губы и языки. Мередит колеблется, и я мечтаю, чтобы она меня оттолкнула, накричала, ударила. Все что угодно, лишь бы не отдавалась мне.

Мер, будь умнее. Я последняя сволочь. Пожалуйста, не делай этого. Не люби меня, не отдавай мне свое сердце и тело.

Но Мередит не слышит мои мысли и принимает меня,

прижимаясь ко мне всем телом. Свободной рукой расстегиваю ширинку на ее джинсах, пальцами залажу под трусики и подушечками провожу между складок. Влажная и готовая. Всегда. Мер выгибает спину, и я понимаю, что мы не сможем добраться даже до дивана. Усаживаю ее на лестницу и отрываюсь. Свет из коридора светит на ее лицо и правую часть тела. Сердце завывает от того, что в ее прекрасных сине-зеленых глаз ни проблеска сомнения.

Черт, не могу сдерживаться. Не с ней. Я слишком слаб.

Впиваюсь в ее губы еще раз и тянусь к краю маленькой белой маечки. Только сейчас замечаю, что на ней нет бюстгалтера. Пышные набухшие груди выпрыгивают перед моим лицом, а твердые соски так и просят их ублажить. Откидываю хлопковый клочок ткани в сторону и, облизнувшись, шепчу:

– Надеюсь, у тебя больше нет такой одежды, иначе я выкину ее. Никто не должен видеть эту красоту.

Мер хихикает, и это просто невероятно сексуально и мило.

Сажусь на колени между ее ног и целую каждый прекрасный комочек, вбирая их в рот и посасывая. Мередит втягивает воздух сквозь зубы и стонет. От ее сладостного вскрика, когда я слегка прикусываю ее левый сосок, моя голова кружится. Тихий, почти мертвый голос разума все еще твердит мне о том, что это наш последний раз. Я должен запомнить каждый изгиб тела Мередит, ее родинки, родимое пят-

но на поясице, светлые волоски и мягкую бархатистую кожу. Больше я не смогу это увидеть и потрогать.

Я увлекся грудью Мер, поэтому приподнимаюсь и целую ее лицо, губы, веки, щеки. Все, что попадется. Она отвечает. Все происходит сумбурно, неаккуратно, словно если мы не займемся сексом, то мир взорвется. Отрываюсь от ее рта, кидаю быстрый взгляд на бедра Мередит, вновь смотрю в ее глаза и прошу (или скорее приказываю):

– Откинься назад и приподнимись.

Мер послушно делает, что я сказал, и я стягиваю с нее джинсы вместе с милыми красными стрингами с белым сердечком на лобке, раздвигая ее ноги. Розовые складки так и умоляют, чтобы я их ублажил. Мер упирается локтями о ступеньки. Наше положение отнюдь не самое удобное, но кому это важно? Уж точно не двум разгоряченным влюбленным. Наклоняюсь и сперва целую внутреннюю сторону бедра, проводя влажную дорожку до самой киски. Мой язык начинает кружить вокруг клитора, а затем перемещается к узкому входу.

– Сладкая Мер, ты не представляешь, как мне это нравится. Раздвинь ноги чуть шире – шепчу я, лизнув ее маленький клитор. – Ты такая послушная, когда одурманена желанием.

– Маркус, прошу...

Мой член болезненно пульсирует, когда я довожу любимую женщину до оргазма. Я хочу заявить права на нее, назвать своей, но мой единственный способ быть ее партнером,

назвать *своей* женщиной – быть сейчас с ней, заниматься любовью, делать ей приятно.

Поцелуй должен был быть нежный, но не получилось. Губы Мередит сводят меня с ума, и я сдвигаю свои штаны, высвобождая член, и вхожу в нее. Тепло окутывает меня, и я готов кончить сейчас же. К черту презервативы, к черту затекшие колени. Толчки плавные, а бедра Мередит двигаются мне навстречу. Мои синие яйца наконец расслабляются после первого оргазма прямо в ее лоно. Чуть отдышавшись, я целую ее потную шею. Мередит приходит в себя и тяжело дышит. Выхожу из нее и сажусь на ступеньку. Мой друг готов к следующему раунду.

– Садись на меня, как в прошлый раз, – задыхаясь, указываю я.

Мередит медленно и аккуратно садится на мой член и начинает скакать на нем. Ее прыгающие груди, запрокинутая голова и приоткрытый от стонов рот – самое прекрасное, что я когда-либо видел.

Когда мы без сил падаем на лестницу, голос разума усиливает свое влияние и забирает контроль у сердца. Натягиваю штаны, встаю и зажмуриваюсь. Мер встает на ног, подобрав свою одежду.

– Прости, – хриплю я, поднимаясь с лестницы. – Я не должен был этого делать.

– О чем ты? – Мер натягивает майку на голую грудь и недоуменно смотрит на меня.

В горле встает ком, но я должен исправить все. Этот раз был последним, больше я не прикоснусь к Мередит.

– Секс ничего не меняет, – отрезаю я. – Ты все еще нравишься Кайлу, а я не хочу причинять боль сыну. Все конечно.

Мередит хмыкает с досадой и неким презрением, будто не удивлена. Не могу смотреть ей в глаза.

– Я тебя поняла, Маркус, – говорит она и, развернувшись, уходит.

Она покидает меня, а утром нашим отношениям приходит конец, потому что Кайл зовет Мер на свидание, и моя любимая соглашается.

Глава 25

Мерedit

Прошло больше месяца, начался июль, и многое изменилось за это время. Мы с Кайлом теперь встречаемся. Вроде бы. Он точно так думает, но я не могу сказать, что мы вместе. Да, мы ходим на свидания, гуляем, флиртуем, держимся за руки, а две недели назад впервые поцеловались. И я ничего не почувствовала: ни трепета, ни тепла, ни радости. Как бы я не хотела, я не могу забыть Маркуса, выбросить его из своего сердце и жить дальше без него. Он крепко засел в моей душе и не собирается оттуда уходить.

А еще Маркус засел за работу. Он стал типичным в моем представлении бизнесменом: все время звонил кому-то и консультировал, иногда кричал. Маркус выходил только для того, чтобы поесть или съездить на курорт, где выполняет очередной заказ. Я безумно скучаю по нему, но изменить что-то не в моих силах. Моя учеба закончилась, и академия выслала мне электронный диплом, копию которого я уже отправила в Колумбийский университет. Как бы мне не претил Нью-Йорк, не хочу искать себе новое пристанище. Я хочу полюбить «Большое яблоко», как его любили бабушка

и дедушка. Большую часть жизни я провела вдали от Манхэттена, поэтому я дам ему шанс. К тому же я смогу жить в квартире, которую обустроивала бабушка.

Ничего себе! Осталось меньше двух месяцев до моего отъезда. Что же будет со всеми нами потом? Со мной и Кайлом? С Маркусом и с нашими... чувствами? Мысль о том, что мы надолго попрощаемся, ранит, хотя с другой стороны это шанс разорвать эту нелепую связующую нить. Вернусь ли я когда-нибудь в Джексон? Есть ли шанс, что мы с Маркусом все же будем вместе? Мы точно встретимся, ведь все сон наследство находится в его руках.

Через несколько минут я должна созвониться с новым юристом, но уже не семейным, а моим личным. Очевидно, что семьи Ван дер Меер больше нет. Он будет следить за законностью всех операций корпорации, проверять все документы, которые я буду подписывать. Престон Арччибальд. Довольно пафосное имя, но надеюсь, что он хороший адвокат.

Ноутбук выключает вкладку с колумбийским университетом, и на экране высвечивается входящий видеозвонок. А вот и он. На экране появляется мужское лицо, потрепаетесь временем. Остатки волос зачесаны на бок, чтобы скрыть гладкую лысину, маленькие тусклые глаза прикрыты большими очками, которые, я уверена, стоят несколько тысяч, а верхняя часть тела облачена в льняной костюм, отлично подходящий в такую погоду. Из-за разницы во времени мы со-

званиваемся ранним утром, и мне не хотелось как-то строго одеваться и приводить себя в более подходящий вид, поэтому теперь мне неловко в своей футболке.

– Доброе утро, мисс Ван дер Меер, – голос мужчины охрип из-за вероятного затяжного курения. Лицо спокойное, а от его позы веет уверенностью. – Рад с вами познакомиться. Как поживаете?

– Здравствуйте, мистер Арчибальд, – вежливо здороваюсь я. – Спасибо за вопрос, но я предпочту приступить сразу к делу, сэр.

– Вижу в вас пыл вашего деда, – усмехается адвокат. Я знала, что они знакомы, так как мистер Арчибальд был близко знаком с мистером Ноланом. – Я начну с того, что на вашем сберегательном счете, открытом мистером Монтгомери в апреле, уже накопилась приличная сумма, поэтому хочу спросить, что вы хотите сделать с этими деньгами?

Свожу брови на переносице. Что за ерунда? Кажется, адвокат что-то напутал.

– Извините, я не понимаю, о каких деньгах вы говорите, – искренне говорю я.

Юрист опускает взгляд на свои документы, чтобы удостовериться в своей правоте.

– Да, все верно, – кивает он. – Маркус Монтгомери отказался от получения денег и договорился об открытии счета, на который будут начисляться ваши средства.

– Но на мою карту поступает небольшая сумма каждый

месяц, – все еще ничего не понимаю.

– Скорее всего, мистер Монтгомери сам обеспечивает ваше проживание, – заключает адвокат. Почему Маркус ничего не сказал мне? Он не взял ни копейки и с самого начала полностью содержал меня даже тогда, когда ненавидел. – Предлагаю продолжить и разобраться с остальными делами.

– Да, конечно.

Переговоры длятся целую вечность, а я не запоминаю ни единой детали, касающейся работы главы. Сегодня я будто впервые осознаю, что после бакалавриата уже стану боссом. Разве я готова к этому? Конечно, у меня всегда есть возможность перепоручить всем мои обязанности другому человеку, но дедушка видел во мне преемника, и я делала все, чтобы им стать. Да, вначале я буду той еще неумехой, и мне придется нанять хорошего консультанта. Остается надеяться, что я справлюсь.

Разговор отнял все мои силы, поэтому, отключив звонок, плюхаюсь на кровать. Поспать было бы отлично, но как только моя голова прикасается к подушке, в комнату врывается Кайл. Прячась от его радостного выражения лица, зарываюсь под плед, однако парень ловко забирает его у меня и, хлопнув по бедру, весело объявляет:

– Мы идем к озеру. Надевай купальник и выходи.

Осматриваю Кайла, уже экипированного для похода на пляж, и спрашиваю:

– Есть ли у меня выбор?

– Не-а, – хмыкает Кайл и еще раз хлопает меня, подгоняя. – Давай же, Мер, проведи со мной немного времени. Скоро мы будем видеться только по вечерам.

Мало того, что Маркус сам уткнулся в дела, он заставил Кайла работать. Он мог бы сам нанять сына, но твердо решил «никакой протекции для неучей». Да уж, жестко и справедливо. Пусть я не считаю Кайла глупым, но очень легкомысленно бросать университет. Нам повезло родиться с деньгами, и мы должны доказывать самим себе, что достойны их.

– Ладно, я сейчас спущусь.

Кайл, улыбнувшись, чмокает меня в щеку. И каждый раз после поцелуя – даже такого крохотного! – я столбенею от стыда и небольшого дискомфорта. Я бы могла его полюбить, если бы не любила его отчима.

Каждая мышца двигается, когда он поднимает руки. Пресс напрягается, и я могу видеть каждый кубик, освещенный лучами солнца. Кожа уже успела потемнеть, и в сочетании с отросшей щетиной она придала ему нечто необузданное и дикое. Я слежу из-под припущенных солнечных очков, как он идет к берегу, как узкие плавки облегают его подкаченную задницу и как все мускулы на спине напрягаются, когда он ныряет.

– Эй, Мер! – зовет меня Кайл с соседнего лежака. – Идем

плавать.

С трудом отрываюсь от Маркуса и перевожу взгляд на своего молодого человека. Он в плавках, но на него я не хочу пялиться, как маньячка. Кайл симпатичный, у него красивое стройное тело, и он хороший. Действительно хороший. Однако Кайл не Маркус.

Кайл не Маркус.

Натянуто улыбаюсь и поднимаюсь с соломенной подстилки. В Шайене я присмотрела изумрудный купальник с высокими трусиками танга и рельефным лифом с квадратным вырезом и купила его. Не знала, зачем он мне, пока не надела сегодня. Хочу, чтобы Маркус увидел меня в нем.

– Я поплыву на другой берег, а ты можешь сплавить к водопаду, – говорит Кайл.

По горячим камням подступаю к воде. Она довольно холодная, на то это и горное озеро. Вокруг него растут деревья, берега покрыты зеленой свежей травой, за соснами виднеются холмы. Никаких людей, никакой цивилизации. Вода кристально чистая и голубая-голубая, как на картинках в интернете. Здесь невероятно тихо. Только ветер, всплески и хруст веток. Я плыву к водопаду, как и предложил Кайл. Шелковая вода обволакивает мое тело. Водопад высотой примерно трехэтажное здание. Некоторое время люблюсь на него, затем подплываю ближе к нему и залажу по плотную струю. Она приятно бьет по плечам, но мое внимание привлекает небольшая пещера. Лучи света туда не проникают, она ка-

жется очень таинственной и манящей, поэтому без раздумий плыву туда. Проход узкий, и на секунду я торможу, но сразу двигаюсь дальше.

И, конечно же, там Маркус.

Он облокотился на стену пещеры и смотрит в небольшую расщелину на стене. Естественным образом здесь образовалось подобие скамейки, куда можно забраться и посидеть. Стены пещеры покрыты буграми и острыми выступами. Волосы Маркуса прилипли к вискам и скулам, по шее и груди, выглянувшем из-под воды, стекает вода. Хочу пробежаться пальцами и поймать каждую капельку. Мое желание не ушло. Мне противна мысль о том, что он был с кем-то. Да и я не хочу даже думать, что Кайл когда-нибудь захочет продвинуться... дальше поцелуев. Я не отвечу ему взаимностью, и тогда мы расстанемся. Разворачиваюсь, чтобы уплыть, но Маркус успевает меня заметить и окликает меня. Не могу смотреть на него, потому нахожусь все еще спиной к нему.

– Я обычно здесь прячусь один, – хрипит Маркус. – Кайл любит плавать, как сумасшедший, а я – наслаждаться спокойствием. Тебе здесь нравится, Мередит?

Мои брови ползут на лоб, а рот открывается от удивления. Он впервые начинает цивилизованный разговор, а я вот думаю только о его мышцах и прекрасном теле. Впервые вкусив плотские утехи, мой аппетит стал невероятным. Я хочу Маркуса, вождедею его до боли. Он нужен мне полностью: и душой, и телом.

– Мер, поговори со мной, – просит он, и сердце жалобно ноет в груди. Поджимаю губы, чтобы не сболтнуть лишнего. – Я очень скучаю по тебе, любимая.

Зажмуриваюсь, останавливая слезы, и отплываю к выходу из пещеры. Я тоскую по нему, но Маркус сам решил, что нам не быть вместе. Его выбор, к которому я вынуждена присоединиться.

– Прости, мне не следовало этого говорить, – кидает Маркус, когда я покидаю пещеру.

Выбравшись оттуда, начинаю задыхаться, будто здесь мало места и кислорода. Маркус в очередной раз выбил почву у меня из-под ног. Нечестно, что он настолько легко может вывести меня из равновесия, когда я даже слова не могу ему сказать наедине.

Кайл подплывает как раз вовремя. От солнца на его носу появились чудесные веснушки, как у Маркуса. У него еще и волосы отросли, и так ему намного лучше. Плотные упругие кудряшки и веснушки делают из него просто невероятно обаятельного молодого человека. От Кайла веет теплом и смехом, он логичный, понятный и простой. А Маркус – сочетание люда и пламени. Он страстный и беспощадный, как огонь. Но в то же время Маркус рассудительный и хладнокровный как лед. Сплошное противоречие, черт бы его побрал.

Кайл подмигивает мне, вдруг ныряет, проплыв вперед, хватая за бедра и садит к себе на плечи. Я визжу и говорю,

чтобы он отпустил меня, но Кайлу весело, и вскоре это озорство передается и мне. Мы падаем в озеро, брызгаемся, топим друг друга. Уши закладывает вода, в глазах мутно. Плечи и спина, скорее всего, сгорели, потому что прикасаться к ним становится больнее. Маркус в отличие от нас спокойно сидит на берегу. Он не уходит, словно заставляет себя смотреть на нас. Будто наше веселье доказывает его мнение о нашей связи. Благодаря Кайлу я отвлекаюсь от боли и не думаю о том, что Маркусу тоже больно.

Но после полуденной жары Кайл уходит на собеседование. С его неоконченным колледжем он не может работать по профессии, поэтому он нашел вакансию администратора на базе отдыха, где сейчас Маркус делает ремонт. Думаю, это неплохо, что он будет присматривать за Кайлом, потому что этот оболтус не готов к самостоятельному плаванию. Мы остаемся вдвоем. Я стараюсь выдерживать дистанцию, поэтому плаваю вдали от Маркуса возле скалистого обрыва.

Вдруг раздается странный звук, похожий на выстрел. Я вздрагиваю от испуга, потому что он прозвучал где-то рядом. Звук затерялся где-то в деревьях, поэтому не могу понять, где и что это было. Без особого вдохновения кричу:

– Маркус, ты слышал это?

Ответа нет, потому сама решаюсь узнать источник. Деревья растут плотно друг к другу и близко к краю берега, а ветки свисают над озером. Если в лесу кто-то и есть, то я этого не услышу из-за ветра и шелеста листьев. Всматриваюсь в

глубь роши, в каждый ствол и в кусты, но там никого. Расслабившись, разворачиваюсь спиной к лесу, а следом слышится хруст и на меня падает большая тяжелая ветка. Жесткий и шершавый кусок дерева бьет прямо по спине и задевает шею. От силы удара я взвизгиваю и тут же ухожу под воду. Глубина здесь не менее двух метров, и у меня не получается взять себя в руки и всплыть наверх. Я продолжаю глотать воду и задыхаться, барахтаясь. Кислород почти заканчивается, силы иссякают. Еще немного, и я...

Крепкие руки подхватывают меня и вытаскивают из воды. Маркус встряхивает меня и наклоняет, давая прокашляться и выплюнуть всю воду. Затем тащит к берегу, вытаскивает и усаживает на обрыв. Провожу ладонями по лицу, протираю глаза, и зрение возвращается ко мне. Руки трясутся, зуб на зуб не попадает, хотя я и не замерзла. Маркус забирается ко мне, обеспокоенно оглядывает мое лицо и тело.

– Подними волосы, – дрожащим голосом командует он. Я подчиняюсь и показываю место ушиба. – Черт, синяк будет здоровенный. Надо ехать в больницу, чтобы сделать рентген, Мер.

Я отрицательно качаю головой. Никуда не хочу. Даже двигаться выше моих сил. Я могла умереть. Сначала пожар, потом тот загадочный человек, а сейчас вода? Что будет дальше? Нет, я не хочу знать.

– Я в порядке, – прикрыв спину мокрыми волосами, с запинками говорю я. – Просто ветка упала очень неожиданно.

Резкий спазм ударяет в спину, и я кривлюсь. Маркус сильнее хмурится, поднимается на ноги, заодно прихватив и меня. Спина не так уж и сильно болит, чтобы ехать в больницу. Ерзаю на руках мужчины, понимая, что такое близкое нахождение друг с другом не сулит ничего хорошего.

– Прекрати, – шипит он, – иначе мы оба упадем. По камням не очень удобно ходить.

Мы возвращаемся туда, где лежат наши вещи, и Маркус ставит меня на ноги.

– А ты прекрати думать, что я хрустальная, дурак, – складываю руки на груди, не обращая внимания на жжение в шее и спине. – Я не рассыплюсь, если поцарапаюсь.

На лбу мужчины выступает венка. Я его разозлила. Маркус протягивает мне мою одежду, а сам складывает все наши вещи в сумку. Грудь часто вздымается: он старается успокоиться.

– Ты тонула! – Маркус повышает голос и резко встает, сложив руки на груди.

Это мне нечем парировать, поэтому, нацепив шорты, разворачиваюсь и ухожу по тропе назад к дому.

К врачу я все-таки ходила. И как же я была рада кинуть в Маркуса снимки с целым и невредимым позвоночником! Однако радость продлилась недолго. По возвращении

домой поняла, насколько по-детски вела себя. Мало того, что я устроила ему бойкот, так еще и не поблагодарила за спасение. Меня даже не разговорило желание спросить, слышал ли он выстрел. Скорее всего, в лесу кто-то охотился, потому что в Вайоминге охота – привычное ремесло. Кайлу я решила не рассказывать ту часть, где я чуть не захлебнулась, потому что он и так переусердствовал с объятиями после увиденной ссадины на шее. Едва оторвалась от него. Честно, иногда его тактильность меня раздражает.

К ночи моя совесть совсем перестает молчать, и мне становится вдвойне стыдно за неблагодарность к Маркусу. Ворочаясь с одного бока на другой, не могу уснуть. Черт. Поднимаюсь с постели и иду в сторону спальни, в которой провела самые чудесные ночи в моей жизни. Все тело покрывается дрожью, ладони потеют. Я не готова туда зайти. Отвожу взгляд от бежевой двери и вижу, что кабинет Маркуса открыт. Слава Богу, он еще не спит. Подхожу ближе, стучусь и, не дожидаясь ответа, проникаю в кабинет. Маркус, откинувшись на спинку, что-то печатает на клавиатуре. Под глазами у него образовались синяки: сказывается недосып. Ему надо отдохнуть. Маркус поднимает глаза и вопросительно смотрит на меня. Слова застревают в горле. Делаю несколько шагов к его столу и оказываюсь прямо напротив Маркуса.

– Прости, – выдавливаю я.

Мужчина встает, огибает стол и подходит ко мне. Несмотря на усталость, он хорошо выглядит и чудесно пахнет мен-

толовым гелем для душа. Сквозь него чувствую запах табака и вдруг спрашиваю:

– Ты курил?

Маркус кивает и стыдливо поджимает губы. Знаю, что он пытается бросить, но не все могут побороться с вредной привычкой. Нас тянет друг к другу на каком-то подсознательном уровне, мы не замечаем, что встали еще ближе. Я чувствую жар кожи мужчины рядом со своими руками. Хорошо, что мы полностью одеты. Очень хорошо.

– За что ты извинилась? – Маркус поднимает руку и тянется к моим волосам, но резко одергивает себя.

Воздух становится густым, а наше дыхание – тяжелым. Все происходит обыденно: привычная реакция наших тел друг на друга, зрительный контакт и нестерпимое желание, выражающееся даже кончиками пальцев. Однако тоска делает этот момент не просто пошлым и страстным, а нежным и даже милым.

– Я вела себя, как ребенок, – шепчу я, переводя взгляд с ярко-голубых глаз на губы с маленьким шрамиком. Облизнув засохшие губы, продолжаю: – Не отблагодарила тебя за заботу. Спасибо, Маркус.

– Пожалуйста, Мередит, – хрипло отвечает, нависнув надо мной.

Не знаю, кто из нас сорвался первым, кто кого поцеловал. Но суть в том, что наши губы вновь слились в одно целое и медленно двигались, дразня возбужденные тела. Прильнув к

его широкой груди, я не сдерживаю стон блаженства. Маркус издает гортанный рык, обхватывает мое лицо и проникает языком в мой рот, углубляя поцелуй. Как же я сучала... Поцелуй непонятный: он одновременно значит много и ничего. Мы попрощались и должны смириться, но почему же так приятно целовать его? Почему все тело льнет к Маркусу? Чем мне не угодил Кайл?

Кайл...

Если мы зайдем дальше, Маркус вновь будет винить себя. Довольно ему одному чувствовать себя предателем. Я не позволю ему отдуваться за нас обоих перед его совестью. Как бы наша связь не казалась правильной моему сердце, его разум не принимает ее. Пусть я эгоистка, готовая причинить боль другу, мне плевать. Мне, не Маркусу. Я отрываюсь от его губ и вглядываюсь в лицо самого прекрасного мужчины. Смятение и возбуждение. Скоро это пройдет, и Маркус поймет, зачем я это сделала и предала свои чувства. Отхожу на шатающихся ногах назад, а затем и выбегаю из кабинета. Мне снова больно. Прекратится ли это когда-нибудь?

Глава 26

Мерedit

Полиция сдалась. Расследование зашло в тупик, и просвета не видно. Мы все уперлись в толстую и высокую стену. Преступник отлично справился и подчистил следы за собой. Получается, что в Нью-Йорке меня могут снова подкараулить. Чудесно. На следующий раз я могу лишиться не телефона, а жизни. Не знаю почему, но я не боюсь. Если так суждено, то что поделать? Однако Маркус и Кайл со мной не согласились. Их реакция на новости от детектива была довольно... бурной. Кайл закидал полицейских кучей вопросов и пытался предложить им варианты для продолжения расследования, а Маркус просто сквернословил, мешая полицию с грязью. Громко и так грубо, что мои уши чуть не завяли. Почему-то мне кажется, что дело не только в моей безопасности. Я до сих пор не знаю, о чем говорил незнакомец с Маркусом. Зато я помню его напуганное лицо в день возвращения после похорон.

Когда полиция покидает дом, мужчины Монтгомери продолжают свои споры. Сидя в кабинете, я только и делаю, что думаю о голосе того незнакомца. Есть ли шанс, что я его

знаю? У него не было никакого примечательного акцента, а его лица я не видела. В отличие от Маркуса и Кайла я быстро бросила все мысли о преступнике и начала злиться из-за их гиперопеки.

– Черт, он же не убил меня, – выпаливаю я, прикрыв глаза. – Заткнитесь уже ради всего святого.

Ворчания стихают, и две пары глаз уставляются на меня. Кабинет Маркуса и так небольшой, а под взглядами он становится крошечным. Открываю глаза и осматриваю мужчин. Разъяренный Маркус сидит на своем кресле и испепеляет меня взглядом, а лицо Кайла вытягивается, и парень, качая головой, шокировано произносит:

– Не верю, что ты это сказала. Папа не сказал, что этот человек знает все наши тайны? Он говорил...

– Кайл, хватит, – останавливает парня Маркус. – Выйди и погуляй. Ты на взводе.

Маркус, не отрываясь, смотрит на меня. Голубые глаза на мгновение кажутся черными из-за немой ярости. Честно? Он меня пугает, и я съеживаюсь. Кайл переводит взгляд на меня, и я, кивнув, говорю:

– Маркус прав. Ты не в себе.

Кайл проводит ладонью по своему ежику, поджимает губы, но все же уходит. В кабинете наступает тишина. Маркус хочет что-то сказать, однако почему-то молчит. Я разворачиваюсь к нему лицом и спрашиваю:

– Какие тайны ему известны?

Маркус ничуть не меняется в лице. Он будто превратился в каменную статую. Идеальный гнев. Поднимаюсь, подхожу к нему и накрываю его ладонь своей. Это был порыв. Так ведь поддерживают близких? Конечно, я хочу большего, чем легкое прикосновение к его огромной руке. Мечтаю хотя бы обнять его. Маркус так волнуется, что я даже не могу думать о себе или своей жизни. Я никогда не получала столько физических травм, а после знакомства с Маркусом то огонь, то вода, то еще что-то. И мне плевать на себя, а на него – нет. Маркус пересиливает себя и берет мою ладонь, сплетая наши пальцы. Милый, простой и очень непривычный жест. На секунду я представила нашу жизнь без сложностей и скелетов в шкафу... и на кладбище. Мы могли бы гулять по набережной, держась за руки, как сейчас, ходить на бранчи в любимую кофейню в Нью-Йорке. Хотя нет, мы бы не жили там. Мы бы поселились где-нибудь рядом с морем, но и часто возвращались бы в Джексон, чтобы не видеть серость и холод.

– Он знает о нас, Мер, – шепчет Маркус.

Делаю глубокий вдох. Ноги подкашиваются, и все тело пронзают странные ощущения. Страх, боль, разочарование. Наша тайна раскрыта перед плохим человеком. Если эта информация дойдет до прессы, в прессе будет много вопросов. Будут ли клиенты Маркуса рады, что он трахает несовершеннолетнюю? *(Примечание от автора: никогда не поясняла это, но напомним, что Мередит уже девятнадцать, но*

во многих штатах совершеннолетие наступает с двадцати одного. Не волнуйтесь, Мер равноправный член общества, которому нельзя пить алкоголь. И все) Вряд ли. А обрадуются ли акционеры, узнав о моем романе с хозяином бывшей конкурентной фирмы? Очень сомневаюсь.

Но даже это не так пугает, как реакция Кайла. Один недруг знает о нас и легко может рассказать ему. Вот тогда и случится катастрофа.

– В моем телефоне... – выдавливаю я. – Там есть наша переписка с... видео. Боже, что я натворила?

Маркус качает головой. Его взгляд теплеет, а напряжение в теле уходит. Он смотрит на меня с невероятной нежностью. Чувство вины тает под его взглядом, и я слегка улыбаюсь, отдаваясь моменту. Наконец нам легко, и я не хочу упускать этот шанс. Маркус сказал, что скучает. Могу ли я ему наконец ответить? Он не обрадуется.

– Мы оба виноваты, – отвечает Маркус. – Мы всю жизнь учимся беречь свою личную жизнь. Переписки всегда опасны. Может, стоит отнести телефон к специалисту, проверить, не поставили ли туда жучков.

– Да, идея неплохая, – соглашаюсь я. – Я пойду, у тебя много дел, наверное.

Вижу, как Маркус мечется, но все же кивает, и я ухожу. Мысли клубом крутятся в моей голове: пожар, похищение телефона, вчерашняя упавшая ветка. Наверное, стоит прогуляться к озеру, все-таки тот звук кажется мне непростым.

То ли паранойя, то ли интуиция. Лучше проверить в любом случае, поэтому мне стоит прогуляться. Завязав волосы на затылке и надев солнечные очки, я ступаю по знакомой тропе к озеру. В лесу не так душно, как под палящим солнцем, и даже немного дует ветер. Прохожу к берегу. Вода блестит и тянет к себе, но все же я здесь не для того, чтобы купаться. Медленно иду к тому месту, где злосчастная ветка упала на меня. Дерево выглядит здоровым, а вот ветка явно немного подпилена. Возможно, ее хотели убрать, чтобы не мешалась, но вот это было бы слишком большим совпадением. Осматриваю землю и в паре метров от дерева замечаю смятую пулю. Тошнота подступает к горлу, тело каменеет.

Никаких совпадений. В лесу не было охотников. Меня пытались убить.

Подбираю пулю и со всех ног мчу обратно. Воображение решает поиграть со мной: за каждым деревом вижу человека в капюшоне. Почти добираюсь до дома, как вдруг слышу писк. Звук настолько жалобный, что я останавливаюсь и опускаю взгляд на землю. На траве сидят два крошечных желтых утенка. Увидев меня, они испуганно пытаются убежать, но едва ли могут двигаться. Они голодные и уставшие. Наклоняюсь и аккуратно беру их на руки. Писк становится громче, и я успокаивающе глажу их по головкам.

– Где же ваша мама? – спрашиваю их, будто они могут ответить.

Вокруг ни единого намека на присутствие мамы-утки. Не

знаю, что делать. Стоит ли забирать птенцов из их естественной среды? Скорее всего, нет, но они такие измученные. Господи...

– Я вас накормлю и дам поплавать, крошки, – пробормотав это, бреду к дому, но уже не так быстро. – Знаете, у меня тоже нет мамы. Я о вас позабочусь.

Утята стихают, словно понимают меня. Я вновь провожу пальцами по их мягким головкам и продолжаю говорить:

– Я живу с двумя мужчина. Да, сложная ситуация, но они милые. Один очень веселый и, наверное, умилится вам, а второй... хм... он будет ворчать, но вы сделаете такие же глазки жалобные, и он отгадет. Поверьте, так и будет. Он кажется грозным и страшным, а внутри просто добрейший человек.

Черт, я нахваливаю Маркуса двум птенцам. Докатилась...

Утята немного отвлекают меня, но в дороге я все еще обращаюсь по сторонам. Дома тихо, все разбрелись по своим углам. Без лишнего шума пробираюсь на кухню и кладу утят на столешницу. Надо найти, чем их можно кормить. Гугл говорит, что молоко, пшеница и отруби подойдут, а Маркус как раз купил корм для куриц. Накладываю им все нужное, и птенцы тут же начинают есть. Думаю, им хочется поплавать. В раковине им будет вполне просторно. Как только они оказываются в воде, писк становится очень довольным и радостным.

– Вот так, малыши, плавайте, – наклоняюсь над ними и

наблюдаю, как они плескаются.

Они такие милые! Маленькие беззащитные крошки.

За спиной слышатся шаги, а затем глубокий голос произносит:

– Мер... что за черт? Откуда в моем доме цыплята?

Я поворачиваюсь и, прикусив нижнюю губу, отвечаю:

– Это утята.

– Плевать, – брови Маркуса сводятся на переносице, а руки упираются в бока. – Какого черта ты их притащила сюда?

Маркус в смятении, но не зол. Его глаза наблюдают за утенком побольше, и взгляд смягчается. Для приличия, как я и говорила, он поворчит, а потом сам будет их гладить.

– Я нашла их на берегу, они были совсем одни... ну и...

– Ты притащила их сюда, – заканчивает Маркус за меня и устало прикрывает глаза. – Мер, ты же понимаешь, что они вырастут и перестанут быть такими милыми? Они будут кричать и много срать.

Надуваю губы, возможно, слегка манипулируя. Маркус видит мою мольбу и, выругавшись себе под нос, кивает головой.

– Я могу их оставить? – радостно щебечу я. Маркус снова кивает, и я хлопаю в ладоши. Беру его под руку, тащу к столешнице, чтобы он мог рассмотреть их получше. – Посмотри, какие они пушистые и взъерошенные.

Плечи Маркуса расслабляются, и мужчина опирается руками на раковину. Его глаза выдают, насколько он умилен.

Зрелище довольно необычное: огромный зрелый мужчина с трепетом смотрит на маленьких птичек. Атмосфера такая милая, что губы растягиваются в самую большую улыбку, на которую способно мое лицо. Мы молчим, но слова и не нужны, потому что никто из нас не может выбросить двух беспомощных существ – сирот – на улицу. Воздух вокруг нас становится мягким и располагает к нежным жестам. Моя голова сама ложится на его плечо. Уютно и спокойно, но не так, как в его объятиях или... постели.

Мерedit, прекрати!

Мои желания слишком все усложняют. Мне следует просто наслаждаться тем, что имею. И помнить, что я заварила кашу с Кайлом. Маркус на удивление не отлынивает. Его глаза опускаются на меня, и наши взгляды встречаются. Маркус проводит рукой по моим волосам, заряжая мое тело током. Его взгляд опускается на мои губы.

Мое тело и сердце кричат в унисон: «Поцелуй меня, пожалуйста! Возьми меня, я только твоя!» Но умом я понимаю, что Маркус не позволит себе сделать этого, он не разрешит себе поддаться.

– Эй, привет, – голос Кайла за спиной заставляет нас почти отскочить друг от друга. – Что тут происходит?

Я оборачиваюсь и вижу, что Кайл как-то странно на нас смотрит. Желудок скручивается в тугий узел от стыда, будто я сделала что-то ужасное, но разве смотреть на любимого человека так ужасно? Перевожу дыхание и понимаю, что

Кайла смутили не мы с Маркусом, а плавающие утята.

– У нас новые питомцы, – тараторю я и натягиваю улыбку, игнорируя паршивое ощущение.

До самой ночи мы возимся с птенцами. Я дала им имена: Тедди и Чарли. Когда восторг начинает стихать, и все расходятся по своим комнатам, я вспоминаю о своем страхе. Смотря в окно, клянусь, вижу темную фигуру среди деревьев. На всякий случай подпираю дверь стулом и ложусь спать. Точнее пытаюсь уснуть, но ничего не получается. Спина ноет, а в ушах стоит свист летящей пули.

Проклятье!

Надо было сказать Маркусу, но он бы снова начал психовать. На этот раз повод, разумеется, был бы серьезным. Мои мысли возвращались к двум вещам: Бразилии и человеку, угрожавшему Маркусу. Что, если это был один и тот же человек? Но зачем ему вначале прятать дерьмо Квентина, а потом угрожать его семье и наследию? Черт, а зачем ему я? Голова гудит. Я всегда была плоха в загадках...

Солнце тем временем уже полностью входит в свои полномочия и освещает землю. Смысла пытаться спать нет, поэтому поднимаюсь с постели, убираю баррикаду и иду на кухню. Выпью кофе и проверю утят. Сегодня их первая ночь в амбаре, так что надеюсь, что с ними все хорошо.

Мои надежды разбиваются в пух и прах, как и мое сердце. Тедди и Чарли лежат у входа в дом с отрезанными головами.

Меня трясет. Горло болит от крика, на который сбежались Кайл и Маркус. Дело зашло слишком далеко, поэтому я вывалила им все, что узнала на озере. Тот человек оставил вполне красноречивое послание. Он может добраться до меня, но пока хочет играть и сводить меня с ума. Маркус много ругался и орал на меня, обвиняя в том, что я молчала. После того, как он остыл, он извинился и позвонил кому-то. К вечеру весь дом был обвешан камерами видеонаблюдения, а в деревьях спряталась машина с двумя охранниками, которые по очереди обходят дом. Маркус ушел в кабинет после обсуждения всех деталей, а Кайл отправился спать после тяжелого дня. Я подняла их рано, поэтому они вымотаны. Перед глазами маячат маленькие головы утят, и мне сейчас не до сна. Включив телевизор, уставляюсь на экран и смотрю какую-то передачу про акул. Да уж, подходящее время для того, чтобы узнать новое о кровожадных хищниках.

– Не спится? – Маркус плюхается рядом со мной и накрывает меня пледом.

Он выглядит уставшим и напряженным. Похоже, что он пришел сюда прямо из постели. Маркус одет лишь в пижамные штаны. У меня нет сил смотреть на великолепный мужской торс, поэтому накрываю его пледом. Не знаю почему, но он берет меня за руку. Жест без подвоха. Очень важный

и простой.

– Спасибо, – благодарю Маркуса за заботу и за все, что он сделал сегодня. – Сон для слабаков.

Маркус хмыкает. Не поднимаю на него взгляд, не хочу уплыть из реальности из-за любимых глаз и губ. Потираю затекшую шею и разминаю одеревеневшие мышцы. Маркус молча встает и разбирает диван, чтобы я могла лечь. Я с удовольствием протягиваю ноги, а мужчина возвращается на диван и ложится рядом. Маркус притягивает меня к себе и укладывает голову на свою грудь.

– Попробуй уснуть, – шепчет он, обвивая мою спину руками и поглаживая меня по волосам.

Слезы жгут глаза. В этот момент я не хочу думать ни о чем. Мой Маркус вернулся ненадолго ко мне, и это чертовски приятно. Он ненадолго отодвинул стену, которую возвел между нами, из-за всего происходящего, и я почти рада, что меня хотели убить. Да уж, не самая здоровая мысль.

– Ты будешь рядом? – шепчу я в его грудь.

Мои руки обвивают его талию, а веки вдруг трепещут и закрываются. Под защитой я могу спать.

– Всегда, Мер.

Глава 27

Мерedit

– Ребят, вы чего тут? – голос Кайла выводит меня из сна.

Открываю глаза и понимаю, что мы с Маркусом проспали всю ночь в обнимку. Моя голова прижата к его груди, а руки обвивают крепкую талию. На душе становится тепло от этого, но в то же время неловко от того, что Кайл увидел нас так. Маркус все еще крепко спит и мило посапывает. Окончательно придя в себя, отпускаю мужчину и толкаю его в бок, чтобы разбудить. Маркус морщится.

– Мы разговаривали и, кажется, уснули, – хриплю я сонным голосом.

Взгляд Кайла такой же странный, что был два дня назад, когда мы с Маркусом стояли и смотрели, как плескаются утята. Пихаю старшего Монтгомери еще раз, и он наконец-то открывает глаза. Он тут же смекает, что нас застукали, но не подает виду и спокойно здоровается с Кайлом. Маркус встает с дивана, помогает мне встать и объявляет:

– Я пойду варить кофе.

Смотрю ему вслед и думаю, понимает ли он, что скинул на меня всю ответственность. Кайл складывает руки в карма-

ны своих спортивных штанов, словно ждет объяснений. Его глаза внимательно следят, улавливая каждое мое движение. Сглотнув образовавшийся в горле ком, спрашиваю:

– Давно проснулся?

Кайл отрицательно качает головой.

– После вчерашнего дня долго не мог уснуть, вырубился только ближе к рассвету, – отвечает он. Мы действительно будем вести тупую светскую беседу? – Так о чем вы говорили?

– О всей ситуации, да и в целом об осторожности, – вру я. Думаю, мы могли действительно это обсудить. – А что?

– Просто вы... хотя ничего забей, – Кайл натягивает свою фирменную ухмылочку и приобнимает меня. – Не хочешь позавтракать в городе? У меня сегодня выходной, а охранники и камеры меня смущают.

Отказываться подозрительно, потому я соглашаюсь. Мы уезжаем в город, предупредив Маркуса. Думаю, он все равно не особо хотел бы есть с нами. Маркус снова воздвигнет стену, которую опустил вчера.

Завтрак с Кайлом и правда помог. Я смогла улыбнуться и повеселиться, когда парень корчил рожицы. Мне он очень нравится, и, возможно, я люблю его, но только как близкого человека. Он потрясающий, позитивный, обаятельный, но полюбить его как мужчину я не могу. Это разбивает мне сердце, потому что я вижу, насколько я ему небезразлична. Мне остается думать только об отъезде, когда все встанет на

свои места. Маркус останется вдали, где не будет заполнять собой каждую мою мысль, а Кайл отпустит меня, потому что он точно не будет ждать моего возвращения. Я надеюсь на это по крайней мере. Зачем молодому парню отношения на расстоянии?

– О чем задумалась? – Кайл сжимает мое колено под столом. Он отпивает кофе, внимательно глядя на меня.

– Если честно, то да, – конечно, я не буду выдавать ему всю подноготную, но кое-что могу ему сказать. – Переживаю насчет возвращения в Нью-Йорк. Осталось совсем немного времени до отъезда.

Кайл кивает. Может быть, он тоже об этом думал. Кайл покинул университет и ни разу не упоминал о поступлении в другой.

– Колумбийский, верно? Лекси тоже поступила туда. Буду ездить к вам в гости, – Кайл обнадеживающе улыбается. – Я пока не собираюсь возвращаться в Бостон. Возможно, уговорю папу нанять меня. Я бы поработал в Эл-Эй (*примечание: Лос-Анджелес*). Никогда не был в Калифорнии. О! Или Флорида?

Кайл такой беззаботный, такой простой. Он живет сегодняшним днем без груза на своих плечах. Кайл живет так, как и надо молодому человеку. Как следует жить мне.

– В теплые края тянет? – хмыкаю я. – Я думаю, что поеду где-то в середине августа в Нью-Йорк. Надо обустроиться перед началом учебного года, проверить дела компании.

Кайл немного поник. Опустив глаза, он принимается размазывать остатки джема по тарелке.

– Это меньше, чем через месяц, – бормочет парень. – Не думал, что это так скоро.

– Мне нравится в Джексона, хотя здесь и многое случилось, – я искренне улыбаюсь ему. – Я впервые подружилась с кем-то здесь, жила спокойно и действительно радовалась.

И полюбила. Но не тебя, Кайл.

Мысли закружились в голове. Смотрю в окно, и какое-то странное чувство ностальгии сжимает сердце. Удивительно, как небольшой городок может изменить твою жизнь за считанные месяцы. Я не хочу отпускать все, что обрела здесь.

Весь день мы с Кайлом проводим вместе и гуляем, а в моей голове тем временем зреет безумная идея. Парень не пытается меня поцеловать или наладить другой физический контакт, чему я безмерно рада. Сегодня он друг, которого я обожаю. Прогулка заканчивается, и я делаю остановку у Лекси. Кайл остается в стороне, но не уходит. Сейчас нам лучше не разбредаться. Пришло время реализовать свою взбалмошную идею. Стучусь к Лекси и ,когда подруга открывает дверь, с порога толкаю речь:

– Я знаю, что была плохой подругой, и ты, наверное злишься, но давай забудем обо всем дерьме. Мы будем учиться в одном университете, и я хочу, чтобы ты жила со мной. У меня огромная квартира с тремя ванными, поэтому у каждой будет свое пространство. Ты...

Лекси поднимает руку, останавливая меня. Ее рыжие волосы заправлены за уши, а лицо вытянуто от удивления. Мы особо не разговаривали после моего последнего визита, лишь переписывались пару раз. Я не готова потерять ее. Лекси смотрит на меня, и резко ее глаза наполняются слезами. Она кидается мне на шею и с завыванием бормочет:

– Ты ни в чем не виновата, я дура. Я буду просто безумно рада жить с тобой, используй меня хоть как уборщицу, черт возьми! Мер, я люблю тебя.

Я крепко-крепко прижимаюсь к ней и ее рыжей шевелюре и тоже начинаю плакать. Она согласна! Нью-Йорк перестает казаться мрачным и грустным, потому что теперь я буду не одинока.

Домой мы добираемся лишь к позднему вечеру. Я в приподнятом настроении совсем забываю про камеры и охранников. Буквально лечу к своей комнате, но вдруг решаю поделиться радостной новостью и с Маркусом. Он сидит в кабинете и устало таращится в монитор. Мужчина даже не сразу замечает мое присутствие, поэтому стучусь к нему. Маркус поднимает глаза, заметив мою радость, улыбается и проносит:

– Приятно наконец-то видеть твою искреннюю улыбку. Расскажешь, почему ты такая радостная? Или это секрет?

Захожу в кабинет и, плюхнувшись на стул, бодро отвечаю:
– Отнюдь не секрет. Я встретила сегодня с Лекси и предложила ей жить со мной в Нью-Йорке. Она согласилась!

Улыбка Маркуса становится шире, и он по-настоящему радуется за меня. Его эмоции трогают сердце, и я выпаливаю все, что у меня на душе:

– Знаешь, я очень благодарна тебе за то, что привез меня сюда. Джексон потрясающий. Я впервые нашла друзей, почувствовала себя живой и получила... невероятные воспоминания. И к черту всю суматоху! Я обожаю каждый день, проведенный в Джексоне и в твоём доме.

Маркус откидывается в кресле и внимательно слушает меня. Лед в глазах тает, а суровость сменяется на нежность. Такая смена эмоций всегда превращает мое сердце в кучу мягкого желе и заставляет все лицо покрываться румянцем.

– Знаешь, я до сих пор не понимаю, как твой дедушка догадался до такого хода, – хмыкает Маркус. Его взгляд становится каким-то отстраненным и мечтательным. – Но я благодарен ему за то, что он нашел способ, как ты можешь стать счастливой без него. Жизнь очень странная штука.

Я соглашаюсь. От воспоминаний о дедушке и бабушке я не чувствую грусть или потерянность, мне приятно думать о них и об их заботе обо мне. Я была любима и сейчас обрела людей, которым так же небезразлична. Я не потеряна для любви.

На глазах выступают слезинки, и я решаю не портить момент своими сантиментами. Уже встаю, но что-то останавливает меня. Порыв? Или разум понимает, что я должна что-то сделать перед тем, как все закончится? Я резко развора-

чиваюсь и четко говорю:

– Знаешь что? Это не все.

Маркус поднимает брови и спрашивает:

– Что-то еще произошло?

Я качаю головой.

– Нет... то есть да. И уже довольно давно, – прикусываю нижнюю губу, а затем уставляюсь прямо на Маркуса. – Ты выслушаешь меня?

Мужчина неуверенно кивает. Он видит напряжение в моем теле и понимает, что то, что я хочу сказать, серьезно. И это действительно нечто важное.

– Мне надоела стыдиться. Я люблю тебя, Маркус, – слезы свободы катятся по щекам, признание льется из уст легко, – а любовь – это не позорное чувство. Она чиста и великолепна. Если я люблю тебя, плюнув на все, это не значит, что я пятнаю свое имя. Я не преступница. Я влюбленная женщина, черт возьми.

– Мередит... – голос Маркуса звучит почти жалобно. Он молит прекратить, но я не могу.

Качаю головой, не желая останавливаться.

– Я знаю, что все непросто, – шепчу я. – Я натворила дел, но все равно я собиралась объяснить Кайлу, что люблю другого, тебя. Он хороший человек, и я больше не могу его обманывать. Слишком много «я», понимаю. В моем сердце только ты, был и всегда будешь ты. Маркус, ты не должен отвечать, но ты должен знать, что...

Маркус рассекает кабинет и, в миг оказавшись рядом со мной, целует меня. Очень нежно и трепетно. В его поцелуе чувствуется внутренняя борьба с самим собой. Я целую его в ответ, показывая правдивость своих слов. Оторвавшись от меня, он прижимает свой лоб к моему и шепчет:

– Кайл возненавидит меня, но я эгоист и чувствую, что это того стоит. Я люблю тебя вопреки всему. Проблемы, которые мы навлечем на себя, только что исчезли.

Улыбаюсь и вновь впиваюсь в его губы. Запах Маркуса окружает меня, я забываю про осторожность и неспешность. Мы изголодались друг по другу, и животная страсть берет верх. Нам следовало бы остановиться, сделать шаг назад и начать с признания Кайлу, однако мой топ летит на пол, а затем и футболка Маркуса. Руки и губы повсюду. Мужчина поднимает меня в воздух и садит на стол, скинув с него все вещи. Стук довольно громкий, а нам все равно. Маркус целует мои груди, пока его руки тянутся к застегке бюстгалтера. Поцелуи пылкие, жаркие и одурманивающие.

– Да уж, зрелище незабываемое, – стальной голос Кайла становится ледником перед нашим кораблем. – Не хотите поговорить? Или мне вас оставить, и вы продолжите то, чем занимаетесь явно не первый раз?

Мы замираем. Все как всегда идет наперекосяк. Черт, черт, черт!

Маркус отпускает мою талию, быстро поднимает топ, передав его мне, зажмуривается, словно его только что удари-

ли. Одевшись, слезаю со стола и предстаю перед озлобленным взглядом Кайла. Никогда бы не подумала, что этот добряк может так сердиться. Все конечности немеют, и я хочу думать, что я виновата, но ничего не получается. Мне надоело щадить чужие чувства, пренебрегая своими. Рано или поздно Кайл бы узнал, но, конечно, он должен был застать такую картину. Я дорожу им, однако ему пора хоть немного научиться открывать глаза.

– Кайл, мне жаль, что ты увидел это, – выдавливаю из себя я.

Парень ядовито смеется и, устремив взгляд на меня, выплевывает:

– Что, даже не будет «это не то, что ты подумал»? Или «я могу все объяснить»? Черт, Ван дер Меер, он же мой отец! Неужели я тебя совсем не возбуждаю, раз ты пошла к моему старику?

Шокировано открываю рот, даже не зная, что ответить. Он взбешен или очень обижен. Кайл просто не понимает, что говорит. Слова, как бы я не хотела этого признавать, задевают меня.

Маркус не остается в стороне и выступает вперед, закрывая меня или отвлекая Кайла от причины его гнева. Зачем ему защищать меня перед своим сыном?

– Кайл, остановись, – предупреждающе шипит Маркус. Он все еще не одет. Его грудь вздымается от учатившегося дыхания. Каждая мышца напряжена. – Ты не можешь гово-

ритель такие вещи.

Кайл молниеносно подходит к приемному отцу и тыкает его пальцем в грудь:

– Почему я не могу? Я только что застал свою девушку со своим отцом, черт возьми! Ох дьявол...

Мы видим, как Кайл морщит нос, а глаза его прикрываются, будто он сейчас упадет. Кайл расхаживает кругами по кабинету, обдумывая что-то, и вдруг выдает:

– Ты имела в виду Маркуса, когда говорила, что влюблена в кого-то?

Я молчу и не двигаюсь. Кайл издает какой-то гортанный звук и холодно приказывает:

– Ответь, Мередит.

Я вздрагиваю и киваю, подтверждая, что уже давно люблю Маркуса. Мне не стыдно за мои чувства, но за мое вранье чувство вины начинает жечь изнутри мои органы. Маркусу тяжело, хочу поддержать его, но сейчас не время.

– А ты знал, – это не вопрос. Кайл сложил картинку и понял, что я не просто любила. Наши чувства были взаимны. – То, как вы смотрели друг на друга, когда эти чертовы утки плавали в раковине. То, как вы спали... И давно это у вас?

Маркус делает глубокий вдох и честно отвечает:

– Все началось еще до твоего приезда. Сынок, я не знал, что все так пойдет. Это сложно... я пытался отпустить Мер, позволить вам быть вместе, но я не могу. Видит Бог, я не хотел этого, и ты знаешь, насколько ситуация трудна. Мы лю-

бим друг друга, Кайл.

Я бы хотела кататься по полу и прыгать от счастья от того, что Маркус наконец произнес это вслух. Однако это лишь ухудшает ситуацию. Кайл гневается сильнее от его слов.

– Я рад за вас, Маркус, – теперь вся злость направлена на моего возлюбленного. Он снова подходит к нему вплотную. – Только вот вопрос: почему, блять, вы не могли сказать мне? Так бы мы избежали кучи проблем! Но нет, вы просто трахались у меня за спиной. Очень приятно, спасибо, что поберегли мои чувства.

– Кайл, я понимаю, что ты зол... – начинает Маркус.

Но парень не дает ему закончить, потому что его кулак замахивается и летит в челюсть мужчины. Я ахаю и отпрыгиваю назад. Маркус чуть ли не в два раза больше Кайла, но эмоции делают свое дело, и Монтомери старший пошатывается. Я делаю шаг, чтобы встать между Кайлом и Маркусом, но мой мужчина качает головой и предупреждает:

– Мер, не встречай.

Кайл снова наносит удар и попадает в бровь со шрамом. Он бьет еще раз по лицу, и по губе течет кровь. Маркус не сопротивляется и даже не пытается остановить сына. Мое сердце разрывается, я хочу помочь, но он четко сказал, что я не должна. Сейчас передо мной избивают Маркуса-отца, а в голове крутится лишь воспоминание о том, как маленького мальчика заперли в подвале. Как он голый сидел на холодном кафеле под дулом пистолета. Как его отец избивал его

до полусмерти.

– Прекрати, Кайл, остановись, прошу, – сквозь слезы давлюсь я. – Не будь Квентином!

Кайл замирает. Он наконец видит, что натворил. Его глаза становятся пустыми, руки трясутся. Пусть Маркус и думает, что это его покаяние, что он должен вытерпеть каждый удар без сопротивления. Боль не исправит ничего.

Она не исправит его.

Кайл шатается и уходит из кабинета. Слышу звук хлопка, потом еще одного, а в конце скрип шин. Кайл уехал. Маркус падает на колени, опустив голову. Вместе с ним часть меня сломалась. Что-то в Маркусе надломилось, он вспомнил и ощутил прежнюю боль. Но в этот раз его мучает не предательство, а чувство вины.

Из-за меня.

Глава 28

Мередит

– Маркус, посмотри на меня, – опускаюсь на колени рядом с ним.

Макус не шевелится и продолжает сидеть с опущенной головой. Беру его лицо в руки, поглаживая разбитые скулы и губы. Кайл неплохо его потрепал, поэтому мне тоже захотелось ему врезать, несмотря ни на что. Инстинкт защитницы заставляет меня перестать рыдать, взять себя в руки и помочь Маркусу. Как бы мне ни было плохо, ему сейчас намного хуже. Маркус почти не реагирует на мои прикосновения, поэтому я встаю на ноги и пытаюсь поднять его за руки. Ноль реакции. Черт.

Ладно, мне надо обработать его лицо. Ноги едва передвигаются, но я все равно бегу на кухню, забираю аптечку и возвращаюсь к Маркусу, который так и не сдвинулся с места. Приподнимаю его подбородок и протираю каждую ранку.

– Все хорошо, – шепчу я. – Кайл будет в порядке, мы будем в порядке.

Одним пластырем заклеиваю порез на брови. Подвал, мальчик, библия, пистолет, удар.

– Ты цел, тебе ничего не угрожает, – продолжаю бубнить себе под нос. Затем по кругу, будто это спасительное заклятие.

Маркус неожиданно открывает глаза, протягивает руку к моему лицу и протирает его. Кажется, я не перестала плакать. Он проводит пальцами по моим губам, спускается к шее, обхватывает ее и притягивает меня к себе поцелуем. Я кладу руки на его грудь и, оттолкнув его, шепчу:

– Маркус, сейчас не то время.

Мужчина упирается взглядом в меня. Он такой непонятный и тяжелый, что я не могу понять, что он чувствует сейчас. Маркус не соглашается, усаживает к себе на колени и продолжает действовать. Его руки перемещаются на мою грудь, захватывают топ за ворот и разрывают его на две части. Я и пискнуть не успеваю, когда Маркус вытаскивает из чашечек бюстгалтера сиськи и накрывает правый сосок ртом. Одной рукой он удерживает меня на себе, а второй ломает молнию на юбке. Вместо того, чтобы расстегнуть ее, он разрывает ее по швам и откидывает назад.

– О Боже... Маркус... мы не... проклятье... нам не стоит...

Мои слова улетают в пустоту. Маркус продолжает сосать и покусывать мою грудь. Ощущения прекрасны, но это грязно. Нет нежности или трепета, только похоть. Я забываю обо всем, чувствуя поцелуи и прикосновения Маркуса. Он будто подумал, что секс поможет ему забыться, и я не могу отка-

зать ни умом, ни сердцем, ни телом. Не возненавидит ли он меня за это, когда придет в себя?

Маркус вновь впивается в мой рот, и тут же я чувствую привкус крови на языке. У него кровоточит губа. Обхватываю крепкую шею мужчины, притягивая ближе к себе. Маркус гортанно рычит, звук походит больше на волка, чем на человека. Он заведен, и я отлично чувствую мощную выпуклость сквозь его джинсы на своей промежности. Маркус все-таки расстегивает – точнее будет сказать: срывает – мой бюстгальтер и отбрасывает его, следующей жертвой становятся трусики. Их судьба такая же, как у топа и юбки. Маркус очень торопится. Он кладет меня прямо на пол, раздвигает мне ноги настолько широко, насколько возможно. Тот же странный взгляд осматривает мое тело, избегая лица, а затем Маркус стягивает свои джинсы вместе с трусами, его член выпрыгивает из брюк. Готовый и мощный. На кончике виднеется капля презулята. Я облизываюсь, желая слизать его, но сейчас я не главная. Я лишь подчиняюсь его звериным желаниям.

Маркус нависает надо мной, переместив часть своего веса на меня. Обхватив свой член рукой, он подносит его к моему входу и резко входит. Я ахаю от неожиданности. Мне немного больно, потому что Маркус не дает мне время для привыкания и так же неожиданно выходит, оставляя меня слишком пустой. Он возвращается в меня и начинает двигаться, сильно врезаясь в мои бедра. Утром мне будет боль-

но, уверена. А сейчас мне хорошо. Маркус целует мою шею, всасывая и кусая кожу. Черт, еще и засосы? Ладно, с этим я тоже справлюсь.

В доме тишина, и только шлепки наших бедер гулом отдают на втором этаже. Я кончаю первая, громко прокричав имя Маркуса, но движение в моей вагине не прекращаются. Мужчина входит очень глубоко и замирает. Его член пульсирует, и он извергается в меня. Маркус замирает, его ресницы трепещут, а рот приоткрывается в немом стоне. По его груди стекают капельки пота, а по губам – кровь. Прекрасное и ужасающее зрелище.

Я обессилила. Но, похоже, мы не закончили, потому что Маркус, не выходя из меня, переносит нас в спальню.

Просыпаюсь посреди ночи одна в постели Маркуса. Кажется, я вырубилась после нашего последнего раза. Маркус вытрахал из меня все силы. Я липкая и пахну сексом. Между ног все болит, прикосновения к шее тоже неприятны, а горечь прошедшего вечера грузом весит на сердце.

Поднимаюсь с постели, обернувшись в простынь, которую Маркус использует вместо одеяла, и иду искать его. Во всем доме гробовая тишина. Маркуса нет в кабинете и в гостиной. Он оказывается на кухне, где сидит лицом к окнам и пьет что-то. Явно алкогольное. Маркус абсолютно голый, лу-

на очерчивает каждую мышцу на его теле и освещает точечный профиль мужественного лица. Маркус делает глоток и немного морщится, когда жидкость попадает на разбитую губу. Я была бесшумна, но все же не оказалась незамечена.

– Стоит перенести мини-бар в кабинет или в спальню, – говорит Маркус. – Не хотел уходить вниз, но мне надо было выпить. Кайл уехал окончательно. В его комнате нет документов и многих вещей.

Это было неудивительно. Не знаю, вернется ли он, но мне правда плохо от того, насколько сильно мы его обидели. Вряд ли он думал, что я его настоящая любовь, однако предательство есть предательство.

– Хочешь поговорить об этом? – спрашиваю я, надеясь, что Маркус доверится мне и позволит помочь ему хоть как-то.

– Нет, – он качает головой. – Лучше подойди ко мне.

Голос мужчины звучит уставшим. Подхожу к Маркусу и встаю прямо перед ним. Он допивает свой напиток, оставляет стакан на стол, протягивает ко мне руки и стягивает с моих плеч простынь. Грубые подушечки пальцев пробегаются по шее, соскам, спускаясь к лобку. Вся боль и утомленность уходит на второй план.

– Ходи только так, нахрен одежду. Ты так прекрасна, Мер, – Маркус потирает клитор, и я постанываю. – Я сделал тебе больно? У тебя вся шея синяя.

Маркус наклоняется и языком проводит по моей шее, буд-

то зализывает раны. Я откидываю голову назад, предоставляя ему полный доступ.

– Мне немного больно, – с предыханием признаюсь я. – Но я в порядке.

Маркус подхватывает меня за ягодицы, садит к себе на колени, накрывает мою киску ладонью и шепчет:

– Нет-нет. Я должен искупить свою вину.

Его пальца медленно кружат вокруг клитора, нажимая на него и разжигая во мне желание. Тело хочет большего, хотя разум и требует остановиться.

– Дьявол, как же ты красива, – повторяет Маркус, ускоряясь. – Я серьезно запрещаю тебе носить одежду. Максимум – трусики и те твои топы-корсеты или полупрозрачные маечки, но больше ничего.

Чувствую на животе, как его член встал. Маркус и правда хочет еще. Не уверена, что выдержу все то, что было пару часов назад.

– Моя девочка уже намокла, – хрипит он возбужденным голосом. Я киваю, прикрыв глаза. – Ложись на стол, я позабочусь о тебе и твоей сладкой киске.

От грязных разговорчиков я окончательно возвращаю свои силы и ложусь на стол. Холодное дерево касается горячей кожи, когда я устраиваюсь поудобнее, чтобы видеть все, что будет делать Маркус. Он разводит мои ноги, садится между ними и губами проводит нить поцелуев от правого колена до распухшего и очень чувствительного места. Язык

Маркуса проскальзывает между моих мокрых складок и проникает внутрь. Затем он движется к клитору, и губы мужчины жестко целуют его, посасывая и покусывая. Я чуть ли не визжу от блаженства. Маркус добавляет сначала два пальца, а потом в меня входит третий. Мужчина говорил о нежности, но, если честно, ею тут и не пахнет. И мне это нравится.

Маркус трахает меня языком и пальцами, пока я не дохожу до пика своего наслаждения. Громко кричу, тайно радуясь, что в доме больше никого нет. Конечности обмякают, и только Маркус удерживает меня от падения. Я прихожу в себя, когда он опускается и ласково целует меня в губы, схватив меня за ягодицы. Смотрю в его глаза, пытаюсь понять, что он будет делать дальше. Мне не хватило, я хочу больше.

– Ты устала, Мередит, – говорит Маркус, собираясь отойти от меня. – Я отнесу тебя в спальню, и ты сможешь поспать.

Качаю головой и обхватываю его талию ногами, притягивая к себе. Поднимаюсь, обнимаю Маркуса за шею и охрипшим от крика голосом говорю:

– Я хочу еще. Хочу твой член внутри меня, хочу отсосать тебе, чтобы ты кончил мне в рот. Поспать успею завтра.

Маркус хмыкает и качает головой:

– Если мы продолжим, то боюсь, что захочу отшлепать эту чудесную попку или даже побывать в ней.

Сглатываю от возбуждения и от небольшого страха, потому что мы ни разу не пробовали анальный секс. Черт, в

адекватном состоянии я бы вряд ли согласилась, но сейчас я очень хочу испытать новые ощущения. Маркус наклоняет голову, заглядывая в мои глаза, и стонет:

– Твои чертята в глазах очень многословны.

Я притягиваю его еще ближе, беру член в руку и, медленно водя по нему, говорю:

– Маркус Монтомгери, сейчас ты нальешь мне выпить, я сделаю тебе минет, а потом ты отведешь меня в спальню или на гребаный диван, отшлепаешь и возьмешь сзади. Либо так, как тебе захочется.

Сжимаю его член в подтверждение своих слов. Маркус рычит, когда я отпускаю его, и в итоге делает все, как я ему сказала.

– И земля осквернена под живущими на ней, ибо они пре-ступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет, – бормочет Маркус под ухо. – Нет, я не виноват... нет, отец! Прощу!

Я распахиваю глаза и вижу, как Маркус мотает головой с разные стороны и повторяет строку из Библии, что заставлял читать его отец, когда мальчик сидел в подвале. Ему снится кошмар. Раньше такого не было. Мое сердце скачет галопом: он вернулся в ужасное время, когда его пытал собственный отец, и испытывает все, что произошло тогда. Приподнима-

юсь на локтях и тихонько толкаю Маркуса:

– Эй, проснись! Маркус, это сон. Ты со мной.

Мужчина не просыпается. Его спина выгибается, глаза замуриваются, а руки хватают края простыни. Я снова толкаю его, но бужу громче. Маркус резко садится, распахнув глаза, его грудь вздымается от учатившегося дыхания. Поднимаюсь, беру его лицо в руки и повторяю:

– Ты в безопасности, Маркус. Ты со мной в Джексоне.

Маркусу требуется секунда, чтобы прийти в себя или что-то типа того. Он кидается на меня с поцелуем, скидывает с нас простынь и говорит:

– Я хочу тебя. Прямо сейчас.

Я даже не успеваю пискнуть, потому что он тут же входит в меня. Мы занимаемся сексом, а потом спим, едим и идем в душ.

Так проходят все следующие недели. Когда Маркусу снится кошмар, мы трахаемся. Тогда он успокаивается и продолжает спокойно спать. Я не успеваю даже одеться, а иногда и поест. Если бы передозировка от секса была возможна, она бы у нас уже была. Мы поместили каждый сантиметр в доме, занялись этим в озере на дневной прогулке. Маркуса даже не смущали охранники, которые были где-то рядом и приглядывали за нами. Зато мы сходили на несколько свиданий: посмотрели «Молчание ягнят» в кинотеатре во время ночного киномарафона, поужинали в ресторане в Шайенне и устроили пикник в парке. Иногда все было хорошо, мы были

нормальной парой. Только вот никто не видел, насколько мы одержимы друг другом наедине.

После отъезда Кайла Маркус был разбит, и кошмары – яркое тому подтверждение. Я хотела обсудить это с ним, но каждый разговор заканчивался одинаково: много секса в разных позах. Я чувствовала себя виноватой из-за его состояния, но мне становилось еще хуже, когда я понимала, что не могу отказать ему, потому что хотела секса не меньше, чем он. Нам больше не надо было скрываться, и это стало равносильно красной тряпке для быка. И в какой-то степени Маркус успокаивался, так что мы ничего не меняли в нашей жизни, пока не наступило сегодня.

День сборов в Нью-Йорк.

Лекси полетит со мной на частном самолете. Мы должны были переночевать сегодня и собирать все мои вещи, потому что она уже давно упаковала чемоданы, но пару дней назад она увидела, как Маркус лижет мне утром, когда я сидела на кухонном столе. Лекси была в шоке не только от зрелища, но и от ответа мужчины.

«Я ем свой десерт», – сказал он ей, потому подруга больше не переступает порог дома Маркуса.

Повторюсь, мы вели себя как одержимые. Нет, мы были одержимы друг другом. С одной стороны я не хочу уезжать в Нью-Йорк. Конечно, у меня есть свой самолет, и я могу летать в Джексон, или привозить Маркуса к себе, но это не то же самое, что спать каждый день в одной постели. С другой

стороны наши отношения действительно начинают меня пугать. То есть я опасаюсь, что когда-нибудь мы зайдем слишком далеко.

– Паспорт, водительские права и деньги – это главное, – говорит Маркус, плюхаясь на мою кровать. – Остальное можно всегда купить. Или я могу приехать и привезти тебе.

Я ухмыляюсь и кидаю в него стринги.

– Ты предлагаешь привезти себя или вещи, которые я могу забыть? – язвительно спрашиваю.

Маркус расправляет мои трусики и, пожав плечами, запикивает в карман своих спортивных штанов. Кажется, я только что лишилась трусиков. Сегодня на нем необычайно много одежды: тренировочные серые брюки и майка. Трусов нет, я проверяла. Я же стою в обговоренном наряде: белый топ на бретельках, сквозь который просвечиваются соски, и простые хлопковые трусики. Из-за жуткой жары я совсем не хотела надевать что-то более существенное.

– Я не хочу выбирать, – улыбка Маркуса становится коварной, и он смешно шевелит бровями. – Обычно я избегаю поездок в Нью-Йорк, по работе отправляю доверенных людей или использую видеоконференции, однако сейчас у меня есть повод ехать туда.

В груди разливается тепло от его слов.

Я закрываю последний чемодан – все мои вещи упакованы. Странно осознавать, что уже завтра я буду чертовски далеко от Маркуса.

– Ты же помнишь, что я люблю тебя? – шепчу я. Кажется, я сейчас расплачусь.

Маркус встает и подходит ко мне. Его руки крепко обнимают меня, прижимая к своей мускулистой груди. Мужчина целует меня в макушку и так же тихо отвечает:

– Я люблю тебя, Мередит. Очень сильно. Мы справимся. Не плачь.

Шмыгаю носом, чем вызываю у Маркуса легкий смех, вибрирующий в груди.

– Лучше скажи, как ты хочешь провести наш последний день, – Маркус начинает покачиваться, словно пытается убаюкать меня. – У меня такой вариант: закажем пиццу, выпьем сидра, поговорим и займемся кое-чем приятным. Как тебе?

– Звучит идеально, – улыбаюсь и, задрвав голову, чмокаю его в губы. – Секс можно вклинить и между доставкой и едой, например.

Маркус искренне смеется над моей новой зависимостью. А что, разве в том виновата я?

Мы не спали всю ночь, разговаривая и занимаясь любовью. Через полтора часа я должна буду садиться в такси и ехать в ангар. Сегодня все было спокойно и трепетно, будто мы прощаемся. Хотя мы и правда прощались на некоторое время.

– Знаешь, мы будто сошли с ума после ссоры с Кайлом, – признаюсь я. – Возможно, расстояние поможет нам справиться с этим.

– Ты про мои... сны? – Маркус водит круги по моей голой спине и зарывается носом в волосы. – Я не хочу о них говорить. Не сейчас, когда должен отпустить тебя. Возможно, позже. Я разберусь с этим, обещаю. Мне нечего скрывать.

Поджимаю губу. Не хочу ссориться. Маркусу есть что скрывать, и он молчал неделями об этом.

– Хорошо, – все же не комментирую его скрытность. – Я знаю, что это плохо, но мне понадобится время для привыкания. Поэтому предлагаю созваниваться раз в неделю и иногда писать СМС. Дай мне время до начала учебы, иначе я сорвусь к тебе.

Маркус соглашается на такое расписание. На самом деле, я надеюсь, что он сможет разобраться в себе. Или решится поговорить со мной о кошмарах.

Время приходит, и вот я уже стою у такси. Маркус целует меня, позволяя забыть обо всем мире и обо всех проблемах.

– Найми охранника сразу по приезде, – указывает он. – Будь осторожна, живи своей жизнью и тусуйся. Но если напьешься и уедешь с каким-то куском дерьма из братства, я отшлепаю тебя.

Слезы прыскают из глаз. Маркус больше не пытается улыбаться, его взгляд тускнеет. Я целую его в самый последний раз, стараюсь запомнить его вкус и ощущения. Но все когда-то заканчивается, и мне приходится сесть в такси и ехать, не оборачиваясь.

Если бы я обернулась, то никогда бы не смогла уехать.

Глава 29

Мерedit

Жизнь потихоньку приходит в норму. Мы с Лекси отлично уживаемся, по крайней мере две недели прошли замечательно. Если не считать мою безмерную тоску по Маркусу. Мы созваниваемся раз в неделю, иногда переписываемся, держим дистанцию, как и договаривались. Но все же легче не становится, я будто живу не в полную силу, когда Маркус не рядом. Хотя вначале я даже и встать с кровати не хотела, так что, возможно, все-таки мне чуть лучше. Безумно скучаю по нашим разговорам, простым посиделкам с фильмами и, конечно, по его поцелуям. И по рукам. И по кое-чему еще...

Когда я вернулась в Нью-Йорк, осознала, что от роли наследницы я больше не могу бежать. Как только мои вещи были распакованы, я отправилась на встречу с миссис Стюарт, которая взяла на себя обязанности моей личной помощницы на некоторое время, чтобы помочь мне разобраться с расписанием. Дел и правда оказалось немало: от собрания акционеров компании до очередного благотворительного приема в детском приюте. А за день до начала учебы я произно-

шу речь в Колумбийском как почетный студент. Суший кошмар. Слава Богу, Лекси пообещала поддержать меня и помочь отрепетировать слова. Еще мне надо подобрать охранников, потому что предложенные миссис Стюарт кандидатуры больше похожи на осужденных или участников банд. Очень жуткие типы.

Двери лифта открываются, и я захожу в квартиру. Лекси, развалившись на диване, читает книгу. Сегодня выходной в ее турне по Нью-Йорку, и подруга любезно согласилась помочь мне и встретить персонал. Миссис Стюарт наняла нам домоправительницу, которая будет приходить дважды в неделю, следить за работой уборщиц и поваров и закупать продукты и средства гигиены. Я уверяла, что это лишнее, что мы с Лекси вполне способны сами ухаживать за квартирой, однако женщина настояла.

Лекси видит меня, и на ее губах растягивается хитрая улыбочка. Я кладу платье для завтрашнего приема на кресло, сажусь рядом с подругой и спрашиваю:

– Что ты задумала?

Лекси закатывает глаза, приподнимается и ложится на мои колени. Девушка пожимает плечами.

– Как у вас с Маркусом дела? – заигрывающим тоном задает неожиданный вопрос.

Озадачено свожу брови на переносице, не зная, что ответить. При разговорах о наших с Маркусом отношениях она обычно изображает, что ее тошнит. Он для нее нечто вроде

старшего брата, поэтому я не пытаюсь с ней спорить.

Лекси закатывает глаза и говорит:

– Судя по букету, который я отнесла в твою комнату, у вас что-то намечается.

Тут же подскакиваю с дивана и бегу в свою спальню. На рабочем столе действительно стоит букет белых лилий. Я замираю, потому что давно не видела эти цветы. Их обожала бабушка. Жаль, что не розы. Наверное, Маркус не запомнил.

– Там есть записка, но я не рискнула ее посмотреть, зная о вашей... страсти, – Лекси кривит свой вздернутый носик с россыпью веснушек. – Давай же, мне интересно!

Лекси знает, что мы с Маркусом больше не тайна, также она в курсе про ссору с Кайлом. Она не стала осуждать, за что я ей очень благодарна. Подруга даже рада, что мы больше не бегаем друг от друга. Лекси любит Маркуса и меня и не осуждает ни разницу в возрасте, ни сокрытие нашей связи.

Вкусив приятный аромат лилий, достаю из букета записку и читаю:

«Мы давно не виделись, Мередит, поэтому жду тебя завтра в полдень в ресторане «Марчелисс». Никаких звонков и сообщений. Ожидание – это прекрасно.

Маркус».

Сердце стучится в груди. Неужели наша встреча состоится уже завтра? Лекси зовет меня, спрашивая, что в записке.

– Маркус приедет или уже приехал в Нью-Йорк, – радостно визжу я. – И у нас будет свидание!

К черту дистанцию! Я скучаю по своему мужчине!

Всю ночь не могла сомкнуть глаз. Волнение такое наивное, словно я ребенок, который ждет подарок от Санты. Привожу себя в порядок, потому что хочу провести с Маркусом каждую секунду и взять его на благотворительный прием. Так хочется написать ему или услышать его голос, но совсем скоро мы сможем прижаться друг к другу.

Ресторан оказывается пуст, и я даже сомневаюсь, туда ли я пришла. На входе меня встречает миловидная девушка и уточняет мое имя.

– Я к Маркусу, – отвечаю ей.

Девушка улыбается и говорит:

– Прощу за мной, мистер Уорд вас ожидает.

До меня не сразу доходит, что фамилия другая. Администратор уже доходит до зала, когда я возражаю:

– Это, должно быть, ошибка. У меня встреча с Маркусом Монтгомери.

Девушка не услышала меня. Я оглядываюсь на единственный занятый столик и замираю. Мое сердце опускается в пятки и, кажется, останавливается от шока, смешанного с ужасом. Вся жизнь проносится перед глазами. То, что я вижу перед собой, вышибает все мысли из головы. Хочется ущипнуть себя, чтобы все оказалось лишь дурным сном. Мой мозг

не понимает, что происходит. Ступор – идеальное слово для моего состояния.

О Господи...

Маркус

Кошмары о детстве не ушли. Мер думала, что стала триггером, но с ней мне было легче, чем сейчас. Хочу приехать к ней на первом же рейсе, однако мы договорились о дистанции, и я не намерен нарушать ее покой. Когда Мер привыкнет к жизни в Нью-Йорке, я буду доставать ее интимными фотографиями и признаниями в чувствах. Буду вести себя, как безмозглый подросток. Раз в детстве такой возможности не было, то исправлю в тридцать четыре. Говорят же, что лучше поздно, чем никогда.

Мер, как же я скучаю!

Сегодня по расписанию мы должны были созвониться, но она почему-то не ответила. Мередит говорила что-то про благотворительный вечер, так что, возможно, она уже там. Не люблю, когда она не отвечает. Я бы трезвонил до победного, не будь у нее охраны.

Делаю набросок нового проекта. Реконструкция старого поместья в викторианском стиле с настоящей башней, как в замке. Меня очень обрадовал этот заказ: сейчас многие предпочитают современность и технологии. Думаю, после одобрения проекта возьму отпуск и рвану в Нью-Йорк. Я бы

предпочел взять Мер и уехать куда-нибудь. Не скажу, что я много путешествовал, а сейчас исследовать новые места хочется только с ней.

Телефон вибрирует на столе. Ну наконец-то она очнулась. Беру мобильный в руки, но мне звонит человек, чьего звонка я совсем не ожидал. Сглотнув подступившее волнение, отвечаю:

– Привет, Кайл.

Сын молчит. Я слышу, как он отбивает пальцами по дисплею. Кайл нервничает. Мы ни разу не созванивались после... случившегося. Я сначала даже не знал, где он, но потом вспомнил про чудесную программу отслеживания, которую поставил на его телефон, и узнал, что он вернулся в Бостон. Хотел бы я знать, вернулся ли он в университет. Но все это полная хрень: я хотел знать, сможет ли Кайл простить меня и принять нас с Мер. Я не имел права требовать от него что-то, потому что не считаю, что воспитание обязывает ребенка в будущем принимать любые правила игры родителей в будущем. Таким был мой отец, а я уж точно не хочу похожим на него.

– Привет, па, – наконец-то произносит Кайл. – Я долго думал обо всем... и я хочу сказать, что я полный идиот и прошу прощения.

Вот такого я не ожидал. У меня что, галлюцинации, черт возьми? Качаю головой, потому что она не прав.

– Нет, я обидел тебя, Кайл, – возражаю я. От нахлынув-

ших эмоций встаю со стула и начинаю ходить из стороны в сторону. – Я должен был сразу сказать, что люблю Мер, но ты признался, что она тебе нравится, и все усложнилось.

Кайл хмыкает, не похоже, что он расстроен. Возможно, он понял, что мы не хотели причинить ему боль. Кайл сомневался в своих чувствах к Мер, он молод и не совсем зрел. Не думаю, что он понимал, насколько Мер другая. Она как я.

– Пап, я просто увидел симпатичную и безумно добрую девушку и принял свою сипатию к человеку за нечто другое, – Кайл тяжело вздыхает. Я сдерживаю небольшой укол ревности за его отношение к Мер, но сдерживаюсь. – Seriously, все отлично. Конечно, я немного зол, что вы не признались мне, но, похоже, вам было хуже. Вы как два идиота бежали друг от друга.

Усмехаюсь. Кайл прав. Хорошо, что мы разобрались со всем.

Мы поговорили с Кайлом так же, как в старые добрые времена. Обсудили последние игры, я рассказал про новый проект и отпуск, а Кайл – про университет. Да, он передумал отчисляться. Спасибо, черт возьми. Его мозг наконец включился.

– Кстати, па, – начинает сын, – я звонил Мередит, хотел извиниться. Я ей наговорил кучу дерьма. Но она не ответила. Ни утром, ни днем. Она в порядке? У вас что-то произошло?

Конечно, я знаю, где она, но все же что-то внутри меня говорит начинать беспокоиться. Наверное, надо позвонить

Лекси. На всякий случай, просто перестраховка. Мер в порядке, просто очень занята.

– У нее сегодня прием, поэтому мы не говорили, – отвечаю я, и голос предательски срывается. Черт, я паникую. – Я позвоню Лекси и спрошу, как у них дела.

– Окей, сможешь потом написать мне? Я должен исправить дерьмо, которое натворил, – Кайл тяжело вздыхает.

Мы прощаемся.

Я собирался радоваться примирению с Кайлом, но шестое чувство подсказывает, что что-то не так. Уже нахожу номер Лекси, как вдруг мне звонит помощница Мер, миссис Стюарт. Что-то точно не так.

– Да? – отвечаю на звонок, затаив дыхание.

– Как долго еще ждать мисс Ван дер Меер? – спрашивает она без приветствия. – Она должна была приехать почти два часа назад. Я понимаю, что вы давно не виделись, но...

Нахмурившись, прерываю женщину:

– О чем вы говорите? Я в Джексоне и сам не могу до нее дозвониться. С чего вы взяли, что я на встрече с Мередит?

Протяжная молчаливая пауза доводит меня. Сердце замирает, ладони потеют, на лбу появляется испарина. Что за хрень? С чего мне быть в Нью-Йорке?

– Мисс Ван дер Меер сказала, что идет на встречу с вами, – понизив голос, объясняет миссис Стюарт. – Мистер Монтгомери, она не ответила ни разу. Я попытаюсь выяснить, где ее видели в последний раз. Вы не могли бы связать-

ся с ее подружкой, с которой они вместе живут? Возможно, она знает, где Мередит.

– Да, конечно, – невнятно произношу и тут же отключаюсь.

Мер не могла пропасть без предупреждения. Даже когда она в порыве обиды свалила в Шайенн, то написала СМС, а сейчас мы разобрались со своими чувствами. Нет смысла пропадать. Если Мер... если ее похитил тот неизвестный? Нет, с ней была охрана, черт возьми.

Набираю Лекси. Мысли клубятся в голове. И не самые позитивные, скажу я вам. От мысли, что Мередит в опасности, легкие сжимаются до боли, а сердце каменеет в страхе. Мне так больно...

Лекси отвечает воркующим тоном:

– Голубок, как прошло свидание?

– Где Мередит, Лекси? – хриплю я. Каждое слово выходит изо рта с большим трудом. – Я в Джексоне, как вдруг мне звонит миссис Стюарт и говорит, что Мер со мной. Но я, блять, дома, так что будь добра объяснить мне все.

Лекси не отвечает, и я рычу, повторяя свои слова.

– Ты прислал ей букет с запиской, – тараторит девушка. – И Мер пошла в ресторан в назначенное время.

Какие цветы, черт возьми? Становится очевидно, что это была ловушка. Мередит заманили. Сбываются мои худшие опасения.

– С ней была охрана? – молю Бога, чтобы она пошла не

одна.

– Она так и не наняла никого, Маркус, – Лекси всхлипывает.

Мои глаза щиплют слезы. Резко поднимаюсь со стула и бегу в комнату за документами, попутно покупая билет на самолет.

– Я буду в Нью-Йорке утром, – отключив звонок, я смахиваю подступившие слезы.

Мер, я найду тебя. Пожалуйста, будь в порядке.

Мередит

Где я? Ничего не помню.

Открываю глаза. Веки тяжелые, а в голове слышен звон. Мне безумно холодно. На спину падают ледяные капли воды. Сфокусировав взгляд, осматриваюсь. Я в сыром и холодном подвале. Пытаюсь пошевелиться, но не могу, потому что руки и ноги привязаны к стулу жестким бичом. Веревка впивается в кожу почти до крови, мне кажется. Смотрю вниз и понимаю, что я раздета, на мне только нижнее белье. Желудок скручивается в узел от ужаса. Во рту противная тряпка.

Паника приходит не сразу. Инстинкты пытаются убереечь меня от ужаса происходящего. Самое страшное, что я знаю это место. Я видела эти решетки и каменные стены с крестом напротив окна.

Я все вспомнила. О Господи...

Глава 30

Мерedit

Нет, нет, нет...

Этого просто не может быть! Невозможно!

За столиком сидит Квентин Монтгомери. Отец Маркуса, который пытал его неделю, избивал и... умер, черт возьми! Я замираю на месте не в силах сдвинуться с места. Мне следовало убежать сразу, как только услышала неправильное имя, но я осталась.

Дура! Какая же я глупая! Маркус не мог приехать, он согласился, что нам нужно время. Разве можно быть такой наивной?

Отступаю назад, когда Квентин поднимается со своего места. Они с Маркусом очень похожи: те же острые скулы и прямой нос. Волосы Квентина намного короче и с седыми прядями, губы сложены в тонкую полосу. Его лицо не иссечено шрамами, потому что Маркус мог только терпеть и не отвечал на его удары. Квентин гладко выбрит, его костюм и обаяние в целом излучают уверенность. Он явно готовился к нашей встрече. Но самое страшное не его присутствие, а его взгляд. Сосредоточенный, полный ненависти и злобы, пы-

лающий яростью и одновременно холодный. Лед и пламя – плохое сочетание, а в случае Квентина опасное. Мужчина по-кошачьи – или скорее как лев – ухмыляется, подходит ко мне и обнимает, словно приветствует на светском мероприятии. Я вздрагиваю и пытаюсь отодвинуться от него, но вдруг чувствую нечто холодное, направленное на свой живот.

– Садись, девочка, – шепчет Квентин. Голос ровный и спокойный, ни толики эмоций. – Нам надо поговорить. Конечно, ты можешь отказаться и получить просто пулю в живот.

Он показывает мне в сторону столика, на котором стоят знакомые лилии. Только сейчас я вижу смысл посланных цветов: Квентин не просто так прислал именно лилии. Он прекрасно знал, кто их любил. Тошнота подступает к горлу. Мужчина кладет руку на мою спину и подталкивает к столу, пряча пистолет в брюках. Ноги каменеют, как и все тело. Сев, Квентин вежливо подзывает официантку и делает заказ на двоих. Девушка, ничего не подозревая, улыбается и уточняет по поводу еды. Я могла бы попросить у нее помощи, сказать, что мне угрожают, но скорее всего, Квентин застрелит и ее. Не хочу подвергать опасности невинных, поэтому мне следует играть по его правилам.

– Мередит, молчать невежливо, – Квентин упрекает меня, будто я маленький ребенок, которого надо воспитывать. – Можешь мне рассказать, как ты очутилась в постели моего сына, как последняя шлюха?

При упоминании моего возлюбленного сердце издает бо-

лезненный глухой удар в груди. Я приоткрываю рот, но что я могу сказать? В моей голове звучит только густая тишина.

– Нет ответа? – Квентин ядовито усмехается, сощутив глаза. – Я видел занимательное видео в твоём телефоне. Легла под мужчину, как твоя мать. Грязные порочные твари. Только страдания вас смогут излечить: мать сгорела, но ты так легко не отделаешься.

Мужчина начинает злиться: это видно по нарастающему безумию в его глазах. Спокойствие перерастает в ярость. Квентин настоящий хищник. Его движения грациозны и плавны, а взгляд следит за каждым вздохом жертвы. То есть меня. Я никогда не чувствовала вкус приближающейся смерти так близко: он горьковатый и пахнет землей. Но еще четко ощущаю аромат лимонов на языке. Руки обреченно падают на колени. Я не могу оторвать взгляд от безумца, потому что боюсь. Страх перед ним заглушает инстинкт самосохранения. Но я все еще храню надежду на спасение. Если Квентин отвернется, то...

– Не вздумай, – цокает он, демонстрируя пистолет. – Ты примешь свою участь с достоинством.

– За что? – срывается с моих губ.

Слова выходят тяжело, будто я выплевываю комок битого стекла и гвоздей. Не решаюсь спросить, какова моя участь.

Квентин хочет ответить, но нам приносят заказ. Мужчина просит счет сразу, похоже, что он не собирается задерживаться. Мне стоит открыть рот, чтобы хоть как-то потянуть

время. Если я задержусь, то есть шанс, что кто-то поймет, что я в беде. Миссис Стюарт ждет меня, Лекси будет писать, и сегодня мы должны созваниваться с Маркусом. Кто-нибудь должен найти меня...

Мужчина отрезает кусочек стейка и кладет себе в рот. Нож выглядит угрожающе в его руке, но больше я стараюсь сосредотачиваться на безумных глазах. Квентин указывает мне на тарелку, молча приказывая есть. С трудом проглатываю немного салата, потакая ему.

– Вы, Ван дер Мееры, мешаете мне и рушить мою жизнь и жизни моих близких, – начинает Квентин. Он берет мой стакан с водой и что-то в него высыпает. – Сначала твой дед, потом твоя шлюха-мать, а теперь и ты. Но сейчас не время и не место, я расскажу тебе все чуть позже. Выпей это.

Я не беру стакан в руки, следя, как порошок растворяется в воде. Один Бог знает, что он туда насыпал. Думаю о его словах, смакуя ненависть, которая пропитала каждый звук. И тут меня осеняет.

Водитель бабушки и дедушки был всегда осторожным, а проводку и систему пожарной безопасности в поместье проверяли ежегодно. Да и мистер Нолан не мог покончить с собой. Вся картинка складывается воедино, и та загадочная буква «М» обретает смысл. Единственная вещь, оставшаяся непонятной. «М» – это Монтгомери, а не Маркус.

По спине катится ледяной пот, когда я выдавливаю:

– Ты убил их всех. Бабушку, дедушку, Генри, Сюзан и

даже мистера Нолана.

– Выпей свою воду, или я сам залью ее тебе в горло, – он не отрицает, и это довольно красноречивый ответ.

Я в западне, поэтому выпиваю воду. Квентин подмигивает мне и поднимает большие пальцы вверх. Он расправляется с едой, оплачивает счет и поднимается, протягивая мне руку:

– Молодец, девочка. А теперь нам пора, мы уже задерживаемся.

Я не двигаюсь с места, наконец-то решившись просить о помощи хоть у кого-то, но Квентин берет мое лицо в руки и угрожающе шипит:

– Ты встанешь и пойдешь со мной, иначе я убью и официантку, и администратора. Тебе это надо?

Я качаю головой. Уж лучше я, чем невинные люди. Они могут быть чьими-то любимыми или даже мамами, как я смогу жить, если они пострадают? *Уж лучше я...*

Голова вдруг начинает кружиться. Кажется, в стакане было какое-то снотворное. Квентин не хочет, чтобы я знала, куда мы едем, или он собирается предотвратить попытки сбежать. Он забирает мою сумочку и берет оттуда телефон. Я не успеваю сообразить, как мужчина уже его разбивает о пол. Веки наливаются свинцом, хотя разум и кричит, чтобы я оставалась в сознании. Квентин чуть ли не поднимает меня на руки и тащит к выходу, ноги с трудом поспевают за ним. Глаза окончательно прикрываются, когда я чувствую легкий сентябрьский ветерок на своем онемевшем лице. Вдруг нас

окликает голос администратора, и Квентин останавливается. Девушка касается моей руки, я могла бы сжать ее и дать понять, что я в беде, но к этому времени конечности окончательно перестают меня слушаться. Мысли становятся туманными, голова тяжелеет и наклоняется вбок.

– С вами все хорошо, мисс? Может, вызвать скорую помощь?

– Не волнуйтесь, девушка, моя спутница устала после перелета, – голос мужчины на первый взгляд вежливый, но в нем чувствуются стальные нотки, говорящие о том, что с ним нельзя пререкаться.

Кажется, она извинилась, а мы ушли на улицу. Не могу сказать точно, потому что я отключилась.

Я сижу там же, где когда-то Квентин Монтгомери пытал своего сына. Это место почти не изменилось за двадцать лет. Не помню, что здесь горел свет и стоял стул. На видео в подвале было темно. К горлу подступает желчь, и меня едва не выворачивает, когда я вижу Квентина, сидящего напротив меня с двумя ножами в руках. Он снял пиджак, расстегнул несколько пуговиц на рубашке и закатал рукава, словно приготовился к грязной работе. Губы мужчины растягиваются в улыбке, и он хрипло говорит:

– Долго же ты спала. Я, похоже, переборщил со снотвор-

ным. Ты была в отключке почти сутки. Но сейчас мы можем наконец-то поговорить, девочка.

Квентин откладывает ножи и подходит ко мне. Его руки тянутся к моим волосам, наматывают на кулак и крепко зажимают. Сильная хватка тут же отзывается болью во всей голове. Квентин поворачивает мою голову так, чтобы я смотрела прямо в его дикие глаза. Мужчина, ничего не сказав, замахивается и ударяет меня по правой щеке. Он сильный, и я бы точно упала, если бы он не удерживал меня на месте. Лицо пульсирует от ужасной боли, и я вскрикиваю. Пытаюсь сдвинуться, оторваться от Квентина, елжу на стуле в бесполезных усилиях, за что получаю пощечину по той же щеке. Звук, как хлыст, разрезает воздух. Начинаю рыдать, и слезы обжигают воспаленную кожу. Квентин хватает меня за шею, все еще удерживая за волосы, ограничивает поступление воздуха в мои легкие и цедит сквозь зубы:

– Богопротивная шлюха, прими свое наказание с честью!

Всхлипнув, раскрываю засохшие губы и спрашиваю:

– За что?

Любовь – прекрасное чувство, и вряд ли, Бог против нее. Так за что же меня «наказывает» Квентин? Что, по его мнению, я сделала?

– Твоя кровь гнила, – отвечает он, выплевывая слова и смотря на меня так, будто я какая-то мерзость. – Ты из семьи предателя, из-за твоего рождения пострадал мой сын, из-за твоего деда я не знаю своего внука.

Гнев в глазах Квентина нарастает, но кажется, что он хочет произнести свою героическую тираду перед тем, как убить монстра. Перед тем, как убить меня.

Мужчина ослабляет хватку на моей шее, и я жадно глотаю сырой воздух. Квентин отходит, с наслаждением осматривая меня. Нет, не меня, а результат своих первых ударов. Дрожь пробивает меня до самых костей, и она не от холода, а от страха. Он монстр. А хуже чудовища, уверенного в праведности своих действий, нет никого. Как Маркус смог стать таким прекрасным человеком, воспитываясь им?

Квентин грубо берет меня за подбородок и произносит:

– Мы с твоим дедом дружили, он помог мне построить свою империю, а потом сам захотел меня уничтожить, забрать все, что я создал потом и кровью.

Сквозь шум в голове вспоминаю письмо бабушки и осознаю, о каком монстре шла речь. Если бы я поняла раньше! Мои родители могли бы быть живы, как и мистер Нолан. Какая же я идиотка! Стоп...

– Это ты устроил пожар в доме Маркуса? Ты узнал, что адвокат передал мне файлы?

Квентин хмыкает и до боли сжимает мое лицо.

– Да, там было реальное доказательство того, что я жив, – отвечает он. – А я сделал слишком много для того, чтобы весь мир считал меня мертвым. Пусть я и вернулся, но об этом должна была узнать только моя семья.

Сердце сдавливает. Чудовищная мысль закрадывается в

мою голову, с которой не сравнится даже ожидание смерти.
– Маркус знает, что ты жив? – шепчу я.

Лицо Квентина немного меняется, но я не могу понять, что он почувствовал. Брови сдвигаются на переносице, и мужчина отрицательно качает головой.

– Я хотел сделать ему подарок, – на губы вновь возвращается хищная ухмылка. – Для начала я устроил пожар. Вообще, я надеялся, что ты будешь там же. Но ты не приехала, поэтому пришлось включить фантазию. А когда я увидел, что вы с моим сыном... совокупляетесь, я решил, что ты заслужила наказания побольше.

Вот и признание. Квентин Монтгомери убил моих родителей. Я не скорбела по ним, но и не желала такой участи. Они были плохими родителями и глупыми людьми, однако я верила, что когда-то все наладится. Конечно, я уже догадалась, что он преследовал меня и запугивал, но насчет родителей еще были сомнения.

– Из-за Сьюзен и Генри мой сын был наказан, у него было разбито сердце, – Квентин берет в руку нож и острием прикладывает к моей груди. Прямо возле сердца. – Мой мальчик заслужил справедливости. Причиной всей его боли была ты. Твое грешное зачатие. И, к сожалению, Маркус поддался на твое падшее тело, но когда я подарю ему твое сердце, он освободится. И мы станем семьей.

Я хочу спросить еще что-то, задать любой вопрос, который отсрочит мою смерть. Например, что такого разузнал

мистер Нолан, раз Квентин решил убить его. Или чувствует ли он свою вину перед Маркусом? Но главное – хочу попросить его передать Маркусу, что я люблю его.

Оказывается уже поздно. Лезвие ножа скользит по моему бедру. Вижу, как по ноге струится кровь. Громко завываю от жгучей ужасной боли, но Квентина мой крик не устраивает, и он снова начинает душить меня. Почти теряю сознание от недостатка кислорода, и это ему тоже не нравится. Уверена, что он хочет, чтобы я была в сознании и чувствовала всю боль. Кулак летит в мое лицо, голова отлетает от силы удара, и что-то громко хрустит. Кожа рвется, и по скуле тоже начинает течь кровь.

– Господи Боже, благодарю Тебя за силу прощения и хочу простить всех, кто причинил мне боль. Помоги мне отпустить на свободу и вернуть Тебе Мередит, – Квентин молится и разрезает кожу на моих руках, рядом с веревкой. – Помоги мне благословить тех, кто меня обидел. Помоги мне ходить в праведности, мире и радости, свидетельствуя о Твоей жизни здесь на земле. Я хочу быть доброй и милосердной, прощая других, как Ты простил меня. Через Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

Порезав все мои конечности, Квентин вновь молится, прося Бога отпустить его грехи и наставить на путь истинный. Его не останавливают ни мой крик, ни рыдания. Левый глаз заплыл, подвал начинает кружиться от медленной потери крови. Закончив свое покаяние, Квентин бьет меня в

живот. Истязания продолжаются очень долго, хотя мне может лишь казаться так. Я все жду, когда отключусь, а все это наконец закончится. Смерть перестала выглядеть как нечто страшное, она начала казаться выходом.

Никогда не думала, что умру так. Я делала ставку на старость или авиакатастрофу. Возможно, автомобильная авария, но никак не убийство в подвале. Я хотела успеть попрощаться с любимыми людьми и друзьями, которых бы успела завести к моменту смерти. Но Маркус не услышит, насколько сильно я люблю его, а Лекси и Кайл не узнают, как я им благодарна за дружбу. С Кайлом мы даже не успели помириться. На той стороне мне достанется за то, что я не позволила ему и не вымолила прощения.

Квентин бьет меня по щекам, приводя в сознание.

– Не смей, еще слишком рано.

Измазанный моей кровью нож рассекает кожу между грудью, разрывая бюстгальтер, и доходит почти до пупка. Боль не блекнет, она все еще ужасна. Я не привыкаю к лезвию с каждым новым порезом. Закрываю глаза и перестаю даже пытаться оторвать руки от подлокотников.

Поздно.

Я обнажена, осрамлена и почти мертва. Меня не спасти, но надеюсь, меня простят за все несказанное и неделанное.

По-моему, я слышу мелодичный мягкий голос. В темноте появляются образы родителей, бабушки и дедушки. Они подходят ко мне, их лица становятся четче. Бабушка протя-

гивает мне руку.

Маркус

Я не спал с момента приезда. Голова тяжелая, мысли запутаны, глаза болят. На душе чертовски пусто, и все, о чем я мечтаю, – это обнять Мередит, прижать ее к себе и никогда больше не отпускать.

Кайл приехал в квартиру Мер через час после меня. Лекси сходила с ума после моего звонка и поставила на уши всю прессу и полицию Нью-Йорка. Уж не знаю, как ей это удалось, но это сработало. Мы не могли найти записку, которую похититель отправил с цветами. Возможно, Мер забрала ее с собой, а Лекси не могла вспомнить точное название. Благодаря ажиотажу, устроенному ею, нам сами позвонили из того ресторана.

– Добрый вечер, я администратор ресторана «Марчеллисс», – звонившая девушка представляется. Поставив звонок на громкую связь, подзываю Кайла и Лекси. Оба выглядят взвинчено. Про свое бледное лицо я промолчу. – Вчера вечером я встречала мисс Ван дер Меер. Ее компаньон снял весь ресторан. Только сегодня утром мне передали сумочку с ее вещами. Вы можете подъехать к ресторану?

Похититель не хотел лишних глаз. Если в ресторане есть камеры, то у нас есть шансы. Эта мысль заставляет меня подскочить и, спотыкаясь о свои же ноги, бежать к выходу. Кайл

и Лекси едва поспевают за мной.

– Я уже еду, – бросаю трубку и смотрю на свою команду. – Лекс, ты остаешься здесь и будешь отвечать на все звонки. Если полиция найдет ее раньше нас, то позвони мне.

Глаза Лекси стеклянные. Мы все понимаем, что Мер могут найти мертвой. Я хочу кричать и рыдать, но кого сейчас спасет мое разбитое сердце и ужас возможной потери любимой? Каждый из них сейчас переживает, но никто, черт возьми, не знает, что я чувствую. В мою глотку будто залили расплавленное железо, а сердце напичкали стеклянными осколками. Я так люблю ее, Господи. Пожалуйста, пусть она будет цела. Пусть ее сердце будет биться, а грудь вздыматься от дыхания.

– Лекси, ты меня услышала? – рявкаю я. Больше я не могу держать себя под контролем.

Девушка кивает, и мы с Кайлом уходим. Я видел, что сын неодобрительно глянул на меня, но ему хватило ума промолчать. Останавливаю такси, и мы едем в ресторан. Вдруг мой телефон звонит, и мое сердце замирает. Надежда, что ее нашли, обрывается, когда на экране появляется имя моего клиента, Эндрю, чей курорт я переделал в Джексоне. Не хочу отвечать, но все же почему-то нажимаю кнопку «принять вызов».

– Эндрю, сейчас не подходящее время, – хриплю я, потирая глаза.

– Прости, я только хотел сказать, что последний домик без

ремонта наконец освобожден, – говорит он.

Я хмурюсь.

– Какой клиент? – честно, мне вроде плевать, но что-то заставляет меня спросить это.

– Который хотел наладить отношения с сыном и внуком, – поясняет Эндriu. – Он уехал ровно в середине августа. Долго же он налаживал отношения.

Отключаюсь. Это странно. Человек жил в отеле слишком долго, а уехал ровно в то же время, что и Мер. Возможно, дело в недосыпе или паранойе. Но что, если тот человек и есть тот самый преследователь? Что, если он был всегда рядом и нападал на нее все это время, оставляя послания? Но зачем уточнять, что он приехал, чтобы наладить отношения с внуком и сыном? Для отвлечения подозрений? Тоже странно.

Глупо, но я почему-то вспоминаю отца. Кайл как раз приехал в то же время, что он и заселился... Боже, прах моего отца давно валяется на свалке. Моя мнительность доводит меня до безумия.

Когда мы подъезжаем к ресторану, моя паранойя лишь усиливается. Я не помнил названия, но отчетливо узнал вывеску. Когда мы с отцом ездили вместе по делам в Нью-Йорк, мы заходили сюда. Он заказывал стейк и салат. Совпадение ли это? Преследователь знал многое о моей семье и грязных скелетах в шкафу, а теперь всплывают такие подозрительные детали.

Когда мы заходим в ресторан, я расталкиваю всех и подхо-

жу к администратору. Девушка вдруг меняется в лице: приветливость превращается в испуг. Потом она осматривает меня и расслабляется.

– Вы же по поводу мисс Ван дер Меер? – девушка протягивает мне сумочку и разбитый телефон. Ее взгляд все еще странный. – Мне очень жаль, что я не сообщила раньше, потому что они вели себя странно. Девушка отключилась, как мне показалось, но мужчина убедил меня, что все хорошо. Жаль, что я не настояла. Больше помочь не смогу, камеры были выключены, но...

– Что? Почему вы так на меня смотрите? – спрашиваю я.

Сглотнув, девушка объясняет:

– Было бы у меня зрение похуже, то я бы подумала, что тот человек вернулся. Вы очень на него похожи. Те же глаза, черты лица, цвет волос, рост и телосложение. Только мужчина был старше, думаю, ему где-то под шестьдесят.

– На чье имя был заказан ресторан? – спрашивает Кайл.

Информация может понадобиться полиции. Администратор заглядывает в свою записную книжку и произносит:

– Маркус Уорд.

Игра слов окончательно добивает меня. Мое имя, а фамилия принадлежала Генри. Навязчивые мысли окончательно заполняют мою голову. Человек, похитивший Мередит, имел личные мотивы, он хорошо знал обе семьи, а религиозные нотки в его речи...

Блять! Нет, нет, нет, пожалуйста.

Не знал, что она мне когда-то понадобится, но достаю из бумажника фотографию отца. Кайл хмурится, когда видит человека, с которым не был знаком, но прекрасно понимал, каким он был монстром. Я уверяю себя, что я просто успокаиваю свое шестое чувство и паранойю. Этого просто не может быть.

Девушке не требуется много времени для ответа:

– Да, это точно он.

Весь мой мир рушится в этот момент. Я не видел тела, не знал подробностей аварии, но у отца были деньги. Он мог сделать все. Теперь все точно: мой отец жив, он подстроил свою смерть, и все эти годы скрывался где-то. Он приезжал в Джексон, следил за нами и хотел убить Мер, но за что?

Я выбегаю на улицу. Мне не хватает воздуха, голова кружится. Я знаю своего отца и то, что он может сделать с моей любимой. От шока меня выворачивает прямо на обочину. Кайл выходит за мной.

– Скажи, что это неправда, – умоляет сын. – Скажи, что этот монстр не выжил и не украл Мередит. Пожалуйста.

Хотел бы, но я не могу. Зато я знаю, где мой отец может быть. Сжимаю кулаки до боли, бью себя по щекам, чтобы привести себя в чувства. Вытираю свой рот и давлюсь словами:

– Звони в полицию, скажи, что Квентин Монтгомери жив. Когда дождешься их, поезжай в наш дом, ты помнишь адрес?

Кайл кивает. Его лицо приобретает мертвенно-серый от-

тенок. Кажется, что это какой-то кошмар, а не реальность. Так настоящая жизнь не может издеваться над людьми. Останавливаю такси, залезаю в автомобиль и напоследок бросаю:

– Я поеду в Хэмптонс первым.

Кайл вдруг залезает рукой в карман и протягивает мне складной нож-бабочку. Не спрашиваю, откуда он у него, и уезжаю в семейное поместье Монтгомери, где не был уже много лет. Шок из-за того, что отец жив, не такой сильный, как страх перед потерей Мер. Мой отец умел причинить боль, его наказания навсегда остались на моем теле. Если его целью стала Мередит, то...

Нет, я успею.

Водитель гнал, как мог, и довез меня до семейного дома. Особняк пустуют уже много лет, и если Квентин здесь, то я не увижу его. Чтобы не спугнуть отца, я попросил высадить меня подальше. Прохожу за забор, вижу обветшалую теплицу и скрытый под ветвями автомобиль.

Я был прав, он здесь.

Я не собираюсь исследовать все четыре этажа, потому что знаю, какую комнату отец выберет для истязания. Для «очищения от грехов», как он говорил. Говорит, точнее. По памяти спускаюсь в подвал и едва не падаю от ужаса. Мой отец, живой и здоровый, обрызган кровью. Его руки протирают

ножи. На полу несколько лужиц крови, и она явно не его. Рядом с ним стоит стул, обвязанный толстыми шнурами, пропитанными красной жидкостью. Мер нигде нет.

Я взрослый мужчина, но страх перед отцом остался при мне. Татуировки на теле напоминают о нем каждый божий день. Молитвы, розы, пистолет и нож. Сломленный ребенок внутри меня все еще хочет убежать со всех ног, но я затыкаю его желания и запихиваю этого трусливого мальчика в самый дальний угол своей души. Здесь я ради своей любви.

Выхожу из своего укрытия, и отец сразу замечает меня. Его лицо сверкает от счастья. Квентин имеет наглость подойти ко мне и раскрывает свои руки для объятий. Он встречает меня с такой гордостью и радостью, что я замираю на месте. Мои руки дрожат, а глаза не могут оторваться от его лица. Я и забыл, что мы так сильно похожи. Только внешне, я не он.

Эта мысль отрезвляет мой разум, ставит мозги на место, и я быстро вытаскиваю из кармана нож, данный Кайлом. Отец подходит достаточно близко, я приставляю лезвие к его горлу и шепчу:

– Где она?

Квентин хмуро смотрит на нож у своей шеи и, прищурившись, отвечает:

– Она там, где и должна быть. Я отомстил за тебя, за нашу семью и спас твою душу от этой оболъстительницы.

Надавливаю ножом на его шею и вижу капельки крови, выступившей на коже. Страх превращается в ярость, я при-

жимаю его к стене и кричу:

– Что ты несешь, сволочь?! Во всем виноват лишь ты! Ты поганый убийца, тиран и монстр! Где женщина, которую я люблю? Отвечай мне, чудовище!

Отец меняется, и в его холодных глазах я вижу то же самое, что видел всю неделю в подвале. Им овладевает религиозный борец за справедливость или еще какая-то хрень, которая убеждает, что все его действия верны. Когда он в таком состоянии, он становится всемогущим. Вера в свою правоту заставляет забыть его обо всех препятствиях, и нож у его горла становится не больше, чем простой зубочисткой. Квентин откидывает меня с невероятной легкостью и бьет меня по голове. Мы меняемся местами, и теперь он ударяет меня по корпусу. Я цепенею, вспомнив свое детство. Пытаюсь заблокировать удары или ответить, но ни черта не получается.

– Я выбью из тебя эту похоть, щенок, – шипит он, когда я припадаю к стене. – Ты совращен дьяволицей!

Я выше его, крепче и больше. Я сильный и смелый, а главное – я люблю. На столике рядом с отцом лежит пистолет, и я делаю выпад и хватаю его. Руки предательски трясутся, как у школьника. Отец замирает, но шок задерживается на лице недолго. Он заливается искренним хохотом и сквозь смеха выплевывает:

– Думаешь, что сможешь пристрелить меня? Да у тебя кишка тонка, мальчик.

Крепче сжимаю пальцы вокруг пистолета и снимаю его с

предохранителя.

– Где Мередит? – четко произнося каждое слово, спрашиваю я. – Ответь мне, или, клянусь, твои мозги будут валяться на полу!

Отец переводит взгляд с дула пистолета на меня. Ни тени страха. Сумасшедший ублюдок. Мужчина складывает руки на груди и пожимает плечами, как дурачок.

– Думаю, уже варится в аду. Или пока захлебывается водой, – довольно улыбается он. – Но тебе я не позволю пойти за ней. Я спасу тебя. Болью и кровью, но спасу, сынок. Я люблю тебя. Потом я познакомлюсь наконец со своим внуком, и мы вновь станем семьей, как раньше. До того, как эта грязная семья вмешалась в нашу жизнь.

Качаю головой, вытряхивая из головы весь сказанный им бред. По спине струится холодный пот, когда мои глаза натыкаются на лужицу крови. Мер... хватит с ним любезничать.

– Мер – моя семья, – просто говорю я.

Отец звереет от моих слов и кидается вперед. Руки действует раньше, чем я успеваю сообразить, что произошло. Громкий хлопок, и отец валится на пол. По его рубашке разливается пятно крови. Глаза отца становятся стеклянными, рот кривится в немом гневе и удивлении, а конечности обмякают. Наклоняюсь и прикладываю пальцы к его грязной шее.

Пульса нет. Отец мертв.

Я не чувствую облегчения от его окончательной смерти,

меня выворачивает. В голове звучит лишь роковой выстрел. Ноги и руки тяжело двигаются, когда я выбегаю на улицу. До океана отец бы не стал ее тащить. За домом есть озеро, к которому он часто раньше ходил. Оно скрыто, и тело бы не нашли сразу. Отец был продуманным.

Не слышу ничего вокруг кроме своего тяжелого дыхания и стучащего сердца. Губы двигаются в молитве. Пожалуйста, будь жива. Искалеченная, израненная, но живая. Просто дыши, Мередит.

Пробираюсь сквозь деревья, спотыкаясь и поскользываясь на мокрой земле. Спустившись со склона, я оказываюсь по колени в воде. Ночь берет верх, и я едва различаю очертания окружающего мира. Фокусирую взгляд и вижу ее. Мередит мешком плавает на середине озера вниз головой. Пробираюсь по вязкому дну к ней. Она не шевелится.

– Мер... – хочу кричать, но получается лишь гаркающий звук, который услышали бы только комары.

Обхватываю ее талию, разворачиваю лицом к себе и поднимаю на руки. Мое сердце не просто разбивается, оно умирает в ту же секунду, когда я вижу, что он сделал с Мередит. Не хочу признавать, что это она, что это израненное тело – моя любимая. Лицо все синее от гематом, опухшие глаза закрыты, на скуле большой порез. Целую ее в лоб и шепчу:

– Все хорошо, Мер-мер. Ты поправишься.

Выношу ее на берег и аккуратно укладываю ее. Она обнажена. Больше не могу сдержать его слезы, они горячими ру-

чьями текут на искалеченное лицо Мер. Я не могу удержать страшные мысли о том, что она чувствовала, когда эта тварь издевалась над ней. Она вся изрезана: руки и ноги иссечены глубокими полосами, а на животе глубокая рана.

– Все поправимо, – продолжаю твердить сам себе.

Щупаю пульс – ничего. Прислушиваюсь к дыханию, но слышу только свое. Мер посинела, на фоне ее серо-голубой кожи светлые волосы кажутся чистым золотом. Она красивее, когда живая, и я не позволю смерти забрать ее. Начинаю делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

– Не смей умирать, слышишь? – рычу я. – Никаких прощаний я не принимаю! Открой свой рот, съязви мне и скажи, что любишь. Можешь сказать, что ненавидишь, потому что сейчас я тебя тоже ненавижу. Блять, ты обещала нанять охрану! Ты упрямая, как сто чертей, ты доводишь меня до ручки, сводишь с ума. Ненавижу...

Мои руки надавливают на ее грудную клетку, пытаюсь заставить ее огромное доброе сердце биться снова. Зажав ей нос, вдыхаю в ее холодные разбитые губы воздух и продолжаю говорить:

– Но я больше ненавижу себя. Я не должен был отпускать тебя, солнце. Я допустил все это, втянул тебя в этот кошмар. Боже, я застрелюсь, если ты умрешь. Не смей, слышишь? Я дышать не могу без тебя, ты мне нужна, Мередит. Я люблю тебя, слышишь? Ты мой мир, ты – мое все. Мы многое не успели сделать. Ты и я – вместе. У меня огромные планы. Я

не согласен, черт возьми, ни на что кроме «долго и счастливо» и тупое «умереть в один день». Мередит, умоляю тебя...

Голос срывается на вой. Я кричу, как раненный зверь. Я готов поменяться местами с ней, только пусть она очнется. Боже, я никогда ни о чем тебя не просил, но сейчас я умоляю тебя! Спаси ее! Она чистая, невинная, добрая. Я знаю, что ты хочешь ее себе, но, пожалуйста, не забирай ее сейчас.

Где-то рядом слышится звук сирен. Кайл приехал.

– Помощь здесь, моя любовь, – поднимаю ее на руки и бегу на звук.

Кайл видит меня и бежит навстречу. Он видит Мер, и по его щекам тоже идут слезы. Он смотрит на нее так, будто она уже умерла. Хочу ударить его, чтобы он перестал это делать.

– Она будет жива, – рявкаю я.

Проталкиваюсь к машине скорой помощи. Врачи подготовили каталку, и я останавливаюсь перед ней, не в силах отпустить Мер из рук. Кайл подходит ко мне сзади, кладет руку на плечо и говорит:

– Папа, позволь им помочь.

Я не могу. Такое чувство, если я ее отпущу, то потеряю. Не могу ее потерять. Женщина-фельдшер обнимает Мер за шею, и я рычу на незнакомку, потому что к ней нельзя прикасаться. Я держу ее здесь, в нашем мире. Отпустить не могу.

Не могу, не могу, не могу.

– Сэр, мы отпустите ее, – просит она. – Мы сделаем все, что в наших силах. Мы попытаемся ее спасти.

Я киваю и кладу бездыханное тело Мередит на каталку. Силы покидают мое тело, и я падаю на колени, сжав голову руками. Мер тут же заталкивают в машину, подключают датчики к груди. Протяжный тонкий звон, свидетельствующий о небьющимся сердце, бьет по ушам и по остаткам сожженного сердца. Врачи прикладывают дефибриллятор к груди Мер – ее тело дергается, но аппарат не меняет звук. Еще раз, и еще, и еще...

Зарываюсь лицом в руки, рыдая. Не могу ее потерять, не могу. Весь мир умер, есть только врачи и Мер, вставшая перед выбором уходить ли ей в рай или остаться со мной. И я, который умрет, если она выберет покинуть нас и перестать бороться.

– Давай же!

Не знаю, какая попытка это была, но отчетливо помню слова, которые услышал:

– Есть ритм!

Глава 31

Маркус

Две недели спустя...

Трубка, торчащая из горла Мер, пугает меня. Я вижу, как ее грудь вздымается от дыхания, но сама она не дышит. Мередит прооперировали ровно две недели назад, ей удалили селезенку, зашили все порезы каким-то инновационным способом, чтобы шрамы не беспокоили ее, если она проснется. Черт, *когда!* *Когда* она проснется. Врачи ничего не обещают и ведут себя так, словно мы все должны готовиться к худшему. У нее серьезное сотрясение, и удивительно, что не потребовалась операция на мозге. Но факт остается фактом: кровь долго не поступала к нему. Мер может не быть прежней после пробуждения, она может забыть все, но я согласен и на это.

Один докторишка посмел сказать, что шанс пробуждения крайне мал, – через минуту его везли со сломанным носом к травматологу. Заслужил.

Мер вся перебинтована, аппараты, подключенные к ней, постоянно пиликают. Я уже выучил, какой должен быть звук, если все протекает хорошо. Единственное изменение в рит-

мах, и я тут же звал всех врачей. Отек с ее лица спал, но она выглядела болезненно. От перинатального питания Мер сильно похудела. У нее впали щеки, и лицо осунулось. Когда ей будет можно, я откормлю ее до размеров Юпитера, буду давать ей с ложечки мороженое и запихивать в рот гамбургеры, жареный картофель и ее любимую пищу.

Нехотя ухожу из палаты Мер и бреду за кофе и чем-то съестным. Я ненавижу покидать ее, потому что боюсь упустить момент ее пробуждения. Или смерти, хотя я и говорю всем, что такого не может быть, в моей голове мелькает и такой вариант событий. Встряхиваю головой, пытаюсь проснуться и отогнать от себя дурные мысли. Я сплю не больше четырех часов в день, и недосып дает о себе знак. Кайл и Лекси приходят каждый день, но ночуют в квартире. Лу тоже в Нью-Йорке, чему я очень рад. Она мне не может помочь, но все же я рад ее присутствию. Подруга приносит мне чистую одежду, средства для мытья и книги, которые хоть как-то отвлекают меня. Мы вдвоем смогли убедить Лекси отправиться на учебу, потому что ей надо ходить на лекции. Мер не простила бы себе, если бы ее подругу отчислили за прогулы из-за нее. Миссис Стюарт – единственный человек из прошлого Мередит – тоже приходит навещать мою девочку.

Я переехал в эту гребанную больницу, моюсь и ем здесь. К слову, больничная еда – полное дерьмо. Я изучил все меню: от арбузного желе до мяса неизвестного животного. Прикла-

дываю голову к автомату, пока он наливает мне очередную порцию жижи, которую здесь называют кофе. Забираю свой стаканчик и возвращаюсь в палату. Выпив это дерьмо, беру в руки теплую ладонь Мер и начинаю свою ежедневную традицию:

– Привет, любимая. Я все еще здесь. После твоего выздоровления мы уедем к океану. В Австралию, как ты и хотела. Ты будешь учиться серфингу, а я буду пить рядом, потом посетим коренные народы. Это еще один пункт в нашем плане, поняла? Так что просыпайся поскорее, и мы начнем его исполнять.

Мер не пошевелилась. Я где-то прочитал, что с человеком, находящимся в коме, надо разговаривать. Сначала я болтал о всякой хрени, потом решил, что Мер должна знать, что я хочу быть с ней рядом, что мы – это навсегда. Если она захочет уйти от меня, то пусть проснется и скажет об этом. Целую ее ладонь и продолжаю плести всякую ерунду, когда в палату заходит Кайл. Не смотрю на его лицо, потому что знаю, какое выражение там увижу. Сочувствие и страх, но самое ужасное – смирение. Он будто сдался и согласился с врачами, что Мер может не проснуться. Если он что-то скажет, то я надеру ему задницу. Кайл подходит ко мне, кладя руку на плечо и привлекая к себе внимание. Он выглядит... свежо. Побрит, от парня пахнет одеколоном. Я уже, наверное, похож на пещерного человека.

– Привет, па, – здоровается Кайл. Он подходит к постели

Мер, проводит по волосам девушки и добавляет: – И тебе привет, Мер-Мер.

Сын вновь смотрит на меня и тихо шепчет:

– Папа, давай выйдем. Нам надо поговорить.

Нехотя отпускаю руку Мередит, укладывая ее под одеяло, и иду за сыном. Парень как-то занервничал: плохой знак. Разминаю ноющие мышцы спины и шеи и кричу:

– Выкладывай Кайл, мне надо вернуться к Мер.

Поглядывая на прозрачные двери палаты реанимации, жду, когда Кайл объяснит все. Боюсь отвернуться, вдруг Мередит проснется? Я хочу быть первым, кого она увидит.

Кайл кладет руки на мои плечи, привлекая к себе внимание. Его глаза на мокром месте. Ну уж нет, к такому разговору я не готов. Пытаюсь сбросить его руки, но Кайл крепче меня сжимает.

– Ты очень бледный, пап, – говорит он. – Давай прогуляемся, тебе нужен свежий воздух и нормальная еда.

Качаю головой.

– Мы уже это проходили, – хриплю я. – Я никуда не уйду, поэтому не ходи вокруг да около. Что ты хотел?

Кайл тяжело вздыхает, прикрыв глаза, и после долгой паузы раскрывает карты:

– Приходила миссис Стюарт... в общем, ты знал, что Мередит оставила определенные инструкции на такой случай?

Я хмурюсь, не ответив. Мы никогда не обсуждали такие вещи, поэтому я не в курсе. Кайл жмурится и продолжает:

– В восемнадцать лет она подписала бумагу, в которой говорится, что мы можем держать ее на аппаратах жизнеобеспечения ровно три недели, а потом... Мередит должна быть отключена. У нас осталось шесть дней. На седьмой ровно в восемь вечера врачи будут обязаны выключить все аппараты.

Я падаю на колени. Весь ужас догоняет меня. Я опускаю голову, а слезы, обжигая глаза, текут по лицу. Кайл садится рядом и обнимает меня. У меня нас больше времени: сначала его отобрал мой отец, а теперь Мер.

– Что же она наделала? – навзрыд тараторю я.

Остался ровно пятнадцать минут.

Четверть часа до того, как Мер умрет.

Я лежу с ней на кровати и глажу ее по волосам, целую ее лицо. Хочу обнять, накричать, чтобы она открыла свои прекрасные глаза, но с губ срываются только признания в любви и постыдные всхлипы. К двери потихоньку сходятся все: врачи, Кайл, Лу, Лекси и миссис Стюарт. Друзья тоже хотят попрощаться с Мередит, но я не хочу их пускать. В итоге мне приходится подняться, когда заходят люди. Лекси и Кайл плачут и подходят к кровати. Лекси опускается перед Мер и шепчет:

– Спасибо, что стала мне подругой. Я люблю тебя, красотка, и буду очень скучать.

Кайл молча целует Мер в лоб и убирает с ее лица волосы. Качаю головой: так не должно быть. Лечащий врач подходит к аппаратам и открывает рот, готовясь объяснить, что они будут делать, но я рычу:

– Убирайтесь отсюда!

Лу подходит ко мне и мягко, но крепко удерживает меня за талию.

– Маркус, успокойся, – просит подруга. – Мередит все решила.э

– Мне насрать, – шиплю я, кидая на врачей злобный взгляд. – Свалите нахрен отсюда! Все вы!

Медсестра встревожено глядит на Мер, в то время, как врачи пытались меня остановить. Один из ординаторов тянется к пейджеру, но останавливается, увидев мою ярость.

– Мистер Монтгомери... – спокойно просит врач.

Делаю рывок вперед, рыча. Лу крепче меня сжимает, но я тащу ее за собой, как тряпичную куклу. Тычу пальцем в грудь доктора и угрожающим тоном предупреждаю:

– Ты не посмеешь! Я засужу тебя и твою больницу, вас прикроют, а тебя лишат лицензии. Я сделаю все...

– Пап...

– Маркус...

– Доктор Смит...

Кайл, Лу, Лекси и медсестра одновременно зовут нас. Их голоса звучат шокировано, и мы разворачиваемся. Мер открыла глаза.

Больше ничего не имело значения. Моя любимая жива и в сознании. Ее глаза испуганно метаются по комнате, осматривают присутствующих и останавливаются на мне. Я не шевелюсь, потому что опасаюсь, что ее взгляд будет отстраненным, что она не узнает меня. Но глаза теплеют, и я все понимаю.

Мередит помнит меня. Она любит меня.

Мередит

Не думала, что когда-то буду радоваться возвращению в нью-йоркский пентхаус. Я здорова, моей жизни больше ничего не угрожает, поэтому меня отпустили домой. Я бы предпочла уехать в Джексон, но пока с перелетами стоит повременить. Раны все еще ноют, но синяки почти полностью сошли. После вентилятора легких мне пришлось чуть ли не заново учиться говорить. Память, к сожалению, быстро вернулась. Я помнила все: каждый порез, удар и голоса родителей. Страшно осознавать, что я почти умерла. Мне было стыдно перед близкими, что я была готова к этому. Но что-то меня остановило от ухода.

Точнее будет сказать, кто-то.

– Давай ложись, – Маркус доводит меня до кровати и пытается уложить, но я сажусь. Маркус недовольно ворчит, но не напирает. – Я заказал еду. Пицца, бургеры и суши. Надо что-то еще? Хочешь салат или содовую?

Тяжело выдыхаю. Пусть я и выбралась из-под строгого контроля врачей, но не понимала, насколько утомительным может быть Маркус. Он стал настоящей насадкой и уже по пути от больницы до дома успел утомить меня. Но я его не винила: он нашел меня. Без сердцебиения. Если мне снились кошмары, то его и подавно они будут мучить.

– Маркус, – мягко зову его. Он наконец останавливается. Его глаза встречаются с моими, и я вижу заметную тревогу. – Поцелуй меня.

Мужчина подходит ко мне и, присев на корточки, исполняет мою просьбу. Его губы с невероятной нежностью накрывают мои. Маркус слегка расслабляется и кладет голову на мои колени.

– Прости, – шепчет он. – Я схожу с ума. Просто я не могу выкинуть из головы тебя в том озере...

Голос мужчины надрывается. Беру его подбородок, поднимаю и смотрю в его красивое лицо. Даже усталость ничуть не портит его красоту. Пробегаюсь пальцами по его челюсти и улыбаюсь.

– Ты стал колючим, – усмехаюсь я. – Такой необузданный и дикий.

– Скорее депрессивный и усталый, – парирует он.

Привлекаю Маркуса в еще один поцелуй, поднимая его на ноги. Мужчина все же укладывает меня на кровать, а сам устраивается между моих ног. Он ведет себя очень осторожно, не задевает меня и не прижимается к моему телу. Бе-

ру его руку и прижимаю к своему сердцу. Дыхание Маркуса замирает: мужчина прислушивается к моему сердцебиению. Понимая, что мышца сокращается, он успокаивается.

– Ты сделал все для меня, я жива, я дышу, – говорю я, соединив наши лбы. Треть носом о его и покрываю мелкими поцелуями каждый миллиметр его лица. – Мое сердце бьется. Оно живет ради тебя, а с остальным мы справимся. Потому что я люблю тебя, хочу прожить всю жизнь рядом с тобой, Маркус Монтгомери. Ты – мое все.

Я вижу, как в его глазах скапливаются мелкие слезинки. Все, через что мы прошли, стоило того. Каждая боль и каждая радость, все слезы и улыбки, взлеты и подъемы, препятствия и испытания. Мы оказались вместе. Несмотря на невозможность этого союза, мы любим друг друга.

Маркус проводит пальцами по моему лицу и хриплым, полным слез, голосом шепчет:

– Люблю тебя больше жизни, ты знаешь?

Я киваю. Не хочу плакать сейчас, пусть мое сердце и болит от сильного чувства. Мои руки передвигаются на его твердую классную задницу и сжимают ее. Маркус игриво усмеивается и спрашивает:

– Ты случайно не уточняла, когда мы можем заниматься сексом?

– Я уж думала, что ты и не спросишь, – с настоящим облегчением говорю я. Несмотря на боль в теле, я изголодалась по близости. То есть *действительно* изголодалась. – Я рас-

скажу, но для начала принеси мне еды. Я голодная, как волк.

– Все для тебя, любовь моя.

Эпилог

– Маркус, я должна произнести речь, – задыхаясь от возбуждения, шепчу я. – Либо давай без прелюдий, либо отойди от меня, мерзавец!

Мы, два взрослых человека, заперлись в женском туалете университета, как озабоченные школьники. Губы Маркуса блуждают по моему декольте, пока руки требовательно двигаются к киске. Тянусь к его ширинке, желая расстегнуть эти дурацкие штаны и насадить себя на твердый член своего мужчины.

– Ну уж нет, до конца выпускного максимум – вторая база, – хрипит он.

Я злобно рычу, уже собираясь исполнить свой непристойный план, но вдруг в дверь кабинки, где мы находимся, стучат. Быстро закрываю ладонью рот Маркуса, чтобы незванный гость не узнал, чем здесь занимаются. Конечно, наши отношения уже давно не тайна, но я бы не хотела, чтобы кто-то знал, что мы решили уединиться в университетском туалете.

– Эй, голубки, – стук повторяется, и я узнаю голос Лекси. – Прекратите. Мер должна произнести речь. Потрахайтесь в Джексоне.

Маркус хихикает, и мы выходим. Лекси качает головой, увидев мои взъерошенные волосы и помятую мантию выпускника. Маркус выходит следом. Смотря на моих близких,

мое сердце сжимается от любви.

– Дайте мне минутку, – сдавленно прошу я.

Маркус чмокает меня, а Лекси кивает. Я оглядываю себя: на брови остался шрам после истязаний Квентина, но в целом все раны затянулись бесследно. Не для разума, но с этим справляется психотерапия. Я не особо изменилась внешне. Возможно, изгибы тела стали более женственными, хотя я и не набрала в весе. Волосы подросли, скулы стали острее. Я действительно стала женщиной за эти четыре года, но главное различие между мной сейчас и той отстраненной девочкой – счастье. Неподдельный блеск в глазах и радостная улыбка. В моей жизни появились люди, которые любят меня. Они заботятся обо мне. Я годами не могла никому отдавать свою любовь, скрывала ее в своем сердце, а сейчас... она изливается из меня и заставляет чувствовать себя превосходно.

С таким настроем я произношу выпускную речь. Но на празднование я не остаюсь, потому что мы с Маркусом уезжаем в Джексон. Я не была там с начала учебы. Сперва я лечилась после... Квентина, потом активно занималась в университете, а на каникулах мы много путешествовали. Первый совместный отпуск провели на пляже Карибского моря. Уединенный домик, свой пляж, высокий забор, скрывающий нас от людей. Много романтики, пина-колады, секса и купания нагишом. Рождество и Новый год мы встретили в Австралии, где занимались серфингом. Каждое лето мы путе-

шествовали по Европе. В общем, до Джексона мы так и не добрались.

Конечно, Маркус не вернулся домой после моей травмы и смерти Квентина. Его не было ровно сутки, а на следующий день он вернулся с чемоданом, сумкой и заявил, что переезжает. Тогда у нас возникли проблемы с Лекси. Она все время... натыкалась на нас. Маркус отказывал сдерживаться, да и я тоже, поэтому мы не ужились втроем в этом огромном пентахусе. Я не хотела жить без любимого, просыпаться без него по утрам, поэтому он придумал решение. А точнее купил квартиру, где сможет жить Лекси. Она небольшая, и Маркус не подарил ей ее, но лишь потому, что Лу надрала ему задницу, когда он заикнулся об этом. Обожаю эту чертовку! Когда я не могу вправить мозги Маркусу, то Лу с удовольствием объясняет ему на доступном языке все. Такие случаи бывают только в случае переизбытка заботы. Маркус не до конца избавился от своей привычки быть наседкой. Но я счастлива с ним. Безмерно. Маркус Монтгомери – мой мир, все, что мне надо.

– О чем задумалась, красавица? – мой мужчина целует меня в шею, наклонившись через сидение.

– Эй, следи за дорогой! – пишу я.

Мы подъезжаем во двор. Дом кажется такой родной, что на сердце теплеет. В уголках скапливаются слезы, и едва машина останавливается, я выхватываю ключи у Маркуса из рук и бегу к своему дому.

– Спасибо, что помогаешь нести вещи, – бурчит он позади меня. – Зачем тебе столько вещей на пару недель? Женщины...

Пропускаю мимо ушей его ворчания и уже направляюсь в нашу спальню. Дом остался таким же, как в тот день, когда я приехала. Знала бы я, как изменится моя жизнь здесь! Провожу рукой по перилам, придаваясь воспоминаниям. Все события, которые мы пережили вместе. Я и Маркус.

Уже подхожу к спальне, как вдруг Маркус оттаскивает меня от нее и, перекинув через плечо, уносит вниз. Хмурюсь и спрашиваю:

– Какого черта ты творишь?

Маркус напрягается под моим телом и не отвечает. Он что-то скрывает от меня?

– Эй? – протягиваю руку и сжимаю его зад, привлекая к себе внимание. Ну ничего, я узнаю, что в спальне. – Если ты меня и кормить не собираешься, то я возвращаюсь на тусовку в честь выпускного!

Маркус хмыкает, будто я сказала какую-то шутку. Провоцировать его у меня получается редко, но манипулировать своим мужчиной совместная жизнь меня научила. Так что я не такая уж безнадежная влюбленная дуручка.

В дверь стучат. Мы ждем гостей?

– А вот и еда приехала.

Маркус заказал настоящий праздничный ужин: вино, дорогая еда. Мы даже ели за столом, как приличные люди. Он странно молчит, и мои подозрения только увеличиваются. Что-то здесь не так.

– Я в туалет, – громко объявляю я.

Маркус кивает, уставившись на свой бокал. Вместо того, чтобы идти в туалет, я бегу на второй этаж. Мне удастся добраться до спальни, я дергаю дверь и почти захожу внутрь, однако меня снова останавливают крепкие мужские руки.

– Ах ты, врушка! – бурчит Маркус. – Не могла потерпеть хотя бы еще полчаса?

– Не люблю, когда мне врут, – бросаю я, извиваясь в его руках.

Мужчина ослабляет хватку на моей талии и целует в макушку. Он открывает дверь и подталкивает меня внутрь. На полу расстелена дорожка из лепестков роз. Мои глаза тут же расширяются, и я замираю на месте. Маркус тоже останавливается, не тащит меня вперед и дает шанс, чтобы я пришла в себя. Дорожка из роз не единственное, что появилось в спальне. С потолка висят наши совместные фотографии. На некоторых я была одна и впервые их видела. Где-то я сплю, где-то учусь стоять на серф-доске, где-то дурачусь. Дорожка из лепестков ведет на балкон.

– Откуда?... – шепчу я.

– Лу очень хороший друг, – так же тихо отвечает Маркус.

На ватных ногах иду дальше и оказываюсь на балконе. Тогда у меня перехватывает дыхание: он весь уставлен огромными вазами с алыми розами. Их, наверное, не меньше тысячи. Даже балки обвязаны розами. Открыв рот, я поворачиваюсь к Маркусу, желая поцеловать его и поблагодарив за эту красоту, как вдруг он опускается на одно колено.

– Маркус... – шокировано выдыхаю я.

– Да, любимая, – мой мужчина достает из внутреннего кармана своего пиджака коробочку цвета «тиффани», и я едва устаиваю на ногах. – Я хотел сделать еще четыре года назад, но думал, что ты пошлешь меня куда подальше. Плохое начало, черт возьми.

Слезы застилают мои глаза, дыхание сбивается. Не может быть... Маркус делает глубокий вдох и говорит:

– Мер, моя любимая девочка, ты – самое дорогое, что есть в моей жизни. Я долго пытался держаться от тебя подальше, но сейчас понимаю, что лишь зря тратил наше время. Мы всегда были предназначены друг другу, и я это понял не сразу. Прости, я просто идиот. Я смотрел на тебя через призму прошлых обид и боли. Я пытался ненавидеть тебя, честно. Возможно, так было бы и проще, однако я эгоист, который не хочет отпускать тебя. Ты изменила меня, помогла открыться и стать лучшим человеком, отцом и мужчиной. Я никогда не буду тебя достоин, но я буду стараться делать тебя счастли-

вой, как ты – меня. Ты – свет моей жизни, ты – мой мир. Я хочу пройти с тобой через все: брак, беременность, дети, пеленки, внуки. Я люблю тебя, поэтому...

Маркус открывает коробочку, и я вижу в ней кольцо из белого золота с большим бриллиантом посередине и россыпью маленьких на ободке. О мой Бог, оно прекрасно! Мужчина берет мою руку, целует ее и продолжает:

– Мередит Ван дер Меер, окажешь ли ты мне честь и выйдешь за меня замуж?

Я долго пялюсь на кольцо, пытаюсь осознать, реальность ли это. Хочу что-то сказать, но язык меня не слушается, и я могу лишь кивать. Много раз. Маркус облегченно вздыхает, надевает кольцо мне на палец и поднимается на ноги.

– Да! – наконец выдавливаю я и кидаюсь ему на шею. – Люблю тебя больше жизни, больше всего на свете! Я буду счастлива стать твоей женой.

Маркус впивается в мои губы и поднимает в воздух. Поцелуй будто становится слаще после предложения.

Черт, я только что стала будущей миссис Монтгомери!

Отрываюсь от его губ и гляжу ему в глаза, плача. Маркус смахивает слезы с моего лица и спрашивает:

– Надеюсь, это слезы счастья, моя любовь?

– И безмерной любви, любимый, – лепечу и снова целую его.

Если бы мне пришлось снова пройти через весь ужас, чтобы быть вместе с Маркусом, то я бы согласилась без разду-

мий! Он стоит того, мы стоим того. Любовь не всегда дается легко, она иногда требует жертв, что бы не говорили люди. С нашей предысторией по-другому быть и не могло. Мы нашли в себе силы преодолеть все, и это было не зря. Мы раскрыли все тайны, избавились от страшных призраков прошлого и построили крепкие отношения, потому что...

Мы любим друг друга.

Конец

Благодарности от автора

Черт... я это сделала!

Хочу сказать всем спасибо за поддержку, особенно Шарлотте Харви, которая была со мной с самого начала.

Было трудно, потому что написание этой истории выпало на непростой период моей жизни. Это вторая книга на моей авторской полке, и я безумно счастлива! Маркус и Мередит стали для меня особенными. Я очень трепетно отношусь к ним и ко всем героям этой истории. Кайл, Лекси и Лу определенно сделали большой вклад в повествование.

Просто спасибо всем вам за прочтение! Люблю и обнимаю каждого!